

Родная **ЛАДОГА** № 3(17)' 2011

КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ
И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Главный редактор
Андрей РЕБРОВ

Зам. главного редактора
Валентина ЕФИМОВСКАЯ

Ответственный секретарь
Владимир МАРУХИН

Шеф-редактор
электронной версии журнала
Николай СТАНКЕВИЧ

Руководитель
редакционно-издательского отдела
Татьяна МАКАРОВА

Референт редакции
Юлия СОКОЛОВСКАЯ

Издается ежеквартально
при участии:

Союза писателей России;

Санкт-Петербургского отделения
Союза писателей России;

Собора православной
интеллигенции Санкт-Петербурга;

ЗАО «Утро»

ООО «Издательский дом
«Родная Ладога»

*Зарегистрировано УФС по надзору за соблюдением законодательства в сфере
массовых коммуникаций и охране культурного наследия по Северо-Западному
Федеральному округу ПИ № ФС-2-8531*

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Архиепископ Курганский и Шадринский Константин (Горянов); Агафонов Николай, протоиерей (Самара); *Громов А. В.* (Самара); *Денисов Н. В.* (Тюмень); *Казин А. Л.* (Санкт-Петербург); *Коняев Н. М.* (Санкт-Петербург); *Корольков А. А.* (Санкт-Петербург); *Корытин С. Н.* (Санкт-Петербург); *Орлов Б. А.* (Санкт-Петербург); *Попов Г. А.* (Орел); *Сдобняков В. В.* (Нижний Новгород); *Семёнов В. Е.* (Санкт-Петербург); *Смолькин И. А.* (Псков); *Швечиков А. Н.* (Санкт-Петербург); *Ясенов В. А.* (Москва).

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

БАКЛАНОВ Андрей Глебович (Москва) — начальник Управления международных связей аппарата Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации. Заместитель председателя Совета ассоциации российских дипломатов.

БУЛАТОВИЧ-МЕДИЧ Лиляна (Сербия) — лауреат премий «Имперская культура» и «Золотой Витязь», член СП России.

БУРЛЯЕВ Николай Петрович (Москва) — народный артист России, президент Международного Кинофорума «Золотой Витязь».

ГАНИЧЕВ Валерий Николаевич (Москва) — председатель СП России, доктор исторических наук, заместитель Главы ВРНС.

ДЕВЯТОВ Сергей Викторович (Москва) — советник директора ФСО России, доктор исторических наук, профессор.

ДОРОШЕНКО Николай Иванович (Москва) — гл. редактор газеты «Российский писатель», секретарь СП России.

ЗАХАРЧЕНКО Виктор Гаврилович (Краснодар) — народный артист России и Украины, руководитель Государственного академического Кубанского казачьего хора, профессор, член Совета по культуре и искусству при Президенте РФ.

ИВАНОВ Геннадий Викторович (Москва) — первый секретарь СП России.

ИЛЛЯШЕВИЧ Владимир Николаевич (Эстония) — председатель Эстонского отдела СП России, гл. редактор журнала «Балтика».

КИРВЕЛЬ Чеслав Станиславович (Беларусь) — доктор философских наук, профессор Гродненского Государственного Университета им. Янки Купалы.

КРАМАРЕВ Аркадий Григорьевич (Санкт-Петербург) — депутат Законодательного Собрания СПб, председатель постоянной комиссии по вопросам правопорядка и законности ЗАКСа Санкт-Петербурга, генерал-майор милиции.

КРУПИН Владимир Николаевич (Москва) — секретарь СП России.

КУБЛАНОВСКИЙ Юрий Михайлович (Москва) — лауреат премии Александра Солженицына, зав. отд. поэзии журнала «Новый мир».

ЛЕОНТЬЕВ Михаил Владимирович (Москва) — руководитель и ведущий программы «Однако», гл. редактор журнала «Однако».

ЛИХОНОСОВ Виктор Иванович (Краснодар) — секретарь СП России, лауреат Государственной премии, гл. редактор журнала «Родная Кубань».

МИХЕЕВ Валерий Леонидович (Санкт-Петербург) — начальник Государственной морской академии им. адмирала С. О. Макарова.

МОЛЧАНОВ Андрей Юрьевич (Санкт-Петербург) — доктор экономических наук, председатель Комитета по делам СНГ Совета Федерации РФ.

НАРОЧНИЦКАЯ Наталия Алексеевна (Москва) — доктор исторических наук, президент «Фонда исторической перспективы».

ПОЧАТЕК Изидор (Словакия) — журналист-международник, публицист.

ЧАВЧАВАДЗЕ Елена Николаевна (Москва) — княгиня, вице-президент Российского Фонда культуры, режиссер, сценарист.

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЭЗИЯ

Глеб Горбовский	5
Юрий Кублановский	12
Вера Бурдина	66
Ирэна Сергеева	130
Наталья Лясковская	272

Северная столица

Валентина Матвиенко. Петербург — открытый город	10
---	----

Родная речь

Людмила Вербицкая. Давайте говорить по-русски правильно!	16
Валентин Распутин. Русь сибирская, сторона байкальская. <i>Послесловие к словарю</i>	134

Критика, литературоведение

Игорь Волгин. Ничей современник. <i>К 190-летию со дня рождения Ф. М. Достоевского (1821—1881)</i>	25
--	----

Наша идеология

Галина Скотникова. Достоевский и византийско-аскетический идеал русской духовности. <i>К 190-летию со дня рождения Ф. М. Достоевского (1821—1881)</i>	32
---	----

ПРОЗА

София Бер-Тамоева. Нунеха. <i>Сказы</i>	43
Владимир Пронский. «Когда черемушка зацветет...» <i>Рассказы</i>	237
Владимир Илlyшевич. В ночь на Ивана Купала. <i>Рассказ</i>	275

СТРАТЕГИЯ

Владимир Путин. «Надо быть самостоятельными и сильными...» <i>Отчет о работе Правительства за 2010 год в Государственной Думе РФ</i>	71
--	----

БЕСЕДА

Интервью председателя Счетной палаты Российской Федерации, президента Российского книжного союза С. В. Степашина журналу «Родная Ладога»	84
--	----

Поэзия дипломатов

Моя Смоленка. <i>Стихотворения сотрудников и ветеранов МИД России</i>	88
---	----

Точка зрения

Ижо Початек. Выборы в Чехии и Словакии — год спустя	92
Валентин Семёнов. Достоевский глазами социального психолога. <i>К 190-летию со дня рождения Ф. М. Достоевского (1821—1881)</i>	212
Сергей Кургинян. Юлия Крижанская. Статистика против «модернизации сознания»	217

На рубеже цивилизаций

Александр Вавилов. Буря над Джамагирией	105
---	-----

История и современность

Вячеслав Зимонин. Токийский процесс. К 65-летию начала процесса	117
Протоиерей Александр Паничкин. Обстоятельства открытия Санкт-Петербургской епархии и причины, тормозившие ее открытие в прошлом	188
Валентин Свинников. Путешествие в прошлое и... будущее	249
Юрий Гнездиловых. Захват. Главы из романа	258

Искусство

Нина Артеменко. «Кийждо в звании, в немже призван бысть, в том да пребывает...» (1 Коринф. 7:20–24)	139
Виктор Захарченко. Слово об Алексее Мелехове и его песнях. К 200-летию Кубанского казачьего хора	146
Александр Скоков. Фотопортрет. Эпоха в лицах	300

Вехи

Наталья Пугина. В их песнях — мощь России. К 200-летию Кубанского казачьего хора	154
--	-----

Пути познания

Архиепископ Курганский и Шадринский Константин (Горянов). Бог — Мир — Человек. Основоположники и смыслы русской религиозной философии и антропологии	157
--	-----

Лествица

Дмитрий Литвиненко. Служение Богу и народу. К 20-летию архиерейской хиротонии Высокопреосвященного Константина, архиепископа Курганского и Шадринского	170
--	-----

Наследие

Протоиерей Борис Николаевский. Духовные беседы	182
--	-----

Вопросы образования

Митрополит Минский и Слуцкий Филарет (Вахромеев). Воспитание личности и современное общество	196
Валентина Говорова. О развале российского образования	229

Мировоззрение

Валерий Ганичев. Молитва о народе русском	203
---	-----

Памятослов

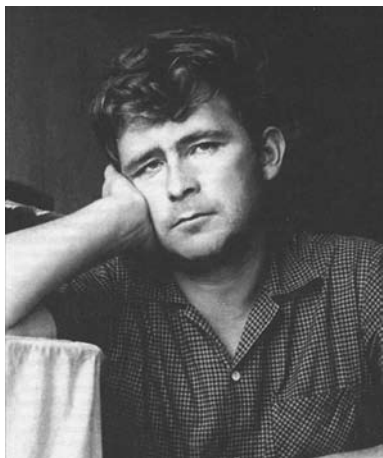
Николай Бурляев. Савва Ямщиков — реставратор всея Руси	245
--	-----

Великая провинция

Татьяна Тимошина. Константин Назаров. Свидетельства боев кровавых	266
---	-----

Петербургский писатель

Валентина Ефимовская. На краю света. Размышления о поэзии Бориса Орлова	286
---	-----

Глеб ГОРБОВСКИЙ

«ОТ ЗОЛОТА ВОЛОС ДО СЕДИНЫ...»

Глеб Яковлевич Горбовский — родился в 1931 году в Ленинграде. Обучался в ремесленном училище, полиграфическом техникуме. Меняя профессии, много ездил по стране. Автор сборников стихотворений и книг прозы. Член Союза писателей России. Лауреат Государственной премии РФ. **Живет в Санкт-Петербурге.**

Какое же это счастье отмечать 80-летие великого русского поэта в его присутствии, во здравии его и всероссийской славе. Редко такое случается на Руси. Жизнь Глеба Горбовского, несмотря на все ее тяготы, лишения, горести, кажется промыслительно, сберегается в наши времена, когда сокрушаются традиционно-нравственные устои, когда размываются этические и эстетические критерии, определяющие процесс творчества, когда в писателях иссякает сила, необходимая для крестного ношения непреходящих истин. Сегодня Глеб Горбовский является эталоном поэтической школы, примером писателя, который в ледяных пластах богоборческих времен пробил свой поэтический путь к неиссякаемому свету духовной традиции. В жестком современном мире он остается примером того, как горячей любовью, смелым словом в обманно-ценностной круговерти, в ослепляющем окружении зла можно осилить дорогу ДОМОЙ.

*Она была сырой, пологой,
неразличимой в снег зимой,
и, ко всему, была дорогой,
вернувшей странника домой.*

О каком доме говорит в своем стремлении поэт, у которого это понятие менее всего имеет материальный образ? Известна история скитальческой, страннической жизни Глеба Горбовского, не скрывавшего реальную фатальную свою бездомность и более болезненную душевную бесприютность своего существования во всех социальных системах, в которых происходила его жизнь. Не оказалось таких времен, где счастливо бы жилось душе поэта,

тонко чувствующей ложь, несправедливость, безобразность. Поискам этого счастья, не коррелирующего с эвдемоническими стремлениями, он посвятил свою жизнь. История этих поисков отражена во всей поэзии мастера. Она состоит из множества щемящих своей откровенностью, привлекающих сердечной мудростью, разнообразием психологических состояний стихотворений, и являет собой неделимую целостность, эпиграфом которой могут быть слова:

*...Прочь от себя, от средоточья тьмы —
на свет любви, как будто от чумы...*

В покаянном иноческом стремлении уйти от себя реального, многогрешного, больше всего на свете любящего свою Родину — Россию, как объективную реальность, не зависимую ни от какой злодейской власти, поэт, как евангельский блудный сын, идя на свет любви, возвращается к Отцу в своих покаянных, исполненных христианских смыслов стихах, особенно нового периода — периода переосмысления многих жизненных этапов:

Слежу зигзаги и ужимки венозно вздувшейся тропы.

Но это слежение возможно только с очами, поднятыми к небу.

*Читаю небо, точно книгу,
и Божью милость — между строк.*

Видение поэтом этой милости позволяет с надеждой сегодня говорить о будущих стихах нашего выдающегося современника, о новых прозрениях его просветленной светом любви души, так убежденной в правильности выбранного направления:

*Ступив на дорогу,
к терпенью прильнуть,
Всезрящему Оку
доверив свой путь.*

Поэтический путь Глеба Горбовского ценен не только показательным преодолением «зигзагов и ужимок» этого пути, не только его направлением на свет любви, но особенно тем, что за поэтом на этот свет духовно следуют равнодушные читатели. Слава Богу, что в России не перевелись художники, не только призывающие, но примером своей жизни, убедительностью художественного слова доказывающие возможность и необходимость Всезрящему Оку доверить свой путь.

Редакция журнала «Родная Ладога» поздравляет Глеба Яковлевича Горбовского с 80-летием. Мы желаем нашему любимому поэту здоровья, душевных сил и Божией помощи на всем протяжении его творческого и жизненного пути.

* * *

Р. Р.

Ругать Россию модно —
дозволено в верхах!
...На сцену выйдет морда
и роется в грехах.
Тот стихотворец светский
сегодня кроет Русь,
кричит, что он — советский!
Не русский! Ну и... пусть.
Не всякий может — сыном
остаться в пляске дней.
За что же он — Россию?
За то, что дышит в ней?
Для нас Россия — это
как в сердце — жизни гул.
Кто из больших поэтов
хоть раз ее лягнул?

Державин, Пушкин, Тютчев?
Есенин или Блок?
Лишь — борзописцы сучьи,
что лают под шумок.
Они земли не делят
на гнезда... Шар, и — ша!
Но даже в брэнном теле
есть мясо — и душа,
седалище и очи,
слеза и пот... Не счесть.
И хочешь иль не хочешь,
но и Россия — есть!
Пусть — в обновленье, в ломке,
но Русь — как свет в заре!
И что ей те болонки,
что лают при дворе?!

* * *

Смиренно, а не пламенно
рифмую с грустью — Русь.
Как за подолец маменькин,
я за нее держусь.
Гулял с душою выгнутой,
как хвост! — рычал, как зверь.

Но мать меня не выгнала
в январь — пинком — за дверь.
В глаза ее уставшие
смотрел, как пришлый князь,
на грусть ее
бесстрашную,
что вечною звалась.

* * *

Не расплескать... Ни воду, ни вино,
ни молоко, шипящее в кувшине,
ни мед, что вызревает в магазине, —
а то, что свыше каждому дано:

огонь любви, свет истины благой.
И так идти — с улыбкой скопидома,
давясь добром, и — не подать другому!
Храни нас, Бог, от мудрости такой.

* * *

Не убежденным, мудрым, ярим,
не знаменитым, не святым, —
однажды я проснулся... старым
и улыбнулся — молодым!

В овраге пели птицы мая,
рассада прела в парнике,

и за деревней — не прямая —
текла дорога вниз, к реке.

Она была сырой, пологой,
неразличимой в снег зимой,
и, ко всему, была дорогой,
вернувшей странника домой.

НОЧЬ ПОД РОЖДЕСТВО

Край неба и звезда
в углу, как на конверте.
Рождение Христа —
спасение от смерти.

Снег. Прошное. Мороз.
Мир распрямляет спину.
Нельзя смотреть без слез
на русскую равнину.

В сугробе, как пенек,
избушка в платье белом.

Но вспыхнул огонек
в окне заиндевелом!

Живи, земля, живи.
Добра сияйте знаки.
Рождение Любви —
прозрение во мраке.

...Ему — с твоей тоской —
быть на кресте распяту.
Тебе — Его рукой —
возжечь в ночи лампаду.

* * *

*Человек мыслящий уже понял, что
на этом берегу у него ничего нет.*

П. Флоренский

Нет ничего на этом берегу.
Зато на том — ромашки на лугу,
душистый стог, сторожка лесника,
слепой полет ночного ветерка.
...Нет ничего на этом берегу.
Любовь, ты — мост. Я по тебе бегу.
Не оглянусь! Что я оставил там?
Тоску-печаль по вымерзшим садам?
Плач по друзьям, истаявшим в огне
земных борений? Но друзья — во мне,
как я — в сиянье этих вечных звезд,
что образуют в триединство мост.
Не оглянусь! Метель в затылок мой.
То дышит мир, что был моей тюрьмой.
Не я ли сам — песчинка в снах горы —
себя в себе захлопнул до поры?
...Прочь от себя, от средоточья тьмы —
на свет любви, как будто от чумы,
перед единой истиной в долгу...
Нет ничего на этом берегу.

* * *

Вдали от глаз людских, от бременного труда
на кладбище людей есть статуя Христа.
Деревья пышные и птичий всплеск рулада, —
не скорбная юдоль, а Гефсиманский сад!

В ногах у статуи цветов живых не счесть.
И, шустрые, шуршат песком старушки здесь.

Не у фабричных же Ему стоять ворот:
Он там, где никого... Где — все, но в свой черед.

Он там, где тучно громоздится тишина,
где правда от мечты стеной отделена,
где ветры кроткие в листве... И тень листвы
на бронзовых устах — как Жизнь, а не «увы».

НА ПУСТЫРЕ

Благословенна отчая земля,
любой пустырь, где яснолико
восходит одуванчик, земляника —
сквозь мусор века взгляд мой веселя!

Не созерцать, но трепетно любить
меня зовут бетонные торосы,
и эти анемичные березы,
и эти травы, стонущие: пи-ить!

Блуждая в лабиринте вещих книг,
нет, я не в них, а там, где слезы зреют,
ту истину, что истин всех добрее,
на пустыре излюбленном постиг.

Во зле животрепещущем тесны
границы счастья бытия людского,
как счастья одуванчика простого —
от золота волос до седины...

* * *

Присутствую при снегопаде —
последнем, может быть, в судьбе.
Не отвлекайте, Бога ради,
забыть позвольте о себе.

Ловлю холодную снежинку
горячим выступом губы.

Слежу зигзаги и ужимки
венозно вздувшейся тропы.

Очаровательное иго —
снеговращения краткий срок...
Читаю небо, точно книгу,
и Божью милость — между строк.

ЕЩЕ

Глаза в синеве поднебесной купаю,
остатки любви из груди выскребаю.
Еще мне милы — и река, и дорога,
береза и тень от нее до порога.

Еще меня птицы волнуют и травы,
и люди, особенно — отчей державы.
Еще меня мысли тревожат средь ночи,
но мягче душа моя с миром и проще.

Еще меня трогают взоры иные,
но я в них читаю права неземные.
Еще меня манят в просторы тропинки,
но что они знают — пески и суглинки?

И песни терзают мне ласкою грудь.
Но я уже вижу единственный Путь.

* * *

В сознание недужном,
в судьбе, как в толпе,
всего-то и нужно —
забыть о себе.

Ступив на дорогу,
к терпенью прильнуть,
Всезрящему Оку
доверив свой путь.

Северная СТОЛИЦА

**Валентина
МАТВИЕНКО**

**ПЕТЕРБУРГ —
ОТКРЫТЫЙ
ГОРОД**

Валентина Ивановна Матвиенко родилась на Украине. В 1972 году окончила Ленинградский химико-фармацевтический институт, затем — Академию общественных наук при ЦК КПСС, курсы усовершенствования руководящих дипломатических работников при Дипломатической академии МИД СССР. Прошла путь от заведующей отделом Петроградского райкома комсомола до первого секретаря Ленинградского обкома ВЛКСМ. С 1986 по 1989 год была заместителем председателя Исполкома Ленсовета. В 1989 году избрана народным депутатом СССР. С 1991 по 1998 год В. И. Матвиенко состояла на дипломатической службе. С 1998 по 2003 год работала заместителем председателя Правительства РФ. В 2003 году назначена полномочным представителем Президента РФ в Северо-Западном ФО. 5 октября 2003 года избрана Губернатором Санкт-Петербурга. В 2006 году по представлению Президента России В. В. Путина Законодательным Собранием Санкт-Петербурга наделена полномочиями Губернатора Санкт-Петербурга на срок до 2011 года.

Петербург образует уникальную географическую, социальную, культурную и иную целостность. Именно поэтому его уникальность нельзя сводить к шаблонам, начиная от «города трех революций» и заканчивая «великим городом с областной судьбой». По мысли известного русского философа Георгия Федотова, наш город отличается тем, что способен, как никакой другой город, потребовать от человека «умереть для счастья, чтобы родиться для творчества». Утрата этой власти Петербурга над его жителями представляется первым признаком умирания души

города, без которой он — только пестрое собрание зданий и сооружений, ценность которых равна их остаточной стоимости.

Этим во многом объясняется стремление городской власти сделать город более удобным для его жителей. Внешне такая констатация выглядит вполне очевидной, даже тривиальной. Вместе с тем реализовать эту очевидность в повседневной практике достаточно сложно, учитывая особенности городской среды, запущенность инфраструктуры, состояние общественного транспорта, тысячи и десятки тысяч мелочей, которые кажутся несущественными с первого взгляда. Что же касается богатства историко-культурной среды, привлекающей внимание людей со всего мира, то объективно этот фактор положительно влияет на качество жизни в Петербурге. Сопряженные с этим трудности и неудобства — из разряда «продолжения достоинств».

Вместе с тем многие, оценивая сегодняшний Петербург, очень часто не учитывают одну тонкость. Его великолепие создавалось в те годы, когда он был столицей Империи. Царственный блеск обеспечивался совсем иным ресурсным наполнением. Речь идет не только о финансовых, материальных, но, прежде всего, человеческих ресурсах, которые и создавали его уникальную целостность.

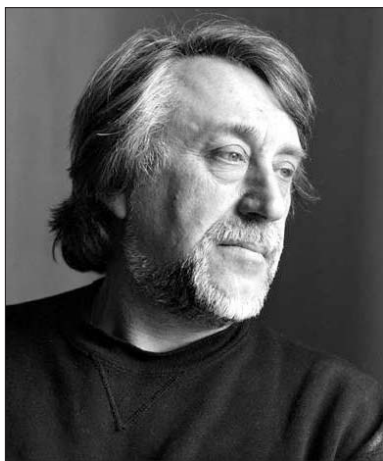
Здесь, кстати, видится ответ на вопрос об удивительной открытости города, которая проявлялась в небывалой веротерпимости петербуржцев. Не случайно здесь были воздвигнуты в свое время культовые сооружения всех мировых религий, включая мусульманскую мечеть и буддистский дацан. В наше время это свойство трансформировалось в культурный запрет на любые формы ксенофобии, национализма, расизма. Досадные инциденты говорят лишь о том, что проблема качества жизни в городе под воздействием испытаний последних десятилетий обостряется, а ее решение требует иных средств и методов.

Вопрос о качестве жизни в XXI веке слишком сложен. Сегодня происходят стремительные изменения, связанные с глобализацией. Можно по-разному относиться к ней, но игнорировать ее нельзя. Это — объективный процесс, радикально меняющий привычные условия жизни. К этому добавляется невиданный взлет научно-технических возможностей, которыми не обладали предшествующие поколения. Применительно к российским условиям все это накладывается на идущую модернизацию, успех или неудача которой определит и нашу судьбу, и судьбу наших детей.

Во многом эта модернизация имеет такой же догоняющий характер, как и две предыдущие в XVIII и XX столетиях. Ее отличие состоит в том, что сегодня страна находится в поисках новой идентичности, когда такой поиск кажется неочевидным и даже бессмысленным в условиях глобализации. Поэтому кое-кто и берется рассуждать о ненужности России или ее неадекватности новому мировому порядку. А многим подобное философствование представляется вообще неуместным на фоне острых экономических и социальных проблем.

Между тем эти позиции близки по своей сути. Ведь они принижают реальную угрозу для страны, отдают ее будущее на откуп маргинальному сознанию, для которого корыстный интерес является единственно оправданным основанием для выбора. Как говорил один из героев Достоевского, «миру погибнуть или мне чаю не пить?» Другими словами, негативные моменты качества жизни, присущие современной России, могут самым трагическим образом повлиять на ее судьбу, поскольку маргинальное сознание способно сделать выбор в пользу «чаепития».

ПОЭЗИЯ

Юрий
КУБЛАНОВСКИЙ

«ДОЛГОТА ДЫХАНИЯ»

Кублановский Юрий Михайлович — родился в 1947 году в Рыбинске. Окончил искусствоведческое отделение МГУ. С 1982 по 1989 год находился в эмиграции. Заведовал отделом поэзии журнала «Новый мир». Автор 12 стихотворных сборников. Лауреат премии Александра Солженицына. **Живет в Перedelкино и в Париже.**

* * *

I

Реки державинской стремление
с змеящимися в ней хвощами.

На берегах ее — в творение
мы верили и обещали.

Как будто запасались загодя
всем тем, что трудно приумножить,

планктон искристый в темных заводях
веслом стараясь не тревожить.

По молодости барским вызовом
казалось нам под облаками,

что было некогда записано
на аспидной доске мелками.

II

Теперь острее чутье звериное
после бутылки на веранде.

Нудье артельное пчелиное
слышнее в блекнувшей лаванде.

По-августовски оголенную,
доступную дождю и зною,

люблю подругу обретенную,
уже теряемую мною,

и разумею очевидное:
у долгой жизни есть заданье

вернуть себя в допервобытное
космическое состояние.

CRE'PUSCULE D'IMPRESSIONNISTE¹

Судьба уложились не в день
и не в два —
в столетие, много столетий.
Набита натруженная голова
осколками всех междометий.

¹ Сумерки импрессиониста (фр.)

Вмурованы только моллюски в куски
полудрагоценной породы,
но запросто стерты, как губкой с доски,
из памяти целые годы.

Подобно слепцу их нащупать хочу,
да ведь не по силам и не по плечу.

С какой быстротой прибывает вода —
имела оттенки металла
она в неуступчивые холода,
горчиною в паводок стала,

сшибаясь с заиленным рустом моста
и вязь черновую смывая с листа.

...По детству волжанин, по жизни изгой,
за альфу принявший омегу,
то землю спросонья цепляю ногой,
то вдруг изголовлюсь к разбегу.
И в сумерки с отсверком ранних огней
меня, будто старого зубра,
ты встретишь, с занятий спеша из дверей
учебного корпуса Лувра.

БЕРЕГ

Тускло фосфоресцируют
трещины скал и грани,
словно репродуцируют
древней поверхность ткани.
Шепчущий и токующий,
ропщущий перед нами,
их шлифовал тоскующий
старый прибой веками...

Я не сторонник тактики
жаться к земле теснее.
Думаю, из галактики
станет еще яснее
связь твоего мудреного
женственного начала —
и серебра, толченого
до огоньков причала.

* * *

По-мышинному
беспробудная
шуршала за полночь непогода.
А теперь поземка ложится скудная
на ржавую персть и пятна йода.
Где одинокие, где во множестве
яблоки в терниях голых веток
твердо свидетельствуют о мужестве
долгой осени напоследок.

Мы раньше времени слезы вытерли,
как вдруг камлавшая у огарка
занемогла в одночасье в Питере
его сирена, вернее, парка.
С ней переключку свою затеивал
при чайках около океана
я год назад,
и тогда ж просеивал
крупку миров в пелене тумана.

Спасаться ею она приучена,
как лучшим снадобьем из аптечки.
Ее нездешняя речь озвучена
течением Невки и Черной Речки.

Сомнамбулически в ту же сторону
иду то быстро, то оступаясь,
и золотому кресту, и ворону
на нем
с надеждою поклоняясь.

* * *

В полузабытой империи
что нашей юностью двигало?
Улица и кинозал.
Набриалиненный жигало
у онемевшей Кабирии
сумочку там отнимал.

Долгой зимою цинготною
в ленте с печальным концом
как не оплакать залетную
птицу с беленым лицом?

Как она с миной болезною
вдруг поняла, наконец,
что на плато перед бездною
с нею не друг, а подлец.

В эту минуту готовое
броситься на острие
в тощей груди бестолковое
сердце мужало мое.

И неизвестные дивные
там громоздились вдали
снежные кряжи обрывные —
кардиограммы земли.

* * *

Прости сию похвальбу: отважный
гляжу без оптики я всерьез
на распахнувшийся космос, влажный
от раскаленных несметных звезд.
Ведь есть одна среди них, с которой
не надо света — признал поэт.
Свою Сальери назвал Изорой.
А имя *нашей* — не знаем, нет.

Конечно, тут разговор отдельный,
есть тайнозрители-доки, но
один волчара, другой похмельный,
а встретить третьего не дано.
Но чем отчетливее старею
иль задыхаюсь на пять минут,
тем несомненнее и скорее
узнаю, как же ее зовут.

ЗИМНЯЯ СКАЗКА

*Чтобы мне вдаваться в работу, не покидая жизни — нужно,
чтобы у меня были некоторые совершенно необходимые
вещи, как то шуба, белье, часы и проч.*

Григорьев — Погодину (1855)

Снега досыта насыпáлось
за день, — ближе к его концу
ты под соснами пробиралась
без тропы к моему крыльцу.
Начинала тонуть лампада,
освещающая вертеп.
Лихорадочно от распада
мы искали последних скреп.

...Приблизительно где-то рядом
с 96-м зима
лютовала и, каждый атом
обрабатывая сама,
словно жемчугом из пенальца,
любовалась им заодно.
Флорой века неандертальцев
зарастало всю ночь окно.

Аж поскрипывать стали створы
непротопленного жилья.
Как же мыслить, писать обзоры
тут без шубы и без белья?
Вещий шум в черепной коробке.
И нарезан для новых треб

припорошенный возле стопки
кристаллической солью хлеб.

Но теплом согревало резче
наши явочные пиры
из глубин раскаленных трещин —
под Россией — земной коры.

НА ВОЗВРАТЕ ДЫХАНИЯ

1

Серый после потопа до горизонта штиль,
словно со дна раскопа скифских времен утиль,

видит не харизматик, ставленник куркулей,
а на скамье астматик, мученик тополей,

чья долгота дыханья связана с широтой
целого мироздания цепью и впрямь одной.

Что ты такой расслабленный, а потому смешной,
старый поэт с разграбленной жизненной мошной?

Видишь, как все сбывается, что обещал собес:
дышишь — и в путь снимаются парусники небес.

2

Непогодь наступает — и за окном в тиши
ветер перебирает листья, что клавиши...

Астры, перестоявшие в вонькой уже воде.
Сны мои, явью ставшие, только не знаю где.

С миром вовне общение — это как есть с ножа.
К прежнему приращение нового мухлежа.

Я ж — не лукавец, строящий планы исподтишка,
исподволь землю роющий для своего кружка.

То есть люблю немного, однако же горячо:
астры, твое пологое, слабеющее плечо.

Слово, которым молятся оптинские отцы.
Чтобы у нас в глаголице не было грязнотцы.

Незачем долгожителем быть, накапливая кладь.
Важно не быть просителем и ничего не ждать.

Родная РЕЧЬ

Людмила ВЕРБИЦКАЯ

ДАВАЙТЕ ГОВОРИТЬ ПО-РУССКИ ПРАВИЛЬНО!

Людмила Алексеевна Вербицкая — родилась в Ленинграде. В 1958 году окончила с отличием филологический факультет ЛГУ по специальности «Русский язык и литература». Доктор филологических наук, ректор СПбГУ (1994–2008). Президент СПбГУ с 2008 года. Участвует в работе Совета по русскому языку при Правительстве России. В 1999 году была избрана президентом Российского общества преподавателей русского языка и литературы. Вице-президент Комиссии ЮНЕСКО по вопросам образования женщин, советник Губернатора Санкт-Петербурга по образованию, науке и СМИ. Почетный гражданин Санкт-Петербурга. **Живет в Санкт-Петербурге.**

При изучении любого языка необходимо исследовать и внутренние языковые закономерности, и внешние по отношению к языку факторы.

Языковое сообщество переживает разные периоды своего существования. Смена государственного строя, политические и экономические преобразования, новые социокультурные условия жизни способны привести к некоторым внутрисистемным языковым изменениям.

Национальный язык включает в себя литературный язык, социокультурные и территориальные диалекты, просторечие, функционально-стилистические разновидности языка.

В период, когда языковая ситуация отличается нестабильностью, происходит своеобразное смешение, подмена диалектов, стилей, которые под воздействием процессов, происходящих в обществе, теряют свою функциональную прикрепленность.

В этой ситуации даже литературный язык, по определению кодифицированный, подвергается столь сильным волнам социального, культурного и политического воздействия, что его носитель начинает терять некоторые ориентиры, языковая норма становится неустойчивой, способы речевой реализации задуманного — не эффективны.

Само по себе их вхождение в литературный язык может быть и оправданным, и полезным, но в периоды социальных, культурных бурь и натисков мы сталкиваемся с их явной избыточностью, неотобранностью, поскольку «языковой вкус эпохи», призванный быть неким фильтром, с отведенной ему ролью не справляется.

Утрачивается высокий стиль, низкий, вульгарный занял место среднего, традиционно являющегося источником поступления в нормативный язык элементов его системы.

Перестройка принесла вседозволенность, языковая культура резко упала. Средства массовой информации буквально захлестнул поток просторечных жаргонных, а нередко — просто непристойных слов.

Принятие огромного количества заимствованных слов привело к созданию сложной сети неопределенных терминов, которые постепенно вытесняют традиционные слова.

Постоянное развитие, изменение языка создает большие трудности описания современной языковой нормы.

Я ограничу рассмотрение языковой нормы лишь нормой произносительной, требующей особых методов исследования, особого материала и круга испытуемых.

Еще 60–70 лет назад так легко было узнать москвича или ленинградца по их речи, ведь было около пятидесяти ярких различий, вокалических и консонантных.

Чего стоило одно петербургское «еканье» в отличие от «иканья», произнесение щ и сочетаний сч, зч как /š'č'/ в Петербурге и /š':/ в Москве, произнесение сочетаний чт, чн как /št/ и /šn/ — в Москве и как /č't/ и /č'n/ — в Петербурге и многое, многое другое.

К середине XX столетия в результате развития средств массовой коммуникации, миграции населения сгладились различия между двумя вариантами, образовалась единая произносительная норма, заимствовавшая часть черт старого московского варианта, часть петербургского.

Какова же произносительная норма сегодня, удерживает ли языковая система ее в рамках, ею определенных, нет ли следов выхода за ее пределы?

Важно при этом отметить, что фонологическая система языка — это не только инвентарь фонем, но и определенные взаимоотношения между фонемами, дистрибуция фонем, их сочетаемость, функциональная нагрузка фонем и их чередования.

Произносительная норма формируется и изменяется в рамках фонологической системы, изменения нормы в ней потенциально заложены. Произнесение /s'/ петербуржцами и /s/ москвичами в возвратных глаголах (учусь как /uč'us'/ и /uč'us/ возможно было потому, что в конце слов в русском языке может употребляться и /s'/, и /s/ (ось и ос, например)).

При этом норма является как бы дальнейшим ограничением возможностей системы. Норма живет в своих вариантах, варианты эти борются друг с другом, архетип сменяется неотипом. Еще недавно московский вариант с твердым /s/ был ведущим вариантом нормы /b'irus/, а сегодня старый петербургский с мягким /s'/ стал ведущим.

Или еще один пример. Появление возможности произнесения твердого согласного перед гласным переднего ряда /e/ в заимствованных словах определяется безусловно тем, что в фонологической системе есть согласные, не имеющие соответствующих мягких и сочетающиеся с /e/. Это /š/, /ž/, /c/ — например, шест /šest/, жест /žest/, цех /cex/.

При этом важно подчеркнуть, что противопоставление твердых согласных мягким, так широко реализуемое в русском языке, возникло именно перед гласным переднего ряда /e/. Появление минимальных пар типа сэр — сер /ser — s'er/, мэр — мер /mer — m'er/, бэл — бел /bel — b'el/ и др. сделало возможным утверждение в качестве ведущего варианта нор-

мы произнесение твердого согласного, например дельта /del'ta/, сервис /serv'is/, темп /temp/ и т. д.

Хотелось бы обратить внимание на то, как тонко действует система. Ведь если проанализировать все заимствованные слова с твердыми или мягкими согласными перед гласным переднего ряда /e/, то окажется, что 80 % слов с переднеязычными — твердые (имеющиеся в системе /š/, /ž/, /с/ — переднеязычные). Слов с твердыми губными и заднеязычными — всего 20 %.

Интересно и то, что среди переднеязычных есть и твердый согласный /l/, который фактически в заимствованных словах не реализуется (кабриолет, например, всегда произносился с мягким /l'/) по-видимому, потому, что европейское /l/ ближе артикуляторно к мягкому, чем к твердому велярному /l/. Это уже действие факторов иного уровня.

При рассмотрении проблемы нормы и ее вариантов можно подчеркнуть необходимость различения нормы как внутриязыковой категории, присущей языку как системе, и нормы кодифицированной, являющейся результатом исследования нормы внутриязыковой и рекомендуемой как образцовой в словарях, справочниках и пособиях разного рода.

При описании нормы следует представлять два ее аспекта: орфоэпию, устанавливающую нормативный фонемный облик слова, и орфофонию, занимающуюся нормативной реализацией фонем.

Так, решение вопроса о том, какой заднеязычный согласный — твердый или мягкий — следует произносить в слове тихий /t'ix'ij/ или /t'ix'j/ — дело орфоэпии, а определение качества гласных в первом и во втором предударных слогах в слове потакать /pʊtʌkat'/, например, — дело орфофонии.

Хотелось бы, чтобы в нормативных словарях были представлены оба аспекта нормы.

Специальное экспериментально-фонетическое исследование речи москвичей и ленинградцев-петербуржцев, проводимое на кафедре фонетики филологического факультета Ленинградского/Санкт-Петербургского университета, уже в течение более 50 лет, дало возможность описать основные черты современной русской орфоэпии и орфофонии и следить за их изменением.

Дикторами были 150 москвичей и 150 ленинградцев/петербуржцев. Экспериментальный материал, записанный на магнитную ленту, был разнообразный: текст, составленный на основании 200 наиболее частотных слов русского языка, рассказ о себе, рассказ сказки «Курочка ряба».

Методы исследования давали возможность объективного анализа экспериментального материала. Это слуховой анализ всего материала группой опытных фонетистов, аудиторский анализ части материала группами носителей языка, не посвященных в существо эксперимента, инструментальный (осциллографический, спектральный, с помощью компьютерных технологий). Кроме того, проводились опыты и по выбору одного из вариантов методом «оценочного чутья» (Л. В. Щерба) при предварительном рассмотрении произносительных вариантов тех москвичей и петербуржцев, которые в этих опытах использовались как аудиторы.

Применение всего этого сложного комплекса экспериментально-фонетических методов исследования и дало возможность получить перечень черт произносительной нормы русского литературного языка.

От французских лингвистов, занимающихся проблемами произносительной нормы [5], пошло понимание произносительной нормы как набора не обращающих на себя внимания реализаций (норма как категория отрицательная). Однако же важно представлять себе произношение тех, кто слушает, оценивает, пытается уловить что-то необычное. Ведь если встречаются два окальщика — ничто не отвлекает их внимание от содержания беседы, а если вдруг на Невском проспекте, где все акают, к вам обратятся с вопросом: /kak projex'ŭt' k ram'etn'iku rob'edy/?, вы, может быть, помердите с ответом, вслушиваясь в необычное оформление вопроса, хотя хорошо знаете ответ.

Итак, если останавливаться не на всех пятидесяти отличиях петербургского-петербургского варианта от московского, а только на основных, то, определяя основные черты орфоэпии и орфофонии, следует указать следующее.

В области вокализма: произнесение /i/ на месте безударных орфографических е, а, я — весна /v'isna/, часы /č'isy/, память /ram'it'./.

На месте орфографических е и я в начале слов произносится /ij/ или /i/: Япония, язык как /jironija/, /jizyk/ и /iron'ija/, /izyk/.

В словах, начинающихся с э, произносится /ы/ соответствующей степени редукции (этаж как /ыташ/, экономика как /ыkanom'ika/).

Произнесение /ы/ связано с частотой употребления слова и местом по отношению к ударению: чем чаще употребляется слово, тем вероятнее произнесение начального /ы/: во втором предударном /ы/ произносится чаще, чем в первом. Начальное /ы/ всегда произносится в спонтанной речи.

Во флексиях существительных женского, мужского и среднего рода единственного числа дательного и предложного падежей произносится /i/, например, отправились в поле /f poli/ или /ы/ (в Польше /f pol'šy/).

В глаголах единственного и множественного числа 3 лица с твердой основой произносится редуцированное /ы/, то есть держит /deržyt/ и держат /deržyt/, с мягкой основой — редуцированное /i/ (видит /vidit/ и видят /vidit/). Старое московское произношение /vid'ut/ признано устаревшим.

Формы прилагательных единственного числа женского и среднего рода реализуются одинаково: например, добрая и доброе как /dobrai/.

Формы прилагательных множественного числа с твердой основой фонетически реализуются как /dobryi/, с мягкой — как /s'in'ii/.

Исследование произношения /а/ после шипящих дает основание считать нормативным произношение в указанной позиции /а/ во всех случаях (например, жара как /žara/), за исключением слов ржаной, лошадь, жасмин, жакет, жалеть, где должно произноситься /ы/.

В небольшом числе иностранных по происхождению слов сохраняется безударное /о/.

Это связано в первую очередь с частотой употребления слова в речи и с позицией гласного о в слове. Так, в словах шоссе, бордо, тоннель, поэт, досье возможно только /а/. В словах какао, радио, адажио произносится /о/, так как гласный находится в заударной позиции в абсолютном конце слова. Иногда безударный /о/ может сохраняться в некоторых союзах, предлогах, безударных местоимениях.

Произнесение согласных. Произнесение твердых заднеязычных согласных в словах типа великий, громкий перестает быть равноправным вариан-

том нормы, становится отживающим, архаичным, то есть нужно произносить /v'il'ik'ij/, /gromk'ij/.

Аналогично обстоит дело и с согласными в возвратных частицах: предпочтительно сейчас произнесение мягкого /s'/: учусь /učus'/, боролся /barols'a/. О согласных перед /e/ речь уже была выше.

Орфографическим щ, сч, зч соответствует в произношении /š':/. Произнесение в этих случаях /šč'/ вряд ли можно сейчас считать равноправным вариантом нормы.

Сочетания согласных. Исследование произношения сочетания чн показывает, что произнесение /čn/ или /šn/ зависит от факторов морфонологических: при наличии чередования в корне к//ч — в 80 % утвердилось произношение /čn/, в остальных случаях — преимущественно /šn/. Так, например, булочная произносится как /bulačnaja/, а не /bulašnaja/, яблочный как /jablačnyj/, а не /jablašnyj/, порядочный как /par'adačnyj/, а не /par'adašnyj/ (яблоко, булка, порядок). В словах горчичник, скворечник, яичница, как и в словах конечно, скучно, нарочно сочетание чн произносится как /šn/.

Исследование произношения сочетания чт показывает, что в слове что и его производных оно произносится как /št/.

В сочетаниях стн, здн, стл, стк, стск, тск /t/ и /d/ не произносятся; в сочетании вств не произносится /f/.

Особого рассмотрения требуют сочетания двух согласных, второй из которых является мягким.

Уже было сказано, что согласно старой московской произносительной норме необходимо было во всех случаях при втором мягком согласном произносить и первый согласный как мягкий (то есть каплет /kap'l'it/, дверь /d'v'er'/); при этом ленинградский вариант нормы требовал произнесения мягких только в случаях сочетания двух переднеязычных согласных, что и стало нормативным сегодня. Например, степь /s't'er'/, здесь /z'd'es'/, венчик /v'en'č'ik/, винтик /v'in't'ik/, Индия /in'd'ija/, пенсия /p'en's'ija/, бензин /b'in'z'in/. Следует отметить, что современная норма допускает употребление первого твердого даже в этих случаях.

Перед /j/ все губные, как правило, произносятся твердо: пьют, объем, съест как /pjut/, /abjom/, /sjest/, а переднеязычные — мягко (на стыках корня и суффикса): судья, жилье как /sud'ja/, /žyl'jo/; на стыках приставки и корня и переднеязычные произносятся твердо: отъезд, съезд как /atjest/, /sjest/.

Таким образом, мы можем наблюдать процесс образования единой произносительной нормы, лишенной местных черт [2].

Об устранении различий между вариантами нормы писал еще Л. В. Щерба, в работе которого «О нормах образцового русского произношения» мы читаем: «...в произношении будущего будет отмечено все чересчур местное, московское или ленинградское, орловское или новгородское, не говоря уже о разных отличительных чертах других языков, вроде кавказского или среднеазиатского «гортанного» х, украинского г, татарского ы и т. д.».

Каждое общество создает свою, яркую и самобытную национальную культуру, которую в условиях бурного развития компьютерных технологий и межнациональных контактов все труднее сохранить.

В последние годы русский язык пополнился огромным количеством заимствованных слов. Эта тенденция сопровождается проникновением в язык сниженных пластов лексики, полной свободой в способах выражения мысли, и в итоге приводит язык к замедлению его естественного развития, так как языку приходится обороняться от вторжения «инородных элементов».

Совсем еще недавно язык был задушен штампами, жестко идеологизирован. Речь, звучавшая с высоких трибун, заполнявшая газетные страницы, была справедливо названа деревянной.

Все это не могло не затронуть и норму произносительную.

Говоря о нормативном языке, о современной русской орфоэпии и орфофонии, правилах нормативной реализации гласных, согласных, сочетаний согласных, отдельных слов — важно различать 2 типа произнесения: полный и неполный [1].

При полном типе произнесения определение фонемного состава слова не вызывает трудностей. Все фонемы четко артикулируются и соответственно воспринимаются слушающими. Так, например, как бы ни было произнесено слово часы — /čisy/, /č'esy/ или /č'asy/ — гласный 1-го предударного слога (/i/, /e/ или /a/) произнесен четко.

При неполном типе произнесения определить фонемный состав слова трудно, а без применения экспериментальных методов исследования — невозможно. Каков, например, состав слова добрая и доброе? Только специальное исследование показало, что в заударной флексии 1-го и 2-го слов одни и те же аллофоны фонем /ai/. По-видимому, невозможно представить себе текст, реализованный только в полном типе произнесения (это была бы совершенно неестественная речь), так же как и целиком в неполном. Любой текст в зависимости от цели, конкретных обстоятельств реализации представляет собой сочетание полного и неполного типов произнесения, причем их процентное отношение может быть очень разным.

Так, например, лекция студентам 1 курса, только начинающим проникать в сложный языковой материал, будет отличаться более высоким процентом наличия полного типа произнесения, чем спонтанная беседа с этими же студентами.

Если же попытаться рассмотреть взаимодействие стилей произношения и типов произнесения на фонетическом уровне, то, по-видимому, можно считать, что в полном стиле больше реализаций полного типа произнесений, а в разговорном — неполного [4].

Как же с этой точки зрения ведет себя норма? Вероятно, следует различать норму кодифицированного литературного произношения (большой процент реализаций полного типа произнесения) и норму разговорной речи, речи спонтанной, не подготовленной заранее (большой процент реализаций неполного типа).

Так, например, как уже говорилось выше, в русском языке, как и во многих других, один из слогов слова выделен как ударный.

Позиция ударного слога — системный признак слова. Ведущим коррелятом русского ударения, как известно, является длительность. Норма и ее вариантность определяют, в каких пределах может колебаться временное соотношение ударного слога с безударным в пределах слова. Известно, что одним из отличий петербургского варианта нормы от московского было разное отношение длительности ударного /a/ и его аллофонов во 2-ом пред-

ударном и заударном закрытых слогах: более значительное сокращение длительности безударных в указанных позициях в московском произношении по сравнению с петербургским при относительно несколько большей длительности ударного.

Эти различия укладывались и пока еще укладываются в разрешенную нормой орфофоническую вариантность. А как быть, если мы встречаем случаи полного исчезновения гласного во 2-ом предударном слоге? В полном типе произнесения, по-видимому, это невозможно, а в неполном?

Орфоэпические и орфофонические особенности нормы литературного языка, реализующиеся в текстах с преобладающим процентом полного типа произнесения, были продемонстрированы выше.

К сожалению, фонетические характеристики спонтанной речи изучены еще недостаточно, наблюдения над закономерностями спонтанных тестов носят в основном субъективный характер, так как являются лишь результатом слухового, а не серьезного экспериментально-фонетического анализа.

Основной причиной недостаточной изученности этого вопроса является, по-видимому, с одной стороны, нерешенность ряда вопросов, связанных с произносительной нормой литературного языка, с другой — сложностями чисто технического характера и в первую очередь трудностью получения экспериментально-фонетического исследования материала для изучения закономерностей спонтанной, разговорной речи.

Единственным экспериментально-фонетическим исследованием характеристик спонтанной речи (на материале согласных) является диссертация Н. И. Гейльман [3].

Н. И. Гейльман записывала диалоги хорошо знакомых людей, не скованных условиями эксперимента и быстро забывающих о том, что их речь фиксируется. Результаты исследования показали, что спонтанная речь отличается от литературного языка как консонантной насыщенностью, так и распределением фонем по дифференциальным признакам.

Сильнее всего изменяется соотношение смычных и щелевых согласных за счет замены смычных на щелевые; меняются соотношения звонких и глухих (в силу более частого оглушения звонких по сравнению с озвончением глухих), шумных и сонорных (в силу оглушения сонорных и замены их на щелевые шумные) и твердых и мягких (за счет увеличения количества твердых).

Сравнение устойчивости групп согласных показало, что звонкие модифицируются чаще, чем глухие, мягкие — чаще, чем твердые, шумные — чаще сонорных.

Самая устойчивая характеристика — активный артикулирующий орган, с помощью которого образован согласный. В работе показано расширение допустимых пределов варьирования фонетических единиц, «размытость» их фонетических характеристик. Эта «размытость» присуща и фонеме, и слову, и синтагме, и степень ее возрастает по мере возрастания степени неофициальности общения.

При этом ненормативность согласных составила 18 % (от общего числа), гласных — 7 %. Из 80 наиболее встречающихся слов — 5 % встретились в 2-х разных вариантах; 10 % — в 3-х; 20 % — в 4-х; 52 % — в пяти и более. 27 % словоформ, то есть 1/3, ни разу не были произнесены в полной форме. Из 354 реализаций только 22 (7 %) были реализованы в соответствии с

произносительными нормами современного русского языка. По-видимому, следует говорить о необходимости определения норм спонтанной речи как особого вида реализации текста.

Так, например, в полном типе произнесения встречалось произнесение конечных смычных как импловивных (отсутствие фразы взрыва) (слова дом, Дон). В неполном типе импловивными оказывались и шумные (год, ход). Ряд согласных вообще не произносился: /j/ — в 29 % случаев (например, слова если, еще, его) произносились как /esl'n/, /iš'y/, /iv/; /b'/ — в 16,6 % (тебя, тебе) как /t'ь/, /t'ьй/; /d'/ — в 15,1 % (ходит, видит) как /хуьt/, /внът/, /с/ — 14,7 %, /v/ — в 13 % (в суффиксах и окончаниях -ого, -его, -ыва, -ива; /f/ — в 10,1 %.

Аффрикаты практически во всех случаях заменялись на щелевые: /č/ на /š'/, /с/ на /s/ (солнце /synsy/ вместо /sypsy/, курочка /к'ьгаš'ka/ вместо /к'ьгаš'ka/ (в полном типе произнесения это оценивается как отклонение от нормы).

Ряд слов совпадал в произношении, менялась ритмическая структура слова. Так, одинаково были произнесены слова представляете и представляйте, приставляете и приставляйте, не пробыл и не пробовал, интересно и интересный, наши и нашей, вышила и вышла, отдела и одела, перекрывать и прикрывать.

Не было различий между фразами нету начальника и нет, у начальника; говорит директор и говори, директор; к году шел и год ушел; там развезут и там разве зуд; лещ чей? и лещей; и злюсь и из Люси и т. п.

Редукция заударных и предударных гласных была настолько сильна, что во многих случаях гласные исчезали, а иногда исчезали и заударные и предударные слоги. Так, слово конечно произносилось как /kn'йш/, двадцать как [dvac], тридцать как [tr'ic], слушай как [sluš], значит как /znač/ и /nač'/, подождите как /pžd'ь/.

Вместе с тем при беседе хорошо знакомых людей это не усложняет понимание, не мешает процессу коммуникации.

Рассматривая взаимоотношения фонетической системы разговорной речи и кодифицированного литературного языка, можно прийти к выводу, что сравниваемые системы очень близки, однако пределы нормативной вариантности разговорной речи — иные, и, следовательно, иными оказываются и нормы разговорной (спонтанной) речи в отличие от кодифицированного литературного языка.

Закономерности спонтанной речи должны быть внимательно изучены и описаны.

В практике обучения нормативному русскому языку различия между нормами литературного языка и спонтанной речи очень важно учитывать.

В фонологической системе русского языка наметился ряд закономерностей, определенных внутренних перестроек, которые могут привести и к некоторым изменениям в норме. В противопоставлении твердых согласных мягким не все потенциальные возможности этой категории исчерпаны. Еще может произойти увеличение числа пар согласных, противопоставленных по твердости/мягкости, может увеличиться или уменьшиться число позиций, в которых это противопоставление реализуется. Процесс увеличения числа позиций, в которых твердые и мягкие дифференцируются, происходит в

современном языке за счет расширения противопоставления твердых мягким перед гласным переднего ряда /е/.

В сочетаниях С1С'2 идет процесс замены первого мягкого согласного твердым, так как все позиции ассимилятивного слияния были позициями, где твердые согласные не противопоставлены мягким.

Намечается дальнейшее ограничение в употреблении гласных в безударной позиции. Если до сих пор это ограничение касалось только двух фонем из 6 — /е/ и /о/, гласных среднего подъема, то в настоящее время наблюдается тенденция к ослаблению функциональной нагрузки /у/. Как уже говорилось, в неполном типе произнесения часто происходит утрата противопоставления /у/ — /ы/ — после твердых (произнесение бюро как /b'iry/, разума как /газьма/). Следует отметить, что произношение это пока еще оценивается как просторечное.

Вероятно, в определенной связи с этим явлением стоит и распространение варианта /хyɖ'at/ и даже /хyɖ'it/ вместо широко распространенного в Москве еще 30 лет назад /хyɖ'ut/.

Норма — это идеал, к которому должны стремиться все говорящие. От успешной реализации этого стремления зависит не только чистота русской речи, но и будущее равновесие звуковой системы языка.

Библиографический список

1. Бондарко Л. В., Вербицкая Л. А. и др. О типах произнесения и стилях произношения // Вопросы языкознания. 1973, № 3.
2. Вербицкая Л. А. Давайте говорить правильно! М.: Высшая школа. 1993, 1998, 2001, 2003, 2005, 2008.
3. Гейльман Н. И. Фонетические характеристики спонтанной речи (экспериментально-фонетическое исследование на материале согласных): автореф. дис... канд. филос. наук / Гейльман Н. И. Л.: 1983.
4. Щерба Л. В. О нормах образцового русского произношения. Избр. труды по русскому языку. М., 1957.
5. Martinet A., Walter. Dictionnaire de la prononciation française dans son usage real. — France-Expansion, Paris, 1973.

Игорь ВОЛГИН

**НИЧЕЙ
СОВРЕМЕННИК**

*К 190-летию
со дня рождения
Ф. М. Достоевского
(1821–1881)*

Игорь Леонидович Волгин — родился в 1942 г. в Перми, куда во время войны семья была эвакуирована из Москвы. Окончил МГУ. В 1968 г. создает Литературную студию Московского университета «Луч», существующую более 40 лет. Академик РАЕН, доктор филологических наук, кандидат исторических наук. Профессор факультета журналистики МГУ им. М. В. Ломоносова и Литературного института им. А. М. Горького. Член Союза писателей, Союза журналистов, Международной ассоциации журналистов и т. д. Президент Фонда Достоевского. **Живет в Москве.**

Писатель Всеволод Соловьев (сын историка С. М. Соловьева и брат философа Владимира Соловьева) вспоминает, как в ноябре 1877 года Достоевский повез его к некой петербургской гадалке. Не зная, кто перед ней и каков род его занятий, вдохновенная кудесница (между прочим, француженка, госпожа Фильд) предсказала клиенту, что вскоре его ожидает такая известность, о какой он не мог и мечтать, что публика будет носить его на руках и засыпать цветами и что он окончит свои дни на вершине этой прижизненной славы. Вскоре Достоевский написал «Братьев Карамазовых», произнес Пушкинскую речь, обрел первый и последний в своей жизни лавровый венок, а затем умер и удостоился невиданных похорон.

Конечно, посетителю госпожи Фильд не пришлось в голову спросить ее о своей посмертной — земной — судьбе. Да если бы даже скромная петербургская прорицательница, подобно Нострадамусу, попыталась проникнуть своим ясновидящим взором во мглу веков, Достоевский все равно не поверил бы ее предсказаниям. Постоянно ввергаемый в трудные житейские и литературные коллизии, жестоко поносимый не расположенной к нему критикой, с головой погруженный в текущее, он вряд ли мог помыслить, что весь XX век так или иначе пройдет под знаком его имени и что в начале века XXI будут собираться международные ученые симпозиумы в его память и в его честь.

...Нетрудно заметить, что весь круг представлений, «выжитых» Достоевским (и прежде всего то, что он именовал «русской идеей» или «русским решением вопроса»), в гораздо

большей степени связан с Москвой, нежели с Петербургом. Не случайно свое обращенное к России прощальное слово он произносит во время торжеств в честь своего великого земляка: в городе, который стал родиной их обоих и который, пожалуй, не являл больше гениев, равных им по духовной мощи. (Не в укор Петербургу, но из его болотных туманов не возник в XIX веке ни один великий поэт или романист. Я не говорю, разумеется, о веке XX — здесь несколько иная картина.)

Достоевский родился и вырос в московской больнице для бедных, и, образно выражаясь, он остался в этой больнице навсегда. Я имею в виду не только терапевтический характер его творений. В названии его первого романа различим не один лишь любезный русскому интеллигентскому слуху социальный акцент. «Бедные люди» (ударение на втором слове) — это словно бы вздох мировой скорби — вздох по всему роду человеческому, а не только горевание об отсутствии вещественных благ. Бедный человек — человек несчастный, несовершенный, далекий от идеала. Это почти Божественная печаль о слабом и одиноком человеческом существе и вместе с тем его горестная самооценка.

Греки третьего тысячелетия?

С появлением Достоевского (и, справедливости ради, добавим — Толстого) Россия останавливает на себе «зрочок мира». Из области, до сих пор жадно поглощающей культурную энергию Запада, она сама становится сферой духовного излучения. Правда, могут возразить, что это свет уже погасшей звезды. Ибо то, о чем говорил Достоевский, не поддерживается ныне духовным ресурсом нации, переживающей тяжелейшую в своей истории ментальную катастрофу. Сколь ни горестно к этому возвращаться, приходится еще раз повторить: сегодняшняя Россия, несмотря на все наши ритуальные заклинания, все больше удаляется от Достоевского (как и он удаляется от нее). Снисходительно признаваемая миром в качестве бывшего поприща специфических, то есть нравственных, исканий (не имеющих, впрочем, прямого касательства к устройению «цивилизованной жизни»), она все чаще причисляется к сонму исторических маргиналов, завершивших свою мировую судьбу. У нас сегодня есть немалые шансы сделаться греками третьего тысячелетия, которые за умеренную мзду будут бодро водить любознательных интуристов по руинам некогда цветущей культуры, по нашим взятым под опеку ЮНЕСКО метафизическим Парфенонам: Пушкину, Достоевскому, Толстому... Нашим великим писателям, в отличие от нас, не пережить нашего исторического ничтожества. Отторгнутые от государственного тела России, они неизбежно превратятся в филологическую химеру, точно так же, как равнодушный к их «умствованиям» народ — в простой (по выражению Шатова в «Бесах») этнографический материал.

Одному из героев Достоевского принадлежит известная сентенция — «широк человек, слишком даже широк, я бы сузил». (Имелся в виду, очевидно, в первую очередь русский человек.) Вряд ли, однако, это соображение относилось к нашему государственному пространству. По прошествии немногим более века сузилась — причем в значительной мере — именно Россия, а обитающий в ней русский человек стал еще более широк — в смысле, еще более безразмерен, вмеща в себя такую сумму противопо-

ложных (и не всегда чистых) хотений, которые ставят под вопрос само его существование как разумного и исторически ответственного существа.

Я думаю, что широта, бесконечность и, может быть, непредсказуемость человека была для Достоевского вернейшим доказательством неизъяснимости Божественного промысла, подтверждением дарованной нам свыше свободы воли. Но, разумеется, автор «Карамазовых» предполагал наличие в нас того неделимого ядра, того нравственного стержня, который определяет границу дозволенного и именуется — как кому угодно — нравственным законом, совестью или Богом.

Достоевский верил в будущее своей страны и в то, что он необходим для нее. Он записал в своей последней тетради: «При полном реализме найти в человеке человека. Это русская черта по преимуществу, и в этом смысле я, конечно, народен (ибо направление мое истекает из глубины христианского духа народного) — хотя и не известен русскому народу теперешнему, но буду известен будущему».

Не следует обольщаться: «Бедных людей» или «Записки из подполья» вряд ли можно отнести к насущной духовной пище «будущего народа». Сегодняшние любители изящной словесности предпочитают поглощать «на ранних поездах» совсем иного характера тексты. И все же можно утверждать, что Достоевский врос в сердцевину нашего национального сознания. Позволю себе процитировать здесь Александра Кушнера:

*Среди знакомых ни одна
Не бросит в пламя денег пачку,
Не пошатнется, впад в горячку,
В дверях, бледнее полотна.
В концертный холод или сквер,
Разогреваясь понемногу,
Не пронесет, и слава Богу,
Шестизарядный револьвер.*

Швыряние денег в камин — жест знаковый и литературный. Да и шестизарядным револьвером пользовалась не одна только Вера Засулич (на чем процессе, кстати, присутствовал автор «Дневника писателя»). Я клоню к тому, что Достоевский стал нашим культурным кодом, внутренним смыслом языка, «обликом речи». Он существует не только как историческое явление, но и как неотменимый семантический факт. Его невозможно вычестить из нашего совокупного опыта, как невозможно вычестить из него Пушкина, революцию, Сталина, Отечественную войну.

Видения в литературоведении

Конечно, Достоевский для России больше, чем Достоевский. Возможно, это не лучшая похвала для писателя, который хотел бы пребывать, положим, исключительно в области чистого искусства. Но в такой стране, как Россия, Гоголю, Толстому и Достоевскому в какой-то момент становится «мало» одной литературы. Они вдруг начинают стремиться к тому, чем писатель, казалось бы, вовсе не обязан заниматься: они желают установить новые взаимоотношения между искусством и действительностью. Они жаждут

воссоединить течение обыденной жизни с ее идеальным смыслом, сделать этот смысл мировой поведенческой нормой. Их высшая цель — изменение самого состава бытия, новое жизнеустройство.

Владимира Набокова, например, более всего раздражала в Достоевском именно «идеология». Он ценит у него только реальную живописную деталь — «кружок от вчерашней, должно быть, расплескавшейся рюмки с коньяком», отпечатавшийся на зеленом столе. В связи с этим Набоков называет Достоевского «зорким писателем» — похвала в устах автора «Лолиты» немалая. Но тот же Набоков, приводя известные слова (чтение Раскольниковым и Соней Евангелия) «огарок уже давно погас в кривом подсвечнике, тускло освещая в этой нищей комнате убийцу и блудницу, странно сошедшихся за чтением вечной книги», замечает, что эта фраза не имеет «себе равных по глупости во всей мировой литературе» и что это «типично достоевский риторический выверт».

Мне уже пришлось однажды высказать (и по мере сил обосновать) предположение, что столь покоробившая Набокова фраза навязана или, может быть, даже вписана в текст «Преступления и наказания» редактором «Русского вестника» М. Н. Катковым¹. Таким образом Катков как бы расшифровал художественную мысль Достоевского и перевел ее на язык «библейской публицистики». Иначе говоря, Катков впервые осуществил ту работу, которой не без успеха занимаются некоторые современные литературоведы. Он вычленил из указанной сцены ее эмблематический смысл, «ткнул в него носом» читателя, чем избавил последнего от труда собственных толкований.

Уверять присутствующих в том, что Достоевский — христианский писатель, кровно связанный с православным миропониманием, с православной традицией и т. д., — это значит ломиться в открытые ворота. Но когда эту истину пытаются доказать математически, сводя всю грандиозность его художественных усилий к единственной функции — иллюстратора и толкователя тех или иных библейских сюжетов, к «художественному переводу» известных религиозных догматов на язык родных осин, то эти попытки свидетельствуют не столько о христианской сущности Достоевского, сколько о схоластичности нашего собственного сознания, на самом деле сугубо безрелигиозного, неопитского, судорожно пытающегося поменять прежние идеологические знаки на прямо противоположные. И когда серьезный исследователь пытается уверить нас в том, что зонтик в правой руке Степана Трофимовича — это аналог копья Георгия Победоносца, каковым копьем вступивший на святой путь Верховенский-старший в символическом плане романа поражает «премудрого змея» Ставрогина, то хочется спросить: что мешает нам узреть в зонтике тайный фаллический символ, тем более уместный в данном контексте, если вспомнить, что впереди Степана Трофимовича ожидает встреча с женщиной-книгоношей?..

Однажды я уже дерзнул определить подобный жанр как **видения в литературоведении**. Не исключено, пожалуй, что в неотдаленном будущем он сумеет полностью заместить традиционное **введение** в этот гадательный предмет.

¹ См.: *Волгин И.* Пропавший заговор. Достоевский и политический процесс 1849 года. М., 2000. С. 118–121.

Еще раз повторю очевидное: Достоевский — писатель глубоко христианский. Но он связан с христианством не каноническим, не ортодоксально-богословским, не даже новейшим «богоискательским», а каким-то другим — преимущественно художественным — образом. Он писатель христианский, но прежде всего — писатель. Он мыслитель православный, но отнюдь не узкоконфессиональный и вообще не церковный. При этом автор «Записок из Мертвого дома» в высшей степени терпим к иноверию (вспомним прекрасный образ мусульманина Алея из названной книги). Смеею предположить, что при своих глубоко христианских корнях (а возможно, как раз благодаря им) автор Пушкинской речи в художественном смысле — явление сверхконфессиональное. Более того, он в равной мере может быть близок как верующему, так и атеисту.

Его герои обладают тайным даром исторических и ментальных перевоплощений.

Как сказал в забытом самим автором (и, увы, так и не восстановленном нашими совместными усилиями) стихотворении Юрий Кублановский:

*Дожди размочили дороги,
друзья упустили момент:
повесился Коля Ставрогин —
чистойшей воды декадент.*

То, на что добропорядочный ученый извел бы не одну десть писчей бумаги (дабы доказать связь ставрогинского имморализма с умонастроениями Серебряного века), поэт заверяет одной строкой.

Итак, Достоевский принадлежит всем. Недаром архиепископ Иоанн Сан-Францисский (Шаховской) заметил, что «в сущности, весь мир уже находится в “Обществе Достоевского”, является его имплицитным (это важная категория) членом».

Именно поэтому наука о Достоевском тоже становится больше самой себя.

Но скажем еще об одном. О том, что благодаря Достоевскому внушает надежду.

К вопросу о самопознании

Если персонажи Достоевского главным образом занимаются самосозерцанием, сосредоточенным, углубленным самоанализом (в чахотке, как Ипполит, в комнате-гробу, как Раскольников, в своих американских скитаниях, как Кириллов и Шатов, и т. д., и т. п.), то можно поручиться, что такой герой кончит петлей, пулей, Сибирью, то есть во всяком случае не самым лучшим образом. Самопоглощенность героев, их стремление посредством «ухода в себя» решить собственные проблемы приводит к результатам, зачастую прямо противоположным поставленной цели. Гипертрофированный голый самоанализ, самая изощренная рефлексия (при отсутствии, однако, «самовыделки», самоодоления, то есть реального нравственного действия) не способствует духовному возрождению героев, не подвигает их от «твари дрожащей» в направлении к «положительно прекрасному человеку». Напротив, диалектика, «выточившаяся, как бритва», может грозить ее носителю саморазрушением.

Знаменитое изречение Фалеса «Nosce te ipsum» («Познай самого себя») давно стало мировой банальностью, атрибутом сознания самодовольного и самодостаточного.

В пьесе Евгения Шварца мачеха наказывает Золушке: «Прибери в комнатах, вымой окна, натри пол, выбели кухню, выполи грядки, посади под окнами семь розовых кустов, познай самое себя и намели кофе на семь недель». Замечателен, однако, совет, который дает Золушке добрая фея: «Розы вырастут сами... А самое себя ты познаешь на балу». Оказывается, для этого вовсе не обязательно сидеть сиднем дома и предаваться медитации.

Во всем творчестве Достоевского последовательно осуществлен один обладающий неотменимой универсальностью принцип: познание самого себя невозможно без Другого. По отношению к отдельному человеку в этом качестве может выступать другой человек; по отношению ко всему человечеству функция Постороннего принадлежит, очевидно, Богу.

Путь самопознания и самоисцеления начинается у Достоевского как действие, направленное на Другого. Возрождение Раскольникова начинается не тогда, когда он размышляет в абсолютно замкнутом духовном пространстве, а когда из этого пространства вырывается вовне (пусть в данном случае это, как и у самого Достоевского, каторга), когда он начинает видеть Другого. Иван Карамазов, мучимый мировыми страданиями, тем не менее ничем не жертвует для прекращения таковых (если не считать эпизода, когда он, по некоторому размышлению, спасает от неминуемого замерзания пьяного мужика). Князь Мышкин, Алеша Карамазов, старец Зосима — это наименее рефлексирующие натуры Достоевского: все они — в разной, разумеется, степени — люди поступка.

Святитель Игнатий Брянчанинов, отец современного иночества, свидетельствует, что о монахах, пришедших в монастырь «спасаться» (то есть спасти лично себя) и вполне преуспевших в этом занятии, монастырские насельники говорят: «Свят, да не искусен».

В романном мире Достоевского человек может познать самого себя не путем чистого умозрения, не с помощью логических процедур (сколь бы изощренными последние ни были) и даже не в результате внутреннего озарения, а только через реальные действия, поступок, благое (или неблагое) деяние. (Недаром физиолог Ухтомский заметил, что Достоевский как художник обладает «доминантой на лицо другого».) Замкнутые, интровертные самопознавательные модели не срабатывают в этой системе координат. Только экстравертное мироповедение, выход к Другому (что у Достоевского почти всегда имеет религиозную подоснову, означая также шаг к Богу) дает шанс для личного спасения и возрождения.

Эта методология распространяема и на национальные общности, которые, будучи замкнуты только на самих себе, никогда не смогут постичь, что же они есть на самом деле.

Достоевский впервые констатировал одну из важнейших интенций мирового исторического процесса. Как и отдельный человек, народ, нация, этнос и т. д. могут осознать себя только на стыке культур, будучи доброжелательно открыты Другому или в борении с ним. Всемирная отзывчивость — это не только поле напряженного культурного диалога, это неперемненное условие самоосуществления России, исполнения ею своей исторической задачи.

*Нам внятно все — и острый галльский смысл,
И сумрачный германский гений.*

В ксенофобии — религиозной или бытовой — видит Достоевский причину гибели Иудейского царства и двухтысячелетнего рассеяния еврейского народа. Отъединенность от мира низводит любой народ до положения «малого», разрушает его государственность, выводит его за рамки всемирно-исторического процесса. Великой может быть нация, духовно открытая «чужому», способная это «чужое» творчески осмыслить и претворить в «свое». Только в процессе контакта с «чужим», в точке контакта происходит самораскрытие и самопознание нации, дается импульс ее дальнейшему духовному поступательному движению. Нация, как и отдельный человек, не может познать самое себя без взаимодействия с Другим. Национальная культура, замкнувшаяся в самой себе, обречена на вырождение и исчезновение.

Несовременный современник

Весь ход современной истории свидетельствует о том, что теперь не только Россия, но и весь мир «стоит на какой-то окончательной точке, колеблясь над бездной». И если воспользоваться метафорой Семеновского плаца, можно сказать, что человечество уже как бы взшло на эшафот, и неизвестно, будет ли оно в последний момент помиловано. Но если, к счастью, это случится и всемирная история продолжит свой победительный бег, извлечем ли мы из нашего смертного опыта такой же урок, какой усвоил Достоевский? Послужит ли эта милость (если она будет явлена) нашему духовному возрождению?

Говорить: «Достоевский — наш современник», мне кажется, было бы слишком самонадеянно и даже отчасти снисходительно по отношению к нашему герою. Люди, жившие с ним в одну эпоху, за редким исключением не смогли оценить ни его реальные писательские масштабы, ни степень его будущего воздействия на духовные судьбы мира. Достоевский совпал не с каким-то отдельным периодом нашей истории. Он совпадает со все еще длящимся историческим временем и одновременно не совпадает с ним, ибо оказывается всегда впереди. Он мог бы сказать о себе словами поэта: «Нет, никогда ничей я не был современник...»

Достоевский совпадает с Россией как таковой, с Россией онтологической — с той, которая пребывает, но какой она в каждый конкретный момент времени никогда не была и, по-видимому, не будет. Он воплощает в себе дух утопии и антиутопии одновременно. Он есть задача неисполнимая, однако же требующая решения.

Надо приложить немало усилий, чтобы ощутить себя современником Достоевского.

Наша ИДЕОЛОГИЯ

Галина СКОТНИКОВА

ДОСТОЕВСКИЙ И ВИЗАНТИЙСКО- АСКЕТИЧЕСКИЙ ИДЕАЛ РУССКОЙ ДУХОВНОСТИ*

К 190-летию
со дня рождения
Ф. М. Достоевского
(1821–1881)

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ. Грант 10-01-00483а

*...судите наш народ не по тому, чем
он есть, а по тому, чем желал бы
стать. А идеалы его сильны и святы,
и они-то и спасли его в века мучений;
они срослись с душой его искони...*

Ф. М. Достоевский¹

Русский духовный идеал — живая и действенная сила нашей жизни во все времена. Это тот внутренний, чистый, нетленный свет, по которому русские узнают (чуют) друг друга. «Посмотришь на русского человека острым глазком... Посмотрит он на тебя острым глазком... И все понятно. И не надо никаких слов. Вот чего нельзя с иностранцем»². Думаю, что безупречный мастер в выражении «мимолетного» В. В. Розанов в своем высказывании подразумевал помимо особой душевной пластичности, восприимчивости-чуткости, подлинности проявления, таинственного ощущения родства, пре-

¹ Достоевский Ф. М. Собр. соч. в 15 т. Т. 13. СПб.: Наука, 1994.

² Розанов В. В. Уединенное. М.: Советская Россия, 1990. С. 30.

Галина Викторовна Скотникова — потомственный житель Санкт-Петербурга (в четвертом поколении). Доктор культурологии, профессор. В Санкт-Петербургском государственном университете культуры и искусств читает курсы культурологии, культуры Византии, искусства Византии. Участник Мирового общественного форума «Диалог цивилизаций» (о. Родос). Член жюри конкурса «Служение Отечеству: события и имена», проводимого Межрегиональным общественным фондом «Центр Национальной Славы России». Изучает проблемы самобытности русской духовности и культуры. В монографиях «Византийская традиция и русская культура» (2001), «Византийская традиция в русском самосознании» (2002) и в статьях последних лет исследовала проблему византизма в русской философии культуры и византиноведении, государственном и общественном сознании. Живет в Санкт-Петербурге.

жде всего, присущую русской душе неизбывную устремленность к единению с благодатной духовной силой.

Название статьи, на первый взгляд, казалось бы, парадоксальное, призвано подчеркнуть, что «внутренней формой», хочется сказать — внутренним *пламенем* творчества Ф. М. Достоевского является сокровенное духовно-сердечное упование русского человека на освобождение от греха, благодатное преображение, возможность реальной жизни во Христе. Речь идет о мистическом опыте Богообщения, поиске Царства Божия, имеющегося в самом человеке: «Царствие Божие внутрь вас есть» (Евангелие от Луки: 17, 21) («ἡ Βασιλεία τοῦ Θεοῦ ἐντὸς υμῶν ἐστὶ»). Согласно святоотеческому учению, в потаенной келье сердца человек обретает вход в Царство Небесное. Преподобный Исаак Сирин (VII в.) пишет: «Постарайся войти во внутреннюю клеть свою и узришь клеть небесную. И первая, и вторая — одно; одним входом входишь в обе. Лестница в Небесное Царство находится внутри тебя, она существует таинственно в душе твоей»¹.

«Народ русский в огромном большинстве своем православен и живет идеей Православия в полноте, хотя и не разумеет эту идею отчетливо и научно» (Ф. М. Достоевский)².

Характерная сущность православной духовности впервые в истории была воплощена в византийском аскетическом опыте, исихазме и мистическом богословии Фаворского Света св. Григория Паламы.

Византии суждено было стать Одигитрией Руси, Путеводительницей в горный мир, открывшей наши очи духовному зрению. «Все мы являемся чадами византийской культуры», — напишет во второй половине XIX в. К. Н. Леонтьев, автор трактата «Византизм и славянство» (1875). «Кто не понимает Православия, тот никогда не поймет и народа нашего» (Ф. М. Достоевский). Вместе с тем, говоря о духовно-культурной преемственности Византии и Древней Руси, необходимо подчеркнуть ряд моментов.

Во-первых, Византия и Россия — два преемственно и тесно связанных, но различных культурно-исторических мира, два «типа духовности»³, ибо «всецелое усвоение одним народом от другого его религиозной идеи не есть еще усвоение и всей культуры последнего, всего его культурного строя»⁴.

Во-вторых, говоря о Крещении Руси в византийской купели, необходимо подчеркнуть очень важный факт, обычно остающийся без внимания. Дело в том, что рубеж X—XI вв. был в Византии временем напряженного горения веры, сильнейшего возвышения аскетической духовности, расцвета монастырской жизни Афона, проповедей преподобного Симеона Нового Богослова (926—1022), одного из наиболее мистичных богословов, «поэта Божественной любви». В искусстве⁵ этого периода возродилось едва ли не

¹ Отечник. Избранные изречения святых иноков и повести из жизни их, собранные епископом Игнатием (Брянчаниновым). М., 1985. С. 249.

² Достоевский Ф. М. Дневник писателя. 1876 / Достоевский Ф. М. Мысли. Высказывания. Афоризмы. Париж: Издательство «Пять континентов», 1975. С. 112.

³ Аверинцев С. С. Византия и Русь: два типа духовности / Новый мир, 1988. № 7, № 9.

⁴ Астафьев П. Е. Национальность и общечеловеческие задачи // Астафьев П. Е. Философия нации и единство мировоззрения. М., 2000. С. 34.

⁵ Стиль, который может быть назван *подлинно византийским*, сформировался в иератическом искусстве мозаик Равенны (VI в.). Из всех стилей, созданных когда-либо византийскими художниками, именно этот стиль глубже и строже выражал

крайнее из его аскетических направлений, стремление к отрешенной духовности в ее абсолютной полноте. Это более соответствовало монашеским идеалам, чрезмерным, непосильным для мирской среды, хотя и устремлявшейся к ним. Таким образом, Древняя Русь с самого начала своей христианской жизни приняла от Византии все *самое духовно насыщенное*, что она могла дать, восприняла ориентацию на **максимальные духовные ценности, как норму и единственно возможный путь**¹.

В-третьих, Древней Руси выпало на долю завершение многовековой грандиозной «постройки синергийной культуры, вобравшей в себя весь опыт христианского аскетического Востока»². Византии, павшей под натиском турок, не суждено было полноценно реализовать культурный потенциал, накопленный в ее последних богословско-аскетических прозрениях. Древнерусская церковно-художественная культура во многом явилась вершиной всей восточнохристианской культуры, берущей свое начало в поздней античности³. Главная линия преемственности художественной культуры от эллинизма и раннего христианства через Византию до Древней Руси состояла в стремлении выразить умопостигаемые и умонепостигаемые духовные ценности в чувственно воспринимаемых формах. Многоглаголевой Византии, в горячих спорах выработавшей православную догматику, Русь противопоставила «умное молчание»: монашеское аскетическое делание, «умозрение в красках» (икону) «звуковоплощенную молитву» (знаменный распев), «монументальное богословие» (самобытное зодчество: древнерусский храм невозможно спутать с византийским). Вместе с тем на Руси было прекрасно известно и о богословских прениях, например о победе святителя Григория Паламы в полемике с Варлаамом на соборе 1352 г.

В исследовании, посвященном прп. Андрею Рублеву, выдающийся русский историк искусства М. В. Алпатов делает ключевое умозаключение: «Создание Рублева так и осталось неизвестно за пределами Московской Руси. Но можно думать, что если бы «Троица» стала известна византийцам, они признали бы в ней счастливое *завершение* (курсив Г. С.) своих многовековых исканий»⁴.

В-четвертых, в «Троице» Андрея Рублева, написанной «в похвалу преподобному Сергию», воплощен идеал жизнестроительства русского народа — православный идеал, сердечно-целостно воспринятый из Византии, высветленный и согретый русской душой. Перед нами обновление как подлинное существование христианской традиции, раскрытие того, что еще не раскрыто, что прикровенно существует в глубинах народного духа. Говоря словами Достоевского, — «раскрытие перед миром русского Христа».

суть православной духовности. Великий расцвет такого типа искусства приходится на первую половину XI в.: мозаики Осиев Лукас в Фокиде, Неа Мони на Хиосе, древнейшие мозаики Сан-Мрако в Венеции, мозаики и фрески Софии Киевской.

¹ Попова О. С. Византийская духовность и стиль византийской живописи VI–XI вв. (Равенна и Киев) // Византийский временник. М., 1998. Т. 55 (80). Ч. 2. С. 216–221.

² Мартынов В. И. Культура, иконосфера и богослужebное пение Московской Руси. М.: Прогресс-Традиция, 2000. С. 183.

³ Бычков В. В. К вопросу о древнерусской эстетике (методологические заметки) // Проблемы изучения культурного наследия. М., 1985. С. 400.

⁴ Алпатов М. В. Рублев и Византия // Алпатов М. В. Этюды по истории зарубежного искусства. М.: Искусство, 1967. Т. 1. С. 111.

Спустя пятьсот лет после паламитских споров «богословие света» явило себя в духовном мистическом опыте прп. Серафима Саровского как критерий познания благодати, Самого Бога¹. В Новое время русский духовный идеал был отчетливо сформулирован одним из классиков отечественной философии, представителем ее магистрального направления, «метафизического персонализма» (Н. П. Ильин), П. Е. Астафьевым (1846–1893): «Душа человеческая — всего дороже. Таков основной мотив Православия, самодержавия и всей народности нашей»². Внутренняя Красота³, Божье дыхание в душе и есть самое главное, самое ценное, существенное. В XX веке И. А. Ильин (1882–1953) писал, что из глубины Православия родилась в нас эта уверенность, что священное есть самое главное в жизни, без него жизнь становится унынием и пошлостью.

Традиция «умного делания» в Византии получила, как известно, свою письменную фиксацию в аскетических святоотеческих сочинениях. Характерно название сборников этих творений — «Филокалия» («Φιλοκαλία», на церковно-славянском — «Добролюбие». Впервые название «Филокалия» появляется благодаря св. Василию Великому (IV в.), озаглавившему так сборник сочинений своего учителя Оригена, составленный в его память. По-гречески «филокалия» буквально означает любовь к красоте. Но Красота — одно из имен Бога в Византии, так же, как и Добро⁴.

Термин «филокалия» для православной Византии был не менее важен, чем для языческой Греции термин «калокагатия»⁵. Филокалия — запечатленный в слове аскетический опыт, наследие «науки из наук», «художества из художеств», как называют аскетику Святые Отцы. Конечная же *цель* аскетики — целенаправленное приготовление духа, души и тела к встрече со Христом.

Суть православной аскетики сконцентрирована в словах апостола Павла: «Сам же Бог мира да освятит все во всей полноте, и ваш дух, и душа, и тело во всей целостности да сохраняются без порока в пришествие Господа Иисуса Христа» (1 Фес. 5, 23). В этих словах говорится о встрече человека со Христом. Под Пришествием Господа Иисуса Христа здесь подразумевается и пришествие, которого сподобились и сподобляются отдельные подвижники в процессе православного аскетического подвига еще и в этой жизни, и в этом мире. Пришествие — не только факт мировой истории, но и факт, раскрывающийся в личном, внутреннем опыте православной жизни. Человек призван участвовать во встрече с Христом всем своим существом, «во всей полноте». Именно в этом сохранении без порока духа, души и тела, целенаправленное приготовление их к встрече со Христом и заключается *назначение* (курсив Г. С.) аскетики, «функция которой сводится к

¹ Лосский В. Н. Богословие Света в учении св. Григория Паламы / Лосский В. Н. По образу и подобию. М., 1995. С. 71.

² Астафьев П. Е. Национальность и общечеловеческие идеалы / Астафьев П. Е. Философия нации и единство мировоззрения. М.: Москва, 2000.

³ «Бог есть Красота, Сверхкрасота, Всекрасота, без начала и конца, безо всякого изъяна, источник и прообраз всякой красоты и всех красот» (св. Дионисий Ареопагит).

⁴ Прохоров Г. М. Дионисий Ареопагит. Сочинения. Толкования Максима Исповедника. СПб.: Алетейя, 2002.

⁵ Калокагатия — (калоκαγαθία: от καλός — прекрасный, αγαθός — хороший), понятие прекрасно-добраго, выражающее представление о синкретическом единстве этического и эстетического, нравственного и физического совершенства.

сознательному контролю за всеми процессами, протекающими на духовном, душевном и телесном уровнях, а также к правильной координации этих процессов между собой»¹. В. И. Мартынов определяет аскетику как процесс, приводящий все силы и уровни человеческого существа в такой порядок, при котором возникают реальные предпосылки для соединения человека с Богом². Дух — та область человеческого существа, в которой происходит непосредственная встреча с Богом. «Душевный человек не принимает того, что от Духа Божьего, потому что почитает это безумием; и не может разуместь, потому что о сем надобно судить духовно (1 Кор. 2, 14). Око духа раскрывается только в результате телесных и душевных трудов, которые составляют область аскетики в общепринятом смысле слова, аскетики как системы упражнений, ограничений, выводящих человека из тиранического подчинения миру. Без трудов души и тела око духа не откроется, и человек так и не встретится с Богом.

Конечная же *цель* аскетики — преобразование сознания, достижение состояния внутренней молитвы.

Аскетика являет собой теоретико-практические указания для особо возлюбивших Бога, для монашествующих, людей, «не имеющих в себе ничего, что не было бы обращено к Богу». (В. И. Мартынов). Византийский император Алексей Комнин (1081–1118) говорил, что монахи — это соль земли православной, свет миру. Монашество освещало миру путь на Небо, оберегало его от нравственной порчи, оцерковляло жизнь светскую и гражданскую³.

Монашеству принадлежит совершенно исключительная роль в русской культуре XII–XVII вв., когда над всей русской стихией как будто виднеется черный монашеский клобук. Русь этого периода может быть названа «страной монахов и преподобных»⁴. Стремление к монашеской жизни сопоставимо только с непревзойденными образцами ранневизантийского подвижничества IV–VI вв. в Египте и Сирии. Именно аскетическое подвижничество в лице преподобного Сергия Радонежского выработало русский духовный идеал на многие столетия. «...Фигура монаха являлась реальным центром не только духовной, но и социально-политической и культурной жизни, ... вся общественная жизнь была ориентирована на аскетический подвиг... Святая Русь — это конкретная, реально существующая форма *синергийной культуры*⁵. Святая Русь — это версия преобразования земного мира в икону мира небесного»⁶. На Руси святость стала высшей духовной ценностью. В XIV в. Константинопольский патриарх Филофей Коккин в 1355 г. благословляет преподобного Сергия золотым мощеносным крестом, а в 1370 г. в послании

¹ Мартынов В. И. Культура, иконосфера и богослужebное пение Московской Руси. М.: Прогресс-Традиция, Русский Путь, 2000. С. 41.

² Там же. С. 40.

³ Соколов И. И. Состояние монашества в Византийской церкви с середины IX до начала XIII века. СПб.: «Издательство Олега Абышко», 2003.

⁴ Мартынов В. И. Культура, иконосфера и богослужebное пение Московской Руси. М.: Прогресс-Традиция, Русский Путь, 2000. С. 181.

⁵ Синергия (*букв.* — сотрудничество, соработничество) — соединение тварной, человеческой, энергии, с нетварной, Божественной, соработничество человека и Бога. Сущностью культуры Московской Руси и является принцип синергийности, способность человека к соединению с Красотой как с нетварной энергией.

⁶ Мартынов В. И. Культура, иконосфера и богослужebное пение Московской Руси. М.: Прогресс-Традиция, Русский Путь, 2000. С. 181–182.

святому благоверному Великому князю Дмитрию Ивановичу называет русских «святым народом»: «для вас (русских), этого обитающего в тех краях **святого Христова народа** (το τοῦ Χριστοῦ ἅγιον ἔθνος), за страх перед Богом, за любовь и веру (вашу), молюсь и люблю всех вас, как уже сказал, больше, чем другие (народы)»¹.

Итак, русской душе присуще стремление к православному идеалу, воплощенное в полной мере в аскетической практике монашества. Именно здесь лежат корни идеи Достоевского о том, что спасение России придет из иноческой кельи. Его влекла фигура русского инока. В письме А. Н. Майкову Достоевский пишет о монастыре: «В этом мире я знаток и монастырь русский знаю с детства»².

Но откуда протекает исключительная отзывчивость, «всеоткрытость» русского человека Православию? Вспомним прозрение Ф. И. Тютчева, слова, раскрывающие идею сокровенной родственности русско-славянской природы православному духовному идеалу: «Русский человек — христианин не только в силу Православия своих убеждений, но еще благодаря чему-то более душевному, чем убеждения. Он — христианин в силу той способности к самоотвержению и самопожертвованию, которые составляют как бы основу его нравственной природы...»³.

Достоевский таинственно, глубинно связан с Россией. Одним из важнейших, неотъемлемых качеств русской классической литературы и философии является «познание самой России и созерцание Ее тайны. Для русской души самый кардинальный вопрос есть вопрос: «Что такое Россия?»⁴ Познание России являет собой «соборное делание». Через художественный мир только одного Достоевского невозможно открыть всю Россию. Но Достоевский принадлежит к тем русским писателям (Пушкин, Гоголь, Тютчев, Лев Толстой), без которых сущность России не постижима. Достоевский продолжает в русской литературе линию Гоголя, «пророка православной культуры» (В. В. Зеньковский), раскрывшего в своей духовной прозе идею сущностной религиозности русской культуры. Достоевский скажет, что «Россия навсегда осталась у ног Христа», что «в судьбах настоящих и в судьбах будущих православного христианства — в том и заключена вся идея народа русского, в том его служение Христу и жажда подвига за Христа. Жажда эта истинная, великая и не переставаемая в народе нашем с древнейших времен, непрестанная, может быть, никогда, — и это чрезвычайно важный факт в характеристике народа нашего и государства нашего»⁵.

Существует феномен особой связанности русского и России. Русский только тогда становится русским, когда он весь проникнут Россией, когда

¹ *Медведев И. П.* Русские как «святой народ»: взгляд из Константинополя XIV в. // Византийское богословие и традиции религиозно-богословской мысли в России. СПб., 2000. Вып. 3. С. 83–88.

² Цит. по: *Лосский Н. О.* Достоевский и его христианское миропонимание / Ф. М. Достоевский и Православие. М.: Отчий дом. 1997. С. 236.

³ Сочинения *Тютчева Ф. И.*: Стихотворения и политические статьи. СПб., 1990. С. 475.

⁴ *Мамлеев Ю.* Философии русской патриотической лирики / *Горичева Т., Мамлеев Ю.* Новый Град Китеж. (Философский анализ русского бытия). Париж: Беседа, 1989. С. 91.

⁵ *Достоевский Ф. М.* Дневник писателя. 1876 / Достоевский Ф. М. Мысли. Высказывания. Афоризмы. Париж: Издательство «Пять континентов», 1975. С. 112.

он слышит ее внутреннюю музыку, созерцает ее Лик, постигает ее сердцем: «Я скажу не надо рая, дайте Родину мою» (С. Есенин), «О России петь, что стремиться в храм» (И. Северянин), «Русь! Иль во мне, в душе самой уж расцветашь ты незримо» (В. Набоков). Удивительную последовательность внутреннего роста смыслов в душе русского человека, логику его приобщения к Логосу гениально выразил Н. В. Гоголь: **«А не полюбивши России, не полюбить вам своих братьев, а не полюбивши своих братьев, не возгореться вам любовью к Богу, а не возгоревшись любовью к Богу, не спастись вам».** «...Если вы действительно полюбите Россию, вы будете рваться служить ей»¹. Любовь к России — это исток русской духовности, которая благодаря Православию обрела свою форму, способность к осознанию самобытности и, соответственно, места в мировой культуре в качестве русско-славянской части восточно-христианской цивилизации, входящей в Pax Christiana.

Великая русская литература — «серьезное дело серьезного народа» (Л. Н. Толстой), высокое служение России. Не случайно французский литературовед Мельхиор Вогюэ, читая Достоевского, писал, что здесь не литературой пахнет. Достоевский утомляет, как чистокровные лошади. Великая русская литература — перерастает рамки беллетристики, становясь инструментом созидания жизни², всего ее духовно-душевного состава. Это поиск и путь к Истине. П. А. Флоренский подчеркивал присущее русским отношение к истине как существу живому. «Обращаться со словом нужно честно. Оно есть великий подарок Бога человеку» (Н. В. Гоголь). В особой роли литературы и философии в нашей культуре проявляется почтительное отношение к слову, воспринятое Русью от Византии. «...Русский язык стал звучащей и говорящей плотью». «Эллинистическую природу русского языка можно отождествить с его бытийственностью». Каждое слово словаря Даля есть орешек акрополя, ... наш маленький Кремль»³. Подлинная русская литература не терпит подделок, неправды, неискренности. Отсюда иногда некоторая шероховатость, как бы неуклюжесть, едва ли не корявость, неотделанность стиля. Но отсюда же и глубинная, жизненная правда, естественность и истинность. Характерно восклицание Л. Н. Толстого после прочтения одного из сочинений Тургенева: «Тургенев опускается до приемов».

Достоевский с очевидностью показал, что именно святость, стремление к чистому сердцу⁴ («Сердце чисто созижди во мне, Господи»), благодатному,

¹ Гоголь Н. В. Выбранные места из переписки с друзьями. Нужно любить Россию (Из письма к гр. А. П. Т...му). 1844 / Гоголь Н. В. Нужно любить Россию. М.: Русская симфония, 2007.

² Русская литература включает в себе глубочайшие философские и религиозные искания и прозрения. И хотя «людям, озабоченным реальными делами и вещами, смыслы, идеи, умозрения и вся философия представляются пустыми призраками», «...метафизика господствует над миром и изменяет его своими формулами» (курсив Г.С.) // П. А. Бакунин «Запоздалый голос сороковых годов: (По поводу женского вопроса). — СПб.: тип. В Безобразова и К°, 1881. — С. V.

³ Мандельштам О. Э. О природе слова / Мандельштам О. Э. Слово и культура: Статьи. М.: Сов. писатель, 1987. С. 58.

⁴ Ф. М. Достоевский, решив возобновить издание «Дневника писателя», писал (письмо И. С. Аксакову от 4 ноября 1880 г.): «Вам дружески признаюсь, что, принимая с будущего года «Дневник», часто и многократно на коленях молился Богу, чтобы дал мне сердце чистое, слово чистое, безгрешное, нераздражительное, независтливое» / Цит. по: Андреев И. М. Русские писатели XIX века. М., 1999. С. 330.

синергийному существованию составляет фундаментальную основу русской духовности. Восприятие Достоевского без понимания его глубинной укорененности в православной духовности ведет к искажению подразумеваемых писателем смыслов. Например, в современной культуре истолкование обмирщенным сознанием употребляемых писателем слов «красота», «всечеловечность» вне породившего их церковного контекста нередко лишает их высокой духовной составляющей, ведет к одномерному восприятию. Достоевский говорит о горней Красоте, Красоте как одном из имен Бога. А, говоря о всеотзывчивости, всечеловечности русского человека, его призвании «быть братом всех людей», подразумевает его призвание к стоянию в Истине, способность Ее хранить, чтобы раскрыть всем ищущим и взыскующим, то есть говорит о верности православной, католической¹, всеобъемлющей вере.

«Русский человек ничего не знает выше христианства, да и представить не может ... вникните в Православие: это вовсе не одна только церковность и обрядность, это живое чувство, обратившееся у народа нашего в одну из тех основных живых сил, без которых не живут нации»².

Для Достоевского ни человек, ни создаваемая им культура не могут жить без идеала. В России этот идеал Православие. Но как возможна православная культура? Ключевой характеристикой православной культуры является синергия как единство человеческих усилий и божественной благодати. Не есть ли путь постижения Бога неминуемое отречение от человека в себе? В романе «Идиот» Достоевский, казалось бы, дает именно такой ответ. «Князь Мышкин — это человек, который ...имеет доступ к Божественной стихии мира». «Если в душу светит и вливается эта стихия, человек субстанционально становится добрым и милостивым; зло в нем преодолевается и человек становится существенным». «Он также внутренне убежден, что каждый человек обладает этими святыми воротами и носит в себе освященный остов метафизического добра»³.

«Неужто, — задается вопросом И. А. Ильин в статье «Образ идиота у Достоевского», — можно достигнуть сверхчеловеческого, став лишь неполноценным человеком? ...только ценою отречения от человека в себе?» И отвечает, что в «Братьях Карамазовых» Достоевский показал двух благочестивых: «здорового, но чистого сердцем старца Зосиму и его любимца Алешу Карамазова, в котором бушует необузданная стихия карамазовских страстей и который, тем не менее, идет по жизни чистым. Путь князя Мышкина, таким образом, не единственный возможный путь на земле. Есть и другие пути»⁴.

«Русский человек плохо знает Евангелие, но Христа он знает». Именно погружаясь во внутренний мир русского человека, Достоевский все более открывал для себя Христа. Что касается святоотеческой литературы, то обратимся к свидетельству Н. С. Лескова, который лично знал Достоевского «и имел неоднократно поводы заключить, что этому даровитейшему человеку, страстно любившему касаться вопросов веры, в значительной степени

¹ Καθολικός — (греч.) всеобъемлющий, универсальный.

² Достоевский Ф. М. Записная книжка / Достоевский Ф. М. Мысли. Высказывания. Афоризмы. Париж: Издательство «Пять континентов», 1975.

³ Ильин И. А. Образ идиота у Достоевского / Ильин И. А. Собр. соч. в 11 т. Т. 6. Кн. 3. С. 380.

⁴ Там же. С. 395.

не доставало начитанности в святоотеческой литературе, с которой он начал свое знакомство в довольно поздние годы жизни, и по кипучей страстности своих симпатий не находил в себе спокойности для внимательного и беспристрастного ее изучения¹. Вместе с тем отметим специальную работу, посвященную анализу святоотеческих источников творчества Ф. М. Достоевского. Это книга С. Сальвестрони «Библейские и святоотеческие источники романов Достоевского» (СПб.: Академический проект, 2001). Событием 2010 г., предшествующего двум памятным датам, связанным с Достоевским, стал выход двухтомника «Евангелие Достоевского»².

Христианский гуманизм Достоевского, как и образ Алеши Карамазова, вызвал неприятие со стороны К. Н. Леонтьева. Философ, проходивший «школу аскетизма» в Оптиной пустыне в течение ряда последних лет своей жизни³, утверждавший, что в России либерализм пропитал и церковное сознание, следовательно, необходима культура сурового греческого Православия монашеского типа, выразил свое отношение в статье «Наши новые христиане. Против розового христианства Л. Н. Толстого и Ф. М. Достоевского». К. Н. Леонтьев старался убедить читателя, что Достоевский и Толстой недостаточно хорошо знают святоотеческую литературу и делают, соответственно, неверные выводы, как бы приземляя, «облегчая» христианство в угоду слабой человеческой натуре. Отзыв на эту статью написал Н. С. Лесков⁴, в свою очередь показавший, что Леонтьев излишне самонадеян относительно глубины своего знания византийско-аскетического наследия.

К. Н. Леонтьев упрекал также Достоевского в искусственности образа Алеши Карамазова, говоря, что подобных монахов нет в современных русских монастырях. Однако очень прозорливое замечание принадлежит В. В. Розанову, который, как известно, с большой теплотой и симпатией относился к Леонтьеву. И, может быть, как никто, видел и понимал суть его натуры. («Изумительно чистое сердце, настоящая жемчужина на дне моря в своей Оптиной пустыне».) Розанов писал, что Достоевский показал тип монаха, который был свойственен ранней Византии, золотому «веку патристики». Именно в этом монашестве Достоевский видел спасение России, надеясь, что оно придет из сердца ИНОКА, воспринявшего очистительный свет преображения⁵. «Стяжи дух мирен, и тысячи вокруг тебя спасутся»

¹ Лесков Н. С. Граф Л. Н. Толстой и Ф. М. Достоевский как ересиархи (Религия страха и религия любви) / Лесков Н. С. О литературе и искусстве. Л.: ЛГУ. 1984. С. 119.

² Евангелие Достоевского / В 2-х. т.: Т. 1: Личный экземпляр Нового Завета 1823 года издания, подаренный Ф. М. Достоевскому в Тобольске в январе 1850. Т. 2: Исследования. Материалы к комментарию. М.: Русский Мир, 2010.

³ Сначала под духовным водительством о. Климента Зедегольма, затем, после его ухода из жизни, под окормлением великого старца Амвросия Оптинского, принявший там монашество, погребенный в Гефсиманском скиту Троице-Сергиевой Лавры, в которую он переехал, исполняя послушание своего духовного отца.

⁴ Лесков Н. С. Граф Л. Н. Толстой и Ф. М. Достоевский как ересиархи (Религия страха и религия любви) / Лесков Н. С. О литературе и искусстве. Л.: ЛГУ. 1984.

⁵ «Если удастся, то сделаю дело хорошее: заставляю сознаться, что чистый, идеальный христианин — дело не отвлеченное, а образно реальное, возможное, воочию предстоящее, и что христианство есть единственное спасение Русской Земли ото всех ее зол» / Достоевский Ф. М. Из письма к Н. А. Любимову, секретарю «Русского вестника», 11 июня, 1876 г.

(прп. Серафим Саровский). После посещения Оптиной Пустыни Достоевский сделал запись: «Удивятся же все, если скажу я, что спасут Россию молитвы этих смиренных старцев, ищущих покоя и уединения».

В размышлениях Достоевского значительное место занимает в связи с Православием «Восточный вопрос»¹ и взаимоотношения Русской Церкви с христианским Востоком.

В «Дневнике писателя» за ноябрь 1877 он писал: «Восточный вопрос есть в сущности своей разрешение судеб Православия... Утраченный образ Христа сохранился во всем свете чистоты своей в Православии». Достоевский становится одним из борцов за преодоление насильственной изоляции Русской Церкви, обусловленной петровскими реформами и последовавшей за ней секуляризацией с лютеранским уклоном. Он видит неблагоприятные последствия отрыва Русской Церкви от христианского Востока, что проявилось, например, в исчезновении в России старчества, оставив русский народ и монашество без этой высшей формы духовного окормления. «России... полезно теперь, на некоторое время, забыть хоть немножко Петербург и побывать на Востоке», — пишет Достоевский. Мыслитель говорит о необходимости преодоления разобщенности между православными народами, видит церковное разрешение Восточного вопроса в объединении всех православных народов и созыве Вселенского Собора.

Достоевский, «тайновидец духа», прозрел, что в России давно и сложно перемешаны две культуры, говоря терминами К. Н. Леонтьева: *византийско-аскетическая* (культура преображения человека, запечатленная в византийском «Добротолюбии», старчестве, русском идеале святости) и *прогрессистско-эвдемоническая* (утилитарная, связанная с поклонением вещам, стремлением к комфорту и внешнему удобству жизни). Как писал К. Н. Леонтьев: «Живем мы, правда, все в одно время, но живем не одним и тем же... Я верю, что в России будет пламенный поворот к Православию, прочный и надолго... Я верю этому, потому что у русских болит душа... Православие или, другими словами, культура **византийского аскетизма** (выделено Г. С.), есть единственный противовес всеобщего, мелкого удовольствия»².

Достоевский — представитель подлинно русского искусства, искусства, которое говорит человеку о его призвании к горнему как идеалу и животворному источнику земного бытия. «В чем сила русского искусства, русской литературы (кроме таланта самого по себе)?» — спрашивал Г. В. Свиридов и отвечал: «Я думаю, она в чувстве совести»³. Совесть же — это голос Бога в душе. Характерно в этом отношении понимание искусства, которое принадлежит И. А. Ильину. Мыслитель говорит о «художественном искусстве» как о собственно искусстве: «искусство дает опытное переживание священной глубины в привычно-несвященных образах действительности. Истинное искусство говорить человеческому духу о Духе и духовном; и чем

¹ См. освещение позиции Достоевского по отношению к Восточному вопросу в недавно вышедшей книге. В. А. Котельникова «“Что есть Истина?” Литературные версии критического идеализма». СПб.: Издательство «Пушкинский дом», 2010. С. 296—312.

² К. Н. Леонтьев. 4-ое Письмо с Афона. 23.08.1872 // Начала, 1992, № 2.

³ Свиридов Г. В. Музыка как судьба. М.: Молодая гвардия, 2002. С. 126.

художественнее эта речь, тем ближе искусство подходит к религии, — не в том смысле, что оно выбирает конфессиональные образы и темы, но в том смысле, что оно раскрывает в самом простом, обыденном, светском образе, в с виду незначительной теме — сокровенную значительность, предметную глубину, духовный огонь. Божий луч, Божие веяние и присутствие. И в этом его очистительная сила»¹.

Каждый подлинный писатель приходит в мир со своим «новым словом» (Ап. А. Григорьев). «Новое слово» Достоевского заключалось в том, чтобы «при полном реализма найти в человеке человека», найти в нем образ Божий, раскрыть в человеке его призвание к горнему, его стремление ко Христу. И, соглашаясь с Н. Н. Страховым, что Достоевский раскрыл русского человека в ситуации трагической борьбы за самого себя (в то время как Лев Толстой — в ситуации твердой верности русского своим национальным инстинктам), представляется невозможным принять мысль философа о том, что художественный гений Достоевского заключался, скорее, в изображении борьбы с властью извращенных идей над душой русского человека, чем в постижении фундаментальной природы этой души².

Достоевский раскрыл реальность живого родника духа, которого жаждет русская душа, которым она укрепляется и живет.

¹ Ильин И. А. О религиозном очищении / Ильин И. А. Аксиомы религиозного опыта. Т. 2. Гл. 15. М.: Русская книга, 2002.

² Страхов Н. Н. Литературная критика. М., 1984. С. 111.

София
БЕР-ТАМОЕВА

НУНЕХА

Сказы

София Леонидовна Бер-Тамоева — родилась и выросла в ассирийском поселении Верхний Двин, расположенном в Араратской долине. В 17 лет уехала в Москву и поступила на режиссерский факультет МГУКИ. По окончании вуза уехала жить в Минск. В 1995 году вернулась в **Москву** и занялась журналистикой.

Когда родилась дочь, Сусаник решила дать ей имя, какого еще не было в селе, и поэтому ребенок несколько месяцев жил без имени. Это продолжалось до тех пор, пока в клуб не привезли фильм «Кармен». Муж был в этот день пьяный и злой, в клуб Сусаник не пустил и пригрозил, что ребра переломает, если уйдет. Сам ушел в сад и лег храпеть под тутовым деревом. «Это он специально», — шептала Сусаник, раскачивая люльку, в которой дочь уже давно спала. Может и так, потому что храп смолк как раз к тому времени, когда звуки из клуба, доносившиеся до их дома, прекратились, и люди повалили, шумно обсуждая фильм. Две сестры-близнеца, Марго и Инесса, старые девы лет по сорок, остановились у окна Сусаник. «Какое кино?» — спросила Сусаник, даже не пытаясь скрыть жадное любопытство, распиравшее ее молодую грудь. «О любви», — и сестры вздохнули, перебивая друг друга, рассказали ей весь фильм, от начала до конца. И какая Кармен была красавица, танцевала, пела как, и любовник у нее красавчик был, убил ее в конце — и со всеми подробностями.

«Живут ведь люди», — вздыхая, думала Сусаник. И тут ее осенила мысль назвать дочь Кармен. Красавицы из нее не выйдет, но вдруг веселой будет, как эта Кармен, танцевать будет, любить ее будут...

Дав дочери имя, Сусаник почувствовала, что большую часть долга перед ней выполнила, забеременела опять и через положенное время родила мальчика.

Дети росли такие разные, что Сусаник время от времени приходилось напоминать себе, что этот беленький румяный малыш и эта желтолицая девочка с мрачным взглядом — род-

ные брат и сестра. Дочь смутно беспокоила Сусаник, но ей не нравилось долго думать о неприятном, и она гнала от себя беспокойство, стараясь меньше смотреть на девочку.

Где-то лет с пяти у нее началось это: время от времени Кармен рвало. Со здоровьем у нее было все в порядке, по крайней мере, ела она обычную еду, какую ели все — и ничего. К врачам не обращались — не принято было, пока совсем не прижмет. Аппетит у девочки был вяленький, и потому тоща она была чрезвычайно — одни глазищи. В материнской родне все были красавицы — белые, полнотелые — щеки со спины видны. И Сусаник — тоже румяная, с пухлыми короткими ножками, крутым изгибом в нужном месте — обижалась, как будто ее обманули, что не в нее единственная дочь, а в свекровь, сухопарое страшилище, у которой кожа темная, как скорлупа ореха, а пальцы на руках такие длинные и худые, что на них жутко смотреть. Как назло — в свекровь. Да еще и это. В самый неожиданный момент и совершенно беспричинно. «И зачем меня отдали за него, — думала по ночам Сусаник про мужа, — у него кровь гнилая. И у Кармен гнилая, вот ее и рвет. Хорошо, хоть Серопик мой». Сына она любила.

Как-то, когда Кармен было лет десять, Сусаник подозвала ее и сказала: «В твоём возрасте раньше замуж выходили. Учись работать, может и тебя возьмут, если увидят, что ты работающая». Кармен промолчала, и, сделав над собой усилие, сдержалась при матери, потом пошла за дом, и там ее стошнило. Она давно уже поняла, что это надо скрывать. И теперь она засыпала все землей, умыла лицо и сполоснула рот. С этого дня она уже сама себя обстирывала, гладила, чинила одежду.

В свободное время она брала книгу и уходила в сад. Он был большой, но не настолько, чтобы в нем можно было затеряться, как этого хотелось Кармен. И потому она влезала на какое-нибудь дерево, находила удобную ветку, устраивалась на ней и читала, пока до ее слуха не долетал надрывный зов Сусаник. В страхе быть застигнутой на дереве, Кармен в мгновение ока сползала вниз, обдирая в кровь руки и ноги. «На кого ты похожа? — ужасалась Сусаник, — Кошки тебя драли, что ли?»

На улицу без надобности Кармен выходила редко. Подрастающие и становящиеся девушками сверстницы уже стыдились бегать, как раньше, по улицам, а чинно сидели в прохладе орешника и рассказывали друг другу разные истории. Когда темнело, говорили о женихах. Больше всего их было у Тamarко — девять человек. «И кому я достанусь?» — вздыхала она. «Дали б тебе хоть школу закончить, — делали вид, что сочувствуют, подруги, — а то еще украдет тебя кто-нибудь из них». «Да они все знают, что мой отец голову за это отрежет», — отвечала Тamarко, и никто не сомневался в этом.

Кармен говорить было нечего, женихов у нее не было. Еще ни разу к ее родителям не приходили сваты. И, наверно, не посватаются, думали подруги, жалели Кармен и презирали.

А Кармен удивлялась: что хорошего — иметь женихов? Это же стыдно. Ей было жалко, что они уже не могут, как раньше, бегать по улицам. И она стала все реже выходить на улицу, уходила в сад и забиралась на дерево.

Как-то раз вечером она сидела на своей любимой груше, ветви которой были так сплетены, что на них было удобно, как на стуле. Сидела и уснула. Проснулась от голосов, звучащих совсем рядом. Сначала она не

поняла, потом до нее дошло, что говорят в соседнем саду. Груша, на которой она сидела, росла у самого забора, а говорившие были по ту сторону так близко, что ей было слышно каждое слово. Судя по всему, к соседскому сыну пришли его дружки. Смысл их разговора поначалу ей был непонятен, а когда поняла, чуть не фыркнула: они говорили о невестах, как девчонки о женихах. Каждый хвастался своей. Никогда бы раньше не подумала. Стараясь не шуметь, она стала спускаться с дерева. И тут застыла. «А Онику, знаете, кто нравится? — услышала она голос соседского сына. — Я уже понял. Эта моя соседка, Кармен, что ходит с ободранными ногами...» Он еще что-то говорил, но Кармен, в ужасе, что услышит что-то еще, чего она не хотела слышать, рискуя себя обнаружить, сползла с дерева и убежала.

Кто этот Оник? Она видела его раньше несколько раз: он такой большой — что ему от нее надо? Говорили, что он один в драке победил четверых. Он страшный. Ее бил озноб. Сусаник отправила ее в постель, и Кармен, укрывшись с головой, лежала и думала, что же теперь делать.

Утром жизнь ей показалась не такой безвозвратно испорченной. В конце концов, сосед, этот болтун и пучик¹, мог что-нибудь напутать, она ведь не слышала продолжения разговора. Да, скорей всего, это какая-то ошибка, решила она. Но на всякий случай с того дня она обходила свою любимую грушу и вообще держалась подальше от соседского забора.

За полмесяца до Мареза² в магазин привезли ткани. Кармен тоже ходила с бабушкой смотреть и щупать гладкую накрахмаленную поверхность свернутых в огромные рулоны материй. Когда уже выходили из магазина, бабушка держала под мышкой небольшой сверток, который дома развернулся в ситцевое поле, усеянное меленькими голубыми цветами. «У нас такие не растут, — сказала бабушка, — а где-то там, в России. Я сошью тебе из них платье». У Кармен еще никогда не было настоящего взрослого платья, и она два дня просидела, не отходя от бабушки. «Смотри и учись, — говорила бабушка, — я хочу, чтобы, когда придет время, ты сшила мне платье, в котором я буду лежать в гробу».

Когда Кармен надела готовое платье, бабушка долго оглядывала ее грустными глазами. «Иди сюда, — сказала она, — я скажу тебе что-то на ухо. Ты немножко худа, немножко смугла, но ты красавица, просто этого никто не видит. Меня тоже всю жизнь считали страшилищем, но я-то знала, какая я, и ты тоже про себя знай». Кармен подошла к зеркалу, с которого на нее недоверчиво смотрела чужая нарядная девушка. «Это я», — и поверила тому, что сказала ей бабушка.

В день Мареза — как в подарок — подул освежающий ветер. Уже с утра улицы наполнились звуками детских свистулек и дудок. Малыши набили рот сладостями, привезенными бродячими торговцами, от чего из ртов у них текли на грудь липкие струи. Кармен еще с прошлых лет помнила этот вкус жаренного сахара, прилипавшего к небу и зубам. Все ходили наряженные и праздные — сначала в церковь, потом куда-нибудь в гости. Сусаник, приготовив все для праздничного стола, дала Кармен пятьдесят копеек и отпустила ее.

¹ Пучик — надувной шарик, пустышка.

² Марез — ассирийский праздник Всех Святых.

Солнце сияло и звенело, когда Кармен шла по улице в первом в ее жизни настоящем взрослом платье, усеянном маленькими голубыми цветами, которые здесь не растут, а где-то там, в России. Хорошо быть юной, хорошо быть красавицей, даже если этого никто не видит. А может, и лучше, что это — как тайну — другие не знают.

Кармен прошла, как по углям, по улице, дошла до церкви, зашла, и, поставив свечку у иконы Божьей Матери, помолилась об отце, матери, Серопике и бабушке. А в конце, одними губами, попросила за себя.

Выйдя из церкви, она прошлась по ряду, где прямо на земле сидели заезжие толстые женщины в широких пестрых юбках, каждый год привозившие на Марез свой товар. Перекрикивая друг друга, они зазывали к себе, предлагая надувные шарики со свистком, жвачку, от которой болела челюсть, разноцветные леденцы, бумажные шары на резинке, ярко-желтую, под золото, бижутерию — все это сомнительное добро, так соблазнявшее детвору, и еще недавно саму Кармен. Ей хотелось купить что-нибудь, просто так, для праздника, но ни на чем не остановив взгляд, она прошла дальше, купила мороженое и повернула к дому.

Дул легкий освежающий ветер, едва колеблющий горячий и густой, как желе, воздух. Он робко раскачивал подол первого в жизни Кармен настоящего взрослого платья, усеянного маленькими голубыми цветами, которые здесь не растут, а где-то там, в России. Ей было радостно от всего. От звящего солнца, прохладного ветра, мороженого, вкусного как никогда, звуков детских дудок и лопающихся шаров... Было так хорошо, будто по венам у нее бегают маленькие солнечные зайчики. Проходя по мосту, Кармен почувствовала взгляд, как если б ее громко, во весь голос, окликнули. Она посмотрела в сторону, где кружком стояли молодые парни, и мгновенно поймала все, что было в этом взгляде. Виноватость, робость, едва сдерживаемая дерзость и жадность, такая дерзость и жадность, что Кармен пошатнулась, в отвращении бросила мороженое и тут же, на мосту, ее стошнило. Голова закружилась, и она постояла минуту, глядя на мутную поверхность воды и приходя в чувство. Взяла себя в руки и спокойно прошла мимо людей, с удивлением глядящих на нее.

Когда Сусаник ее увидела, то сразу все поняла. «Бесстыдница, позорница, — кричала она, — осрамила нас! Как людям теперь в глаза смотреть? Лучше б я кусок камня родила!..» Кармен, дав матери отвести душу, зашла в ванную и, скинув платье, долго стояла под струей воды, смывавшей с нее пыль, слезы и взгляды.

Все лето и осень Кармен больше не выходила за ворота. Она знала, что люди судачат о ней, и, жалея мать, решила не показываться на улице. Она чувствовала вину, что не сдержалась тогда, на мосту. Воспоминания об этом вызывали у нее приступы тошноты, и она гнала от себя эти мысли.

Целыми днями она работала по дому, полола грядки, смотрела за деревьями в саду, а вечерами вскарабкивалась на одно из них. Сусаник махнула на нее рукой, и Кармен могла долго смотреть на небо, круглое, как шапка, усыпанное огромными, с кулак, звездами.

В ноябре, вечером того дня, когда Кармен собрала последнее ведро персиков, случилось то ужасное событие. Она приготовила персики на продажу, очистив щеткой от пуха — Сусаник на другой день собиралась ехать

на рынок. Смыла с себя пух, от которого кожа нестерпимо зудела, надела чистый халат и, по своему обыкновению, тихонько скользнула в сад.

Листья на деревьях уже всюду желтели и краснели, и Кармен, прощаясь на зиму с садом, теперь каждый вечер обходила его. Дойдя до самого дальнего угла, где у них была запасная калитка, Кармен увидела человека. Точнее, это был силуэт — темнело — незнакомый мужской силуэт. В этом месте сад огораживал не каменный забор, а железная сетка, и человек стоял по ту сторону, но лицом к их саду. Он держался руками за сетку и вглядывался в их сад. Она испугалась и юркнула в густорастущую высокую траву у забора. Тысячи мыслей пронеслись в ее голове в одно мгновение, а одна показалась самой правдоподобной: ее хочет украсть Оник, этот человек, кошмар ее ночей. Даже если это не он, это может быть кто-то из его друзей, да, это не он, он выше и крупнее. Она сидела, не шелохнувшись. Судя по всему, он ее не заметил, иначе не стоял бы там же. Только обрадовавшись этому, она увидела, как по саду бежит мать — Сусаник напрямик мчалась к человеку, вцепившемуся пальцами в железную сетку. И шепот, жаркий оглушительный шепот ее матери с чужим, незнакомым человеком. Лучше бы ослепнуть и оглохнуть. Кармен уткнула голову себе в колени и, как в детстве, терла ладонями себе уши, чтобы ничего не слышать. Сколько она так просидела, она не могла бы сказать — до тех пор, пока шум в ушах от трения ладонями, напоминавший звук моря в огромной раковине, лежавшей в бабушкином комоде, не взорвал другой звук — гораздо грубее и сильнее — звук выстрела.

Открыв глаза, Кармен увидела мать, склонившуюся над лежащим на земле человеком. В нескольких шагах от нее стоял Серопик с ружьем в руках. «Он умер», — не то спросила, не то сказала Сусаник. Кармен вылезла из травы, подошла к лежащему на земле человеку и вгляделась в его лицо. Это был ее отец.

Отовсюду бежали люди. «Это был несчастный случай, — быстро-быстро говорила Сусаник, — ты слышала, несчастный случай...» Люди все бежали, кричали, и бабушка кричала, Кармен смотрела на них, и вдруг звуки исчезли, и только люди все метались и в ужасе разевали рты.

Потом время слилось в одно сплошное месиво. Дом стал полон черных людей, слонявшихся по дому, заложив руки за спину. Они заходили в комнату, откуда слышался плач, и куда Кармен не пускали, а после проходили в залу, из которой убрали мебель и поставили вдоль стен лавки. Эти люди садились на лавки и начинали говорить о чем-то таком, что вначале не доходило до сознания Кармен. Она лежала в соседней комнате, крохотной бабушкиной каморке, и пыталась понять речь этих людей, сидящих на скамейках вдоль стен. Кто на ком женился, у кого кто родился, как кто заработал денег, когда у кого поспеет вино... Они говорили об этом в доме, где лежит покойник. Спокойно и безмятежно, пока в дверях не выросла тень — его дочь, и не сказала: «О чем вы говорите? В соседней комнате лежит в гробу мой отец. Кто не знает этого — уходите».

Она тронулась, бедная, говорили люди, она всегда была немножко не того, уложите ее, не пускайте туда. К ней подходили и клали под подушку и матрас денег. На похороны, все мы смертны.

В тот день, когда во дворе раздалась музыка похоронного оркестра, Кармен ввели за обе руки к покойнику и сказали: «Поцелуй его в лоб».

Она коснулась губами холодного лба, ее оттащили, гроб подняли и понесли. «А-а-а!..» — послышался крик Сусаник, и тут же он потонул в звуках похоронного оркестра.

На другой день приехали люди из районной милиции. Они осмотрели дом, обшарили сад, потом сели в зале, из которой еще не убрали лавки вдоль стен, и долго задавали вопросы Сусаник и Серопику. Кармен опять лежала в бабушкиной комнате и слышала нервный лепет Сусаник. Несчастный случай, муж учил сына стрелять по птицам, не надо было давать ребенку в руки ружье. Случайно, уже темнело. И невнятное бормотанье брата: он сам не понимает, как все произошло. Кармен слушала и удивлялась, что они забыли про человека, вцепившегося в сетку их забора. Она встала, шатаясь, дошла до комнаты, где сидели люди из милиции, мать и Серопик. Посмотрела на них долгим взглядом и прошла мимо. Ее мутило. «От горя тронулась, моя бедная дочь», — услышала она голос Сусаник.

Кармен прошла в сад, посмотрела на багровые листья деревьев и подумала, что они такого же цвета, как кровь убитого человека.

Потом люди уехали и увезли с собой Серопика. Сусаник целыми днями бегала по селу и собирала деньги. Давали почти все, как давала в свое время Сусаник, когда у кого что случалось. «Чем больше, тем надежнее», — суежилась она. Кармен выгребла мятые бумажки из-под подушки и матраса и отдала ей. Их оказалось так много, что Сусаник почти успокоилась. В самом деле, вскоре Серопика отпустили.

Началась странная жизнь. Четверо людей, живущих в одном доме, избегали друг друга. Сусаник и Серопик старались не встречаться с бабушкой и Кармен, а те, в свою очередь, так мало этого хотели, что целыми днями не выходили из комнаты, разве что по необходимости. Бабушка, сидя у кровати, на которой теперь почти все время лежала Кармен, тихо рассказывала ей про дни своей молодости.

В начале зимы из дома исчезла Сусаник, а через несколько дней собрался и Серопик. Он подошел к двери, за которой замерли бабушка и Кармен, и сказал: «Я еду к матери. Больше не ждите».

Они вышли из комнаты, прошлись по дому. «Как будто мы вернулись из дальнего чужеземья, — сказала бабушка. — Это опять наш дом». Но Кармен смотрела и не узнавала старые стены. «Я хочу лечь...» — и, поддерживаемая бабушкой, доплелась до кровати и упала.

Зима была тусклая и унылая. «Хоть бы выпал снег, — говорила бабушка, — и ты бы сразу встала». Но снег все не падал. Сыпался с неба какой-то мелкий пух и тут же таял. «Твой дедушка, — рассказывала бабушка, — ездил в молодости в Россию продавать вино. Там снегом заваливает целые дома. Он как-то раз сел на лавку покурить, и через пять минут его засыпало так, что он оказался как в колпаке, в котором была только одна тонкая дырочка от огня папиросы, через которую он дышал. Ему захотелось вздремнуть, и он поспал немного в снежном домике, а когда проснулся, не мог встать, и ему пришлось кричать, чтобы его откопали. Там по улицам специальные люди с лопатами ходят».

А снег все не падал. Кармен лежала и смотрела в окно на голую ветку черешни и кусок сумрачного неба. «Дал бы только мне Бог силы», — шептала бабушка, поправляя Кармен подушку. Но однажды силы покинули ее.

«Кармен, — окликнула она внучку из соседней комнаты, — я захворала, не могу встать...»

Весь день они пролежали каждая в своей комнате, а вечером Кармен встала и короткими, долгими шагами обессилевших ног понесла бабушке стакан воды со своей тумбочки. «Спасибо, дочка», — сказала бабушка. С этого дня Кармен не ложилась. Теперь уже она смотрела за бабушкой и постепенно, как будто заново привыкая, начала готовить еду, мыть посуду, убирать комнаты. «Как хорошо, что я заболела, — радовалась бабушка, — теперь ты выздоровела». И правда, Кармен выходила во двор и подолгу дышала зимней прохладой, смотрела на строгие линии своих любимых деревьев и тихонько напевала под нос песни. «И ты поправляйся», — говорила она бабушке.

Припасов в подвале у них, как у всех, было много, им двоим хватило бы на несколько лет: многоярусные полки были уставлены банками с вареньем и консервированными овощами, в ряд стояли огромные бочки солений, а в углу сгрудились пыльные кувшины с вином, топленным маслом и домашним сыром. Мешки с картошкой и ящики со свеклой и морковью занимали другой угол. С потолка свисали гирлянды лука и чеснока, прутья, увешанные сине-фиолетовым виноградом. Сушеные персики, набитые толчеными орехами с сахаром, были уложены спиралью на подносах. Всего было вдоволь, только в феврале кончилась мука, из которой Кармен пекла лепешки — одной печь лаваш ей было не под силу, тут не меньше двух человек надо — и она первый раз за долгие месяцы отперла ворота и, вытащив старую, заржавленную тачку, отправилась в магазин.

В магазине, как всегда набитом праздным людом, стало сразу тихо, когда туда вошла Кармен. «Мир вам», — поздоровалась она, никого не видя, и протянула продавцу деньги. Тот погрузил ей мешок и она, катя впереди тачку, пошла заплетающимися ногами от дырявивших ее спину взглядов.

До дома было три улицы. Первую, асфальтированную, она прошла легко, а вторая была в гору, и Кармен обливалась потом, толкая руками и грудью надвигающуюся на нее тяжесть. Земля была скользкая, тачку тянуло в разные стороны, и в ту минуту, когда она почти осилила подъем, тачка споткнулась о какой-то подвернувшийся камень, и, резко крутанувшись, рванула вниз, сбив с ног Кармен. Она поползла на животе вниз вместе с громыхающей тачкой, ее отлетевшими колесами и вывалившимся мешком муки. Что ей было делать? Тачка была разбита, мешок ей тяжел, улицы мертвы, и никто ей не шел на помощь.

«Надо сходить домой за сумками и частями перетащить муку», — едва придя в себя и подобрав оторванные пуговицы пальто, подумала Кармен. И тут за ее спиной выросла тень. «Можно?» — спросил он, поднял мешок и взвалил на плечи. Кармен кивнула и пошла вперед. Дойдя до дома, она открыла ворота. «Здесь», — указала, дав ему переступить порог, и первый раз посмотрела ему в глаза. А они — разве такое бывает? — были самого настоящего синего цвета. Огромные и синие. «Спасибо тебе», — и, одно мгновенье поколебавшись — можно ли? — улыбнулась ему. «Я мечтаю, чтоб ты была моей женой», — оглушил он ее. Сказал и виновато опустил свои синие глаза, постоял, как будто дожидаясь ответа, и, не дождавшись, вышел за ворота и пошел.

Она заперла ворота, пересыпав муку в ведра, перенесла в подвал, под мела, что рассыпалось, и только потом поднялась к бабушке. Сготовила еду, покормила ее, а потом, взяв ее руку в свои, села послушать бабушкиных рассказов времен ее молодости. «А у вас с дедушкой была любовь, или тебя сосватали, как всех?» — спросила Кармен. «Я так давно жду, когда ты меня спросишь об этом, — сказала бабушка, — теперь я могу и умереть. Кто он, чей сын и внук?» «Нет никого, — рассердилась Кармен, — я просто так спросила». И все же на другой день Кармен пришлось вытащить из бабушкиного комода ткань, убрannую туда еще до ее рождения, раскрыть под бабушкиным надзором и начать шить платье, в котором она будет лежать в гробу. «Ты можешь не торопиться, — говорила бабушка, — но лучше, если платье будет ждать меня, а не я платье». Теперь вечерами Кармен шила, выводя каждый стежок с медлительностью и старанием едва ли не большим, чем если бы шила себе свадебное платье. Она могла долго сидеть, склонив голову над шитьем, и, пользуясь этим, иногда вспоминать синие глаза.

Через несколько дней после похода Кармен за мукой к ней зашла Тамарко. Кармен так давно не видела свою подругу, что сначала не узнала ее в пышной накрученной девушке. «Как живешь? — спросила та бодро, как будто вчера виделись. — Кофе сварить?» Кармен растерялась, она даже не знала, есть ли у них кофе, но, порывшись в кухонном буфете, нашла остатки запасов Сусаник — та была большая любительница. «Отец меня отдает — через месяц свадьба, сваты мне полкило золота принесли, а кольцо и серьги — с бриллиантами. Отец полсела на свадьбу позовет, платье уже готово. И ты приходи, а то заперлась, никто тебя не видит. Правда, говорят, видели тебя, как ты шла, а на тебе пальто с оборванными пуговицами, а сзади шел Оник и нес мешок муки. И будто он к тебе во двор входил и долго тут у вас был. Ты же знаешь, люди любят сплетничать. Но отец его, говорят, потом кричал на него, вся улица слышала, что не пойдет тебя сватать, не подходишь ты им, что со странностями ты и тощая — рожать не сможешь, и будто мать у тебя сама виновата, что брат отца застрелил. Он ему уже девушку присмотрел...» Тамарко хлебнула остывшего кофе, заглянула поздороваться к бабушке, и, поводя широкими бедрами, ушла.

«Не будет тебе тут житья, — сказала бабушка, глядя Кармен по голове, — как умру, уезжай отсюда. У дедушки твоего друг был в России, куда он ездил вино продавать. Они писали друг другу. У нас письма его есть, ты там адрес посмотри, если его нет в живых, может, дети его тебе помогут работу найти, ты девушка работающая, умная, и люди тебя родственниками попрекать не будут». «Нет, бабушка, ты лучше не умирай», — отвечала Кармен.

В последних числах февраля, когда этого уже никто не ждал, выпал белый снег. Кармен разбудила бабушка. «Вставай, я уже была на улице, там все, как покрытое платком Божьей Матери, красота чистая», — радовалась бабушка. Кармен посмотрела в окно: все-все было белое, а снег еще шел. «Ложись, замерзнешь», — велела она бабушке, и сама, наскоро одевшись, выбежала во двор. Ах, как хорошо!

«Твой дедушка, — вспоминала вечером бабушка, — когда ездил в Россию продавать вино, после рассказывал, что там зимой с неба такие огромные снежинки падают, что, упав на лицо, закрывают его паутиной, пока не растают, а снег там лежит, пока не надоест...» Кармен слушала, шила ба-

бушке платье и, забывшись, начинала мечтать. «Там, если женщина в глаза посмотрит, ее за это не осудят, и красавицами считаются такие, как ты...»

Следующим утром в дом к ним пожаловала нежданная гостья. На стук Кармен отперла ворота и сначала не поняла, кто перед ней, а потом догадалась — по синим глазам, только старым и не таким добрым — и смутилась. «Где там старая Шамирам? — скрипнула женщина недовольно и оглядела Кармен с ног до головы. Кармен провела ее к бабушке. «Мир тебе», — поздоровалась гостья. «И тебе мир, Ана, если с миром пришла, садись». Кармен подвинула женщине стул и вышла во двор. «Вот как это происходит, — думала она, — очень просто. Просто приходят, спрашивают, где старая Шамирам, и я становлюсь его женой. Ну, конечно, свадьба, платье, белое, как этот снег, суетолака...» Она не волновалась, а, прислушиваясь к себе, удивлялась, что не волнуется. Вот только когда вспоминала близкий робкий взгляд его глаз и тот бесстыдный, как будто не ему принадлежащий, на мосту, в день Мареза... «Странно, — думала Кармен, — неужели эту злую чужую женщину я должна буду называть мамой?»

Кармен уже слегка продрогла: выходя из дому, она накинула на плечи только шаль, а разговор в доме затянулся. И вдруг она услышала крики. Не зная, что и думать, она хотела было уже идти в дом, как дверь распахнулась настежь, и из нее вышла, пятясь, эта женщина и бабушка, простоволосая, в одной рубашке, гневно размахивая руками. «Ты — дочь скорпиона, — кричала бабушка, — убирайся из моего дома и думай, что твой язык говорит... Бог есть, Он все видит, моя внучка — не чесалка для ваших языков...» «Ты — сумасшедшая старуха», — крикнула женщина и замахнулась на бабушку. Кармен ринулась к ней, схватив за рукав, толкнула ее и, не дав ей опомниться, вытолкнула на улицу и заперла ворота. Та в остервенении стучала в ворота и вопила: «Не трогайте моего сына! Не трогайте моего сына!» А бабушка, как будто захлебнувшись глотком воздуха, закачалась и упала на каменный пол двора. «Бабушка, моя бабушка», — слезы хлынули из глаз Кармен, она обхватила бесчувственную бабушку и потащила в дом. «Я сильная, — шептала Кармен, — я очень, очень сильная...»

В постели бабушка пришла в себя и открыла глаза, но говорить и двигаться не могла. «Это, наверное, паралич», — ужаснулась Кармен про себя. «Я пойду за врачом, я быстро, полежи, я мигом...» Она побежала на соседнюю улицу, к доктору Путрусу, к нему все бегали за помощью. Старый дядя Путрус пришел, осмотрел бабушку, покачал головой и грустно сказал: «Отжила ты свое, Шамирам...» Доктор ушел, и Кармен стала опять плакать, сколько слез в ней, оказывается... «Бабушка, пусть бы меня поносили, хочешь, я тебе спою, или расскажу что-нибудь... Нет? Ты хочешь пить? Пей, я знаю, ты любишь холодную воду. Ты у меня самая родная. Когда ты умрешь, и пройдет много лет, я расскажу о тебе своим детям, если они у меня будут. Будут? Хорошо, что выпал снег, и ты его посмотрела напоследок. Я дошью тебе платье, в котором ты будешь лежать в гробу, там осталось немного, я думала, не скоро, когда-нибудь потом...»

Ночью бабушка умерла. Кармен зажгла свечу у иконы и села рядом за шитье. К утру, когда дом стал наполняться людьми, платье было готово совсем. Женщины обмыли бабушку и одели в платье. Кармен могла ни о чем не думать: люди обо всем позаботились, во дворе уже стоял гроб, обтянутый черным шелком.

После похорон дом опять опустел, и Кармен осталась одна. Сорок дней мысли ее и молитвы принадлежали бабушке, а на сорок первый она с утра стала собирать вещи. Выбрала из стопки старых, пожелтевших писем конверт с адресом далекого дедушкиного друга, написанным выгоревшими от времени чернилами. Взяла фотографию в широкой раме, с которой смотрели все вместе: бабушка, Сусаник, отец и она с Серопиком за руку. Бабушка чопорная, в бархатном платье, Сусаник тоже важная, а отец улыбается. Уложила теплые вещи и спустилась в подвал за гостинцами. Взяла с полки самый пыльный кувшин вина, несколько белых кругов сыра, насыпала в один холщовый мешочек грецких орехов, а в другой — изюма. Поднимаясь по лестнице из подвала, увидела со спины и сразу узнала щуплую фигуру соседского сына и удивилась: «Что ты здесь делаешь? Как сюда попал?» Тот резко повернулся к ней и улыбнулся одной стороной рта. «Как не зайти... Ты тут одна, я подумал, надо зайти, а то ты одна...» Угол рта, растянутый в улыбке, у него задергался, он шагнул к ней. «Не я, так другой, ты ведь ничья, Оник на тебе не женится, и никто не женится, другие парни тоже говорят так, а я сосед, у меня права больше, если согласишься, они тебя не тронут...» Он сделал еще шаг, и Кармен, едва он коснулся ее, взметнула руками, освобождая их от даров, оттолкнула его так, что он упал на спину, жалкий и злой. Вид его вызвал у нее приступ тошноты, ее вырвало в метре от него, и она первый раз в жизни порадовалась своей болезни. Пусть, пусть.

Он ушел, как пришел, по-воровски, через забор. Кармен отперла настежь ворота: входи, кто хочет.

Кувшин вина лежал треснутый, и из трещины, как из раны, лилось бордовое вино. Орехи и изюм рассыпались, сыр испачкался. Ну и ладно. Кармен убрала двор, умылась, одела свое единственное красивое платье — то, что бабушка сшила ей к Марезу, с полем голубых цветов, сверху надела пальто, закрыла на ключ все двери и села на чемодан ждать Оника. Подожду час, решила, как раз до автобуса. И он пришел. Постучал робко — такой большой — и такой робкий — и вошел во двор. «Входи, я тебя жду, — она могла быть смелой на прощанье, — вот видишь, я уезжаю». А он уже увидел ее чемоданчик и побледнел. «Ты навсегда?» «Да». «Тебя обидели? Прости, я опоздал». «Не в этом дело». Они помолчали. «Я договорился, меня берут в пастухи, я теперь буду жить в горах. Ты могла бы поехать со мной? Я никогда не откажусь от тебя, если ты согласишься...» Опять помолчали. «Ты поедешь к матери и брату?» «Нет. Туда, где можно смотреть людям в лицо, — она улыбнулась и посмотрела ему прямо в лицо, — хотя бы, чтобы их видеть». «Я только мечтал, что ты будешь моя, но никогда не надеялся. Ты другая для нас». Она встала, подхватила свой легкий чемоданчик, ее здесь уже не было. «Прощай», — и вышла за ворота.

НУНЕХА

В семнадцать лет мать рассказала Нунехе, от чего ее несчастье.

— В ту ночь, когда твой отец привез меня в роддом, — сказала Тато, — яблоку негде было упасть от рожениц. Будто сговорившись, младенцы решили выйти из чрева матерей все разом, в одно и то же время. Женщины в палатах и коридорах лежали на кроватях, вплотную сдвину-

тых друг к другу, и, заглушая друг друга, кричали от боли. Мне пришлось ждать на лестнице, пока не освободится место. Акушерка, пробежавшая мимо, остановилась, увидев меня, вытерла рукавом пот со лба и, задыхаясь, спросила: «Ты в который раз?» Шестой, сказала я. «Когда были последние роды?». «Двенадцать лет назад», — ответила я. Она закивала головой. «Ну, ничего, ты уже опытная, все знаешь. Потерпи, сколько сможешь, а если что, сама справишься. Большинство тут молоденькие, первый раз, без помощи им не обойтись. Так ведь?» Я, закусив губу, кивнула, и она побежала дальше.

Но терпеть я долго не смогла. Не прошло и получаса, как почувствовала, что сдержать твоё появление на свет уже невозможно. Что есть мочи я стала звать на помощь, но мой вопль тонул в гуле других голосов. Собрав все силы, я встала, чтобы самой идти на поиски врача, но тут ты, преодолев все преграды, стрелой вылетела из моего нутра, шлепнулась на ступеньку и покатила вниз по крутой каменной лестнице. От ужаса я оцепенела, в глазах у меня помутилось, но тут, слава Вседержителю, откуда ни возьмись, появился твой отец, и до того, как ты ударилась об пятую ступеньку, на лету подхватил тебя. Чудом я тогда не лишилась рассудка, ведь явись Олуш хоть минутой позже, пролети ты до конца всю лестницу, как есть неминуемо погибла бы...

— Лучше умереть, чем быть уродиной, — сказала Нунеха.

— Не гневи Бога, дочка, ты не уродина.

— Мама!

— Но лицом ты хороша, — оправдываясь, проговорила Тато.

— Лицо видно, только если смотришь на человека спереди, — Нунеха так рассердилась, что из глаз ее брызнули слезы, — если сбоку — то только часть, а сзади вообще не видно. Но со всех сторон заметно, как я хожу...

Она вскочила и, переваливаясь с боку на бок сильнее обычного, подчеркивая свою хромоту, прошлась по комнате.

— Я качаюсь как утка. Я настоящая уродина. У других ноги, а у меня колесо телеги, распиленное пополам. Лучше бы ты послушалась деда!

Старый Йосеп любил внучку больше солнечного света, так сильно, что удивлялся и смеялся над собой из-за этой любви. В доме, где, кроме Нунехи, было пятеро крепких, здоровых детей, которых они вырастили и перенесли, он до боли в сердце привязался к этой косолапой калекке.

— И что в тебе такого, хромоножка, — говаривал он, — что я в тебе души не чаю? И зачем мне такое на старости лет? А все оттого, что мать твоя не послушалась меня. Я ж ей велел тебя не забирать...

— Оставь увечную, где родила! Вернешься с ней, на порог не пущу, — грозился тогда Йосеп, — замуж такую никто не возьмет, и будет она по гроб на нашей шее.

Но Тато, всегда послушная воле свекра, в тот раз ослушалась его. Она вернулась, прижимая к себе маленький сверток, и, без позволения не смея войти в дом, робко встала в дверях.

Дед, занятый растопкой печи, долго ее не замечал.

— Поздно делать виноватое лицо, — наконец закончив, повернулся он к снохе, — разувайся.

Тато поспешно скинула туфли:

— Спасибо, отец.

— Погоди, — Йосеп остановил ее, торопившуюся унести дочку в другую комнату, подальше от глаз свекра, — дай взглянуть....

— Ты посмотришь на нее? — обрадовалась Тато.

Дед вытер руки об штаны, подошел и откинул уголок одеяльца, прикрывающий лицо новорожденной.

И тут Нунеха, причмокивая губками во сне, разомкнула их и громко чихнула, обдав деда брызгами сладостной младенческой слюны.

— Ладно, пусть живет, — растаял Йосеп, — будет по хозяйству помогать.

Но когда девочка начала подрастать, всем стало ясно, что главная помощь от нее не в уборке, стирке или мытье посуды. Рядом с ней можно было делать любую работу, и самый непомерный труд становился посильным и радостным в ее присутствии, ибо этому ребенку, лишенному простого счастья ходить прямо и легко, был дарован волшебный голос. Музыка лилась из Нунехи так же естественно, как дождь из облаков, и вселяла силы в слушателей, как насыщает влага высохшую землю. Нунеха пела старшим братьям и сестрам, и они играючи решали школьные задачи, казавшиеся им сложными, пела вечно уставшему отцу, и к нему возвращалось вдохновение, пела матери, и нудная домашняя работа казалась ей приятней посиделок с соседками, пела односельчанам, когда те просили помочь, пела на свадьбах, на похоронах...

Дай волю окружающим, Нунеха не смолкала бы ни на миг. Поначалу так и было. Но дед, скоро заметив, как обессиливает Нунеха, пропев целый день напролет, как ее смуглые щеки становятся бледными, как тускнеют глаза и мелко дрожат пальцы, запретил трогать внучку.

— Лодыри! Лентяи! Убить хотите девочку? Носите сами свою ношу, а она будет петь, только когда захочет.

Любовь деда к Нунехе многим казалась неразумной.

— Что толку, — говорили люди, — что старый Йосеп бережет внучку, прячет ее от людей? Пой она на людях, глядишь, кто-нибудь, одураченный ее голосом, захочет на ней жениться.

Но Тато Нунехе даже думать об этом не разрешила.

— Если кто и придет к тебе свататься, так только затем, чтоб ты им, как раба, целыми днями пела, — говорила она. — Помни, доченька, замужество — не для тебя, даже не подпускай к себе мысли об этом. Начнешь мечтать о невозможном, подпустишь к себе несбыточное желание, и оно завладеет тобой и не отпустит, пока совсем не иссушит.

Нунеха на эти речи только хмурилась. Напрасные предупреждения, она уже давно, и особенно сильно в последнее время, грезилась о невозможном, но только не о муже, детях и собственном доме, единственном, чего она хотела — это ходить, не перекачиваясь с одного боку на другой, с трудом преодолевая даже малое расстояние, а как все люди, ровно и свободно, будто на каждой лодыжке у них по маленькому крылу. Она могла без конца смотреть, как бегают дети, как ловко лазают они по деревьям и прыгают через лужи, как юноши весело месят ногами виноград и танцуют с девушками, а те, оттанцевав, расходясь, величаво поводя бедрами. Закрыв глаза, она представляла, как повторяет за ними каждый шаг, но воображаемое движение только усиливало ее тоску. Неужели ей никогда так не пройти, хотя бы раз? И почему с ней должно было случиться такое? Почему Господь поселил ее вольную душу в это жалкое тело? Нунеха так изводила

себя, что по полночи лежала в кровати, не смыкая глаз, а днем забивалась в какой-нибудь угол, взирая на все отсутствующим взглядом, едва притрагивалась к пище и ни с кем не разговаривала. Раньше, бывало, она любила посидеть перед домом в тени шелковицы и смотреть на людей, проходящих мимо, а теперь даже носа на улицу не казала. В конце концов она впала в такое уныние, что даже петь совсем перестала, и это было самым непривычным, самым странным.

— Скажи, что тебя точит? — допытывалась Тато. — Хочешь, пригласим кого-то, или сами сходим в гости?

Нунеха лишь мотала головой и молчала.

— Никак не идет у меня работа, все из рук валится, — нарочно при Нунехе говорил Олуш, строящий после работы сарай за домом.

Но Нунеха, всегда отзывчивая в таких случаях, не предлагала родителям спеть, она отрешилась от всех. Казалось, голос ее смолк навечно.

— Отец, поговори ты с девочкой, — просили они деда.

Но старый Йосеп тоже безмолвствовал. Понуро склонив голову, он лишь время от времени исподлобья поглядывал на внучку. И от этого двойного молчания дом как будто погрузился в траур.

Так продолжалось все лето и часть осени. А затем наступила горячая пора сбора винограда, и Нунеха вовсе сникла. Мимо их дома каждое утро проезжали грузовики, полные шумно галдящих людей, будто их везут на праздник, а не на работу, и Нунеха не могла ни видеть этого, ни слышать. Она хотела бы быть среди них, но ее там не было.

Дома все вечерние беседы только и были, что о винограде. Год выдался на редкость урожайным, виноградные кусты клонились к земле от крупных гроздей тесно нанизанных ягод, а ягоды буквально лопались от налившегося сока. Вино должно будет получиться отменным. На беду ожидались ранние холода, поэтому собирать урожай вышли все, кто мог. Даже в школе отменили занятия, и дети работали наравне со взрослыми. Те, у кого были родственники в городе или дальних селах, телеграфировали им, умолая о помощи.

Нунеха слышала все эти разговоры, она ощущала, как в людях с каждым днем нарастает тревога, но оставалась безучастной. В тот вечер, когда к ним пожаловали нежданные гости, она лежала на тахте, укрывшись по глаза пледом, и одна кощунственная мысль в ее голове сменялась другой, то одну она смерть примеряла к себе, то другую.

Люди, пришедшие к ним в дом, были самыми уважаемыми в селе. Старый Йосеп был мальчишкой, когда те уже были преклонного возраста. Похудевший и выразив уважение хозяевам дома, они приступили к делу.

— Мы все зависим от Бога и друг от друга, — сказали они, — и над нашим благополучием нависла угроза. Это время вспомнить о долге. Отпустите вашу дочку помочь спасти урожай, не дать ему погибнуть. Все, что от нее требуется — это недельки две-три попеть, чтобы люди сделали работу, которую до морозов им без этой помощи никак не одолеть.

Тато посмотрела в сторону, где лежала Нунеха, и, набрав воздуха, проговорила:

— Простите, что первая отвечаю. Я говорю как мать: моя дочь обделена здоровьем с рождения, а теперь она совсем плоха, силы и радость жизни покинули ее, и то, о чем вы просите, может добить ее окончательно...

Никто никогда прежде не видел Тато такой взволнованной.

— Теперь решение за мужчинами, — и рот ее плотно сжался.

— Да, — выдохнул Олуш, — я не могу пожертвовать дочерью, простите.

Последнее слово было за старым Йосепом.

— Пусть поет, — вдруг сказал он, — раз надо, и раз люди просят. Нечего целыми днями валяться, так можно скоро и мхом обрасти.

Нунеха чуть не задохнулась от возмущения и обиды.

— Ты сам запретил, — выговаривала она деду, когда гости, горячо поблагодарив его, ушли, — говорил, что мне нельзя, что так могу и в могилу лечь...

— Ты скорей умрешь, изводя себя. Готовься, завтра же поедешь на виноградники.

И таким голосом сказал, что перечить было бессмысленно. А Нунеха и не собиралась, ей уже все равно. Но когда на другой день она сидела на высоком, специально для нее возведенном сидении, пела и смотрела, как множество людей со всех рядов бегут с ведрами, доверху полными гроздьями сочных ягод и радостно швыряют их в огромные чаны, ей тоже сделалось хорошо. Ее угощали, с ней шутили, ей непрестанно улыбались. Нунеха смущалась и робела от такого обращения, но участие в общем деле и чувство необходимости людям было так отрадno, что минутами она почти забывала о своем несчастье.

С ее появлением на виноградниках работа пошла споро, в первый же день люди выполнили трехдневную норму, но все равно не устали, и если бы не темнота, продолжали трудиться и ночью. Нунеха сама была воодушевлена таким результатом.

— Что, если нам не уезжать в село каждый вечер, — сказала она на другой день во время обеденного перерыва, — а оставаться ночевать в шалашах? Ночи теплые, и мы не теряли бы драгоценного времени на сборы и дорогу.

Мысль эта многим пришлось по душе, некоторые же негодовали:

— Чем мы будем здесь питаться, если дома не приготовим еду?

— А как наши дети? Мы не можем их оставить надолго...

— Да, девушкам не понять тягот семейной женщины...

— Храбрая ты очень. Что на это скажут твой отец и твой дед?..

Нунеха готова была провалиться сквозь землю.

— Пойдите, зачем горячиться? Человек хочет помочь, и мы должны быть благодарны ей за это, — заступился за Нунеху юноша по имени Або, — и не все же обременены младенцами, пусть останутся, у кого нет семьи и детей, а еду им могут привозить те, кто будет возвращаться домой.

Молодые все до единого так же горячо поддерживали предложение Нунехи. Ясное дело, им, никогда еще не бывшим без родительского надзора, очень оно понравилось. Старшие же поворчали, пороптали, но положение дела было столь тяжко, что в конце концов уступили, тем более, что среди тех, кто мог остаться на виноградниках, было достаточное количество взрослых людей.

Так начались самые счастливые дни в жизни Нунехи. Старый Йосеп, к удивлению многих, не только позволил внучке жить в поле, но даже похвалил ее за решительный шаг, так что ничто не могло омрачить счастья Нунехи, которое ждало ее в двух шагах.

— Не подумай, что я не знаю, как тебя зовут, — сказал ей Або, когда все встали из-за обеда, — каждый знает твое имя. Я не хотел, чтобы...

Он замялся. В Нунехе всколыхнулись все ее горести:

— Чего ты испугался? Подумают, что знаешься с хромоногой?

Сглотнув комок в горле, повернулась и пошла, ковыляя.

Вечером, после работы, Або снова подошел к ней.

— Ты не дала мне оправдаться...

— Не надо, — попросила Нунеха, боясь, что дважды в день не сдержит слез обиды.

— Дай сказать, прошу.

Секунду задумавшись, она кивнула.

— Тебя называют Нунехой-певуньей, и мне было стыдно пристать к твоей славе, будто и я хочу погреться в ее лучах.

— Ты смеешься надо мной? — она нахмурила брови.

— Нет, — сказал Або. — Разве ты не заметила, что люди смотрят на тебя, как на ниспосланное чудо?

— Это закончится, как только соберут урожай, — пожала плечом Нунеха, — это всегда так, пока я пою, но я не всегда могу петь.

— Еще бы, тебе же надо иногда кушать, — Або улыбнулся такой светлой улыбкой, какой она ни у кого не видала.

Они сели на ствол свалившегося дерева, рядом, как будто были давно знакомы. И это чувство было не случайным.

— Я знаю, сколько тебе, — сказал Або, — семнадцать лет, четыре месяца, одиннадцать дней.

Нунеха быстро в уме подсчитала.

— Точно, — удивилась она, — откуда ты знаешь?

— Мне ровно столько же. Мы с тобой родились под одной крышей, в одно и то же время, мне мать говорила... В ту самую ночь, когда все беременные вдруг разродились. Я появился на две недели раньше срока, а ты?

— На полтора месяца.

— Вот сумасшедший, наверно, был день... Но все равно хорошо, правда?

Нунеха тихо, почти беззвучно рассмеялась. А до этого она ненавидела дату своего рождения.

Весь следующий день она тщательно избегала смотреть в его сторону, как будто одного только взгляда не доставало, чтобы случилось неотвратимое. И не напрасно, потому что, столкнувшись ненароком у вечернего костра, они встретились глазами, и она поняла, что то, чего так боялась, наступило ее.

Счастье Нунехи было просто и незатейливо. С высоты своего сидения она лицезрела Або почти каждую минуту, а во время трапез садилась от него на таком расстоянии, чтобы лучше видеть его, но не слишком далеко, чтобы слышать каждое слово, им произнесенное. Ближе к ночи, когда сгущалась темнота, люди не расходились по шалашам, а разводили костры, танцевали и веселились, потому что от песен Нунехи они не знали усталости. Гуляя от костра к костру, можно было оказаться в таком месте, где кончалось зарево одного и еще не начинался свет другого, и Нунеха с Або часто оказывались в таких темных участках, садились на прогретую за день землю и говорили. Чаше рассказывал Або, а Нунеха слушала, потому что

за все свои годы она никуда из села не выезжала, а он уже ездил, бывал в городах и видел разных людей.

— Еще в деревне люди много говорили про тебя, — как-то сказал Або, — про то, что бывает, когда ты поешь, но сам я впервые услышал тебя здесь, на виноградниках. И вдруг со мной что-то случилось, так же, как однажды, когда мне было шесть лет...

— Расскажи — попросила Нунеха.

— Тогда отец с дядей взяли меня с собой продавать вино, — начал Або, — ехали мы долго, много дней, и как-то оказались в маленьком городке, уставшие, замерзшие, без ночлега. Люди в этом месте рано закрывали ставни и ложились спать, но на краю города мы набрали на монастырь, и нас пустили туда скоротать ночь. Отец с дядей тут же уснули, а я все не мог, чудились мне какие-то голоса и музыка. Я встал и пошел искать, откуда доносятся эти странные звуки. Ворота главного храма были приоткрыты, я вошел в них и увидел трех монахов в черных рясах, поющих какие-то неведомые нам молитвы. Я не мог разобрать и слова, но душа моя наполнилась таким светом, таким восторгом, как будто я ступил на небо. Потрясенный, я слушал, раскрыв рот от изумления, и не помню, как случилось, что утром отец с дядей нашли меня в храме, спящим на скамейке. Когда меня забирали, я кричал, плакал и упирался, мне хотелось остаться там навсегда...

Або надолго замолчал.

— Все детство каждый день я мечтал туда вернуться, — наконец он опять заговорил, — еще раз оказаться там, хотя бы на полчаса...

— Теперь ты можешь туда съездить.

— Я не знаю, что это была за местность, а отец никогда мне не скажет.

Нунеха знала, что такое несбыточное желание, какая это кровотокающая рана. Слова утешения тут были напрасны. Она просто взяла его за руку, и так молча они просидели остаток времени.

Потом много вечеров Або веселил Нунеху, рассказывая ей только смешные истории, как будто хотел, чтобы она забыла тот разговор, а потом вдруг сам же вернулся к нему.

— Прошлый раз я не дорассказал тебе ту историю, и этим как будто обманул тебя. Ты выслушаешь до конца?

Нунеха кивнула.

— Ну вот, отец тогда жестоко наказал меня, — собравшись, заговорил Або, — за упрямство и своеволие, за дурацкие фантазии, и с тех пор перестал брать меня в поездки... И часто, при каждом удобном случае, поминал происшедшее в монастыре и высмеивал меня. Он нарочно кривлялся, показывая молящихся монахов и меня, рыдающего, умоляющего оставить с ними. Мне было невыносимо на это смотреть, я обижался, злился, затыкал уши руками...

— Слизняк, овца, — говорил отец, — какой позор: мой сын — овца! Мэ-э...

Он изображал, как блеют овцы.

Да, он был жесток, он не щадил моего самолюбия. Мать много раз просила отца сжалиться надо мной, не дразнить, оставить в покое, но он все продолжал.

Это длилось не один год. И вот однажды, когда отец в очередной раз потешался, не знаю, как это случилось, я стал смеяться вместе с ним.

— Да ладно тебе, — сказал я отцу, — я же был тогда ребенком, маленьким, глупым ребенком.

— Вот это слова мужчины, — отец вдруг сделался серьезным, — я долго их ждал.

И он опять стал брать меня в свои поездки. И я был рад этому. Я не думал, что поступил плохо, я вообще перестал об этом думать, до недавнего времени. Потом услышал, как ты поешь, и во мне все перевернулось. Во мне твой голос рождает такое же чувство, как и тогда, в том монастыре...

Нунеха сидела смущенная, растерянная.

— Прости, — Або вдруг хлопнул себя ладонями по коленям, — не буду больше разводить печаль, будем веселиться, как молодое вино в бочках.

Но он не мог не грустить, он был так устроен, время от времени на него что-то находило.

— У тебя никогда не бывает чувства, что ты живешь не своей жизнью, — в другой раз спросил Або, — что ты потерялась и оказалась здесь нечаянно? Мне часто кажется, будто все вокруг не мое, как если бы я был на чужбине...

— А какой жизни ты хотел бы? — спросила Нунеха.

— Не знаю, но это чувство усиливается, когда я слушаю тебя. Твой голос воспаляет, мне кажется, что я могу свернуть горы, переплыть море, выйти один против толпы, а мы только и делаем, что собираем и собираем этот виноград... Я даже во сне каждую ночь вижу виноград, будь он неладен...

Нунеха огорчилась, она ведь думала, что делает хорошее, нужное дело, а Або так не считал.

— Виноград — во сне? Это к слезам, — только и сказала Нунеха, — ты умеешь плакать?

— Не знаю, случая не было проверить. Ты презираешь плачущих мужчин?

— Не знаю, случая не было проверить.

Он весело рассмеялся, и она, счастливая, подхватила его смех.

Через три недели пения Нунехи почти весь урожай был собран, а холода еще не наступили. Большинство работников разъехались по домам. В поле осталось несколько человек, они должны были перебраться в предгорье, на дальние виноградники. Работы там было немного, и Нунеха тоже могла вернуться домой.

— Оставайся, — попросил Або, — там очень красиво. И приедет моя сестра. Я написал ей о тебе, она хочет познакомиться.

И Нунеха осталась.

— Мы росли вместе, — говорил Або, — и я привык считать ее своей сестрой. Она тоже родилась в ту ночь, что и мы с тобой. Наши мамы были лучшими подругами, но у тети Тубэ рано умер муж, она много работала и часто подкидывала дочку нам. Сира веселая и храбрая, она всегда была рядом, когда я дрался с кем-нибудь на улице, даже иногда встревала. Она помогала мне делать уроки, мы все делали вместе: играли, ели, даже спали на одной кровати. Так было, пока нам не исполнилось двенадцать лет. А потом тетя Тубэ вышла замуж в другое село, и мы с Сирой стали редко видеться, но все время писали друг другу. Сира очень умная, в школе у нее были

одни пятерки, и чтобы я без нее не забросил учебу, в каждое свое письмо она вкладывала и мое с исправленными ошибками. И представляешь, по старой привычке продолжает так делать до сих пор. Наверное, следит, чтобы я не одичал в этих виноградниках.

Нунеха вся сжалась перед предстоящей встречей: что скажет Сира, увидев ее, как посмотрит на то, что брат ее все вечера проводит возле хромо-ногой? Ей захотелось все бросить и сбежать домой, тем более, что старый Йосеп сам приехал за внучкой. Но когда вещи уже были собраны, опять передумала.

— Мне нужно остаться, — заявила она деду, — виноград еще не весь собран.

— Нет в этом необходимости, — удивился тот, — попела — и хватит, пора к родительскому очагу.

— Он от меня никуда не денется, — усмехнулась Нунеха.

От старого Йосепа не укрылась горечь в ее голосе.

— И то верно, — согласился он, — мы всегда у тебя будем. Только вижу, тебя это не очень радует.

— Ты сам меня сюда отправил, помнишь? Почти выгнал из дома.

— Я тебя отогнал сама знаешь от чего — от дурных мыслей. И людям помочь надо было...

— Да ладно, дед, — смягчилась Нунеха, — вот все закончится, я и приеду. Пойми, я хочу остаться. Я ведь никогда нигде не была, ничего не видела. А говорят, в горах очень красиво, и там особенный воздух...

Старик хмуро смотрел на внучку из-под насупленных бровей.

— Дедуль, я тебя раньше ни о чем не просила...

— Хорошо, — он сдался, — делай, как знаешь. Смотри только, чтоб голова у тебя — от горного воздуха-то — не сильно закружилась.

В тот же день, как уехал старый Йосеп, приехала Сира. Страхи покинули Нунеху через минуту после знакомства — ровно столько понадобилось Сире, чтобы не только расположить ее к себе, но и внушить доверие, которого Нунеха до этого не испытывала ни к одной своей сверстнице. Да, раньше у нее не было подруги, она не подпускала к себе никого, да никто и не пытался разрушить ту стену, которую Нунеха возвела между собой и всеми здоровыми людьми. Сиру она полюбила за все: за то, что она шагнула к ней без тени жалости, легко и весело, как будто никакой стены и не существовало, за то, что она была сестрой Або, и не в последнюю очередь за то, что оказалась не такой красавицей, какой представлялась Нунехе. Она была низкорослой и большого роста, с широкой спиной и короткой шеей. Но зато у нее были прекрасные густые волосы, чудесная бархатная кожа и улыбка, которая почти никогда не сходила с ее губ. Сира жила в ладу с собой, и ее недостатки, о которых она, конечно же, знала и помнила, не мешали ей быть вполне довольной своей жизнью.

Как только они оказались вдвоем, она взяла Нунеху за руки и поцеловала в обе щеки.

— Мне Або писал о тебе в каждом письме, вернее, все письма его были только о тебе. В одном он назвал твоё имя одиннадцать раз...

Нунеха чуть не задохнулась от стыда и счастья.

— Боже, он никогда раньше не был таким болтуном, — смеялась Сира, — мне не терпелось тебя увидеть, и как же я рада, что добралась до вас...

На другой день бригада работников и несколько добровольцев из тех, кто мог еще на недельку задержаться, перебрались на верхние виноградники. И здесь, в горах, счастье Нунехи стало полным, как никогда. Тут ее взору открылись дали, о которых она и помыслить не могла. До этого она дорожила ночами, теперь же вставала чуть свет и взбиралась на один из холмов. И пару часов, до утреннего гонга, любовалась огнем красок, полыхающим в долинах. Да и во время работы, пока все сновали туда-сюда вдоль виноградных рядов, она пела и с высоты своего сидения взирала на окрестные виды вплоть до самого позднего вечера, когда лучи осеннего закатного солнца мягко ложились на дальние луга, а потом тихо гасли.

— Хорошо, что ты позвал меня сюда, — говорила она Або.

Счастью Нунехи не мешало даже то, что их уединениям с Або настал конец. Напротив, Сира приносила в их ночные посиделки то оживление, ту беспечность, которых так им прежде не хватало. На Або грусть находила гораздо реже. Каждый раз, как разговор мог повернуть в ненужное русло, Сира ловко переводила его на другой лад. У нее в запасе была масса веселых историй, шуток и забавных гримас, она удивительно точно могла имитировать чужие повадки, голос, интонацию, и часто они дружно хохотали над ее очередной забавой. Она была неутомима и неутомонна. А чего стоили ее ночные купания! Нунеха восхищалась и ужасалась храбрости подружки, потому что в небольшом озерце, расположенном неподалеку от их стоянки, вода была такая холодная, что опущенный в нее палец мгновенно немел, Сира же кидалась в него с визгом и хохотом, а выныривая, кричала:

— Горю! Горю! Помогите, кипяток!

Вылезая на берег, она охала и ахала от удовольствия.

— Ух, как хорошо, — говорила она, — только ради этого стоило родиться.

Она и их уговаривала искупаться, но Нунеха не умела плавать, а Або отказывался.

— Нет уж, сестрица, — говорил он, — нам и здесь тепло.

Но однажды ему пришлось это сделать.

Это была последняя ночь, когда они были вместе, все трое. Они долго сидели и молча смотрели в небо с выплывающими на него звездами. Всем им потом не раз вспоминались эти минуты и чувство близости, их тогда объединявшее.

— Нам осталось быть тут всего несколько дней, — Сира первая нарушила тишину.

— Мы еще здесь, — сказал Або, — а мне уже хочется сюда вернуться.

И так он это сказал, что и Сира, и Нунеха почувствовали, что к нему вернулась его болезненная печаль.

— Ты лишился рассудка! — голос Сиры вдруг зазвенел. — Неужто тебя не тянет по-людски помыться и поесть еды, не пропахшей дымом?

— Мне нравится еда, которую готовят на костре, — сказал Або.

— И мне, — поддержала его Нунеха.

Сира повернулась к ней:

— И тебе не надоело спать на жесткой подстилке, целыми днями торчать на виду у всех и тратить свой прекрасный голос и силы на скучную работу?

Нунеха не сразу ответила.

— А что меня ждет дома? — наконец еле слышно произнесла она. — Ты уедешь к себе, и неизвестно, когда мы снова встретимся, а с Або мы хоть и живем в одном селе, но вряд ли сможем видаться, разве что на свадьбах и похоронах, если меня пригласят попеть, я ведь нигде больше не бываю. Так что... за этот прошедший месяц случилось все лучшее в моей жизни, и будь моя воля, я осталась бы здесь навсегда...

— А я здесь останусь, даже если уйду, — сказал Або.

Сира вскочила, засмеялась и с разбегу бросилась в озеро. Несколько минут она, как обычно, плескалась, а потом вдруг вскрикнула и забила руками по воде:

— Тону! Тону! Помогите! Кто-нибудь!..

Нунеха в ужасе вскочила, а Або только пожал плечами.

— Не верь, это любимая шутка Сире, я на нее уже не раз попадался.

Но Сира продолжала кричать и захлебываться, и Нунеха не выдержала.

— Вставай, — затормошила она Або, — спаси ее, слышишь!

— Не бойся, — он встал и высвободил свою руку, — она покричит немного и сама вылезет... Мне не хочется мочить одежду из-за ее прихоти. Хочешь, я провожу тебя до твоего шалаша?

Слышно было, как Сира отчаянно бултыхается и уже не кричит, а хрипит. Нет, так прикидываться невозможно. Еще минута-другая, и она пойдет ко дну.

— А если на этот раз она не притворяется, если она вот сейчас умирает?

— Ты за нее не волнуйся, Сира живуча, как угорь.

Нунеха не верила, что перед ней тот Або, которого она знала, перед которым благоговела.

— А ты бездушен и черств, как булыжник, — у нее стучали зубы.

Або развернулся и пошел в сторону стоянки.

— Постой, вернись!

Но он даже не обернулся. И тогда она обезумела:

— Стой! Трус, овца!.. Мээ-ээ...

И Або остановился. Он развернулся, медленно скинул обувь и бросился в воду. Нунеха на всю жизнь запомнила его короткий прыжок, потому что в тот самый миг, когда он летел, кончилось ее счастье.

Пока Або тащил бесчувственную Сире на берег, Нунеха металась рядом и в голос причитала:

— Господи! Господи! Спаси Сире, не отнимай у нее жизнь! Возьми у меня за это все, все, что захочешь...

И тут Сира открыла глаза:

— Можно уточнить, — спросила она слабым голосом, — чем вы готовы пожертвовать ради моего спасения?

Нунеха бросилась к подруге, но ее остановил звонкий, довольный смех Сире.

— Простачки, попались! Как же вы легко попались!..

Но Нунеха ее не слышала, она смотрела на Або. В темноте она не могла видеть, но почувствовала, как он побледнел, отшатнулся — не от Сире, нет, а от нее, Нунехи, встал и побрел от них. Она сначала застыла, а потом бросилась за ним, но где ей было со своими хромыми ногами угнаться за ним!

— Оставь его, — позвала ее Сира, — он не любит, когда я так шучу, но к утру отойдет, он добрый...

И к утру он впрямь отошел от обиды, но его свалил жар.

— Глупец, — ругалась Сира, — полночи бродил в мокрой одежде, — любой здоровяк бы простыл.

Она показала себя настоящей сестрой: не ела, не пила, не спала, пока Або метался в бреду. Она вообще не выходила из его шалаша и никого не подпускала к нему.

— Я виновата, я и вылечу его, — говорила она.

Впрочем, никто и не мог бы все время просиживать рядом с больным, остальные ведь работали. Нунеха заглядывала к ним утром, во время обеденного перерыва и вечером, и неизменно находила Сиру на своем посту.

— Отдохни, — предлагала она, — я заменю тебя. Поспи ненадолго, а я посижу с Або, спою ему...

— Нет, — Сира была тверда, — не обижайся, но он мой брат.

Все краски потускнели в глазах Нунехи, она уже не видела красоту, расстилавшуюся вокруг, потому что глаза ее застилала слезы. Она и петь как следует не могла. Голос Нунехи-певуньи уже не долетал до работников, а звуки, как тяжелые камни, падали у ее ног. И даже когда Або пошел на поправку, это ничего не изменило. Больше торчать на высоком сидении не имело смысла, она слезла и пошла к себе в шалаш. А по пути заглянула к Або с Сирой. Они, обнявшись, крепко спали. Нунеха хотела тихо уйти, чтобы не мешать, но Сира проснулась.

— А, это ты?.. — сонно потянулась она, — Почему не на работе?

— Надоело, — сказала Нунеха, — как он?

— Почти совсем здоров, — Сира улыбнулась, — только недавно уснул.

— Что-нибудь ел?

— Да-а, — довольно кивнула Сира, — целую миску похлебки и гроздь винограда. Ты приходи попозже, я тоже чуток вздремну.

Чтобы краски и звуки вернулись к Нунехе, ей нужно было немного: чтобы Або посмотрел на нее как прежде. Но этого не случилось. День ото дня он чувствовал себя все лучше, но взгляд его, направленный на Нунеху, был холоден и пуст.

В тот день, когда он совсем поправился, она снова подошла к нему. Рядом никого не было. Он сидел на камне, ссутулившись, как старик. Она подошла к нему сзади.

— Я знаю, что мне нет прощения, — сказала Нунеха, — я предала тебя. И все же прости меня, чтобы я могла жить дальше.

— Милосердие может убивать, — сказал он, — ты замечала это?

Она молчала.

— Прости и ты меня, — сказал он.

— Конечно, но за что?

— Всегда есть за что, — сказал Або, — за то, что мы сделали это.

— Что? — спросила Нунеха.

Он был сегодня печален, как никогда.

— Отпустили друг друга.

А потом работы закончились, за ними приехала машина, и все они вернулись к себе домой. И жизнь потекла так, как будто ничего и не было.

Остатки ноября и декабрь прошли как тяжелое испытание. У Нунехи появилась привычка смотреть подолгу на какой-то предмет, пока контуры его не начнут размываться, а затем, придя в себя, переводить взгляд на что-

то еще. Дни были похожи друг на друга, как люди чуждой расы. Хорошо хоть, никто ее не трогал, не пытался развлечь, не задавал вопросов. Но вечером в сочельник Нунеха лишилась тишины, последней своей отрады. Дом стал набухать от входящих в него людей, друг за другом прибывали сестры с мужьями, братья с женами, все с чадами, близкие и дальние родственники.

— Хорошо хотя бы изредка собираться всей родней, — сказал старый Йосеп, когда все сели за стол, — и спасибо всем, кто прибыл. Каждый из вас знает, зачем зван и что от него ждут. Я буду записывать, кто сколько внес — для себя, чтобы знать, за кого молиться.

И по очереди все прибывшие стали протягивать Йосепу деньги, а тот пересчитывал и старательно вписывал имена жертвователей на листок бумаги.

— Спаси вас всех рождающийся Господь, — сказал он, когда все закончилось. И распорядился, чтобы Тато приготовила всем гостям постель.

На другой день, когда все разъехались, Нунеха подошла к матери:

— Зачем деду нужно столько денег? Это ведь не на похороны?

— Нет, — удивилась Тато, — разве ты не поняла? Они на твое лечение. Еще когда ты была на виноградниках, дед велел нам написать письмо профессору в город. Спросить, можно ли тебя вылечить. И тот прислал ответ, что возможно, но операция и лечение займет много времени и стоит очень дорого. У нас таких денег нет, сбережений у нас мало...

— Не надо было этого делать! Верните всем деньги!

— Как это? — опешила Тато. — Доченька, ты же всегда хотела...

— А теперь не хочу! Я ничего не хочу! И никуда не поеду!

И схватившись руками за голову, Нунеха убежала. Хорошо, ни Олуша, ни Йосепа дома не было.

— Девочка измучена, — сказала Тато им после, — наверно, боится, что операция ей не поможет. Не надо ее торопить, подождем, пока будет готова.

Но прошла неделя, другая, месяц, а Нунеха не вспоминала о разговоре с матерью. Ей было не до этого, она не хотела отвлекаться от своих мучительных воспоминаний. А потом вдруг неожиданно на нее сошел покой, как обретают его те, кого покидает жизнь. Нож, выпустивший остаток ее крови, был в виде красивого пригласительного билета на свадьбу. На нем были нарисованы новобрачные, над женихом стояло имя Або, а над невестой — Сира.

— Они же брат и сестра! — сухими губами выдавила из себя Нунеха.

— Хорошая пара, — сказал Олуш, — этим и должно было кончиться, их матери как родные с детства. Только жених слишком молод.

— Да, — кивнула Тато, — но ждать нельзя: фигура невесты начала округляться. Я слышала, что между подругами случился небольшой раздор. «Не следовало твоей дочери ложиться к моему сыну, — будто говорила мать Або, — может, мой сын любит другую».

— Но они же брат и сестра, — хриплым голосом повторила Нунеха, — разве им можно жениться?

— Они так называли друг друга, но они ведь не брат и сестра, — сказала Тато. — Ты хорошо их знала, дочка? Говорят, они сошлись на виноградниках.

Нунеха вспомнила, как они спали, обнявшись.

— Да, я их видела, — сказала она, — но там ведь было много народу.

— Хочешь на свадьбу? — спросила Тато.

Пойти? Там будет Або.

— Нет, — сказала Нунеха, — мне нужно ехать на лечение.

Потом она много раз себя спрашивала, почему не воспользовалась этим случаем, он ведь был последним, больше никогда она не увидит Або. Наверно, она надеялась, что они когда-нибудь случайно встретятся, Або будет идти ей навстречу и увидит, как прямо и легко она ступает, как будто на каждой лодыжке у нее по маленькому крылу... Но она встретила только с Сирой, когда та шла со своими тремя детьми, но к тому времени Або уже не было. Он умер, заболев и скрыв от близких свое состояние.

— Ты другая, но ты все та. Сколько времени мы не виделись! — вздохнула Сира. Она уже не сияла, как прежде.

— Почти шесть лет, — сказала Нунеха, — без двух месяцев и трех дней.

Сира грустно улыбнулась.

— Або тоже всегда считал точно. Он знал, сколько каждому из детей вплоть до дней и часов.

Нунеха смотрела на них: сын и две дочки. Самые красивые дети из тех, что она видела в жизни.

— Он не хотел умирать, — сказала Сира, — я уверена в этом.

— Да, с чего бы ему этого хотеть, когда у него такие дети, — согласилась Нунеха.

— Я рада, что мы увиделись. Прощай.

— Прощай, — ответила Нунеха.

— Подожди, — Сира окликнула ее, когда она уже сделала несколько шагов. — Я должна сказать тебе... За те годы, что мы были женаты, он был самым нежным, добрым мужем, ни разу не произнес твое имя, ни разу не попрекнул меня, и только незадолго до смерти сказал: «Я бы ожил, если бы прихрамывая, ко мне подошла Нунеха, села на край кровати и запела...»

— Почему же ты не позвала меня? — спросила Нунеха.

— Он бы все равно умер, — сказала Сира, — он остался там, в горах, вместе с тобой.

Вера БУРДИНА

«ТРУДЫ ДУШИ И ДАР ГОСПОДНИЙ...»

Вера Ивановна Бурдина — родилась в станице Арчединской Волгоградской области. В 1993 году закончила Академию Государственной службы. Лауреат Всероссийской премии «Ладога» им. А.А. Прокофьева. Автор пяти сборников стихотворений. Живет в Кингисепе.

* * *

Туман окутает Неву —
разбудит сны и наважденья,
и не понять, что — наяву,
что волшебство воображенья.

Шурша дождем, приходит ночь,
полна восторга и испуга,
чтоб легкой грезой превозмочь
дневную тяжесть Петербурга,

сокрыть изъяны новизны
и, внемля воле демиурга,
нам навевать былого сны,
и эти сны — Санкт-Петербурга.

Они текут за сонмом сонм,
они толпятся в переулках...
Я тоже греза, тоже сон
в воображение Петербурга.

Но я ведь также грежу им,
и он мне видится сквозь строфы,
как путнице — Ершалаим
с высокой пулковской Голгофы!

* * *

Нева века уносит плавно,
но здесь, над временем, царит
святая твердь Петра и Павла,
и ангел над Невой парит.

Воркует голубь в амбразуре,
у древних стен звенит сирень,
а солнце замерло в лазури,
и длит и длит июньский день.

На сломе нынешнего века,
в разгаре смуты, Боже мой,
какой покой, какая нега
за Петропавловской стеной.

Во искушении свободы
мир сотрясли его рабы,
но эти камни, эти своды
хранят державные гробы.

Войди в соборный сумрак синий:
перекрестись, перекрести
прах воздвигателя России
и сокрушителя Руси.

Его преемников надменных —
тех, что в родстве и без родства,
и тех, невинно убиенных
по беззаконью естества.

Как горек дым российской славы!
Сегодня, так же, как в былом,
Симоны наши, наши Савлы
не станут Павлом и Петром.

Ужели нас Господь оставил
и света мы не обретем?
Парят незримо Петр и Павел
в молчании над алтарем.

Парят над хладными гробами:
над нами — Божьими рабами,
кто вновь потряс весь Божий свет,
в ком сил для искупленья нет.

И, скорбная, бреду из нефа —
какой нелепый эпилог!
И вижу, как уходят в небо
два путника
иных дорог...

Они вернуться, я подавно,
ведь здесь, над временем, царит
святая твердь Петра и Павла,
и ангел над Невою парит.

* * *

Как случилось это чудо горнее?!
Волей зодчих? Тайнством молитв?
Его камни все — краеугольные,
но, верней, не камни — монолит!

Исаакий — роскошь и смирение
и гордыня (да простит нам Бог),

вызов и его преодоление,
камнетесов тяжкое моление,
Петербурга покаянный вздох!

Жизнь течет то светлая, то мгlistая,
то покой, то снова круговерть,
но не дрогнет под евангелистами
ими освящаемая твердь!

* * *

Все так же Невский суетится,
верша единство и раздор...
Поверх голов Императрица
державный устремляет взор.

Ах, сколько шума, гула, звона!
Одна она поверх забот.
И колесница Аполлона
слетает с пушкинских высот.

И кажутся газетной уткой
текущей жизни виражи.
Как расположены уютно

под стопудовой царской юбкой
вельможные ея мужи!

Немного в окисных подтеках,
в полубеспамятственной ржавке,
но различимы... вот Потемкин,
Суворов, Дашкова... Державин.

И червь, и Бог...
Я сплю? Мне снится? —
Главу державно наклоня,
поверх веков Императрица
с усмешкой смотрит на меня.

* * *

1

Вспоминаю невольно я
среди смуты и скверны
дом, пылавший на Воинова,
а потом на Шпалерной.

Были речи цветисты
накануне погрома,
а теперь мы статисты
с погорелого дома.

Постучу и откроют,
как могилу отроют.

И меня реставратор
через пепел и хлам
поведет по утратам
по углам, по кругам.

(Какие здесь случались пиршества!
Позорища и торжества!
Трагедии, когда не пишется,
а то и дышится едва!

Какие здесь случались гении,
бездарности и подлецы,
определявшие гонения,
распределявшие венцы!

Нет никого. Чернеют доски.
Ступень. Еще одна ступень.
И вдруг, о Боже, Маяковский,
его обугленная тень!)

Первое слово «уа»,
смертное слово «ау».
Сент-Женевьев де Буа,
падают звезды в траву!

Сент-Женевьев де Буа —
снегом могил не накрыть...
Там я как будто была,
где никогда мне не быть!

Тонкие пальцы у лба,
зябкие плечи в боа.

Пилат: «Христос или
Варавва?» —
и взгляд угас под камнем лба...
— Варавва! — ахнула орава.
— Варавва! — следом заорала
всегда безбожная толпа.
Пилат сквозь зубы:
«Ваше право...»
И перекладины креста

2

Полыхала Россия,
а в глазах ни слезинки.
Кто плеснул керосина,
из какой керосинки?

Все теперь погорельцы,
погорельцы-разини.
Предзакатное сердце
бьется в небе России.

Отчего со слезами
вспоминаю (как странно!)
то стихи в Белом зале,
то разгул ресторана.

Кто икал, кто пророчил,
кто чудил, кто иудил!
А в дыму, мимо прочих,
вдруг светло прошел Дудин.

И кончалась эпоха,
и рыдать бы нам в голос,
что она, как опока,
без литья раскололась.

* * *

Это такая судьба —
Сент-Женевьев де Буа!

Тихий сиротский приют,
горечь чужого угла.
Где-то в России поют
поздние колокола.

Истине скорбной внимли!
Каждый пред вечностью нищ.
Многим не хватит земли
санкт-петербургских кладбищ.

* * *

скрепила навсегда расправа.
Свершился выбор. Что ж,
Варавва
толпе понятнее Христа.
Земля тогда не встала дыбом,
не содрогнулся мир от слез...
Во все века все тот же выбор,
все тот же выбор и...
вопрос.

* * *

Там, где толпятся иномарки,
когда-то звонко ржали лошади
и выносили из-под арки
кареты на брусчатку площади,

на одержавленный простор —
всесветный или всероссийский?
И вот дворец, и вот престол,
и этот столп Александрийский

в своем величии простом
возносит ангела с крестом.

Ни с чем его сравнить не смея,
гляжу, не разомкнув уста,
как ангел попирает змея
всем основанием креста.

Парит над ним орел двуглавый
самодержавной ратной славы!

Былая слава... свет минувший...
Летит с небес печальный снег.
Уходит век, нас обманувший,
грядет иной, быть может, век.

Столпы былого... Мимо, мимо,
ослепшая до озаренья,
туда, где высится незримо
нерукотворное творенье.

Его глава, его вершина,
его чудесное паренье.
По-прежнему недостижимо,
как всякое духотворенье!

Ни тягости, ни тяготенья,
любых свобод земных свободней! —
.....

Труды души и дар Господний.

* * *

Он топчет траву голубую по кругу,
он дышит полынной серебряной пылью,
но тянется мордой к далекому лугу,
где чует иное, чем здесь, изобилье.

И словно по склону глубокой воронки,
скользит, обнажая копытами глину,
но радиус мира не дольше веревки,
привязанной кем-то к железному клину.

Теленок мычит от обиды и боли.
Поглажу его и скажу в утешенье:
любая орбита — лишь мера неволи,
у каждой веревки свое натяжение,
и каждый живет, проклиная разлуку,
и каждый, ее проклиная, отважен...
Вот солнце пройдет по высокому кругу
и всех нас, наверно, хозяйка отвяжет.

ПЕСОЧНЫЕ ЧАСЫ

Устройство у часов простое:
их суть понятна и близка.
Две капли вечного простора —
щепотка тонкого песка.
Прижмусь к стеклу часов щекою,
к стеклу тончайшего литья,
и буду слушать, как щекотно
струится шелест бытия.
Они не требуют починки,
считая жизни нашей дни.

Но, чтоб не замерли песчинки,
ты вновь часы переверни.
И вновь без дыма и нагара,
в стекле тончайшего литья
зажжется ниточкой накала
песчинок тонкая струя.
Так постепенно, слой за слоем
засыплет доньшко песком.
Все обращается в былое
под тихий шелест за стеклом.

Затеплю свою свечу,
тростиночку восковую,
и словно себя сличу
с той, о которой взыскую.

Застывшая у алтаря,
шепчу я свечи не громче:
«Господи, это я!
Но словно не та я, Отче!»

Малая тварь Твоя,
песчинка в безбрежной россыпи...
Но, Господи, кто же я,
если не та я, Господи?

(Я — это страх и страсть
жить, задыхаясь, наскоро.
Я — это жажда красть
яблоки с древа райского.

Чья-то чужая власть
ядом горит в крови...
Я — это радость пасть
ради мирской любви.)

Сколько во мне тепла,
сколько во мне зимы,
как не дожить дотла,
Господи, вразуми!

...Святые глядят с икон
в душу, самой мне тесную,
как из открытых окон
Града Небесного.

И чудится — с высоты,
светлее лебяжьего перышка,
кто-то шепнул: «Это ты...
еще не лоза... но зернышко».

ВЫШАА КНИГА

Зиновьев Н. А. Призрак оптимизма: стихи / Н. А. Зиновьев. — Краснодар: ОАО «Издательство «Советская Кубань», 2010. — 224 с.

Зиновьев Николай Александрович родился 10 апреля 1960 года в станице Кореновской (ныне г. Кореновск). Учился в ПТУ, станко-строительном техникуме, на филфаке Кубанского государственного университета. Автор двенадцати поэтических сборников, вышедших в Москве, Киеве, Новосибирске, Иркутске, на Кубани. Секретарь Правления Союза писателей России. Лауреат международного конкурса «Поэзия третьего тысячелетия», Большой Литературной премии России, международного конкурса поэзии «Золотое перо», премии «Хрустальная роза» имени В. Розова, премии администрации Краснодарского края в области культуры и искусства, международной премии «Имперская культура» им. Э. Володина и других. Его стихи были опубликованы практически во всех литературных журналах и газетах России. Сделаны переводы на китайский, сербский и армянский языки. Композитором Виктором Захарченко написан цикл песен на стихи Н. Зиновьева.

Женат, имеет сына и дочь. Проживает в г. Кореновске.

Владимир ПУТИН

«НАДО БЫТЬ САМОСТОЯТЕЛЬНЫМИ И СИЛЬНЫМИ...»

*Отчет о работе
Правительства
за 2010 год
в Государственной
Думе РФ**

*Печатается в сокращении. Текст Отчета, опубликованный 20 апреля 2011 года, взят с официального сайта Председателя Правительства РФ. Печатается с разрешения Департамента пресслужбы Правительства РФ.

В соответствии с Конституцией Российской Федерации Правительство России представляет свой отчет о работе Правительства за 2010 год. Я считаю нашим общим достижением, что Россия в очень сложный период глобального кризиса избежала

Владимир Владимирович Путин. Председатель Правительства Российской Федерации. Родился 7 октября 1952 года в Ленинграде. В 1975 году закончил юридический факультет Ленинградского государственного университета. По распределению был направлен на работу в органы государственной безопасности. В 1985-1990 годах работал в ГДР. С 1990 года — помощник ректора Ленинградского государственного университета по международным вопросам, затем — советник председателя Ленинградского городского совета. С июня 1991 года — председатель Комитета по внешним связям мэрии Санкт-Петербурга, одновременно — с 1994 года — первый заместитель председателя правительства Санкт-Петербурга. С августа 1996 года — заместитель управляющего делами Президента Российской Федерации. С марта 1997 года — заместитель руководителя Администрации Президента Российской Федерации, начальник Главного контрольного управления Президента Российской Федерации. С мая 1998 года — первый заместитель руководителя Администрации Президента Российской Федерации. В июле 1998 года назначен директором Федеральной службы безопасности Российской Федерации, одновременно — с марта 1999 года — Секретарь Совета Безопасности Российской Федерации. С августа 1999 года — Председатель Правительства Российской Федерации. С 31 декабря 1999 года — Исполняющий обязанности Президента Российской Федерации. 26 марта 2000 года избран Президентом Российской Федерации. Вступил в должность 7 мая 2000 года. 14 марта 2004 года избран Президентом Российской Федерации на второй срок. 8 мая 2008 года Указом Президента Российской Федерации назначен Председателем Правительства Российской Федерации. Кандидат экономических наук. Владеет немецким и английским языками.

серьезных потрясений и рисков, причем вполне реальных, способных привести к ослаблению страны, ее экономического и человеческого потенциалов, критическому снижению социальных стандартов.

Мировая экономика постепенно восстанавливается сегодня, это очевидный факт. Но последствия кризиса оказались настолько серьезными, что они приводят к социальному напряжению во многих государствах и целых регионах мира. Более того, мы наблюдаем дестабилизацию целых регионов, причем последствия непредсказуемы. И вот вы слышали наверняка тоже, что снизили рейтинг Соединенных Штатов. Специалисты говорят, что это скорее предвыборные игры, в данном случае со стороны республиканцев. Но, тем не менее, это негативно отражается на мировой экономике.

Урок для всех нас заключается в том, что экономическая и государственная немощь, неустойчивость к внешним шокам неизбежно оборачиваются угрозой для национального суверенитета. И все мы с вами прекрасно понимаем, будем откровенны, в современном мире, если ты слаб, обязательно найдется кто-то, кто захочет приехать или прилететь и посоветовать, в какую сторону двигаться, какую политику проводить, какой путь выбрать для своего собственного развития. И такие с виду вполне доброжелательные ненавязчивые советы, в общем-то казались и неплохими, но за ними на самом деле стоят грубый диктат и вмешательство во внутренние дела суверенных государств. И все мы это прекрасно с вами понимаем. Знаю, что в этом вопросе все парламентские партии занимают консолидированную позицию. Признателен вам за такое отношение к делу.

Хочу вновь повторить: надо быть самостоятельными и сильными. И еще — это, конечно, самое главное — необходимо проводить политику, отвечающую интересам граждан своей собственной страны, и тогда они будут поддерживать нас в наших с вами начинаниях.

Мне за последние годы довелось побывать практически во всех регионах Российской Федерации — на предприятиях, в школах, вузах, больницах, встречаться и с рабочими, и с военнослужащими, и с врачами, и с учителями, и с жителями сельских территорий и моногородов. Ситуация, конечно, по стране разная. Зачастую людям приходится непросто, особенно в 2009 году, да и в 2010-м тоже еще не все восстановлено. Доходы не назовешь высокими. Многие столкнулись с трудностями кризисных месяцев, увольнениями, проблемами по ведению своего небольшого бизнеса. Всем хорошо известно, что кризис пришел к нам извне. Однако в ходе борьбы с ним мы с вами не ссылались на непреодолимые объективные обстоятельства, хотя и рисков, и факторов неопределенности было предостаточно, причем таких, на которые мы действительно не могли с вами повлиять. Упомянув о них, мы не уклонялись от ответственности за положение в стране, а взяли всю ответственность на себя.

Россия по Конституции — социальное государство. И в любых условиях, в любой ситуации мы не откажемся от своих социальных обязательств перед гражданами Российской Федерации. Правительство это гарантирует.

Давайте теперь посмотрим, что нам удалось сделать в этот очень сложный период жизни России. Страна, которая пережила серьезнейшие экономические испытания, столкнулась с дефицитом бюджета, смогла тем не менее за последние два года бесплатно предоставить военнослужащим и

ветеранам Великой Отечественной войны свыше 250 тыс. квартир, осуществить планы по ремонту домов и расселению ветхого жилья. Вы знаете, мы эти планы сформулировали раньше — в условиях подъема экономики, но тем не менее мы от них не отказались, все намеченные планы осуществляли, проводили. Это затронуло так или иначе 10 млн граждан Российской Федерации.

За 2010 год на 45 %, как вы знаете, выросли трудовые пенсии. Было организовано строительство 38 новых перинатальных и высокотехнологичных медицинских центров, продолжились масштабные демографические программы. Мы все социальные пособия по этим программам проиндексировали (включая и материнский капитал), как и обещали в начале формирования этой программы.

По сравнению с докризисным 2007 годом расходы на образование увеличились в 1,5 раза, ассигнования федерального бюджета на гражданскую науку — более чем вдвое. Начиная с июля 2009 года у нас возобновился экономический рост. В 2010 году ВВП России увеличился на 4 % — самый высокий показатель из всех стран «восьмерки».

Прогноз текущего года — рост порядка 4,2 %. Для справки я могу сказать, что в I квартале рост — 4,4 %. Это означает, что к началу 2012 года российская экономика в полном объеме должна компенсировать потери, вызванные кризисом. Ранее звучали прогнозы, что экономика восстановится к 2013–2014 годам. Мы сделаем это раньше, и за этим утверждением стоят не благие пожелания, а четкие обоснованные расчеты. Но уже сегодня нам нужно смотреть вперед, концентрировать ресурсы на обновление промышленности и инфраструктуры, развивать возможности и преимущества, которыми обладает каждый регион Российской Федерации.

По объему ВВП Россия должна войти в число пяти ведущих экономик мира, а по ВВП на душу населения на уровень более 35 тыс. долларов на человека. Это выше, чем сегодняшние показатели таких стран, как Франция и Италия. Я хочу подчеркнуть: именно сегодняшних показателей, они ведь тоже не стоят на месте. Нам нужно закрепить тенденции к стабилизации численности населения страны, обеспечить всем гражданам доступ к качественным услугам здравоохранения и образования, гарантировать достойные пенсии, сформировать массовый средний класс.

Сейчас с участием широкого круга экспертов мы дорабатываем «Стратегию-2020». Прежде всего, речь идет о поиске новых резервов роста, правильной расстановке приоритетов. Модернизация, другими словами, поступательное и качественное развитие, на наш взгляд, это, прежде всего, вложение в человека, его способности, таланты, создание условий для самореализации и инициативы. Это вложения в качество жизни наших граждан. И я абсолютно убежден, именно на этой основе можно обеспечить и высокие темпы роста, и настоящий технологический прорыв.

Стране необходимы десятилетия устойчивого, спокойного развития. Без разного рода шараханий, необдуманных экспериментов, замешанных на неоправданном подчас либерализме или, с другой стороны, социальной демагогии. Ни то ни другое нам не нужно. И то и другое будет отвлекать от генерального пути развития страны. И, конечно, мы должны сберечь гражданский и межнациональный мир, поставить преграду любым попыткам расколоть и рассорить наше общество.

Когда 2010 год только начинался, нам предрекали тяжелую стагнацию или даже вторую волну кризиса, и сейчас, собственно говоря, много разговоров по этому поводу. Эти мрачные предсказания до сих пор не сбылись, слава Богу, ничего такого не произошло. И вовсе не потому, что судьба и конъюнктура были к нам исключительно благосклонны, хотя, конечно, серьезно помог почти 30 % рост цен на основные товары нашего экспорта: нефть, газ, металлы, химическую продукцию, продукцию энергетического машиностроения и некоторые другие товары. Но прежде всего сама экономика доказала, что может развиваться даже в очень жестких, порой экстремальных условиях.

Сегодня я уже называл годовые цифры увеличения ВВП — 4 %. Каждый пункт этого роста дался нам не даром, а упорным трудом. Я хочу это подчеркнуть. Все это было результатом нашей с вами совместной и оперативной работы в сфере экономики и в социальной области. В 2010 году Россия проходила не только через последствия кризиса, но и переживала полномасштабные природные бедствия и катастрофы, беспрецедентную засуху, аномальную жару и пожары. Давайте вспомним 1930-е годы. Засуха была, кстати, «пожиже», чем сейчас, а последствия были катастрофическими: голод и массовые потери людей, гибель людей. Ничего подобного, даже близко, мы не допустили.

Сегодня хочу еще раз сказать спасибо всем, без исключения, кто принимал участие в борьбе с этой стихией — пожарным, авиаторам, военнослужащим и добровольцам. Мы поддерживали тех, кто попал в беду, потерял жилье, имущество.

Особые слова признательности хочу сказать и нашим крестьянам, которые в тяжелейших условиях не опустили руки и смогли собрать 61 млн тонн зерна. С учетом ранее созданных запасов полностью обеспечили потребности страны и гарантировали продовольственную безопасность России. В прошлом году из федерального бюджета мы выделили пострадавшим от засухи хозяйствам порядка 35 млрд рублей дополнительно, помогли с семенами и удобрениями под будущий сев, под тот, который сейчас начался. Пролонгировали льготные кредиты и лизинговые платежи, в федеральном бюджете на 2011 год предусмотрели свыше 150 млрд рублей на поддержку отечественного агропромышленного комплекса. Обращаю внимание, государственная поддержка будет распространяться на все хозяйства — и на крупные комплексы, и на фермеров, и на малый и средний бизнес на селе.

Уже сейчас отечественный производитель на три четверти обеспечивает страну мясной продукцией. Особенно бурно, вы это знаете, наблюдался рост птицеводства. Вообще, даже уникальное явление в мировой экономике — в разы увеличивается, просто в разы. Мы лет пять назад импортировали 1,3 тыс. тонн мяса птицы, в прошлом году сказали: 600 будет, на самом деле где-то 300 получилось, и будем дальше снижать, потому что рост собственной продукции идет.

Если смотреть на ключевые показатели 2010 года, то видно, что кризис отступал практически по всем направлениям и фронтам — в промышленности, банковском секторе, на жилищном рынке, рынке труда. Прибыль предприятий за 2010 год увеличилась более чем на 40 %, инвестиции в основной капитал на 6 %. Что касается российских фондовых площадок, то

они вошли в число мировых лидеров по росту, капитализация нашего фондового рынка к началу 2011 года превысила 1 трлн долларов, к середине апреля 2011 года было еще увеличение на 100 млрд долларов. Это лучший годовой результат среди стран БРИКС. Лучший годовой результат!

Рост промышленного производства в 2010 году составил 8,2 %, в обрабатывающих отраслях этот рост был еще выше — почти 12 %. Лидером стало машиностроение, которое выросло на четверть. Почти половина роста ВВП в 2010 году обеспечена именно за счет обрабатывающих производств, отраслей с высоким уровнем добавленной стоимости. Производительность труда в прошлом году увеличилась на 3,4 %. Все это значит, что шаг за шагом меняется структура экономики, растет ее эффективность, и эти процессы, конечно, нужно усиливать, поддерживать.

Обращаю внимание: текущая благоприятная конъюнктура на сырье, на углеводороды не должна нас расхолаживать. Нефтяной бум, который мы наблюдаем, лишь подчеркивает необходимость скорейшего перехода к новой модели экономического развития.

Смысл нашей политики на рынке труда заключается в том, чтобы создать современные, эффективные, высокооплачиваемые рабочие места, стимулировать внедрение новых технологий, и за счет этого уходить от опасных и вредных производств.

У нас появится целый набор административных и экономических рычагов, обязывающих работодателя строго соблюдать требования безопасности, вкладывать инвестиции в охрану труда работников. Нам крайне важно повышать конкурентоспособность и профессиональный статус работников, престиж рабочих профессий.

Мы часто критикуем наши средства массовой информации. Знаете, не буду сейчас этим заниматься, но все-таки редко мы видим на общенациональных каналах примеры добросовестного и эффективного или героического труда людей именно рабочих профессий, а на их горбу все держится, между прочим.

И, конечно, сама экономика должна формировать спрос на квалифицированные рабочие руки, хорошо подготовленных рабочих и инженеров. Здесь вновь встает вопрос о характере нашего дальнейшего экономического роста. Убежден, нам необходимо запустить новую волну индустриального технологического развития России, создать условия для притока долгосрочных, так называемых умных инвестиций и передовых технологий. У нас нет другого выбора, другой альтернативы, если мы хотим обеспечить конкурентоспособность и востребованность нашего человеческого потенциала.

Еще раз повторю, наша задача заключается в том, чтобы на территории России действовала вся технологическая, промышленная цепочка: от проведения НИР и НИОКР до изготовления комплектующих и крупносерийного выпуска продукции. Это принципиально важно для того, чтобы именно у нас в стране появились новые высокооплачиваемые рабочие места, поддерживался высокий уровень технологической, инженерной, конструкторской, производственной культуры.

Опыт последних лет показал, что нам по силам успешно модернизировать и давать импульс целым отраслям производства. Причем отработана, на мой взгляд, достаточно эффективная и весьма универсальная модель, включая адресную господдержку с привлечением средств Внешэкономбан-

ка, других институтов развития, в случае необходимости формирование технологических альянсов с ведущими иностранными партнерами.

Как вы знаете, будет создан специальный фонд для привлечения зарубежных инвестиций в экономику России, формирования крупных совместных проектов.

Мы ставим цель — в ближайшее время выйти на уровень 60–70 млрд долларов прямых иностранных инвестиций в год, а затем, конечно, дальше и поднимать эту планку. В 2010 году приток прямых инвестиций в Россию составил 40,5 млрд долларов.

Государство намерено поддерживать инновационную активность наших производителей, в том числе софинансировать расходы компаний на НИР и НИОКР, а также субсидировать процентные ставки по кредитам на модернизацию производства. В прошлом году на эти цели из федерального бюджета было выделено более 70 млрд рублей.

В интересах развития нашей промышленности, экономики мы стремимся в полной мере использовать выгоды и преимущества интеграции. 2010 год стал фактически рождением Таможенного союза Белоруссии, России и Казахстана. Заработал единый таможенный тариф, вступил в силу наш общий Таможенный кодекс. Кстати, бизнес уже оценил новые возможности. Взаимный товарооборот стран Таможенного союза вырос на 28 %. И вообще я считаю, что это историческое событие, — это впервые на постсоветском пространстве создано настоящее интеграционное объединение.

В 2012 году в Таможенном союзе должна быть сформирована единая система техрегулирования, что станет важнейшим элементом промышленной политики. Через обновление технических регламентов будем подталкивать бизнес к модернизации производств. При разработке регламентов намерены широко использовать лучший мировой опыт, в том числе и опыт наших партнеров по единой Европе. От Таможенного союза мы делаем шаг к единому экономическому пространству. Уже с 1 января 2012 года заработает единый рынок с унифицированным законодательством, со свободным передвижением капиталов, товаров, услуг, людей, а в ближайшей перспективе — с согласованной экономической политикой в ключевых отраслях. Это будет, действительно, настоящий интеграционный прорыв, который кардинально изменит экономическую, да и, пожалуй, геополитическую конфигурацию всего евразийского пространства.

Подчеркну, Таможенный союз и единое экономическое пространство открыты для присоединения других наших партнеров по СНГ. Также убежден, что наша идея, адресованная нашим европейским партнерам, о создании гармоничного сообщества экономик от Лиссабона до Тихого океана, в конечном счете, обязательно получит поддержку европейцев. И я уже знаю, реакция в целом положительная.

Предлагаем вести речь о тесном технологическом, экономическом партнерстве, диалоге в формате ЕЭП и ЕС, создании в перспективе зоны свободной торговли, а затем даже и о более продвинутых формах экономической интеграции. Нам вместе есть к чему стремиться, потому что в результате мы получим общий континентальный рынок емкостью в триллионы евро. А для начала предлагаем европейским коллегам реализовать проекты, направленные на устранение узких мест в нашем сотрудничестве, воплотить в жизнь идею единого энергокомплекса большой Европы. Отправной точкой для

запуска процессов реальной интеграции России и ЕС могла бы стать отмена виз. Мы об этом много говорим, и мы к этому готовы.

Отдельно хочу остановиться на положении дел в оборонно-промышленном комплексе, в отечественном авиапроме.

В сложный период кризиса мы не отказались от поддержки авиастроительной отрасли. За 2009–2011 годы вложим в нее в общей сложности более 270 млрд рублей. В итоге мы уже обеспечили продвижение всех проектов, с которыми связано будущее нашей авиации — как гражданской, так и боевой. Завершена консолидация отрасли, очень сложный был процесс. Так запутано законодательство, столько много мелких, узкокорыстных, корпоративных интересов! Двигались очень медленно, к сожалению.

У всех заводов, сегодня входящих в интегрированные структуры, появились четкие перспективы дальнейшего развития. Запущен в серию новый учебно-боевой самолет Як-130, в Воронеже развернуто производство самолета Ан-148 в пассажирской и специальной модификациях. Прорабатывается вопрос о возобновлении выпуска крупнейшего в мире транспортного самолета «Руслан». Сертифицирован и запускается в серию пассажирский лайнер «Сухой-Суперджет-100». Портфель твердых заказов на эту машину уже составляет 150 штук. В этом году «Аэрофлот» приобретет на условиях лизинга 10 таких машин.

Продолжается работа над прорывным проектом — самолетом МС-21. Это среднемагистральный лайнер с новым двигателем и новым крылом из композитных материалов. Идут испытания нашего истребителя пятого поколения, теперь в воздух поднимаются уже две машины.

Мы формируем национальный центр авиастроения в подмосковном Жуковском как инновационное ядро отечественного авиапрома, благо там, в предыдущие десятилетия, создана хорошая база, и, прежде всего, конечно, в советское время.

Обновление ВВС страны, систем противовоздушной обороны станет одним из приоритетов развития российских Вооруженных сил в ближайшее время. Зенитно-ракетные бригады уже получают новые системы С-400, а в перспективе начнется производство системы С-500, которая способна решать задачи противовоздушной и уже даже противоракетной обороны, уничтожать цели в ближнем космосе. В войска поступят новые ракетные вооружения, стратегические и оперативно-тактические ракеты — такие системы, как «Ярс», «Булава», «Искандер-М». Уже с 2013 года производство ракетных ударных комплексов должно практически удвоиться.

Мы модернизируем и парк наших гражданских ракет-носителей. В 2013 году планируем приступить к проведению летно-конструкторских испытаний ракет «Ангара» легкого и тяжелого классов, к 2015 году создать ракету-носитель «Русь-М» — она будет стартовать с нового национального космодрома Восточный и выводить на орбиту пилотируемые и грузовые космические корабли. Масштабные работы по строительству космодрома развернутся уже в этом году. Кстати говоря, мы таким образом обеспечим полную независимость в космосе. У нас только один космодром остался — Плесецк, который был переоборудован для гражданских программ. Своего собственного космодрома для гражданских программ у нас просто нет — будем его строить.

Возвращаясь к оборонной тематике, отмечу, что впервые в истории современной России масштабные ассигнования — порядка 5 трлн рублей — выделяются на обновление и развитие Военно-морского флота. Именно такие параметры заложены в принятую государственную программу «Вооружение». В общей сложности на ее реализацию мы планируем направить — страшно произносить такие цифры — 20 трлн рублей. По сравнению с предыдущей программой увеличение в 3 раза! Связано это, как вы знаете, не с тем, что мы хотим формировать на ближайшие годы какой-то военный бюджет, а с тем, что многие системы вооружений выходят из строя и их нужно менять. А менять их, конечно, нужно на новой технологической базе.

Параллельно подготовлены планы по модернизации самого оборонно-промышленного комплекса, потому что выпускать новые системы вооружений можно только на новом оборудовании. На эти цели предусматриваем за 10 лет более 3 трлн рублей, причем ежегодно порядка 200 млрд рублей планируем направлять на перспективные оборонные НИОКР и на их базе создавать технологии двойного назначения. И в этом смысле возрастающий гособоронзаказ рассматриваем как важнейший инструмент модернизации самого ОПК и всей экономики России.

Но и сделано уже немало. По сравнению с докризисным, 2007 годом объем производства продукции военного назначения увеличился почти в 1,5 раза. Еще один показательный факт. В 2010 году до 75 % инвестиций на предприятиях российского ОПК направлялось на приобретение оборудования. Понимаете, до 75% инвестиций на новое оборудование! То есть идет, и мы с вами наблюдаем, процесс ускоренного формирования базы под выпуск техники нового поколения.

В оборонку пошла молодежь — мы переломили тенденцию старения кадров: средний возраст занятых на предприятиях ОПК, в конструкторских и научных центрах понемногу снижается; в промышленности у нас средний возраст — 45,6 года, в науке — 48,1 года. В 2011 году впервые будет проведен целевой набор 15,5 тыс. студентов для обучения по специальностям, востребованным в ОПК.

Здесь хочу сделать принципиальное замечание: за предстоящее десятилетие нужно практически полностью переоснастить наши Вооруженные силы. Сейчас много разговоров, кому достанутся эти триллионы рублей заказов. Я абсолютно убежден: современное оружие армии и флоту способен и должен давать наш собственный оборонно-промышленный комплекс. Между тем отдельные технологии, образцы, наверное, можно закупать за рубежом — даже нужно. Но мы должны понимать, что перспективную технику, технику последнего поколения нам никто не продаст, да и мы сами выставляем на мировой рынок вооружения далеко не все, что у нас есть, далеко не все, чем мы располагаем. Это нормальная мировая практика.

Нам надо делать все, чтобы самим обладать приоритетами в ключевых сферах оборонных технологий по основным системам вооружений. И наконец, наверное, это главное. Считаю, что средства оборонного бюджета страны не должны, конечно, уходить за рубеж, в своей подавляющей массе они должны работать именно здесь, в России, подпитывать нашу промышленность и науку, создавать новые технологические, высокие по качеству рабочие места. Мы только так и будем поступать, даже сомнений ни у кого быть не должно.

Еще раз подчеркну, сильная оборонная промышленность, атомная отрасль, ракетостроение — это наши конкурентные преимущества, доставшиеся нам от прежних поколений, за что им низкий поклон. И мы намерены только укреплять эти направления деятельности.

Нам нужно деполитизировать эти вопросы. Это то, что досталось нам от Советского Союза. Мы этим гордимся, еще раз низкий поклон всем, кто создавал эти комплексы, будем развивать эти направления работы.

Убежден, занимаясь формированием нового облика армии и флота, реформируя другие силовые структуры, органы внутренних дел, на первое место мы должны всегда ставить человека и такие базовые вопросы, как рост профессионализма личного состава, укрепление социальных гарантий и, конечно, достойное денежное довольствие. К решению этой проблемы мы, по сути, шли последовательно, и, если вы помните, еще в 2007 году начали создавать систему стимулирующих выплат для тех военнослужащих, которые выполняют особо важные задания или несут службу на самых главных направлениях по обеспечению обороноспособности России.

Мы сейчас делаем следующий шаг. Этот шаг, естественно, вытекает из всего того, что было сделано до этого времени. С января 2012 года начнем внедрение новой системы денежного довольствия военнослужащих и сотрудников правоохранительных органов.

2011 год должен стать годом больших строек, реализации крупных транспортных, энергетических проектов на марш. Фактически за предстоящее десятилетие нам предстоит заложить новую инфраструктурную базу страны. Настоящий прорыв должен быть обеспечен в топливно-энергетическом комплексе, причем прорыв именно качественный, основанный на росте эффективности, на глубокой переработке сырья.

ТЭК, инфраструктура, транспорт станут одними из основных заказчиков современных технологий, станут потребителями инноваций. Цифры впечатляют. Например, только за ближайшие три года, уважаемые коллеги, российские энергетические, нефте- и газодобывающие компании направят, будут тратить деньги на свое собственное развитие в сумме 8,5 трлн рублей, из них на современное оборудование — 3,2 трлн рублей. Вот где источник инноваций! И мы сделаем все, чтобы эти заказы получила именно российская промышленность.

За последние два года в поддержку стройиндустрии, жилищные программы мы вложили порядка 1 трлн рублей. Триллион, потому что строительный комплекс в период кризиса, так же как и автопром, оказался в очень сложном положении. За счет этого мы существенно продвинулись в решении жилищных проблем граждан, не допустили критического спада в строительной отрасли. Небольшой спад есть. Там у нас на пике было 63 млн кв. м, мы опустили до 59 млн кв. м, но сейчас наблюдается подъем.

Отмечу, что многие российские регионы реализуют программы социальной поддержки для бюджетников, врачей, учителей, других категорий граждан. Мы, конечно, будем такие программы поддерживать. Уже к 2015 году не менее трети российских семей (сейчас порядка 12 %) должны иметь возможность приобрести жилье с помощью собственных или заемных средств за счет жилищных кредитов, социальных субсидий, того же самого материнского капитала. Напомню, что размер материнского капитала в 2011 году вновь был проиндексирован — на этот раз до 365 700 рублей.

Мы продолжим оказывать поддержку молодым семьям, вместе с регионами предоставлять им субсидии для участия в ипотечных программах. Рассчитываем, что за ближайшие пять лет с помощью государства жилищные условия улучшат более 170 тыс. молодых семей. И конечно, будем решать жилищные проблемы ветеранов, других категорий граждан, перед которыми у государства есть обязательства. Мы знаем, что это за категории граждан: северяне, вынужденные переселенцы, чернобыльцы.

К маю 2010 года все ветераны Великой Отечественной войны, вставшие на жилищную очередь до 1 марта 2005 года, получили квартиры — это 28,5 тыс. человек.

Теперь несколько слов о темах, которые традиционно волнуют всех, — о финансах и о бюджете, о том, что и на какие цели будем тратить, в каком объеме сберегать и, конечно, о том, какие новые социальные проекты планируем реализовать.

Курс национальной валюты предсказуем. У нас крепкий положительный торговый баланс. На конец 2010 года мы отторговались с плюсом 151 млрд долларов. Международные резервы начали в апреле прошлого года расти, выросли на 55 млрд и перевалили отметку в 500 млрд долларов. Оживление экономики, благоприятная конъюнктура дают нам возможность серьезно ускорить решение проблемы дефицита. Почему это так важно, уважаемые коллеги? Дефицит бюджета для экономики, которая все еще зависит от мировых цен на сырье, это очень большие потенциальные риски. Кроме того, обслуживание дефицита требует средств, заимствований, то есть отвлекает ресурсы от решения целого ряда проблем и задач развития. Уже в этом году мы рассчитываем снизить размер дефицита до 1–1,5 % ВВП, в будущем будем стремиться к бездефицитному бюджету.

По нашим оценкам, рост цен на углеводороды принесет федеральной казне дополнительно 1138 млрд рублей. Считаю, что было бы неразумно просто-напросто проесть эти конъюнктурные деньги, пустить их на текущие расходы. Такие траты могут разогнать инфляцию, лишит наши ведомства стимулов к повышению эффективности бюджетных расходов и программ, подстегнуть рост цен, и это напрямую отразится на кошельках и реальных доходах наших граждан.

Вместе с тем за счет правильного использования дополнительных нефтегазовых доходов мы можем эффективно решить две очень важные задачи. Во-первых, значительно сократить масштабы заимствований на международном рынке, заместить этот источник собственными ресурсами. И, во-вторых, считаю, что сейчас нужно вновь начать накапливать и укреплять наши резервы, поэтому основную массу нефтегазовых доходов предлагаем направить в резервный фонд и к концу года практически в 2 раза увеличить его объем до порядка 1430 млрд рублей. Это покажет качество нашей экономики, создаст стабильную ситуацию для развития.

Мы стоим сейчас на пороге выработки нового бюджета. Соблазн есть. Сейчас высокие цены на энергоносители. Дополнительные доходы — большие. Ни в коем случае нам с вами нельзя пойти по пути, когда мы под эти доходы, которые «с неба падают», разгоним дополнительно расходы, а потом цены свернутся, и что мы будем делать с обязательствами, которые на себя возьмем? Очень опасный путь.

Важный показатель — это рост средней продолжительности жизни, на самом деле самый такой адекватный показатель. Сегодня она составляет около 69 лет, напомним, что в 2005 году эта цифра была 65 лет. С 2005 по 2010 год — рост на четыре года, очень приличный показатель. Вместе с тем результаты проведенной переписи показали, насколько еще неустойчив, хрупок демографический баланс, как много еще болевых точек у нас в этой сфере. Но для нас совершенно очевидно, что активную политику в сфере демографии, сбережения народа России надо продолжать. Продолжать будем обязательно, несмотря ни на какие сложности. Намерены использовать все возможности, чтобы закрепить позитивные демографические тенденции, поддержать семьи с детьми. Здесь важны все аспекты — и создание новых рабочих мест, и гибкая налоговая политика, и решение жилищных проблем, и развитие системы здравоохранения и образования. Так, Правительство внесло в Парламент предложения об увеличении налоговых вычетов для многодетных семей, прорабатываем вопрос об обеспечении земельными участками семей, в которых есть трое и более детей.

По итогам 2011 года средняя заработная плата по стране у нас составит 23,5 тыс. рублей, средняя зарплата по стране будет такая, как планируется, сейчас — 21,01 тыс., по-моему, а к концу года будет 23,5 тыс. рублей. В следующем году планируемый рост — 26,5 тыс. рублей, а доходы учителей как были в 2009 году — с 13,5 тыс. до 14 тыс. чуть-чуть, доползали, — так, в принципе, и остаются. И это с учетом Москвы и Санкт-Петербурга, кстати говоря, где она выше, и поэтому средняя зарплата по стране за счет этого подтягивается, а в других регионах (если исключить Москву и Петербург) если взять среднюю зарплату, где-то будет 8,5–10 тыс. рублей.

Что предлагается в связи с этим? Уже в этом году необходимо начать новый большой проект по поддержке российской школы. За два предстоящих учебных года федеральный бюджет выделит на эти цели не менее 120 млрд рублей, еще порядка 60 млрд рублей должно составить софинансирование проекта со стороны регионов. Федеральные средства предполагается направить на покупку оборудования, на качественное улучшение условий обучения школьников. Это важно, особенно в сельской местности, где существует проблема с малокомплектными школами. Также средства будут вкладываться в приобретение школьных автобусов, развитие новых образовательных технологий, дистанционных форм обучения, оснащение спортивных залов и школьных столовых, переподготовку и повышение квалификации педагогов.

Ключевыми показателями станет повышение фонда оплаты труда учителя с 1 сентября 2011 года в среднем на 30 %. Затем, в течение двух лет, нам нужно сделать так, чтобы средняя зарплата учителя вышла на уровень средней заработной платы по экономике в соответствующем регионе. Конечно, механической уравниловки при повышении зарплаты быть не должно. Нужно учитывать квалификацию учителя, его профессиональные качества, отношение к работе, и нужно поддерживать лучших. Регионы также должны обозначить сферу образования в качестве своего обязательного приоритета. Рассчитываем, что в результате осуществления этих программ мы добьемся модернизации и укрепления единого образовательного пространства.

Сегодня в этой связи хотел бы затронуть несколько важных тем. Прежде всего, речь идет о таком сложном, ответственном процессе, как переход на

федеральные государственные образовательные стандарты нового поколения. Время не стоит на месте, и система образования, как и другие институты, нуждается в обновлении, качественном реформировании, реализации новых подходов и новых идей. Но делать нужно это, конечно, предельно аккуратно.

Мы должны сохранить те несомненные преимущества, которыми исторически обладает отечественное школьное и вузовское образование, его фундаментальность, основательность, способность прививать широкий кругозор и энциклопедические знания ученикам и студентам.

На сегодняшний день утверждены стандарты для начального и основного общего образования, а также по всем специальностям начального и среднего профессионального образования с участием научной и образовательной общественности, работодателей, бизнеса. Завершается разработка стандартов для вузов.

И, наконец, в феврале 2011 года были опубликованы образовательные стандарты для 10–11 классов. Именно они вызвали самую острую дискуссию в обществе и в Парламенте страны, получили далеко неоднозначную и очень критичную оценку со стороны общества, учителей, родителей, и к этому мнению, разумеется, нужно прислушиваться. Считаю, что предложенный стандарт нуждается, безусловно, в доработке. Нужно учесть все здравые идеи, предложения.

Еще раз повторю: сфера образования имеет важнейшее значение для страны, для граждан. Она определяет жизненные перспективы каждого конкретного человека, а значит, и будущее всего государства. И все принимаемые решения в этой сфере должны быть тщательным образом проработаны, должны быть абсолютно понятны и приняты обществом.

Но есть тема, которую я хотел бы обсудить особо, и думаю, что она не может никого оставить равнодушным. Мы с вами неоднократно обсуждали разные аспекты поддержки отечественной культуры. Считаю, что нужно вернуться к этому вопросу. Мы не можем оставить решение этой проблемы совсем на потом. Это будет несправедливо по отношению к людям, которые трудятся на столь важном поприще, и неправильно по отношению к нашему культурному духовному достоянию, к нашему историческому наследию, а значит, и к будущему нашего народа.

Зарплаты библиотекарей, сотрудников музея — самые маленькие даже на фоне других бюджетников. Музейные и библиотечные фонды хранятся в плохих условиях, слабо пополняются. Лишь 16 % библиотек имеет доступ в сеть Интернет. У нас рождается больше детей, слава Богу, а вот число детских библиотек сокращается. Как прежде бездумно поступали с детскими садами, теперь также стали передавать под непрофильное использование помещения для библиотек. Библиотеки должны стать современными информационными, консультативными, просветительскими, досуговыми центрами, а детские библиотеки нам нужно использовать и как важный элемент дополнительного образования.

Предлагаю уже с 2012 года увеличить финансирование ремонта и технического обеспечения музеев и библиотек и, конечно, увеличить поддержку российской культуры в целом. Мы обязательно найдем необходимые средства.

В дальнейшем предлагаю разработать и утвердить государственную программу «Культура России». Естественно, рассчитываем, что к этому проек-

ту присоединятся и регионы, и муниципалитеты, и общественные организации, и российский бизнес, и наши соотечественники за рубежом, — все, кто чувствует свою связь с нашим общим культурным пространством.

Уже с 1 июня текущего года при индексации зарплат всех федеральных бюджетников предлагаю повысить зарплату наименее оплачиваемым категориям работников культуры — это музейные работники и библиотекари — не на 6,5%, а больше, так чтобы довести это хотя бы до среднего уровня зарплаты по специальности.

Кроме того, до 1 июля 2012 года будет завершена разработка четких и понятных административных регламентов государственных и муниципальных услуг. Плата за предоставление госуслуг будет взиматься только на основании Налогового кодекса и перечня платных услуг, утвержденного Правительством, требование каких-либо дополнительных денег с бизнеса и граждан является незаконным.

Уже в ближайшее время Правительство как автор большинства законодательных инициатив намерено предложить новый формат разработки правовых актов. Мы хотим, чтобы граждане страны стали непосредственными участниками процесса — для этого считаем важным предусмотреть механизмы публичного обсуждения всех социально значимых правительственных законопроектов. Процедура публичного обсуждения должна привлекать широкий круг экспертов и граждан. Сделать это можно с использованием современных информационных технологий.

Кстати, во всех развитых странах все шире применяется концепция «Открытое правительство», которая основана на вовлечении граждан в текущую работу институтов власти. И нам тоже нужно идти по этому пути — поощрять активную гражданскую работу, учитывая предложения, советы, рекомендации так называемых независимых народных экспертов. Конечно, в таких условиях будет работать сложнее, иногда даже темп будем терять, но зато качество не пострадает.

Позвольте мне в заключение сказать следующее. Сегодня можно утверждать, что посткризисный рывок национальной экономики состоялся. И на этой основе мы формируем модернизационную повестку нашей работы, масштабные планы экономического и социального развития. Хочу сказать, Правительство предпримет все усилия, чтобы экономика и дальше шла по траектории устойчивого подъема, росло благосостояние российских семей. Мы неизменно руководствовались главным принципом — слышать людей, работать для людей, и от этой принципиальной линии, безусловно, отступать не намерены. Поддержка граждан всегда помогала нам, служила опорой для принятия самых сложных и самых ответственных решений. Мы сделаем все для того, чтобы оправдать это доверие.

**ИНТЕРВЬЮ
ПРЕДСЕДАТЕЛЯ
СЧЕТНОЙ ПАЛАТЫ
РОССИЙСКОЙ
ФЕДЕРАЦИИ,
ПРЕЗИДЕНТА
РОССИЙСКОГО
КНИЖНОГО СОЮЗА
С. В. СТЕПАШИНА
ЖУРНАЛУ
«РОДНАЯ ЛАДОГА»**

«Родная Ладога»: Уважаемый Сергей Вадимович, многие наши соотечественники знают Вас как выдающегося государственного деятеля, председателя Счетной палаты Российской Федерации. Ваша общественная деятельность менее известна. Расскажите, пожалуйста, нашим читателям о возглавляемом Вами Российском книжном союзе, основанном в 2001 году. Какие цели ставит эта общественная организация? Какие основные достижения и направления ее работы?

С. В. Степашин: Российский книжный союз — негосударственная

Сергей Вадимович Степашин — председатель Счетной палаты Российской Федерации. Родился в 1952 году в Порт-Артуре. 1973 год — окончание Высшего политического училища МВД СССР. В 1981 году окончил Военно-политическую академию, в 2002 — Финансовую академию при Правительстве РФ. 1990—1993 годы — народный депутат РСФСР, председатель Комитета Верховного Совета РФ по вопросам обороны и безопасности. 1993—1998 годы — первый заместитель министра безопасности, директор Федеральной службы контрразведки, директор ФСБ, министр юстиции, министр внутренних дел России. 1999 год — председатель Правительства РФ. 19 апреля 2000 года назначен Государственной Думой на должность председателя Счетной палаты РФ. С 2007 года — член Управляющего совета Международной организации высших органов финансового контроля (ИНТОСАИ). Сопредседатель Ассоциации юристов России. Доктор юридических наук, профессор. Генерал-полковник. Награжден орденом «За заслуги перед Отечеством» III степени (2002 год) и орденом «За заслуги перед Отечеством» II степени (2007 год), орденом Мужества, орденом преподобного Серафима Саровского I и II степени, Королевским орденом Северной (Полярной) звезды командорской степени 1 класса (Швеция, 2002 год), командор ордена Почетного Легиона (Франция, 2004 год) и др. **Живет в Москве.**

и некоммерческая организация, объединяющая ведущих отечественных издателей, распространителей книжной продукции, полиграфистов, представителей библиотек и бумажной отрасли, а также ряд писательских организаций и ассоциаций. Всего более полутора тысяч организаций, входящих в «книжное сообщество».

Во главу угла деятельности РКС положена идея служения книге, культуре, духовному развитию нашей страны. Свои приоритетные задачи РКС видит в консолидации усилий книжного сообщества России по выработке согласованной политики, направленной на развитие отечественной книжной отрасли; в содействии образовательным, просветительским и культурным программам, нацеленным на пропаганду чтения, тем самым содействуя общественному развитию и росту экономики. По ряду вопросов Российский книжный союз взаимодействует с Государственной Думой и Советом Федерации, федеральными министерствами и ведомствами, выступая с инициативами в сфере законодательства, поддержки литературного творчества, развития международных связей.

Российским книжным союзом заключен ряд соглашений о взаимодействии и сотрудничестве с Московской Патриархией Русской Православной Церкви, Правительством Московской области, Правительством Санкт-Петербурга, Министерством культуры, Министерством связи и массовых коммуникаций, Министерством иностранных дел, Министерством обороны, Российской библиотечной ассоциацией, а также рядом областных администраций и правительств субъектов Федерации.

Совместно с Федеральным агентством по печати и массовым коммуникациям Российский книжный союз разработал Национальную программу поддержки и развития чтения. Среди наиболее важных задач программы — стимулирование и поддержка российских авторов, развитие каналов распространения книг в регионах России, а также, что немаловажно, поддержка библиотек. Опыт развитых стран показывает, что проблемы чтения и грамотности могут быть решены при наличии системного подхода со стороны государства, общества и бизнеса — и мы с этим полностью согласны. К сожалению, нам не удалось придать ей статус федеральной целевой программы, и поэтому мы сами начали внедрять элементы данной программы в отдельных регионах. Там где мы открываем свои представительства, власти соответствующего субъекта Федерации принимают аналогичную региональную программу, включающую обширный перечень мер, направленных на усиление интереса к чтению (в особенности среди детей и подростков) и развитие необходимой инфраструктуры.

«Родная Ладога»: *Сегодня в России существуют, кажется, похожие организации — Российский книжный союз и Российская книжная палата, которые взаимодействуют между собой. В чем это взаимодействие? Что общего и каковы различия в целях и задачах обеих организаций?*

С. В. Степашин: В отличие от Российского книжного союза, Российская книжная палата — государственная структура, по сути это национальное библиографическое агентство, осуществляющее библиографический и статистический учет выпускаемых на территории Российской Федерации изданий, архивное хранение изданий, проведение международной стандартной

нумерации произведений печати и научные исследования в области книжного дела. РКП — это наш деловой партнер, к тому же член Союза. В настоящее время РКС в сотрудничестве с ФГУП «Российская книжная палата», в рамках реализации Национальной программы поддержки и развития чтения, организует на базе интернет-сайта Союза актуальный Единый отраслевой товарный реестр (ЕОТР) книжной продукции. ЕОТР представляет собой электронную базу имеющихся на рынке книжных изданий, доступную любому книжному оператору России и мира через Интернет, это полноценная система, благодаря которой появляется возможность получить максимально полную информацию о продукции — описание, ISBN; есть также возможность увидеть обложку книги и ее формат. Реестр позволит всем участникам книжного рынка работать в едином информационном поле.

«Родная Ладога»: *Мы знаем, что возглавляемый Вами Книжный союз за годы своей деятельности пополнился региональными филиалами. Нас, естественно, интересует деятельность Северо-Западного отделения Российского книжного союза. В чем она заключается и как проявляется в Санкт-Петербурге?*

С. В. Степашин: У Российского книжного союза сегодня девять филиалов и семь представительств, которые призваны координировать работу книжной отрасли в конкретных регионах.

Наш первый филиал был организован в 2005 году именно в Петербурге. «РКС-Санкт-Петербург» — один из наших опорных пунктов на Северо-Западе страны, который возглавляет вице-губернатор Санкт-Петербурга А. Ю. Манилова. Сейчас это самый активно развивающийся филиал Союза, который проводит крупные мероприятия. Прежде всего, это ежегодный Санкт-Петербургский международный книжный салон, стартовавший в ноябре 2006 года. Думается, что не менее важным событием может стать и Санкт-Петербургский международный писательский форум, открытие которого состоялось этой весной.

Правительство города и лично Валентина Матвиенко выступают нашим надежным партнером, принимая деятельное участие во многих мероприятиях РКС. В городе была также разработана и принята Программа поддержки и развития чтения, рассчитанная на продолжительный срок.

Кстати сказать, многими нашими представительствами в регионах руководят непосредственно губернаторы или их первые заместители, что свидетельствует о растущем понимании властью и обществом важности восстановления для России статуса самой читающей страны.

«Родная Ладога»: *На Санкт-Петербургском книжном форуме, состоявшемся в апреле 2011, звучали призывы сделать чтение «модным», говорилось о необходимости повышения уровня культуры чтения. Что конкретно подразумевается под этими направлениями? Рассматриваются ли в этом смысле направления духовного возрождения, обращение к традиционным, корневым ценностям, что невозможно без книги?*

С. В. Степашин: Одна из главных задач Национальной программы чтения — приобщение детей и подростков к этому занятию. Сейчас мы разра-

батываем проект в области социальной рекламы, призванный стимулировать интерес к чтению у молодежи. Молодые люди склонны следовать моде. И мы постараемся создать моду на чтение, на книги, привлекая людей, достигших в жизни большого успеха благодаря Книге. Реализация данного проекта позволит повысить интерес к литературе, привлечь к чтению так называемого «утраченного» читателя, донести до потенциального читателя, что чтение — это не только интересное времяпрепровождение, но и средство, повышающее общий интеллектуальный уровень человека, открывающее ему новые горизонты человеческой природы, духовности, исторических и культурных процессов и многого другого, что делает человека носителем традиций и культуры цивилизации. Кроме того, проект рассчитан и на начинающего юного читателя, которому необходима профессиональная рекомендация в выборе литературы, он призван заново открыть ребенку двери в мир российской и мировой литературы различных направлений.

«Родная Ладога»: *Известно, что Российский книжный союз сотрудничает с издательством Московской Патриархии. Расскажите, пожалуйста, о направлениях этого сотрудничества.*

С. В. Степашин: Соглашение о сотрудничестве между Российским книжным союзом и Московской Патриархией Русской Православной Церкви мы заключили в 2002 году. Мы вместе поддерживаем те издания и издательства, которые способствуют нравственному и духовному оздоровлению личности и общества. В последнее время эта совместная работа активизировалась. Проведено несколько совещаний с главой Издательского совета РПЦ митрополитом Калужским и Боровским Климентом. Оказывается посильная помощь изданиям, ориентированным на укрепление семьи, патриотическое воспитание, поддержку культуры и другие традиционные российские ценности, а также содействие защите интересов российских книгоиздателей и книгораспространителей в стране и за рубежом.

«Родная Ладога»: *Уважаемый Сергей Вадимович, что бы Вы могли пожелать журналу «Родная Ладога» и его читателям?*

С. В. Степашин: Хочу выразить коллективу вашего журнала благодарность за подвижнический труд на ниве культуры. Новых вам творческих удач, успехов и читателей!

Поэзия ДИПЛОМАТОВ

МОЯ СМОЛЕНКА*

*Стихотворения
сотрудников
и ветеранов
МИД России*

*Продолжение. Начало в № 1, 2
за 2011 г.

Николай БАКУШИН

СТАРАЯ ЦЕРКОВЬ

Церковь средь деревни,
Купол крыт железом,
Крест над ним из меди
Не блестит, как прежде.

Со своей деревней
Старилась церквушка.
Весь приход у древней —
Дьяк да три старушки.

Лик икон все суше
От лампад горящих.
Но очистит душу
Всяк сюда входящий.

* * *

Господи праведный, что же
мы делаем?
На переходе — глаз не поднять, —
Нищая женщина — волосы белые.
Господи! Это же — Родина-мать!

Возле нее копошится котенок,
Рваным ботинком играет щенок.
Каждый из них —
это чей-то ребенок.
Дети страны — у босых ее ног.

Мимо нее на машинах с мигалками
Или на джипах ценой в самолет
Мчатся, бахвалясь,
с огромными «бабками»,
Напрочь забывшие нищий народ.

Господи праведный!
Сердцем отчаянным
Буду кричать до Твоих светлых врат:
— В том, что сегодня
страна неприкаянна,
Каждый из нас
хоть чуть-чуть виноват.

Анатолий ПАНОВ

К открытке: девочка, уснувшая в цветах

Души оцепененье сну сродни.
И, книгу обронив на полуслове,
В тот мир, где только праздничные дни,
Где все не так, заманчиво и внове,
Она глядит — пока издалека
Пугливым взглядом внутреннего ока,
И молча провожает облака
Своей мечты, поднявшейся высоко.
Дыханье ветра. Звонкий щебет птиц.
И шелест недочитанных страниц.

Геннадий РУСАКОВ

* * *

Я ношу жизни бережно несущу,
Мне голоса поют протяжней зова,
и лошадь ржет, и ветер на весу,
и дочь крылами плещет от Азова.
Как странен мир! Я не один такой,
Я стоя сплю, а рядом лошадь дышит.
Я дождь держу протянутой рукой,
но время нас за стенкою не слышит.
Любовь лукавая, с притушенным зрачком
глядит, и празднует, и шелком задевает.
Кого ты радуешь и ставишь мир торчком,
Как будто это все еще бывает?
Как будто тянется столетья колея,
стада идут, пылят и блеют звонко.
Как будто там уже другой, не я,
на плечи вскинул смолкшего ягненка.

Александр ГЛАДКОВ

* * *

С. Лаврову

Над сопками в полнеба плыл закат
И обреченно гас, как пламя свечи...
Порой до боли хочется назад —
К тому костру у той сибирской речки.

Где труден быт, а истины просты,
Где звезды ближе, а сомненья дальше,
Где от души к душе идут мосты,
Их согревая и храня от фальши.

Не одержать над временем побед.
Как ни тоскливо, день придет когда-то —
В шкафу повиснет грустно спасжилет,
И будут сквозь окно светить закаты.

Заменит спирт ассортимент микстур,
И непривычным станет дым табачный.
Придет сезон лечебных процедур
И сна у телевизора на даче...

Но нет занятия хуже, чем свои
Планировать поминки ненароком.
Не выиграть у времени бои,
Но не тянуть же руки вверх до срока!

Пока хватает сил и куража
Спешить за повседневности ворота,
Еще закатный в небесах пожар
Посветит нам не на альбомном фото.

Пусть иногда кольнет под сердцем вдруг
И к непогоде ломит поясницу —
Мы просто поплотней к тому костру
Придвинемся, и время растворится.

Весна. Темнеет снег — хороший знак.
На небе красок все нежней палитра...
И с антресолей боевой рюкзак
Застежками поблескивает хитро.

Артем КОЗВОНИН

* * *

Здесь все крыши в черепицах —
Ты же видела сама!
Здесь знакомые все лица
И знакомые дома.

Между шпилей ветер веет
Как тогда, давным-давно,
Здесь в подвалах холодеет
Виноградное вино.

Здесь закат кроваво-красный
И над полем облака,
Здесь у девушки прекрасной
Столь же нежная рука.

И, усиленно зевая,
Полупьяный и небрит, —
«Где ключи земного рая?» —
Старый сторож говорит.

Алексей ПОЛИЩУК

ЛЮКСЕМБУРГ

Туманы гулки
В Люксембурге.
И вертикальны переулки.
В пустых ущельях вечность спит.
И даже эхо не звучит
На тихой утренней прогулке.
Прозрачен воздух, как роса.
И даль глотает голоса...

Александр МЕДВЕДЕВ

КОЛОКОЛЬНЫЙ ЗВОН НА ПОЛЯНКЕ

В ноябре над Москвой небо не с синевой,
Тучи серые на небосклоне,
Но несется окрест ввечеру благовест
Над Полянкой, в старинном районе.

Перезвонам внимать — на душе благодать
И тепло, и покой, и отрада.
Так зачем отвергать то, что может спасти, —
Сохранять и беречь это надо!

Перебор, перелив... — незнакомый мотив,
Сколько лет тот мотив не слышали,
Православная так возрождается Русь, —
Та, которую мы потеряли.

Точка ЗРЕНИЯ

Ижо ПОЧАТЕК
(1932–2011)

ВЫБОРЫ В ЧЕХИИ И СЛОВАКИИ — ГОД СПУСТЯ

Изидор (Ижо) Початек, доктор права. Родился в селении Брвниште в Словакии. Работал военкором в издательском агентстве СТК (Чехословакия). В 1953 г. поступил на факультет международных отношений Карлова университета в Праге, затем переехал в Москву, где окончил Восточный факультет МГИМО. Работал в МИДе Чехословакии. Прошел все дипломатические должности. Получил степень кандидата исторических наук. В 1970 г., в связи с критикой военного вторжения в Чехословакию стран Варшавского договора, был отстранен от дипломатической службы, и 20 лет работал на Словацком ТВ. Был первым ген. консулом Словацкой республики в Минске. Автор большого количества публикаций.

Неолиберальная избирательная фата-моргана: парламентские выборы в Чешской и Словацкой республиках — год спустя

Выборы в национальные парламенты в Чехии в мае 2010 года и в Словакии в июне 2010 имели много общего. Прежде всего то, что на заднем плане предвыборной кампании в нее очень активно был привлечен, по моему мнению, как никогда прежде, глобальный финансовый капитал. Естественно, на стороне правого спектра политических сил. Именно он, этот капитал, был наиболее заинтересован в деформации в начале 90-х годов социального характера тогда еще единого государства. Неолиберальная идеология, характеризующаяся диктатом свободного рынка и абсолютизацией силы денег и богатства, стремится к замене социального и правового государства, к установлению глобального господства собственных моделей «прав и свобод».

В предвыборном «маскараде» правых активно участвовали внутренние «энтузиасты» безбрежной свободы эксплуатации и неограниченных частных прав богатых, которые кооперировались с общественными и закрытыми структурами олигархов, неправительственных политических организаций и фондов, с т. н. «серьезными» и бульварными средствами массмедиа; их действенно дополняли хорошо оплачиваемые политологи разнообразнейшей политической окраски. Суть обоих выборов уже не была лишь в рутинной замене власти какой-то ободранной группы политиков и их прихлебателей, но также и в утверждении длительного преобладания неолиберальной концепции построения социально-экономического уклада общества. Это происходило в

ситуации, когда в обоих государствах в сущности завершилось двадцатилетнее трансформационное растаптывание принципов социализма, даже несмотря на его многочисленные социальные достоинства, и когда новые генерации искали волшебные фокусы выпущенного из бутылки либерального джина, те фокусы, которые так категорически пропагандируются на Западе.

Несмотря на то, что еще со времен первых парламентских избирательных кампаний давно улетучилась прямо-таки мистически фетишизируемая «демократия», а с переходом человечества к глобализационной фазе развития от выборов остался лишь примитивный набор обязательных слов, они продолжают оставаться тем политическим рингом, где соизмеряются силы самых различных властных и экономических интересов не только противоположных, но и высокоорганизованных объединенных политических субъектов данного человеческого общества!

Предвыборная гонка

В предвыборный период наши страны были обезображены тысячами крупноразмерных билбордов и обклеены еще большим количеством плакатов и агиток с разнообразными физиономиями «спасителей», лицами и лозунгами, которые хоть и обнажали объективные и наболевшие места нашего трансформированного общества, но по сути представляли собой лишь царство нереальных мечтаний и желаний. Единственными, кто на этом сказочно обогатился, были топ-менеджеры медийных фирм, а также финансисты, которые таким образом отмывали миллионы. Это была кампания, наполненная лозунгами типа манны небесной, подлых подножек, унижающих высказываний и умышленного обмана. Чем дальше от столиц, эта кампания становилась еще более угнетающей.

Весь этот предвыборный переполох четко подтвердил, что правые силы имели в своем распоряжении более масштабный агитационный арсенал не только в виде финансовых ресурсов, но одновременно и в широких возможностях логистики, связанных с богатым идеологическим и политическим тылом монополий и сетевых корпораций.

Вначале необходимо подчеркнуть, что в парламентских выборах обеих стран соревновались не только лишь «идеальные» лозунги, но также велась открытая жесткая борьба за будущую ориентацию словацкого и чешского общества — отправятся ли они с сегодняшнего перекрестка цивилизованным путем социального и рыночного государства с необходимым регулированием свободного рынка или же поддадутся давлению глобального транснационального капитала, который открыто внедряет легализацию таких государственных рамок, которые предоставляют ему собственный диктат над этим «свободным рынком» и вследствие этого гарантируют максимально прибыльную эксплуатацию. Иначе говоря, наши парламентские выборы, несомненно, стали составной частью международной борьбы между идеалами за испытание человечества путем его освобождения от оков чрезмерного порабощения, а также интересами богатых и сильных за еще более значительное материальное и духовное обнищание более слабых. Хотелось бы отметить, что эта диалектическая борьба протекает уже с самого начала существования человечества и никогда не закончится никакими парламентскими выборами!

Что нам демонстрируют результаты выборов в Чехии и Словакии?

В обеих республиках топ-менеджеры избирательных кампаний в сущности использовали одинаковые методы и комбинации воздействия на избирателей с полным применением правительственных возможностей, в рамках правых сил и с существенной помощью западных неолибералов. Однако кругам правых сил не удалось преодолеть, даже несмотря на перманентное уничтожение левоцентристской социальной политики, господствующее положение партий социальной демократии в Чехии или в Словакии. Хотя «исследования» часто являются составной частью фальшивой игры правых сил, в этот раз не получилось иначе, как прочно отметить самые высокие избирательные предпочтения для социальных демократий среди всех политических партий. Около 30 % чешских и более 40 % словацких избирателей предварительно выражали поддержку социальной демократии в ее стремлении удержать и развивать социальный характер государства, защищать стратегически важные предприятия, улучшать инфраструктуру помощи и защиты безработных и бедных, а также поддерживать более прагматичную ориентацию внешней политики на опытных и традиционных партнеров, в том числе Россию и Китай. Не говоря уже о том, что социальная демократия в сущности отдалилась от жестких «гуманитарных интервенций», которые американская политика развернула против «сомнительных» режимов, особенно Кубы, Венесуэлы и Белоруссии.

Правый блок сделал для себя из этого необходимые выводы: еще до выборов произошли замены на постах лидеров самых сильных правых субъектов — в Чехии — ГДП (Гражданская демократическая партия) и в Словакии у двух правых партий Словацкого демократического и христианского союза — Демократической партии, а также у Христианско-демократического движения. Более того, правые силы основали в Чехии и Словакии две новые партии: в Чехии партии «Топ 09» и «Общественные дела», а в Словакии партию «Свобода и солидарность» и венгерско-словацкую партию «Мост-Хид». Такие изменения были представлены общественности как существенное продвижение и «оздоровление политического спектра» в рамках либеральной демократии. Как показало время, они действительно принесли пользу правым силам.

С внешнеполитической точки зрения, на уровне нового правительства, нового парламента и в широкой коалиции неолиберальных властных сегментов общества выиграли приверженцы проамериканской ориентации.

Конкретные результаты

Выборы в Чехии и Словакии формально выиграли левоцентристские партии социальной демократии, но без коалиционного потенциала для создания собственного коалиционного правительства.

Первые позиции: В Словакии опять победила партия «Смер» — социальная демократия во главе с председателем Робертом Фицом с 34,79 %, что на 5 % превышает результат предыдущих выборов в 2006 году, а в Чехии — Чешская социал-демократическая партия (ЧСДП) во главе с Иржи Пароубеком с 22,09 % голосов, то есть меньше, чем 4 года назад.

Вторые позиции в обоих государствах заняли самые сильные неоллиберальные партии: в Чехии Гражданская демократическая партия во главе с новым лидером — Петром Нечасом с 20,22 %; в Словакии СДХС-ДП (Словацкий демократический и христианский союз — Демократическая партия) во главе с лидером Иветой Радичовой с 15,42 %, на 3 % меньше в сравнении с 2006 годом.

На третьем месте как в Чехии, так и в Словакии к всеобщему удивлению оказались недавно созданные новые политические партии неоллиберального направления: в Чехии партия «Топ 09» во главе с Карлом Шварценбергом с результатом в 16,71 % голосов и в Словакии «Свобода и Солидарность» (СиС) во главе с Рихардом Суликом с результатом 12,14 %.

Четвертые позиции в рейтинге в Чехии заняла левая «Коммунистическая партия Чехии и Моравии» (КПЧМ) во главе с Войтехом Филипом с результатом в 11,27 % и в Словакии крайне правая партия ХДД («Христианско-демократическое движение») во главе с новым лидером Яном Фигелем (с результатом в 8,52).

Пятое место в Чехии заняла новая более сдержанная правоцентристская партия «Дела общественные» во главе с Радеком Йоганом с результатом в 10,88 %; в Словакии совсем новая венгерско-словацкая правая партия «Мост-Хид» во главе с Бэлой Бугаром с результатом в 8,12 %.

Шестой партией в Словакии, прошедшей в парламент, стала (бывший партнер по коалиции партии «Смер») национально ориентированная центристская Словацкая национальная партия (СНП) во главе с радикальным националистом Яном Слотой с результатом в 5,07 % голосов.

В Чехии следующих 18, а в Словакии 15 политических партий (включая коалиционного партнера партии «Смер» — «Народная партия — Движение за демократическую Словакию» во главе с ее неизменным председателем Владимиром Мечъяром в 4,32 %) в парламент не прошли.

Выборы хоть и подтвердили продолжающееся право-левое профилирование политической сцены, но более четко проявилось голосование согласно социальному статусу. Чешский эксперт и политолог Отакар Крейчи утверждает (на основании анализа поведения избирателей-граждан СР и ЧР после 1990 года), что приблизительно 64 процента избирателей политических партий поддаются идеологической мотивации; они составляют главную избирательную базу партий, а оставшиеся относятся к неопределившимся; последние решаются на изменения на основании других факторов, в частности социального статуса, привлекательности избирательной кампании, или же иррационально. Тенденцию поведения избирателей в соответствии со своим социальным статусом подтвердило также возрастание избирательских голосов для правоцентристских партий, особенно в регионах с более высокой концентрацией среднего класса.

Распределение левых и правых сил в Чехии и Словакии является практически идентичным, если не принимать во внимание тот факт, что территория и численность населения в Чехии в 2 раза превышает показатели Словакии, и страны значительно отличаются своими макро- и микроэкономическими структурами. Однако оба народа имеют одинаковую цивилизационную и культурную идентичность, совместно прожитые и выстраиваемые исторические эпохи; речь идет о двух наиболее близких друг другу славянских народах с достаточно большим взаимосмешением населения,

таким образом использованное сравнение фона и результатов выборов не удивляет.

Правый блок сразу (когда стало очевидно, что триумфальные социальные демократии не найдут необходимой коалиционной поддержки) объявил выборы своей «убедительной» победой; в Братиславе это уже на следующий день запечатали джентльменским соглашением; в Праге со значительным опозданием, но с более жесткой решительностью, что они не согласятся ни на какое сотрудничество с социал-демократами. С этого момента правые стараются по-соломоновски обойти большинство своих социальных обещаний, данных избирателям, и с помощью своих предвыборных союзников из рядов внеправительственных организаций, фондов и учреждений шаг за шагом осуществить лишь свои собственные неолиберальные проекты.

Если говорить о Чешской республике, бытует мнение, что это будет *«наиболее реформаторское чешское правительство со времен разделения государства»* /<http://www.konzervativizmus.sk/article.php?3497>. Будет продолжаться этап приватизации, будут повышаться цены на газ и электричество, вводиться оплата за обучение, перечеркиваться публичные расходы, будут снижаться налоги для богатых и т. п. Затраты на эти реформы будут возложены на простой народ.

Избирательные манипуляции, Словакия проиграла, выиграли массмедиа

Словацкий политолог Павол Динка в электронном письме в связи с результатами выборов 03.08.2010 утверждает, что *«массмедиа в течение последних 4 лет (период правительства левоцентристской коалиции, возглавляемой партией «Смер»)* организовали систематические дезинформационные кампании против «Смер-а» как основного препятствия их неолиберальных стремлений в Словакию. Особенно во время избирательной кампании такие атаки расширились». Лишь для иллюстрации приведу вам пример, что реакционная ежедневная газета «СМЕ» во время предвыборной кампании опубликовала 105 враждебных статей против левоцентристской коалиции и лишь одну «якобы» против правой коалиции. Экономическая газета на фоне хайкевских экономических концепций опубликовала 38 статей против партии «Смер» и лишь одну против оппозиции. Скандальная ежедневная бульварная газета «Плюс один день» — 17 против партии «Смер» и 1 против оппозиции, «Новое Время» — 10 против «Смер-а» и 3 против оппозиции, «Правда» 7 против 3, журнал «Плюс 7 дней» — 13, а неделя 16 против левых партий и т. п.

Правые массмедиа во время последней избирательной кампании опубликовали 206 абсолютно жестких и клеветущих материалов против партии «Смер» и лишь 9 с каким-то обязательным намеком критики тогдашней правой оппозиции. Лидером в этой злобной кампании была неолиберальная ежедневная газета «Сме», газета с богатым иностранным финансированием и многочисленными космополитическими «экспертами непонятного географического происхождения», не придающими значения правде, чести или морали. И именно они создали во время предвыборной кампании основу для медийного террора против левоцентристского правления Р. Фицо.

Милош Земан, бывший председатель чешской социал-демократии, в своей книге «Подъем и падение» пишет, что *«политики не должны стре-*

миться подкладываться под массмедиа, поскольку на них по сути и в связи с полной зависимостью от неолиберальных владельцев возложена обязанность никогда не поддерживать левых». В другой книге, которую он посвятил морали, он называет журналистов неолиберальных массмедиа «гиенами». «Гиены — не сторожевые собаки, тем более не сторожевые собаки демократии (...). Подкупленные журналисты скорее заслуживают презрение. В течение целого периода подъема социальной демократии чешские массмедиа стояли на правой стороне. То есть на стороне владельцев и их интересов, даже если предварительно они притворялись объективными. Игнорирование журналистских атак, неподатливость их давлению является одним из заданий для чешских левых политических сил, и добавляет, что «впрочем нет ничего более старого, чем вчерашняя газета».

Современное правое правительство, взошедшее на трон на основании вынужденного объединения четырех недругов «Смер-а», надеется на то, что его органическое переключение на массмедиа со времен оппозиционного воздействия будет успешно продолжаться и в дальнейшем. Причем, особенно тогда, когда необходимо будет объяснить непопулярные меры и переступание с ноги на ногу. Этот факт уже подтверждают современные назначения на самые высокие должности, включая министров, госсекретарей и еще недавно «независимых» аналитиков, репортеров или «уважаемых» представителей разных фондов. Новая власть уже официально назвала вышеупомянутые неправительственные организации и фонды, которые живут за счет мощных дотаций иностранных материнских компаний *«органической составной правительственной структуры»*. Новая премьер-министр Словакии даже объявила о назначении какого-то нового отдельного доверенного лица правительства для неправительственных организаций, с целью сделать более интенсивной их «продемократическую» деятельность и сделать более качественным их финансирование.

Комплексная организация, основанная на идеологии неолиберализма, окончательно похоронила идеалы либеральной демократии и ее парламентской системы. Классические три опоры государственной власти являются лишь каким-то статичным гербом над целиком новым, однако при этом переломным продвижением формально продолжающейся «парламентской демократии». Классический треугольник Монтескье в виде распределения демократической власти на законодательную, исполнительную и судебную дополнили неолиберальные опоры, которыми являются свободный рынок с абсолютизированной частной собственностью, неправительственные политические организации, «независимая» пресса и диктатура неолиберальной власти. Павол Динка, словацкий политолог, в книге «Игра в демократию», Братислава, 2005, с. 135, в связи с этим подтверждает мнение, что массмедиа стали *«четвертой властью в конституционной иерархии благодаря чудовищным методам с раздутыми сценариями, обманом не только у нас, но и в мире в целом. Три опоры уже не действуют. В действительности, в настоящее время первой силой однозначно является экономика. Второй — несомненно, медийная власть, которая крепко связана с первой. Она, прежде всего, является мощным инструментом влияния. Политическая власть или же законодательная, или исполнительная, настолько зависимы от экономики и масс-медийной власти, что полностью оста-*

ются на буксире. А что касается наших парламентских выборов, очень важно понять намеченные «связи» в игре в мистификацию демократии в избирательной парламентской возне».

Внимания заслуживают активные политические неправительственные организации, которые новая словацкая власть сразу после выборов так великодушно подхватила в собственные структуры. В этих «неправительственных организациях» работают десятки «специалистов» по вопросам «демократии» и ее внедрению в других странах, где граждане дескать еще не успели отведать демократических свобод. «Специалистов» они специально выбирают и обучают, и не только для пропаганды фиктивной демократии, но и для многостороннего злоупотребления ею. Их деятельность тоже необходимо воспринимать в органичном единстве с массмедиа, которые тоже существуют за счет иностранного капитала. К их числу принадлежат также чрезвычайно ответственные, но злоупотребляющие различными сводками, анализами и прогнозами актуальных проблем внутренней и заграничной кухни, а также разработкой материалов для привязанных комментариев политиков и политических прогнозистов. Связь между ними касается разных рейтинговых бюро, особенно тех, которые занимаются предельно адресной манипуляцией общественным мнением. Иностранные посольства или учреждения очень часто заказывают у «значительных» неправительственных организаций (за внушительные гонорары) различные адресные анализы, например «состояние демократии в Словакии», или «предпринимательская среда в Словакии» и т. п. для последующей публикации их в своих «мировых обзорах». И эти первичные, конечно же отрицательные анализы, украшенные заголовками известных учреждений, в частности Государственного департамента США (State Department of USA) или известной организации Международная амнистия (Amnesty International), и другими, опять возвращаются в Словакию уже как «независимое исследование известной иностранной организации». Речь идет о рутинной практике и одновременной софистической игре неоллиберальной демократии по одурачиванию простых людей. На выборах в Словакии мы зафиксировали абсолютно прозрачное мошенничество, когда правые силы воскресили бывшую Партию левых демократов (SDL) и финансировали ее кампанию во время предвыборной борьбы. Первично SDL возникла сразу же после распада Коммунистической партии Словакии. После более чем десятилетней деятельности на политической арене и потери избирательного потенциала она сама себя умертвила и влилась в новую левую партию — «Смер». В анализируемой избирательной кампании о ней вспомнили закулисные менеджеры правых сил и, используя бренд и свои собственные огромные финансовые средства, старались «победить» или хотя бы существенно ослабить «Смер» — социальную демократию. Во время избирательной кампании они жонглировали различными псевдосоциальными лозунгами и обещаниями, но «отличились» также и жесткими атаками на тогдашнее левоцентристское правительство «Смер» — с особым акцентом на клевете на председателя Роберта Фицо.

В рамках данной манипуляции они даже разработали определенный фальсификат «Призыв Фицо» (якобы на партийном бланке “Смер-а”) и подделанной подписью председателя партии «Смер» Роберта Фицо, чтобы «левые избиратели выбрали SDL с подтекстом «для повышения коалиции

онного потенциала партии «Смер»». Потом тысячи таких листовок манипулянты рассылали из Праги и Братиславы по адресам влиятельным сторонникам левых сил. Эта грубая попытка ослабить «Смер» подобным методом сама себя дискредитировала, но отобрала у «Смер-а» 2,4 % голосов.

Интересно будет привести пример также беспощадной кампании нового политического субъекта СиС («Свобода и Справедливость»). Ее основатель и председатель — по сути очень противоречивая личность, предприниматель Ричард Сулик потратил на кампанию огромные финансовые средства, якобы из собственного кармана, для инициации Интернетом молодежи, большинство из которой не имело намерения направляться к избирательным урнам. Целиком оправданно говорили также о мощной поддержке этого неоллиберала и его творения СиС-а со стороны неназываемых внутренних и иностранных финансовых кругов. Р. Сулик представил свою программу под названием «120 идей», в которой с помощью лозунгов обозначил самые наболевшие, по сути объективно долгосрочные, актуальные и специально возвышенные проблемы, которые он обещал представлять и многие из них непосредственно решить. В программе упоминались такие обещания, как легализация использования марихуаны, разрешение регистрировать однополые отношения, снижение налогов, аннулирование депутатской неприкосновенности и увеличение помощи молодым специалистам, семьям и т. п. Сотни энтузиастов из рядов гомосексуалистов даже организовали в Братиславе демонстрацию в его поддержку, которую своим участием одобрили также многие западные дипломаты. Когда пришло время словесных «перестрелок» с противниками гомосексуального движения, а полиция не вмешалась, многие иностранные дипломаты, в том числе американский, публично жаловались, что полиция не одернула нарушителей «демократической демократии». Ричард Сулик электронными посланиями призывал граждан не выбирать Фицо и левые силы. Когда после выборов он выяснил, что в легализации марихуаны и удовлетворении требований гомосексуалистов остальные партнеры рождающейся коалиции его не поддержат, он «преждевременно» отказался от этих обещаний с примечанием: *«Нашим главным заданием было не пропустить Фицо и его «Смер» к власти и препятствовать ему в обновлении левой власти»*. Политическая партия СиС руководствовалась установкой, что любая нестабильность и гражданские волнения значительно воздействуют на психоз толпы действиями конкретных личностей, особенно в беспокойных ситуациях. Люди еще больше концентрируют свое внимание на собственной материальной базе, на непосредственном существовании, а не на долгосрочных перспективах, обещаемых серьезными политиками, что делает их более поддающимися манипуляциям и склонными следовать за такими агрессивными типажам, каковым этот политик уже успел себя зарекомендовать.

Мощным билбордно-интернетным напором, как я уже упоминал ранее, Сулику удалось прорваться в парламент с результатом в 307 287 голосов, то есть 12,14 % всех проголосовавших граждан. Исследования показали, что СиС выбрали преимущественно молодые люди и часть обманутых избирателей из деградирующей партии «Словацкий демократический и христианский союз».

Результаты выборов дали возможность лидеру — Р. Сулику, — занять не только 22 депутатских места, но и 4 министерских кресла и пост пред-

седателя парламента. Сулик при этом стал вопреки любой избирательной логике председателем парламента, без требуемой специальной культуры и с заслуживающими осуждения личными характеристиками.

Расклад политического влияния после выборов

Последние словацкие парламентские выборы усилили правые силы в сравнении с 2006 годом на 235 253 новых голосов, которые за счет СДХС и Христианско-демократического движения получили новые партии СиС и «Мост-Хид». Из всех предшествующих парламентских партий лишь «Смер» записал на свой счет немного больше голосов, чем на выборах 2006. В Национальном совете Словацкой республики (НС СР), как правильно называется словацкий парламент, в сегодняшнем 150-членном парламентском корпусе насчитывается 79 депутатов правого — «СХДС-ДП» + «ХДД» + СиС + «Мост-Хид» и 71 из левоцентристского оппозиционного лагеря — «Смер-СД» + «СНП». Для правых — это относительно хрупкое большинство не может самостоятельно провести ни один конституционный закон, требующий квалифицированного большинства голосов, но для собственного управления государством имеет достаточно сил в своем распоряжении. Однако на практическом уровне новая коалиция занимает позицию: «победитель получает все». В исполнительной власти она заняла все значительные посты. В законодательном корпусе оставила для оппозиции место четвертого заместителя председателя парламента, которым стал председатель самой сильной парламентской партии «Смер» Р. Фицо, а также четверть из общего количества председателей парламентских выборов. Очевидно, что при наличии 41 % не участвовавших в выборах, пестрый лагерь которых образуют особенно упорные противники какой-либо государственной власти, плюс достаточно внушительная прослойка антиобщественных элементов, лиц без определенных занятий, а также групп апатичной молодежи и части общества с волонтаристским люмпенпролетарским характером, сейчас проблем себе не создают ни победители, не побежденные.

В рамках правительственного кабинета неолиберальный коалиционный совет принял неслыханную модель распределения власти между государством и обществом, когда распределили между собой ведомства, то есть министерства, центральные органы и учреждения с правом «вассального господства», то есть полностью властвовать в поверенных ведомствах и заменить предыдущих руководителей своими, часто непригодными сторонниками, начиная от министров и госсекретарей, которые до сих пор бывали, как правило, с другой коалиционной партией ради т. н. перекрестного контроля, и заканчивая практически всеми руководителями на низших звеньях управления. Такую модель приняли якобы потому, чтобы каждая политическая партия полностью отвечала за доверенное ей ведомство, чтобы в его пределах не возникали междукоалиционные споры за внушительные трофеи. Такие споры неоднократно порождают распад коалиции и частые никчемные перебранки. С таким распределением власти также связано неограниченное право автономно принимать решения относительно структур, финансовых потоков и дотаций в масштабные публичные приобретения.

Причины поражения левоцентристского правительства Р. Фицо

«Смер» хоть и получил первое место с 62 депутатами, а его коалиционный партнер СНП — 9 депутатских мест, но реально бывшая левоцентристская коалиция выборы проиграла и ее общих 71 депутатского места не хватило для продолжения правления.

Полный провал пережили прежде всего коалиционные партнеры. Один их них — ДЗДС во главе с основателем партии Владимиром Мечьяром — даже не достиг кворума для прохождения в парламент, а второй — СНП во главе с несменным председателем и известным богачом Яном Слотой — разве что на десятки процента удержался над красной чертой. Именно в их лагерях было больше всего турбулентности и волюнтаризма, которыми тогдашняя правая оппозиция пренебрегала, используя их для постоянных нападок, скандалов и заявлений об отозвании их министров из правительственной коалиции.

Политические аналитики соглашались в том, что самым значительным фактором мобилизации для более массового участия в выборах 2010 года была воля большинства политически активных граждан выразить свое «несогласие с субъективным составом левоцентристского правительства, в котором партнеры по коалиции ДЗДС и СНП “опустились” к клиентизму и коррупции». Как написал словацкий политолог Даниэл Шмигула (журнал «Слово» № 27–28/2010 под названием «Что ожидает словацкие левые силы?»), *партия «Смер-СД» не использовала возможность связать с завершением этапа и формально осуществить цели общественной трансформации в 1989–2010 годах и поставить в 1989–2010 годах и возглавить общественные стремления к их осуществлению во всех параметрах функционального европейского социального государства. Тем самым «Смер-СД» потеряла возможность обратиться к среднему классу и образованным людям и, следовательно, не зафиксировала значительного нарастания голосов избирателей*. Здесь как-то в стороне остался весь средний класс, составляющий приблизительно 60 % электората Словакии; из группы избирателей образованных людей за партией «Смер-СД» пошла лишь незначительная часть. Это является веской констатацией для партии, которая решила бороться за власть на будущих выборах.

Некоторые доброжелательные аналитики упрекают «Смер» в том, что он не нашел «modus vivendi» со сферой массмедиа и не создал широкую сеть общественных объединений, которые бы поддержали состоятельность сильного социального государства, борьбу против коррупции, применение права, эффективность государственного управления и т. п. Однако проблема массмедийной сферы состоит в совсем другом, чем о нем говорят вышеупомянутые аналитики, как неверно внешне представляют «Соппротивление Фицо по отношению к массмедиа и внеправительственным организациям». Массмедиа и политические внеправительственные организации со своим иностранно-финансовым фоном априори выступают принципиально против каких-либо левых сил, поскольку таким является императив их действительных иностранных владельцев, и это невзирая на то, кто возглавляет левые силы. Если говорить об общественных объединениях, то они в при-

дачу нуждаются в больших деньгах для их содержания. У левых сил таких ресурсов нет.

Выборы также подтвердили целиком объективный факт, что правые силы после окончания процесса трансформации подхватили значительное генерационное смещение, которое имело много контрастов и в котором левые силы со своими остальными партиями не принесли много нового, но скорее копировали существующие деформации, и это происходило в то время, когда разрушились старые догмы, а новые еще не сформировались. Даже не анализировали феномен новых политических партий, основанных на интересах абсолютно молодого класса акселератов, бюрократических капиталистов, которым было необходимо организованным способом обеспечить реализацию своих интересов в создающихся законах и правилах. Поэтому они хотели и хотят иметь собственное представительство на верхних ступеньках государственных органов.

Ни один из комментариев на эту тему и ни один политик, как слева, так и справа, до сих пор не отважился анализировать с точки зрения результатов выборов задание проваливающейся сети хронических антиобщественных элементов, социально обреченных и целой армии безработных, количество которых с каждым годом возрастает. Опасения вызывает рост старения населения, продолжающийся упадок защиты природы и ресурсов. Все это, по мнению аналитиков, ведет к перемещениям политической арены скорее направо, чем налево. Большую озабоченность вызывают неконтролируемые махинации мировых финансовых центров, особенно Мирового банка и Международного валютного фонда, которые своими грабительскими трюками регулярно вызывают кризисные ситуации в разных уголках мира и являются инструментом неолиберального порабощения мира. Не анализируются даже современные корни упадка культуры и морали, активизация большого количества сект, чуждых для граждан Словакии и Чехии вероисповеданий, размаха терроризма, распространения наркотиков, коррупции и т. д., и т. п. А именно эти темы могли бы использовать левые силы для квалифицированного нового наступления.

Изменения во внешнеполитической ориентации

Ведущие посты в министерствах иностранных дел как в Праге, так и в Братиславе заняли известные представители правых сил и проамериканские космополиты. Они открыто провозглашают улучшение отношений с Западом и серьезные коррективы политики в отношениях с режимами, которые США считают «непригодными» или опасными.

Преобладает проамериканская ориентация «победоносных» правых сил

Словацкие неолибералы на всех ступенях государственного и общественного управления «влюблены» в американские образцы, специально бойкотируют отношения с Россией, а также с другими странами, которые не подчиняются диктату Америки. Не удивительно, что в словацком министерстве иностранных дел в настоящее время должность министра занимает проамериканский и пронатовский экс-премьер-министр Микулаш Дзуринда,

а госсекретарем он взял себе такого же сторонника американской демократии Милавана Ежовицу. Аналогичные изменения были отмечены также и на других значительных министерских постах. Милан Ежовица еще в период восторженной ориентации на США работал советником тогдашнего председателя правительства Микулаша Дзуринды. А сегодня он уже заявляет об изменениях отношений с Россией, поддержке оппозиции на Украине, на Белоруссии, на Кубе, в Венесуэле и других странах с «непригодными режимами».

М. Ежовица в предвыборной листовке «Синие известия из Братиславы» № 1/2010 написал: *«...и инициативно мы подлизываемся к России. Вместо ликвидации зависимости от российского сырья начинают воскрешать фантасмагорные планы ширококолейки. Такая внешняя политика ослабляет Словакию»*. Далее продолжает: *«Политику ценностей вытеснили интересы. Якобы мы являемся маленькой страной, которая в мире ничего не может. Читательские приоритеты требуют политики четырех сторон мира»*. Сегодня якобы новая коалиция не должна заботиться о поддержке «левой» оппозиции для своей внешней политики!

Господин госсекретарь М. Ежовица является давним активным членом внеправительственного фонда «Понтис», который получает деньги от «Freedom House» (США), «Citibank Slovakia a.s.», от «World Bank» в Вашингтоне, от «US Steel» в Кошице, из Фонда открытого общества, от «National Endowment for Democracy» (США), а также из других источников, которые не разглашаются. В учредительном документе фонда «Понтис» записано, что целью «Понтис» является *«усиливать демократию и помогать общественным движениям в некоторых несвободных странах, особенно в Белоруссии, Украине, Сербии и на Кубе»*. Список государств может расширяться. Иначе говоря, в нашу внешнюю политику уже абсолютно официально привносится «свобода» навязывать другим суверенным государствам неолиберальное восприятие демократии и свободы!

М. Дзуринда, который понял, что евроинтеграция является лишь составной частью огромной глобальной политики большого капитала, громко заявляет, что американское восприятие прав и свобод человека необходимо внедрять по отношению к большим государствам, в частности к Китаю, России, не автономно или индивидуально, но *«в рамках европейского контекста, где и наш собственный голос будет европейским»* (М. Дзуринда в разговоре с «Webnoviny», 31.08.2010).

Проамериканская аналогия в Чешской республике

О проамериканской ориентации Чехии свидетельствует избрание советника по вопросам внешней политики чешского премьера Петра Нечаса, которым стал известный правый экстремист Роман Йох. Несмотря на его частые выпады против Евросоюза, типичным для него является недавнее высказывание, что вместо Барака Обамы Нобелевскую премию скорее заслуживают американские вооруженные силы, которые после Второй мировой войны больше всех позаботились о мире во всем мире, в частности своими интервенциями во Вьетнаме, Ираке и Афганистане. Р. Йох настаивает на более активных двусторонних отношениях с США, особенно в пик Евросоюзу. Подобным образом начинает проявлять себя и новый

министр обороны Александр Вондра, который как заместитель председателя правительства и министр по европейским вопросам в предыдущем «правом» правительстве Мирека Тополянека принадлежал вместе со старым министром иностранных дел Карлом Шварценбергом к наиболее азартным приверженцам американского радар в Чешской республике. Поэтому никого не удивляет, что оба эти известных члена чешского неоллиберального правительства категорически, не жалея сил, проталкивают чешское участие в новой американской противоракетной системе, которая станет важным звеном структуры НАТО.

В программном заявлении нового чешского правительства подчеркивается преимущество при существующем до сих пор внедрении и поддержке демократии и прав человека в мире. Это четко демонстрирует, что в дальнейшем будут продолжаться различные кампании и провокации против Кубы, Белоруссии, Венесуэлы, Китая и других стран, даже несмотря на то, что большинство других правительств, включая американское, используют более прагматичный подход. Можно предположить, что правительственная пропаганда и неоллиберальные массмедиа будут и в дальнейшем изображать Россию как угрозу безопасности, старающуюся повторно завоевать влияние в Центральной и Восточной Европе, включая Чехию, как это уже было во время эры Советского Союза до 1990 года.

Заключительные положения

Выборы в обеих республиках в этом избирательном цикле выиграли приверженцы правой государственной и общественной ориентации на американские финансовые и неоллиберальные силы. Однако, с точки зрения перспективы, они имеют слишком хрупкое преимущество, которое не позволит им в течение длительного времени насильно навязывать обществу отталкивающие способы обслуживания внешних интересов.

На рубеже ЦИВИЛИЗАЦИЙ

Александр ВАВИЛОВ

БУРЯ НАД ДЖАМАГИРИЕЙ

Александр Иосифович Вавилов — доктор исторических наук, профессор. Многие годы занимается изучением политики США на Ближнем Востоке и в Северной Африке. Автор многочисленных монографий, статей и других публикаций по избранной тематике. **Живет в Москве.**

19 марта 2011 года войска ряда стран — членов НАТО (США, Франции, Великобритании, Канады) при поддержке некоторых западноевропейских государств начали военную операцию против режима М. Каддафи для «защиты от него мирного населения Ливии». Позднее этот предлог был отброшен: официальный представитель госдепа М. Тонер без обвиняков объявил, что уход полковника, утратившего, по мнению Вашингтона, легитимность, — конечная цель США в Ливии (Красная звезда, 23.03.11). Именно поэтому коалиционная авиация и ракетные войска сосредоточили свои удары по местам возможного (разведанных не хватало) пребывания ливийского лидера, «цепляя ненароком» и мирное население, которое, между прочим, и были призваны защищать (Известия, 23.03.11). Позднее некоторые западноевропейские «благодетели» стали подыскивать место для ссылки ливийского лидера, который отправляться в нее вовсе и не собирался (The Independent, 30.03.11).

Международно-правовым прикрытием для нанесения разрушительных ударов по суверенной североафриканской стране была выбрана резолюция СБ ООН № 1973, принятая в спешке и далеко не единодушно. Россия, Китай, Бразилия и Германия воздержались при голосовании по ее проекту, высказав серьезные сомнения по поводу ее содержания и озабоченность относительно возможных негативных последствий ее реализации. Не поддержал резолюцию и Африканский союз, который вскоре после начала операции потребовал немедленно прекратить использование иностранной военной силы против Ливии (<http://journal-neo.com/?q=ru/node/5358>).

Объясняя мотивы голосования по вызвавшей много споров резолю-

ции, министр иностранных дел РФ С. В. Лавров отметил, что Россия воздержалась из-за двусмысленных формулировок, содержащихся в проекте этого документа. «Мы хотели предельно конкретизировать те полномочия, которыми будут наделяться страны, обеспечивающие режим бесполетной зоны. Но соавторы на это не пошли... Мы могли бы поддержать эту резолюцию, если бы в ней были четко сформулированы пределы применения силы. Мы предлагали конкретные формулировки. К сожалению, соавторы поспешили, хотя, повторю, можно было бы существенно улучшить именно ту часть, которая описывала, как можно применять силу» (Известия, 30.03.11). Как показали последующие разрушительные и кровавые события на ливийской территории, настороженность российской стороны оказалась пророческой. Натовские союзники «защищали гражданское население», убивая его.

Симптоматично, что интервенционистские шаги были предприняты Вашингтоном не без возражений со стороны ряда деятелей Пентагона: министр обороны Р. Гейтс, председатель Объединенного комитета начальников штабов (Генштаба ВС США) М. Маллен, другие военные руководители недвусмысленно предупредили президента США об «излишней обременительности» для американской военной машины, и без того увязшей в Ираке и Афганистане, дополнительных, грозивших стать весьма продолжительными и дорогостоящими, нагрузок в Ливии.

Примечательно, что до начала военной операции на сенатских слушаниях в комитете по делам вооруженных сил директор национальной разведки США Дж. Клэппер заявил, что, по его мнению, «режим Каддафи в конечном счете одержит победу... У него больше логистических ресурсов, есть две специальные армейские бригады, которые очень преданы Каддафи и пойдут до конца. Силы режима хорошо экипированы, включая противовоздушную оборону, артиллерию, танки, механическое оборудование...» (Красная звезда, 23.03.11).

Стремление американских правящих и деловых кругов воспользоваться случаем, чтобы покончить со строптивым полковником — «бешеным псом Ближнего Востока», по весьма «деликатному» определению Р. Рейгана (<http://journal-neo.com/?q=ru/node/5004>), и обеспечить беспрепятственный доступ к богатейшим нефтегазовым ресурсам СНЛАД перевесило трезвые предупреждения специалистов. А последующее развитие событий подтвердило их реалистичность.

Сразу после принятия резолюции СБ ООН, проявляя политическую гибкость и маневренность, М. Каддафи объявил о прекращении огня в своих антиповстанческих действиях и пригласил в страну миссию международных наблюдателей для ознакомления с ситуацией на месте. Эти инициативы на Западе, как и следовало ожидать, отклика не нашли. Остался без ответа и призыв ливийских властей созвать экстренное заседание Совбеза ООН для обсуждения складывавшейся в стране критической ситуации.

Зато милитаристские намерения Вашингтона и американских партнеров по полной программе были использованы «Аль-Каидой» для наращивания пропагандистского наступления на «западных крестоносцев» (Asharq Alawsat, 03.03.11). Еще 24 февраля она выступила с заявлением, объявив о своей поддержке повстанцев и пообещав «сделать все возможное для оказания им помощи» (Куделев В. В. «Аль-Каида» и события в Северной Африке

\\www/iimes.ru). А возможности для этой матерой террористической организации открывались немалые. По данным западных наблюдателей, кайдовцы и другие исламистские радикалы могли весьма существенно расширить свои ряды за счет выпущенных «повстанцами» из тюрем экстремистов и маргиналов всех мастей и пополнить оружейные арсеналы за счет разграбления военных складов, фактически никем не охраняемых (The Telegraph, 08.04.11). Оттуда захваченное вооружение, в том числе и тяжелое, могло попасть в распоряжение террористических группировок, действовавших в соседних странах Магриба (прежде всего в Алжире и Марокко), а также в зоне Сахеля (Мали, Нигер и др.).

Показательно в этой связи, что на территории, подконтрольной мятежникам, вскоре возникли два «исламских эмирата» (в Дерне — основном поставщике джихадистов в Ирак и в Аль-Байде), один из которых возглавил бывший узник Гуантанамо, имевший пятилетний афганский «опыт» (Куделев В. В. «Аль-Каида» и события в Северной Африке \\www/iimes.ru). Ливийская драма стала все больше напоминать кровавую анархию в Ираке после американского вторжения в 2003 г.

Уже вскоре американцы в лице верховного главнокомандующего силами НАТО в Европе адмирала Дж. Ставридиса, выступившего в сенате, были вынуждены робко и с наигранным изумлением признать «возможное присутствие» среди ливийских повстанцев немалого числа кайдовцев и членов «Хизбуллы» (РИАН, 30.03.11). И такому весьма специфическому контингенту США и их западные союзники без разбору бросились оказывать щедрую помощь и содействие ради свержения ненавистного им режима М. Каддафи.

Сам М. Каддафи в ответ на «агрессию колонизаторов и крестоносцев против мусульман Ливии» пригрозил отказаться от сотрудничества с Западом в антитеррористической борьбе и ограничении потоков нелегальных эмигрантов из Африки в Западную Европу. Вскоре «гуманитарное цунами» нелегальных эмигрантов, по образному выражению С. Берлускони, захлестнуло весь Апеннинский полуостров вплоть до границы с Францией. В Риме стали подумывать об объявлении чрезвычайного положения (Комсомольская правда, 05.04.11). Западную Европу буквально повергло в шок принятое Римом к середине апреля решение выдавать непрошеным гостям шенгенские визы для дальнейшего следования в глубь континента и, прежде всего, во Францию, которая поспешила закрыть границу с Италией (Первый канал, 13.04.11). На этой теперь не сдерживаемой ливийскими и итальянскими силами безопасности мутной волне вместе с потенциальными гастарбайтерами и членами их семей в Западную Европу широким потоком вливались и экстремистские элементы всех мастей и колеров.

Нанесенные силами западной коалиции удары с воздуха (только в первую ночь они обошлись за сотню миллионов долларов) в начале операции, как всегда, претенциозно названной «Одиссея. Рассвет», подтвердили обоснованные опасения Москвы, Пекина и ряда других мировых столиц. Они еще больше осложнили и без того запутанную и взрывоопасную обстановку не только в самой Ливии, но и в регионе в целом.

«В Москве, — отмечалось в опубликованном в тот же день заявлении официального представителя МИД РФ, — с сожалением восприняли эту вооруженную акцию, предпринимаемую со ссылкой на поспешно принятую

резолюцию 1973 СБ ООН» (www.mid.ru, 19.03.11). Не поддержали акцию Китай, Индия, ряд других стран и Африканский союз, к которым уже на другой день присоединился и генсек ЛАГ А. Муса (EuroNews, 20.03.11). «Мы хотим, — заявил руководитель этой панарабской организации, объединяющей 22 государства, — защиты мирного населения этой страны, а не нанесения авиаударов по еще большему количеству гражданских лиц» (Независимая газета, 30.03.11).

На другой день после того, как по ливийской территории было выпущено свыше 100 ракет, последовало новое еще более тревожное заявление МИД России. «По поступающим сообщениям, — с тревогой и озабоченностью отмечалось в нем, — в ходе воздушных налетов на Ливию были нанесены удары, в том числе и по объектам невоенного характера в гг. Триполи, Тархуна, Маамура, Жмейл. В результате, как сообщается, погибли 48 мирных граждан и свыше 150 были ранены. Частично разрушен медицинский кардиологический центр, пострадали дороги и мосты.

В этой связи настоятельно призываем соответствующие государства прекратить неизбирательное применение силы. Твердо исходим из недопустимости использования мандата, вытекающего из резолюции 1973 СБ, принятие которой было весьма неоднозначным шагом, для достижения целей, явно выходящих за рамки ее положений, предусматривающих меры только для защиты гражданского населения» (www.mid.ru, 20.03.11).

В ответ Вашингтон не нашел ничего лучшего, как цинично обвинить ливийские власти в «намеренном подбрасывании трупов погибших на места авиаударов сил коалиции для введения в заблуждение мирового общественного мнения» (VoANews.com, 26.03.11). «Мастера» Абу-Грейба и Гуантанамо мерили каждого своим аршином.

Позиция США в ливийском кризисе, как и в других, отличалась двойственностью и непоследовательностью. Рассчитанные на американскую публику успокоительные заявления Б. Обамы о том, что «американский солдат никогда не вступит на ливийскую землю», плохо сочетались с обстрелами территории СЛНАД крылатыми ракетами «Томагавк» с американских и британских подводных лодок. Через несколько дней после начала интервенции США направили к побережью Ливии с необъявленными целями и сроками дислокации целую армаду: десантные флагманские корабли, авианосцы с конвертопланами для транспортирования и высадки десантов в отдаленных местностях, атомная подлодка и свыше четырех тысяч морских пехотинцев (Первый канал, 24.03.11).

Вскоре в СМИ появились сообщения, что Пентагон в обход резолюции СБ ООН № 1970, установившей оружейную блокаду Джамагирии, принялся искать скрытые лазейки для доставки ливийским повстанцам вооружения и боеприпасов (Интерфакс, 25.03.11). «Резолюция СБ ООН № 1973, — «рассудку вопреки» утверждал замгоссекретаря США по делам Европы и Евразии Ф. Гордон, — обеспечивает законную основу для поставок оружия ливийским повстанцам. Она, в частности, подчеркивает, что независимо от положений предыдущей резолюции 1970, которая предусматривает оружейное эмбарго для всей страны, государства могут принимать все необходимые меры для защиты гражданского населения [Ливии]». Поэтому, по словам американского дипломата, «если дело дойдет до этого (поставок оружия ливийским повстанцам), нам представляется, что это

(то есть подливать горячее в костер конфликта. — *Авт.*) было бы законно» (Интерфакс, 30.03.11). Позицию своего подчиненного позднее подтвердила и сама Х. Клинтон (ТВ Центр, 02.04.11).

Позднее появилась информация, что ведущие участники коалиции — США и Великобритания — под шумок раздиравших Ливию беспорядков заблаговременно направили на ее территорию оперативные группы разведки и спецназа, что являлось грубейшим нарушением всех международных норм и правил (<http://journal-neo.com/?q=ru/node/5358>). Проведение тайных операций против Ливии было санкционировано самим президентом Б. Обамой (Россия 24, 31.03.11). Американская и британская агентура занималась налаживанием контактов с руководством повстанцев и наведением авиации стран коалиции на главные цели: различные военные объекты и боевую технику правительственных сил, верных М. Каддафи (The New York Times, 31.03.11).

Сохранившиеся, несмотря на все «торжественные обещания» американского президента, «двойные стандарты» в подходах США к ситуации в регионе наглядно проявились в высказываниях помощника Б. Обамы по национальной безопасности Т. Донилона. Отвечая на вопрос одного из до тошных американских журналистов, почему США в отличие от ударов по Ливии не вмешались в события на Бахрейне (со значительными человеческими жертвами в результате расстрелов антирежимных демонстрантов), высокопоставленный чиновник Белого дома, не мудрствуя лукаво, попросил не путать эту страну с Бахрейном, который «является нашим давним и надежным союзником и партнером» (Asharq Alawsat, 22.03.11), и стратегической базой ВМС США, добавим мы.

США поначалу взяли на себя роль координатора «защиты мирного населения и умирения ливийского диктатора», который призвал народ к сопротивлению «новому колониальному походу крестоносцев, стремящихся захватить нашу нефть». Сбывались самые худшие предсказания экспертов и политиков. Всем было очевидно, что трудный опыт Ирака и Афганистана, да и варварских бомбардировок самой Ливии в 1986 году американцев так ничему и не научил.

Когда коалиция стала вязнуть в ливийском кризисе, американцы спихнули от греха подальше лидерство в нарушении международного права на натовских союзников. Согласие среди них достигалось с немалым трудом. Германия, к примеру, с самого начала предпочла благоразумно уклониться от участия в разбое в Ливии. Премьер-министр Турции Т. Эрдоган четко заявил, что его страна никогда не направит оружие против ливийского народа (<http://journal-neo.com/?q=ru/node/5346>).

Лига арабских стран, инициировавшая установление бесполетной зоны над Ливией, по мере развития событий все дальше дистанцировалась от своей первоначальной позиции. В арабском мире западная затея с «защитой мирного ливийского населения силовыми методами» вызывала все большее подозрение. Отчаянные попытки привлечь к ее осуществлению страны региона давали скудные результаты. Свои самолеты для участия в патрулировании ливийского воздушного пространства направили лишь ОАЭ да Катар. Другие арабские партнеры НАТО ожидали дальнейшего развития событий и включаться в них не торопились. Одним из сдерживающих для них факторов стало увеличение администрацией Б. Обамы с 60 до 75 числа

стран, где американскому спецназу разрешалось проведение тайных операций (<http://journal-neo.com/?q=ru/node/5307>).

По мере дальнейшего погружения коалиции во внутривосточную трясину становилось все более очевидным, что США и другие инициаторы силового варианта не имели четкого видения перспективы и действовали во многом ситуативно. Да и среди ливийских повстанцев им еще только предстояло найти дееспособных собеседников, не говоря уже о партнерах. В результате время стало работать против них: Каддафи, имея немалые как материальные, так и военные средства, уходить в отставку не собирался, а в мире, да и в странах коалиции, нарастала волна протестных выступлений против ударов по мирному населению суверенной страны, среди которого росло число жертв, не говоря уже о многочисленных разрушениях из-за «точечных» ракетно-бомбовых ударов «гуманитарных интервентов».

Под горячую руку натовских бомбо- и ракетометателей все чаще стали попадать и спасаемые ими от «гнета Каддафи» повстанцы, которых с воздуха весьма трудно было отличить от правительственных войск, и сопровождавшие их иностранные корреспонденты (The New York Times, 03.04.11). Из-за участвовавших случаев гибели «борцов за свободу» от «дружественного огня» те были вынуждены окрашивать свои «ливийские тачанки» (джипы со стрелковым оружием и боевыми расчетами) в четко различимый сверху ярко розовый цвет (Arab News, 09.04.11).

Ситуацией в Ливии вскоре обеспокоился и генсек ООН Пан Ги Мун, 25 марта 2011 г. доложивший Совбезу, что с начала кризиса число беженцев из Ливии превысило 335 тыс. человек и могло увеличиться в ближайшем будущем еще на четверть миллиона (The New York Times, 25.03.11). Дело явно шло к очередной гуманитарной катастрофе, вызванной непродуманными действиями западных союзников.

31 марта 2011 года в Совет Безопасности ООН обратились страны Латинской Америки и Азии с требованием прекращения огня в Ливии и урегулирования конфликта. Обращение подписали Венесуэла, Куба, Эквадор, Боливия, Никарагуа, Сент-Винсент и Гренадины, Доминика, Антигуа и Барбуда, Камбоджа, Индонезия, Мали, Экваториальная Гвинея и Вьетнам. Текст документа также получил поддержку представителей Бразилии, Индии и Южной Африки. В письме содержались требования немедленно прекратить бомбардировки авиацией и нанесение ракетных ударов, а также начать мирные переговоры между повстанцами и представителями М. Каддафи (ИТАР-ТАСС; РИА, 01.04.11).

Отношение стран-подписантов к натовской аванюре весьма емко выразил президент Венесуэлы У. Чавес, обвинивший США в вынашивании планов вторжения в Сирию и страны Латинской Америки. По его мнению, «империалистическая агрессия в Ливии» повторится в Сирии, и подобное может произойти в Боливии и Венесуэле, потому что они обладают природными ресурсами. Он назвал «полным безумием» бомбежки ливийских граждан под предлогом их спасения. «Мы хотим мира, а не войны, нам нужна истинная демократия, а не диктатура, мы хотим освобождения, а не интервенции», — подчеркнул президент (ИТАР-ТАСС, 01.04.11).

По мере осложнения антиливийской операции все больший раздор наблюдался и в самих США. Выступая в сенатском комитете по делам вооруженных сил, все те же Р. Гейтс и М. Маллен не поддержали намерение

некоторых политических кругов США и, прежде всего госдепа, направить острие ударов в Ливии непосредственно против М. Каддафи (ИТАР-ТАСС, 01.04.11). По мнению Р. Гейтса, США не могли позволить себе затяжную кампанию в Ливии и из-за бюджетных проблем должны были ограничить роль своих вооруженных сил в коалиции. «Я беспокоюсь, — напрямик заявил он сенаторам, — насчет затягивания миссии и думаю о том, как избежать принятия на себя широких обязательств, которые не имеют даты окончания. Мы ведь находимся в серьезном бюджетном кризисе». Он подчеркнул, что США не планируют вводить в Ливию сухопутные силы и видят свою роль в коалиционной операции достаточно ограниченной — разведка, поддержка, коммуникации (РИАН, 01.04.11).

Данные социологических опросов показывали, что процент поддержавших действия администрации Б. Обамы в Ливии оказался ниже, чем во времена других военных кампаний США за минувшие четыре десятилетия (VoANews.com, 26.03.11). Встрепенувшиеся правозащитники тут же подняли вопрос о лишении Б. Обамы «незаслуженной Нобелевской премии мира», от которой лауреат отказываться ни в какую не захотел. Политический истеблишмент США (особенно, разумеется, республиканцы) отреагировал на действия президента в традиционном ключе: против него было выдвинуто обвинение в нарушении конституции (вступление в войну без согласия законодателей) и начались разговоры об импичменте (Первый канал, 24.03.11). Рейтинг Б. Обамы упал до самого низкого уровня (42 % поддерживающих) за все время его президентства.

На фоне нараставшей в США и в мире озабоченности взрывоопасными перспективами развития обстановки вокруг Ливии Б. Обама был вынужден, наконец-то, расставить все точки над *i* и одновременно успокоить общественность. «Каддафи, — заявил он в специальном обращении к нации 29 марта 2011 г., — пока не отошел от власти. И пока он этого не сделает, Ливия останется опасной страной. Ливии и всему миру станет лучше, если его не будет у власти. Я преследую эту цель и буду добиваться ее невоенными методами. Расширение нашей военной операции для свержения режима стало бы ошибкой» (Первый канал, 29.03.11).

Многие наблюдатели тут же вспомнили аналогичные заверения его незадачливого предшественника перед захватом Ирака. Широко разрекламированная «протянутая рука Б. Обамы исламскому миру» на поверку практикой также оказалась железным кулаком в бархатной перчатке. Ведь недаром же ливийскую операцию в мировых СМИ с полным основанием вскоре окрестили «третьей американской войной, ведущейся в мусульманском государстве» (<http://journal-neo.com/?q=ru/node/5461>).

Не совсем адекватное претворение в жизнь резолюции № 1973 вызывало в Москве нараставшую тревогу и озабоченность. Уже 24 марта 2011 года в телефонном разговоре с Б. Обамой президент Д. А. Медведев особо отметил необходимость предотвратить жертвы среди гражданского населения Ливии и приоритет достижения целей, определенных резолюцией СБ ООН по этой стране (Первый канал, 24.03.11).

По мере нарастания нелегитимного западного давления на Ливию с российской стороны последовала еще более жесткая реакция. С. В. Лавров выступил с резкой критикой действий коалиции в этой стране: «Мы считаем, что вмешательство коалиции во внутреннюю, гражданскую по сути дела,

войну не санкционировано резолюцией Совета Безопасности ООН». По его словам, предусмотренные в резолюции полномочия должны использоваться с одной-единственной целью: для защиты гражданского населения, а не для участия в войне на чьей-то стороне. Поясняя свою позицию, глава внешнеполитического ведомства России добавил: есть существенные различия между авиаударами по ливийским средствам ПВО и по колоннам с войсками, верными лидеру Джамагирии. От имени российского руководства он вновь повторил: необходимо принять решение о немедленном прекращении огня (Известия, 29.03.11).

Выход из опасного тупика, в очередной раз сложившегося по вине западных радетелей «демократии и прав мирного населения», Москва видела в международном посредничестве. «Россия, — заявил 4 апреля 2011 года официальный представитель МИД РФ, — безусловно, выступает за скорейшее прекращение в Ливии огня и кровопролития. С самого начала драматических событий в этой стране последовательно призывали к урегулированию конфликта исключительно мирными средствами. Императив видим в том, чтобы как можно скорее положить конец братоубийству, остановить насилие против гражданского населения, перевести ход событий в политическое русло. Оптимальным вариантом посредничества с целью достижения такой цели считаем формат, предложенный Афросоюзом. Это — созданный в соответствии с решением Совета мира и безопасности АС от 10 марта сего года Специальный комитет высокого уровня по Ливии. Знаем о намерении этого Комитета в возможно короткие сроки направиться в Ливию для проведения на месте контактов с обеими противоборствующими сторонами и достижения договоренности о незамедлительной остановке насилия. В этой связи призываем Генсекретаря ООН и страны, обеспечивающие выполнение резолюции 1973 СБ ООН, оказать все необходимое содействие реализации такой миссии и поставленных перед ней задач. Соответствующий призыв адресуем и обеим ливийским сторонам — участникам конфликта, которые должны воспользоваться добрыми услугами Афросоюза. Одновременно считаем, что важную роль в деле политико-дипломатического разрешения кризиса призван сыграть специальный представитель Генерального секретаря ООН по Ливии А. Хатыб, полномочия которого охватывают как гуманитарную, так и миротворческую составляющую» (www.mid.ru, 04.04.11).

Через 4 дня последовало сообщение МИД РФ для СМИ, в котором в частности отмечалось: «В Москве подтверждают принципиальную позицию России, которую она последовательно продвигает с самого начала драматических событий в Ливии, призывая к безотлагательному прекращению насилия и боевых действий, переводу разрешения конфликта в политико-переговорное русло... Совершенно очевидно, что военно-силовыми средствами ливийскую проблему решить невозможно. Необходимо найти основу для продвижения к национальному примирению с учетом подлинных интересов и чаяний ливийского народа. Задача международного сообщества — всемерно способствовать тому, чтобы был положен конец вооруженной конфронтации в Ливии и открыт путь к осуществлению назревших в этой стране преобразований. Россия продолжит поддерживать такие усилия» (www.mid.ru, 08.04.11).

Беседа с российскими журналистами 14 апреля, Президент РФ Д. А. Медведев отметил, что резолюция СБ ООН по Ливии, в отношении которой РФ воздержалась при голосовании, должна строго выполняться, а

не интерпретироваться в угоду тем или иным странам. При этом он подчеркнул, что когда слышит о том, что резолюция «плохая — это неправильно». «Резолюция совершенно нормальная, но резолюцию нужно выполнять, а не пытаться превышать мандат, который в этих резолюциях заложен. Это, кстати, очень опасная тенденция в международных отношениях». Президент напомнил: «Мы на что давали согласие — или голосовали, или, как минимум, воздерживались при голосовании? На то, чтобы было закрыто воздушное пространство над Ливией, и таким образом была предотвращена основа для интенсификации конфликта. Для того чтобы потом развести противоборствующие стороны. В результате мы получили, по сути, военную операцию, которая пока не идет на земле, но идет в воздухе, в которой участвует целый ряд стран, и в какой-то момент туда подключилось НАТО как военный блок. Но в резолюции об этом ничего не написано» (Интерфакс, 14.04.11).

Проведенные к тому времени социологические опросы четко показывали, что подавляющее большинство россиян не одобряли действия международной коалиции против суверенной североафриканской страны (Независимая газета, 25.03.11). Многие проводили прямую параллель с тягостным опытом Югославии, Афганистана и Ирака. «В точности, — заявил постпред РФ при НАТО Д. О. Rogozin, — повторяется схема, использованная в 1999 году для нападения на Югославию: сначала санкции, обезоруживающие страну, затем туманное согласие ООН на «миротворческую операцию», которая в руках НАТО мгновенно превращается в массовое истребление» (Независимая газета, 05.04.11).

Госдума в принятом после бурных дебатов заявлении «О ситуации в Ливии» призвала парламентариев стран, проводивших военную операцию, «содействовать незамедлительному прекращению боевых действий, ведущих к новым жертвам среди мирного населения и новым разрушениям мирной инфраструктуры» (Независимая газета, 25.03.11).

Обвинения западных «гуманистов» в двойных стандартах, ханжестве и лицемерии пришли и совсем с неожиданной, израильской стороны. «Они, — с обидой писала в те тревожные дни «Гаарец», — преследуют лидеров Израиля и командиров ЦАХАЛ за бомбардировки Газы и с гордостью сообщают о brutальных бомбежках в Триполи... Обама не лицемернее остальных политиков. Он такой же, как и все» (<http://inosmi.ru/asia/20110325/167714575.html>).

Тем временем патовая ситуация в Ливии для заморских «спасителей мирных граждан» в Джамагирии заходила во все более безысходный тупик. Отражая обеспокоенность мирового сообщества, 6 апреля 2011 года генсек ООН Пан Ги Мун потребовал «немедленно прекратить неизбирательное использование военной силы против гражданского населения» (ИТАР-ТАСС, 07.04.11).

За три дня до этого заявления, 3 апреля 2011 года, министр обороны США Р. Гейтс объявил, что вооруженные силы США прекращают свое непосредственное участие в военной операции в Ливии, возлагая обязанности по завершению миссии на Великобританию, Францию и прочих союзников по НАТО. Последующее развитие событий показало, что этот шаг оказался отвлекающим маневром и прямой дезинформацией: американская авиация продолжала наносить многочисленные удары по позициям сторонников

М. Каддафи, в ходе которых гибли мирные люди и разрушалась страна (Первый канал, 14.04.11).

Действуя в своей традиционной двуличной манере, Вашингтон отклонил письменный призыв лидера Джамагирии к прекращению огня. Одновременно американцы вышли на М. Каддафи по неофициальным каналам, признавая его влиятельным актором в ливийской драме, конца которой видно не было (Коммерсант, 07.04.11).

Непредвзятые наблюдатели и аналитики тут же задались закономерным вопросом: а стоило ли весь огород городить и тратить свыше 1 млрд долл. на не достигнутые цели? (Asharq Alawsat, 01.04.11). В актив американского участия в санкционированном ООН разбое в Ливии даже при всем желании записать что-либо позитивное было весьма затруднительно. Зато негатив был огромен.

«Мы намерены использовать все возможности для оказания помощи ливийским гражданам, — широковещательно заявил Б. Обама в интервью телекомпании Эн-би-си, — чтобы способствовать наступлению более мирной и стабильной жизни в этой стране» (ИТАР-ТАСС, 30.03.11). Для пущей убедительности США даже объявили о выделении 47 млн долл. на оказание гуманитарного содействия населению, пострадавшему от боевых действий, благо деньги можно было смело брать из замороженных 33 млрд долл. ливийских авуаров (ИТАР-ТАСС, 07.04.11). Однако «мирным повстанцам» — экзальтированным дилетантам, по определению одного из французских генералов (Красная звезда, 11.04.11), такой американской щедрости показалось мало, и они затребовали доступа ко всем заблокированным средствам для удовлетворения своих «насущных потребностей» (РИАН, 10.04.11).

Об их «политической гибкости» можно было судить и по реакции на посредническую миссию из президентов пяти стран Афросоюза, которая, проведя 10 апреля переговоры с М. Каддафи, получила от него согласие на прекращение огня, доставку гуманитарной помощи и переговоры с восставшими. Те же такие переговоры вести наотрез отказались.

Прекращая на словах «боевую фазу» ливийской операции, американцы оставляли после себя лишь немалые человеческие жертвы и разрушения. Позиции ненавистного им полковника не только не были ослаблены, но и, наоборот, получили дополнительное подкрепление. Об окончании внутриливийского конфликта не могло быть и речи: с активизацией «Аль-Каиды» и других исламистских группировок он лишь приобретал новые более зловещие очертания.

Весьма сомнительная с юридической точки зрения, кровавая и разрушительная «гуманитарная интервенция» натовских войск ставила под вопрос один из основополагающих и проверенных веками принципов международного права — суверенности государств и невмешательства в их внутренние дела, и грозила общей дестабилизацией международных отношений.

Удушение ставшего неудобным Западу ливийского режима в кольце блокады с воздуха и моря угрожало еще одним «долгоиграющим» и весьма опасным эффектом. Незавидная и поучительная судьба М. Каддафи, отказавшегося в декабре 2003 г. под международным давлением от разработки ОМУ, могла стимулировать другие страны мира (к примеру, Иран, КНДР) к форсированному обретению такого смертоносного оружия в «целях самозащиты».

Новое резкое обострение обстановки в регионе было выгодно лишь «Аль-Каиде» и другим террористическим группировкам, получившим дополнительный мощный стимул для активизации своей подрывной деятельности под предлогом «необходимости дать отпор новым колонизаторам и крестоносцам». Такие лозунги подталкивали мировое сообщество к опасной пропасти межцивилизационного разлома.

Уход главных игроков в ливийской операции на второй план вызвал в коалиции нарастание внутренних противоречий и разногласий. Главные «закоперщики» всей авантюры — Франция и Великобритания стали обвинять соратников по НАТО в «недостаточном участии», те в свою очередь такие наветы решительно отрицали (Arab News 13.04.11).

А выхода из ливийского тупика из-за твердолобой позиции его застрельщиков так и не проглядывало. В опубликованном в середине апреля совместном заявлении лидеров США, Великобритании и Франции с упорством, достойным лучшего применения, утверждалось, что военная операция в Ливии будет проводиться до тех пор, пока Каддафи не отойдет от власти. Комментируя такое воинственное заявление, С. В. Лавров веско напомнил, что «Совет безопасности не санкционировал каких-либо действий, которые имеют своей целью смену режима в Ливии» (Московский комсомолец, 19.04.11). Натовцы не откликнулись и на прозвучавший накануне призыв руководителей стран БРИКС прекратить смертоносные удары по этой суверенной стране (The International Herald Tribune, 15.04.11).

Зато их решимость добиться ухода ливийского лидера перекликалась с настойчивыми призывами руководителей «Аль-Каиды» изгнать «безбожника Каддафи», а с ним и «натовских завоевателей, если они посмеют вступить на арабскую землю» (Haaretz, 15.04.11).

Между тем коалиция испытывала все нараставшие трудности. Как признал на встрече руководителей внешнеполитических ведомств стран НАТО генсек альянса А. фог Расмуссен, «защитникам мирного населения» все больше не хватало истребителей и высокоточного оружия, а предоставлять дополнительные самолеты и вооружение, несмотря на настойчивые мольбы повстанцев, никто не спешил (Первый канал, 15.04.11). Для того чтобы хоть как-нибудь поправить положение, Р. Гейтс 22 апреля объявил о направлении в Ливию двух беспилотников Predator с ракетами Hellfire «для более точных ударов по войскам Каддафи» (Интерфакс, 22.04.11). Эти аппараты и ракеты уже доставляли американцам немало хлопот в Пакистане: под их «точными ударами» гибли десятки мирных жителей.

Несогласованная реакция ЕС на бурные события, развернувшиеся в Северной Африке и на Ближнем Востоке, разногласия среди европейских союзников относительно действий в Ливии, констатировала в те дни «Нью-Йорк Таймс», показали, что надежды на превращение Евросоюза в серьезного стратегического игрока на мировой арене не оправдались (The New York Times, 19.04.11).

Тем временем собравшиеся в Каире генсек ООН Пан Ги Мун, высокий представитель ЕС по иностранным делам и политике безопасности К. Эштон, генсек ЛАГ А. Муса, представители Афросоюза и ОИК единодушно призвали к прекращению огня в Ливии. Этот призыв резко диссонировал с бравыми заявлениями Х. Клинтон о том, что «Каддафи не удастся поколебать единство и решимость союзников по НАТО добиться его ухода»

(Arab News, 15.04.11). Несмотря на это, Б. Обама был вынужден с горечью признать, что в «военной операции в Ливии наступил ступор» (РБК, 16.04.11).

Для того чтобы хоть как-нибудь выйти из него, Великобритания, Франция и Италия в конце апреля объявили о готовности направить на помощь ливийской оппозиции своих военных советников. Такое опасное намерение вызвало однозначно негативную реакцию в Москве. «Мы обеспокоены развитием событий в Ливии, это явное втягивание в конфликт на земле. Это чревато рискованными последствиями, — веско заявил С. В. Лавров. — История знает случаи, когда все начиналось с направления инструкторов, а потом все растягивалось на многие-многие годы и приводило к гибели сотен и тысяч людей с обеих сторон» (Коммерсантъ-Daily, 22.04.11).

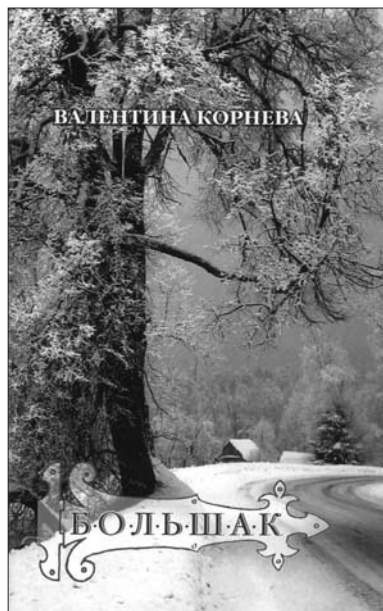
ВЫШЛА КНИГА

Корнева В. И. Большак. Стихи. Сказание о Кромах / Вступительная статья, составление А. П. Олейниковой — Орел: Изд-во «Труд», 2010. — 344 с., ил.

«Большак» — новая книга орловской поэтессы и краеведа Валентины Корневой. Она — член Союза писателей России, автор поэтических книг «Вербные свечи» (1999), «После разлуки» (2002), «Купель» (2004).

В поэтическом сборнике «Большак» представлены лучшие стихи из прежних изданий и новые.

Острое чувство времени, любовь к родным истокам, обычаям, трепетное отношение к красоте народной речи, природе средней полосы России, вера в силу добра — все эти качества поэзии Валентины Корневой вызывают к ней интерес.

История и современность

Вячеслав ЗИМНИН

ТОКИЙСКИЙ ПРОЦЕСС

*К 65-летию
начала процесса*

Вячеслав Петрович Зимнин — родился в 1946 году. Доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ. Академический советник Российской академии ракетных и артиллерийских наук. Почетный профессор Европейского университета (Ганновер, ФРГ). Заместитель председателя докторских диссертационных советов при Военной академии Генерального штаба ВС РФ и Московском государственном лингвистическом университете, член Экспертного совета ВАК. Автор и соавтор около 130 книг, 9 кино- и телефильмов, 400 статей. Член Союза журналистов России. Воин-интернационалист. Ветеран военной разведки. Капитан 1 ранга в отставке. **Живет в Москве.**

ТОКИЙСКИЙ ПРОЦЕСС¹ О ПОДГОТОВКЕ И РАЗВЯЗЫВАНИИ ЯПОНИЕЙ АГРЕССИВНЫХ ВОЙН В КАНУН И В НАЧАЛЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Обстановка в мире настолько сложна и взрывоопасна, настолько изобилует противоречиями, локальными войнами и вооруженными конфликтами, что вольно или невольно всплывают ассоциации с той ситуацией, которая возникла в годы, предшествовавшие Второй мировой войне. Сейчас, может быть, в мире еще и нет государств — явных агрессоров, сравнимых по менталитету с зачинщиками прошлой мировой войны, но сил, способных подвести многострадальное человечество к взрывоопасной черте, накопилось достаточно много, и они активно действуют.

¹ Судебный процесс над главными японскими военными преступниками, проходивший в Токио с 3 мая 1946 г. по 12 ноября 1948 г. в Международном военном трибунале для Дальнего Востока. Перед судом предстали 28 человек: премьер-министры Японии разных лет К. Койсо, Х. Тодзиро, К. Хираома, К. Хирога, вице-премьер-министр Н. Хосино, военные министры С. Араки, С. Итагаки, Д. Минами, С. Хата, военный вице-министр Х. Кимура, морские министры О. Нагано, С. Симада, морской вице-министр Т. Ока, командующий японскими войсками в Центральном Китае И. Мацуи, представители высшего генералитета А. Муро, К. Сато, К. Доихара, И. Умэдзу, министры иностранных дел И. Мацуока, М. Сигэмицу, С. Того, дипломаты Х. Осима, Т. Сиратори, министр финансов О. Кайя, организатор фашистского движения молодежи К. Хасимото, идеолог японского милитаризма С. Окава, правительственные чиновники К. Кидо, Т. Судзуки.

Трибунал приговорил к смертной казни через повешение Тодзиро, Итагаки, Хироту, Мацуи, Доихару, Кимуру и Муро, 16 подсудимых — к пожизненному тюремному заключению, 1 — к 20-ти и 1 — к 7-и годам лишения свободы. (См.: Токийский процесс // Военная энциклопедия. В 8 т. Т. 8. М.: Воениздат, 2004).

Как это произошло? Почему мир снова катится в бездну? Что мешает эффективной борьбе мирового сообщества с вызовами и угрозами самому его существованию? К сожалению, внятных ответов на эти вопросы нет. А ведь аналогии достаточно очевидны! А это значит, что вскрытие причин, показ истинных виновников развязывания Второй мировой войны и уяснение уроков того грозового прошлого по-прежнему актуальны.

Анализ как зарубежной, так и отечественной историографии причин и истоков Второй мировой войны свидетельствует о том, что в подходах исследователей имеют место стереотипы, не дающие возможность комплексно оценить реальный ход событий, а порой и уводящие в сторону от истины. Назову два основных стереотипа. Один, в чем-то оправданный, но далеко не создающий целостной картины, связан с евроцентристским подходом к оценкам источника угроз (главным виновником развязывания мировой войны является гитлеровская Германия, которая, действительно, нанесла огромный вред человечеству, особенно народам Европы и, в первую очередь — советскому народу). В основе второго стереотипа лежит ярко выраженный идеологический подход к анализу кануна и начала мировой войны (наличие, с одной стороны, утверждений о коммунистической угрозе, и «вынужденности» координации действий Запада и агрессоров («политика умиротворения») по ее нейтрализации, а с другой — о совиновности Советского Союза в развертывании войны, что обосновывается фактом подписания советско-германского Договора о ненападении и сопутствующих ему документов, а также предпринятыми СССР энергичными мерами по укреплению своих западных границ).

Одной из причин существования таких подходов, как представляется, является недооценка сложности воздействия и на военно-политическую обстановку предвоенных лет, и на сам ход Второй мировой войны всей совокупности факторов, в том числе и в значительной степени — японского фактора. При этом забывается или сознательно замалчивается тот факт, что первые очаги Второй мировой войны были разожжены (захваты Маньчжурии (1931–1932), Северо-Востока Китая (1935), а с 1937 г. и тотальная война против этого государства) именно японской военщиной, причем первая агрессия была организована еще до прихода Гитлера к власти, а один из очагов — в Монголии (11 мая–16 сентября 1939 г.) — был затушен уже после общепринятого дня начала мировой войны, что существенным образом сказывалось на выработке советской (да и ряда других стран) военной политики как в канун этой войны, так и в последующие годы. Гитлер еще только рвался к власти, а честолюбивые японские генералы уже имели грандиозные планы мирового господства, согласно которым одним из главных объектов агрессии являлся Советский Союз. Токийский трибунал, основываясь на неопровержимых документах и свидетельских показаниях, дал четкую и ясную юридическую оценку преступной военной политике Японии и ее руководства в 1930-е–первой половине 1940-х годов. В те годы, однако, Советскому Союзу приходилось убеждаться в антисоветском курсе правящих кругов милитаристской Японии, что называется, в ходе развития реальных событий.

Советская разведка уже в августе 1927 года известила руководство СССР после тщательной проверки о содержании так называемого «Меморандума позитивной политики» премьер-министра и министра иностранных

дел и колоний Японии генерала Г. Танаки от 25 июля 1927 года, поданного ровно за семь месяцев до этого воссевшему на хризантемовый трон 26-летнему императору Хирохито. В меморандуме был предложен откровенно преступный курс, по которому должна пройти Япония, чтобы поставить под свой контроль огромные территории Евразии и других регионов мира. «Для того, чтобы покорить мир, — говорится в меморандуме, цитируемом военными историками Института оборонных исследований «сил самообороны» Японии в одном из томов 110-томной «Официальной истории войны в великой Восточной Азии», — мы должны прежде всего покорить Китай. Если мы покорим Китай, все остальные азиатские страны и страны Южных морей в страхе перед нами капитулируют... Овладев ресурсами Китая, мы перейдем к покорению Индии, Архипелага южных морей, малых стран Азии, Средней Азии и Европы. Если нация Ямато хочет быть высшей на Азиатском субконтиненте, первым шагом для этого является обладание правом господства в Маньчжурии и Монголии». Намечая свою широкомасштабную агрессию, японские лидеры планировали после подчинения Китая «вновь скрестить мечи с Россией». В борьбе за мировое господство считалось необходимым и «сокрушение Соединенных Штатов Америки»¹.

Что бы ни говорили о подлинности этого уникального документа (его оригинал был, очевидно, уничтожен, как и множество других компрометирующих руководство Японии документов, в период после объявления рескрипта императора Хирохито от 14 августа 1945 года о капитуляции до прихода войск союзников на Японские острова и ареста ими японской секретной документации), но по представлению американского обвинения он был принят Токийским трибуналом в качестве обвинительного документа за номером 169 и признан официальной японской военной историографией, и, как впоследствии отмечал в своих мемуарах «Потрясения периода Сёва» подсудимый бывший министр иностранных дел Японии М. Сигэмицу, последовательность действий Японии удивительно точно соответствовала той, которая была изложена в «меморандуме»². Именно Япония, в полном соответствии с меморандумом Танаки, разожгла в начале 1930-х годов первые очаги гигантского вселенского пожара, который с рубежа 1 сентября 1939 года стал называться Второй мировой войной. В этом важнейшем правительственном документе впервые в тесной увязке были отражены две линии противоречий и два пути их разрешения. Старые империалистические противоречия — в первую очередь между Японией и США, традиционно соперничавшими в зоне Тихого океана, где выживание и развитие одних

¹ Цит. по: Дайтоа сэно кокан сэн си (Официальная история войны в великой Восточной Азии). В 110 томах. Токио: Асагумо, 1970–1980-е годы / Далее: Дайтоа сэно кокан сэн си / Т. 8. Дайхонэй рикугун бу (Секция сухопутных войск ставки). Ч. 1. Сева дзюгонэн гогацу мадэ (До мая 1941 года). С. 138–139.

² In: War in Asia and the Pacific, 1937–1949. Vol. 13. The Sino-Japanese and Chinese Civil Wars (Part 1). History of the Sino-Japanese War. Vol. 1. P. 5. Не сомневаются в существовании меморандума Танаки такие известные отечественные исследователи, как доктора наук Л. Н. Кутаков (см.: Кутаков Л. Приход к власти правительства Г. Танаки. В кн.: Япония. М., 1987. С. 90) и А. А. Кошкин (см.: Кошкин А. А. Крах стратегии «спелой хурмы». М., 1989. С. 14–16), японские историки и специалисты в области дипломатии такие, как Д. Обата, Т. Токино (см.: Обата Д., Токино Т. и др. Нихонси (История Японии. Токио, 1967. С. 489) и И. Тогава (см.: Сева гайко годзюнэн (50 лет дипломатии периода Сева). Токио, 1973. С. 28–29).

наций почти однозначно вело бы к поражению и упадку других, и новые — межсистемные, где Япония и западные державы имели шанс объединить усилия против общего классово-идеологического врага. Разрешение первой группы противоречий виделось Японии на путях вооруженной борьбы с ведущими державами капиталистического мира на южном направлении агрессии; вторую их группу можно было разрешить, лишь уничтожив СССР, МНР и зарождавшееся коммунистическое движение в Китае (северное направление).

Документы Токийского трибунала свидетельствуют, что как на северном, так и на южном направлениях японской агрессии военно-политическое руководство Японии планировало, готовило и осуществляло преступные военные действия в вопиющем противоречии с общепризнанными правилами, нормами и обычаями ведения войны, причем в условиях полного отсутствия угроз самому японскому государству. Дилемма «север—юг» существовала и в планирующих документах, и на практике с первых дней реализации меморандума Танаки, вплоть до самого момента принятия решения о развёртывании полномасштабной войны **в первую очередь** (с 7 декабря 1941 г.) на юге, способствуя мобилизации японского государства на подготовку к крупной войне на любом выбранном им направлении. Однако долгое время приоритет отдавался «северному» антисоветскому направлению.

Ситуация осложнялась тем, что у Японии (так же как, впрочем, и у Германии) стратегия достижения конечной цели, которая, безусловно, подразумевала необходимость «скрестить мечи с Россией», не была (что в те годы не могли понять ни СССР, ни питавшие к нему ненависть страны Запада) идеологически однозначной и прямолинейной. Оба агрессора пошли сначала завоевывать стратегические плацдармы и присваивать ресурсы (природные, материальные, человеческие) у более удобных и слабых стран. Но об этом мир узнал уже, так сказать, «задним числом».

В Токио понимали, что в случае развёртывания агрессии против СССР Японии не обойтись без мощного европейского союзника. Вот почему захват власти в Германии фашистами во главе с Гитлером в 1933 году, то есть уже после японской оккупации Маньчжурии, которую Токийский трибунал охарактеризовал как «агрессивную войну против Китайской Республики», рассматривавшуюся «также как средство обеспечения плацдарма для наступательных военных действий против Советского Союза»¹, встретили в Японии как своего рода дар судьбы. В Токио все более укреплялись в надежде, что в своем стремлении занять господствующее положение в Европе Берлин сумеет приковать к себе вооруженные силы СССР, Англии, Франции и США, а это облегчит осуществление захватнических планов Японии в АТР. «В своих отношениях с Советским Союзом, — делало в то время вывод правительство К. Хироты, — Германия находится примерно в таком же положении, как и Япония»². Первым шагом в организации глобального антисоветского альянса стало заключение 25 ноября 1936 года между Японией и Германией Антикоминтерновского пакта, к которому в

¹ Цит по: Милитаристы на скамье подсудимых: По материалам Токийского и Хабаровского процессов. Документы. М., 1985. С. 95, 144.

² In: War in Asia and the Pacific. 1937–1949. A Fifteen Volume Collection / Ed. by Detwiler D. and Burdick Ch. Vol. 2. Political Background of the War. Appendix No. 1. Hirota Cabinet's National and Foreign Policies. N.Y., 1966. P. VII.

1937 году присоединилась Италия, а за ней ряд других стран, в том числе (об этом редко упоминается) в феврале 1939 года — подвассальная Японии и граничившая с СССР Маньчжоу-го, с чьей территории и развернулась спустя три месяца агрессия в районе реки Халхин-гол. В Приговоре Токийского трибунала Антикоминтерновский пакт назван «военным союзом» и охарактеризован как документ, «составлявший основу политики Японии в отношении СССР»¹. «Начиная с 1937—1938 годов, — признавал плененный в ходе Советско-японской войны 1945 года бывший главнокомандующий японской Квантунской группировкой войск генерал О. Ямада, называвший антисоветскую политику Японии последовательной, — Квантунская армия имела конкретные планы ведения наступательных военных операций против Советского Союза»². Однако вопрос о конкретных сроках войны с такой крупной державой, как СССР, требовал тщательной проработки, а сама агрессия — серьезной подготовки.

Важное значение для выработки военной доктрины японского государства на Вторую мировую войну имела, поэтому, серия агрессивных акций, осуществленных с санкции высшего военного командования на границах СССР или в их непосредственной близости. Крупнейшими из них были провалившиеся июльско-августовская 1938 года попытка захвата советской территории у озера Хасан в Приморье и более чем четырехмесячная агрессия у монгольской реки Халхин-гол 1939 года.

События у озера Хасан некоторые японские и отечественные исследователи пытаются представить рядовым «инцидентом», вызванным случайным стечением обстоятельств. Есть попытки и прямо свалить вину на «провокационные» действия СССР. В ходе Токийского процесса, однако, было доказано, что вооруженная агрессия, названная в Обвинительном акте и Приговоре трибунала «войной» против СССР, носившей «явно агрессивный характер», готовилась задолго до японского нападения на советских пограничников 29 июля 1938 года и получила 21 июля санкцию императора Японии³.

Последствия провала Японии в военной авантюре на Халхин-голе также далеко выходят за рамки этого, кажущегося многим локальным, вооруженного конфликта. Токийский трибунал дал ему четкое определение — «агрессивная война» против Монголии и СССР. В Обвинительном акте однозначно и в одинаковой формулировке заявлено в адрес обвиняемых о том, что они и у озера Хасан, и у реки Халхин-гол развязали и вели «агрессивную войну, войну, нарушающую международное право, договоры, соглашения и обязательства», в первом случае против СССР, а во втором — против Монгольской Народной Республики и ее союзника — СССР⁴. Вместе с крахом, собственно военным, здесь, в самом начале Второй мировой войны, потерпела фиаско и военно-блоковая политика Японии, мечтавшей об углублении союза с Германией.

¹ См.: Милитаристы на скамье подсудимых: По материалам Токийского и Хабаровского процессов. Документы. М., 1985. С. 139.

² Цит. по: Центр хранения историко-документальных коллекций. Ф. 451/п. Оп. 5. Д. 72. Л. 17.

³ См.: Милитаристы на скамье подсудимых: По материалам Токийского и Хабаровского процессов. Документы. М., 1985. С. 95, 152—155.

⁴ См.: там же. С. 95, 96, 157.

Агрессия в Монголии была преднамеренно развязана японцами на фоне бурного и сложного для непосредственной оценки развития весной и летом 1939 года дипломатической активности. Переговоры велись одновременно на нескольких направлениях. Продолжалась рутинная работа по разработке тройственного в своей основе агрессивного военного пакта между Германией, Италией и Японией. В этом пакте особенно была заинтересована Япония. При этом Токио настаивал на внесении в текст оговорки об исключительной направленности пакта против СССР. Немецкий посол в Москве В. Шуленбург отмечал 5 июня 1939 года в письме в МИД Германии, что «Япония не хотела бы видеть ни малейшего согласия между нами (Германией. — В. З.) и Советским Союзом»¹. Халхингольская агрессия как раз и замышлялась Японией как средство давления на союзников, но обернулась для нее неудачей, сказавшейся на всем ходе Второй мировой войны. Очевидно, что именно подписание 23 августа 1939 года советско-германского договора о ненападении, произошедшее на фоне начатого 20 августа под руководством Г. К. Жукова мощного контрнаступления советско-монгольских войск на Халхин-голе, стало событием, потрясшим токийское руководство и приведшим к отставке кабинета К. Хиракумы и командования Квантунской армии.

Неожиданный для Японии политический маневр Германии был воспринят в Токио как вероломное нарушение положений направленного против СССР Антикоминтерновского пакта, по которому подписавшие его стороны обязались «без взаимного согласия не заключать с Союзом Советских Социалистических Республик каких-либо политических договоров, которые противоречили бы духу настоящего соглашения». «В течение месяцев в японских политических кругах, — писал уже в октябре 1939 года, по горячим следам халхингольской войны американский аналитик Дж. Баллентайн, — велись споры по вопросу о желательности переведения Антикоминтерновского пакта с Германией и Италией в военный альянс. Заключение Германией (23 августа 1939 года — В. З.) пакта о ненападении с Советским Союзом, однако, привело в состояние бессмысленности берлинско-римско-токийский антикоминтерн... Действия Германии, которые, вероятно, были предприняты без согласования с Японией, явились резким, внезапным ударом для Японии, вызывая правительственный кризис, и породили мощный всплеск антигерманских настроений»². «Возможно, — пишет далее Дж. Баллентайн, — что японско-советское перемирие (от 16 сентября 1939 года в халхингольском конфликте. — В. З.) представляет собой принятие Японией условий России в результате давящей на Японию потребности найти выход из сложившейся затруднительной ситуации..., обусловленной подписанием российско-германского пакта и последующей изоляцией Японии»³.

При всех морально-политических издержках советско-германского договора (кстати, часто забывается, что аналогичные договоры и соглашения с Гитлером уже имели в 1934 году Польша, вскоре после Мюнхена Великобритания, Франция и некоторые прибалтийские страны) он отодвинул

¹ См.: TSRS-Vokietija (СССР-Германия), 1939-1941. Сб. документов и материалов. В 2-х т. Т. 1. Вильнюс, 1989. С. 15.

² The Far East Situation. Lecture Delivered 17 oktober 1939 by Mr. *Joseph W. Ballantine* at the Naval War College. Newport, R.I. 3881-3281/10-18-39. P. 22.

³ Ibid. P. 25.

германскую агрессию против СССР почти на 2 года, объективно ослабило Антикоминтерновский пакт, вывело Польшу из числа явных агрессоров¹, посеяло в Токио серьезные сомнения относительно политики Германии как союзника Японии, что привело к временной нормализации отношений последней с Москвой. Есть все основания считать, что возникшая в оси Токио — Берлин трещина впоследствии способствовала тому, что Япония не пожелала безоглядно следовать за Германией в агрессии против Советского Союза, отплатив Гитлеру подписанием с Москвой пакта о нейтралитете в апреле 1941 года и развернув в декабре того же года широкомасштабные военные действия на юге.

Тем самым стратегическое поражение потерпело и гитлеровское руководство Германии: подписание советско-германского договора и победа советско-монгольских войск на Халхин-голе отняли у Гитлера важного союзника, ослабили фашистско-милитаристский блок в разворачивавшейся коалиционной мировой войне. Уже это одно оправдывает подписание договора о ненападении с Германией. Не дало на этом фоне ожидавшегося эффекта и заключение Германией, Японией и Италией 27 сентября 1940 года в Берлине после длительных переговоров и взаимных подозрений Тройственного пакта, хотя они, по оценке Токийского трибунала, и «имели в виду совместные агрессивные действия... против демократических держав, в том числе против СССР»².

Вместе с тем, как показало развитие событий, подписание советско-японского пакта о нейтралитете не отразилось ни в коей мере на темпах военных приготовлений Японии против СССР. И это четко отражено в документах Токийского трибунала. «“Нейтралитет” Японии в войне между Германией и СССР, — констатируется в Приговоре Трибунала, — в действительности... был предназначен для того, чтобы служить ширмой для оказания помощи Германии до нападения самой Японии на СССР.

Доказательства, представленные Трибуналу, указывают на то, что Япония, будучи далеко не нейтральной..., оказывала значительную помощь Германии»³.

Военные же приготовления вблизи советской границы постоянно наращивались, вынуждая СССР держать на Дальнем Востоке около 1 млн своих войск, вплоть до принятия окончательного решения японского военно-политического руководства развязать войну на Тихом океане и не снижались до конца 1943 года. В Токио решили лишь несколько изменить так-

¹ Гитлеровское окружение тщательно прощупывало, насколько Польша созрела к превращению сотрудничества, сложившегося в период ликвидации Австрии и Чехословакии, а также при ее параллельных контактах с Японией в военный союз против СССР. Однако Берлин абсолютно не устраивало, по сути, единственное условие, выдвигавшееся Варшавой в ходе переговоров 24 октября 1938 г. Ю. Липского и 6 и 26 января 1939 г. Ю. Бека с И. Риббентропом, которое заключалось в том, что вермахт должен был обрушиться на «большевистскую Россию» в обход Польши, к примеру, через Прибалтику или Румынию, уступить Польше Украину, подарив ей выход к Черному морю, и Литву, что укрепляло ее позиции на Балтике. Устраивал ли такой подход Германию, полякам стало известно лишь 1 сентября 1939 г. Очевидно, что Варшава в своих расчетах жестоко ошиблась: Берлину не нужен был еще один гегемон-конкурент на геополитическом пространстве Европы.

² Цит по: Милитаристы на скамье подсудимых: По материалам Токийского и Хабаровского процессов. Документы. М., 1985. С. 100.

³ Там же. С. 151.

тику: выждать нападения на Советский Союз Германии и затем вероломно ударить ему в спину в удобный момент, когда он, «подобно перезревшей хурме, готов будет упасть на землю», «одним ударом разрешить северную проблему»¹. Как свидетельствуют документы Токийского трибунала, с началом гитлеровской агрессии против СССР японская стратегия была уточнена на императорской конференции 2 июля 1941 г. В ее итоговом документе говорилось, что «если германо-советская война будет развиваться в направлении, благоприятном для империи, она, прибегнув к силе, разрешит северную проблему»². Однако в ходе Великой Отечественной войны СССР такого шанса совершить новую преступную авантюру против себя Японии так и не предоставил.

Тем временем продолжалось наращивание японской агрессии в Китае. В результате уже к общепринятой дате начала Второй мировой войны японцы контролировали более 25 % всей его территории с населением около 200 млн человек, что составляло около половины всего населения³ и свидетельствовало о том, что была оккупирована и нещадно эксплуатировалась в целях наращивания потенциала экспансии наиболее заселенная и развитая часть страны. Агрессия в Китае сопровождалась тягчайшими преступлениями японской военщины. Малейшее сопротивление жестоко каралось оккупантами. Даже тогда, когда, как констатируется на основе документальных доказательств в Приговоре Токийского трибунала, «к моменту вступления японской армии в город (столицу Китая Нанкин. — В. З.) утром 13 декабря 1937 года всякое сопротивление прекратилось», японские солдаты «проходили по улицам, без разбора убивая китайцев: мужчин, женщин и детей, пока площади, улицы и переулки не были завалены трупами. Насиловали даже девочек-подростков и старух. Многих женщин, изнасиловав, убивали, а их тела обезображивали. ...Убийства и поджоги проводились планомерно, они продолжались в течение шести недель. ...Общее число гражданских лиц и военнопленных, убитых в Нанкине и его окрестностях в течение первых шести недель японской оккупации, превысило 200 тысяч человек»⁴, а всего за годы агрессии в Китае японскими оккупантами было уничтожено более 35 млн китайцев⁵. Этим, однако, далеко не ограничивается число преступлений японской военщины — на стол Трибунала легли несколько томов, насчитывающих 650 аффидевитов свидетелей-очевидцев японских зверств против народов различных стран⁶.

Прецедент Токийского трибунала, давшего оценку преступному курсу Японии в канун и в годы Второй мировой войны, имеет непреходящее значение для современности. Актуальное значение имеет, в частности, разоблачение трибуналом практики использования Японией для прикрытия преступных замыслов и моментов перехода к агрессивным войнам различ-

¹ Цит. по: Дайтоа сэнсо кокан сэн си. Т. 20. С. 301; см. об этом подробнее: Кошкин А. А. Россия и Япония: Узлы противоречий. М., 2010. С. 259–272.

² Цит. по: История войны на Тихом океане: Пер. с япон. В 5 т. Т. III. М., 1957–1958. С. 379–380.

³ См.: Зимонин В. П. Последний очаг Второй мировой. М., 2002. С. 23.

⁴ Цит. по: Смирнов Л. Н., Зайцев Е. Б. Суд в Токио. 3-е изд., исправленное. М., 1984. С. 467–468.

⁵ In: Beijing Review. 1985. May 6.

⁶ См.: Смирнов Л. Н., Зайцев Е. Б. Суд в Токио. С. 456.

ных эффемизм¹ типа «инцидент» и «конфликт» для обозначения военных действий любого содержания и масштаба, «обеспечение самообороны (национальной обороны)», «защита жизненной линии империи» и «проведение национальной политики» для обоснования «вынужденности» развернуть военные действия на чужой территории, строительство «сферы сопроцветания в великой Восточной Азии», «создание нового порядка в Восточной Азии» и «борьба за освобождение народов Азии от гнета белой расы» для пропаганды мнимых целей японской агрессии в регионе и так далее². Практика использования эффемизмов в свете современных событий заслуживает особого внимания.

Спрашивается, чем отличаются действия НАТО во главе с США в Югославии, Ираке, Афганистане, в ряде стран Ближнего Востока под благопристойными лозунгами «гуманитарной интервенции», «установления демократии», «обеспечения мира и стабильности», в результате которых ликвидируются суверенные государства, уничтожаются десятки и сотни тысяч мирных жителей, насаждается иностранное военное присутствие, захватываются энергетические и другие ресурсы, от эффемизмов милитаристской Японии и нацистской Германии?

В связи с японским фактором, особенно в годы, предшествовавшие мировой войне, следует расставить новые акценты и в анализе т. н. политики умиротворения агрессоров (а точнее — поощрения их к войне против Советского Союза), проводившейся идеологически заданными западными демократиями, известной под названием «мюнхенская политика», но которая родилась отнюдь не в Мюнхене, а на Дальнем Востоке, и не в сентябре 1938 года, а в начале 1930-х годов, когда Западом были позорно сданы японскому агрессору Маньчжурия, а затем, по сути, и весь Китай, «не замечена» агрессия против СССР Японии у озера Хасан.

Дело в том, что агрессия Японии в Маньчжурии в 1931–1932 годах (а именно ее следует признать первым очагом будущего всемирного пожара) получила лишь словесное осуждение со стороны Запада. На демонстративный выход «обиженной» Японии в марте 1933 г. из Лиги Наций никаких санкций не последовало. Очевидно, лидеров стран Запада вполне удовлетворило заявление главы японской делегации в Лиге Наций Ё. Мацуоки о том, что Маньчжурия оккупирована с главной целью — создать плацдарм для борьбы против СССР. Руки у агрессора были окончательно развязаны, чем Япония не преминула воспользоваться, завершив в 1935 г. захват Северо-Восточного Китая и развернув в июле 1937 году против этой страны агрессивную тотальную войну.

Конечно, западные демократии в союзе с СССР имели объективные возможности пойти другим путем и совместно обуздать агрессоров и на Востоке, и на Западе, но для этого были необходимы определенные условия: взаимное доверие; уверенность в том, что достигнутые соглашения и договоры будут выполняться; готовность в кратчайшие сроки развернуть боеспособные армии, мобилизовать все физические и духовные силы народов на борьбу с фашистско-милитаристской опасностью, непреклонная воля

¹ Под эффемизмом следует понимать обозначение в благопристойных выражениях неблагоприятных дел.

² См.: Смирнов Л. Н., Зайцев Е. Б. Суд в Токио. С. 472.

к победе над агрессорами, а этого у западных держав не было. В итоге в мире возникла опасная ситуация: все неагрессивные страны стремились не к тому, чтобы совместными усилиями обуздать агрессора, а к тому, чтобы остаться в стороне от вероятного военного конфликта, переложив главную тяжесть вызревавшей мировой войны на других.

Не похожи ли на это действия ряда стран—членов Совета Безопасности ООН, к числу которых применительно к событиям в Ливии и в целом на Ближнем Востоке относятся и «воздержавшиеся» при голосовании вопроса о применении военной силы против суверенного государства Китай и Российская Федерация? Не является ли это новой редакцией «политики поощрения» потерявшей за последние десятилетия моральные и пространственные ограничения НАТО и не способствует ли это дальнейшему повышению агрессивности и вседозволенности в действиях этого военного блока?

Остро встает вопрос и о соответствии и эффективности ранее принятых международно-правовых норм практике принятия важнейших военно-политических решений. Где юридически очерченные нормы, если говорят о контроле над воздушным пространством, а бомбят по людям на земле, и это не влечет за собой никаких юридических последствий для превышающих предоставленные полномочия стран? Исторический опыт свидетельствует (и это убедительно показал Токийский процесс), что упор на военные методы решения гуманитарных и социальных проблем не только бесперспективен, но и преступен.

В заключение невозможно не остановиться на оценке того, как к урокам прошлого относятся в современной Японии. В последние 20—30 лет в этой стране усилилась кампания по оправданию территориальных притязаний к странам Восточной Азии, ревизии итогов Второй мировой войны, разжиганию реваншистских настроений. Целями этой кампании являются устранение «комплекса неполноценности», возникшего, по мнению японских руководителей, у «нации Ямато» в результате поражения во Второй мировой войне, пробуждение чувства «национального самосознания», «патриотизма», готовности вернуть Японии «былую славу». Уже не раз предпринимались попытки пересмотреть в реакционно-милитаристском духе японские учебники, в позитивных тонах показать историю японских военных авантур в обширном АТР. Лишь под давлением официальных заявлений со стороны правительств стран-жертв былых агрессий министерство просвещения Японии отказалось от внесения в учебники положений, прямо оправдывающих в глазах молодежи преступления, совершенные японским милитаризмом против других народов. Тем не менее министерству удастся протаскивать в учебники реакционные взгляды под видом укрепления «гражданственности и патриотизма»¹.

В русло реваншизма и шовинизма, возрождения «духа страны Ямато», «исконно японских ценностей», идей «национального превосходства», «исключительности японской нации» направлен и целый ряд мероприятий, в том числе введение в 1982 году «дня памяти погибших воинов» 15 августа (день обнародования в 1945 году императорского рескрипта о капитуляции Японии во Второй мировой войне), попытка возрождения и поднятия до уровня государственной религии синтоизма, издавна питавшего японскую

¹ Акахата. 1983. 1 июля.

военщину милитаристскими и националистическими философско-религиозными концепциями.

Символом синтоизма в Японии является милитаристская святыня — токийский храм Ясукуни, где захоронен прах и хранятся списки многих крупных военных деятелей и простых солдат разных периодов истории Японии, в том числе семи главных военных преступников, казненных в 1948 году по решению Токийского трибунала. После войны синтоизм в Японии был запрещен, а церковь отделена от государства. Справедливое возмущение, поэтому, вызывают посещения, начиная с 1975 года, храма Ясукуни официальными лицами. Первое время, правда, посещения храма представлялись как «визиты частных лиц». Совершали такие «частные» визиты в Ясукуни в октябре 1969 года император Хирохито, в декабре того же года наследный принц, а ныне император Акихито. Нанес такой визит в храм в апреле 1983 года и премьер-министр Японии Я. Накасонэ. Однако 15 августа того же года Я. Накасонэ в сопровождении министров возглавляемого им правительства вновь побывал в Ясукуни. Причем накануне газета «Иомиури» процитировала японского премьера, который, рассуждая о некоем «поворотном моменте», наступившем в послевоенной истории Японии, подчеркнул, что посетит Ясукуни как официальное лицо. Накасонэ подтвердил 14 октября 1986 г., что его правительство способствовало увековечению в храме Ясукуни памяти генерала Х. Тодзиро и 14-ти других крупных военных преступников¹. Регулярно посещали храм Ясукуни и почти все последующие премьер-министры страны от правящей ЛДП Японии.

В связи с этим хочется поделиться впечатлениями от посещения в мае 1991 г. мной вместе с другими советскими, монгольскими, китайскими и японскими участниками проходившего в Токио симпозиума по истории событий у реки Халхин-гол храма Ясукуни и действующего при нем музея военной истории Юсюкан. Поразило то, что ни в храме Ясукуни, ни в музее военной истории, которые, как нам стало очевидно, все больше превращаются при поддержке правительства в учреждения милитаристской пропаганды, мы не увидели и намека на осуждение милитаристского прошлого Японии, на порицание тех, кто не раз ввергал страну в агрессивные войны. Все экспонаты музея Юсюкан направлены на то, чтобы сформировать у японцев представления о некоей «великой миссии Японии в Азии», стремлении «вырвать азиатские народы из-под гнета белой расы», создать «Великую сферу процветания», а если где-то и приходилось применять оружие, то это из-за того лишь, что эти «неблагодарные» народы не желали понять и принять эти «благородные устремления» японских покровителей. У меня сложилось впечатление, что посещение храма Ясукуни и музея Юсюкан не воспитывает у современных японцев чувство стыда за содеянные японской военщиной в годы минувшей войны преступления, а вызывает в их сознании лишь ностальгию по утрате добытых отнюдь не праведным путем завоеваний. А это, памятуя о далеко не безоблачном историческом прошлом Японии, опасно, как для народов мира, так и для самих японцев, особенно для молодежи.

¹ Ясукуни дзиндзя (Храм Ясукуни). Токио, 1983. С. 12, 14; Токио симбун. 1983. 16 августа; Япония и проблемы безопасности в АТР. М., 1996. С. 95–97.

Фактом является и то, что в результате умело поставленной пропаганды подавляющая часть японского общества поддерживает существование вопреки положениям статьи 9-й конституции современных вооруженных сил под названием «силы самообороны», воссоздание министерства обороны страны и службы внешней разведки, а антивоенное движение в стране в последнее время значительно ослабло. Современные вооруженные силы Японии почему-то вновь, как и в годы кануна и периода Второй мировой войны, решают в пределах 1000-мильной зоны от Японских островов и даже в свершенно других регионах мира, где ведутся вооруженные конфликты, задачи, даже отдаленным образом не затрагивающие «самооборону» Японии, не говоря уж о том, что японская конституция вообще провозглашает отказ Японии от права обладания вооруженными силами и разрешения международных споров с применением военной силы.

Даже после ужасающей по масштабам и последствиям катастрофы с атомной электростанцией Фукусима японское правительство демократов, изыскивая финансовые средства на восстановительные работы (2 мая 2011 г. японский парламент выделил на эти цели около 50 млрд долл. США), оставило сравнимый с этой суммой военный бюджет Японии (сопоставимый с военными расходами ядерных держав Англии и Франции) нетронутым, резко урезав социальные программы¹. Могут сказать, что японские военные внесли большой вклад в ликвидацию последствий природной и техногенной катастроф, и с этим нельзя в данной конкретной ситуации не согласиться. Но почему этим должны заниматься вооруженные силы, у которых, как оказалось, не было в распоряжении специальной техники (роботов, мощных инструментов для резки арматуры и прочего...), а не специализированные организации типа российского МЧС?

В условиях, когда Японии никто реально не угрожает (в новой и новейшей истории не было ни одного примера угрозы вторжения в ее пределы вооруженными силами каких-либо государств) и когда она сама имеет территориальные претензии к соседним странам, прежде всего к России, продолжающийся рост ее военных приготовлений не может не расцениваться рядом государств АТР как серьезный вызов региональной безопасности. Тем не менее, используя механизмы политико-идеологической индоктринации, правящие круги Японии не без успеха создают у японцев представление о наличии в регионе многочисленных источников угроз безопасности страны. Наряду с тезисом о росте ракетно-ядерной опасности со стороны КНДР, активно пропагандируются мысли об угрозе со стороны обогнавшего Японию в экономическом развитии и крепнущего в военном отношении Китая и укрепляющей свои дальневосточные рубежи России. Тревогу у международной общественности вызвали факт принятия в 1999 году парламентом законопроекта, придающего официальный статус старым императорским флагу и гимну, с которыми японская военщина развязала крупномасштабную агрессию в регионе в 1930-х годах, заявления высшего руководства (премьер-министр И. Мори) о том, что Япония — божественная страна во главе с императором, как символом ее божественности².

¹ The Military Balance. 2000/2001. L., 2000. P. 200; Независимая газета. 2011. 22 февраля; Красная звезда. 2011. 4 мая.

² Токио симбун. 1999. 16 августа; Независимая газета. 1999. 17 августа.

Токийский трибунал вскрыл истинные преступные замыслы и бесчеловечные методы осуществления японской экспансии в Азии и по справедливости наказал организаторов этих преступлений против мира и человечности. Однако официальная Япония проявляет вопиющее неуважение к решениям международного суда. В отличие от Германии, где осуждение нацистского прошлого закреплено и в политических, и в юридически обязывающих документах и реализуется в реальной политике государства, ничего подобного не произошло в Японии. И это, с учетом вышесказанного, вновь подтверждает важность нового и нового привлечения внимания мировой общественности как к урокам Международного процесса над японскими военными преступниками периода Второй мировой войны, так и в целом к урокам истории.

ВЫШЛА КНИГА

Наше время. Антология современной литературы России:

Повести, рассказы, биографические статьи, библиографические сведения, рецензии / Сост. и предисловие Б. И. Лукина. — М.: «Издательство Литературного института им. А. М. Горького»; Нижний Новгород: «Вертикаль. XXI век», Литературный фонд «Дорога жизни», 2009. — 416 с. (Серия «Наше время»). — CD: электронная книга «Антология современной поэзии «Наше время».

Автор проекта и председатель редколлегии серии «НАШЕ ВРЕМЯ»
Б. И. Лукин

Редколлегия:

Дударев В. Ф., Кувакин А. Г., Макаренков В. В., Мизгулин Д. А., Мисюк В. Н., Овчинников С. М., Прилепин З., Сдобняков В. В., Тарасов Б. Н., Тихонов В. Е., Яковлев А. А.

Данный том продолжает уникальную серию «Наше время». Ее составят антологии современной литературы, посвященные творчеству писателей, родившихся в шестидесятые годы XX века. В том «Проза» включены произведения двадцати семи авторов. Творчество каждого из них представлено «лучшим», на взгляд самого писателя, рассказом или повестью. Биографические статьи от первого лица и фотографии писателей приносят ощущение личной встречи, откровенных бесед. Библиографический материал, помещенный в приложение, позволит исследователям и любителям современной литературы получить более полную информацию о жизни и творчестве писателей, чьи произведения включены в данное издание.

Рекомендуется как учебный материал для преподавателей и студентов-филологов. Антология прозы адресована самому широкому кругу любителей словесности.

ПОЭЗИЯ

Ирэна СЕРГЕЕВА

«ЧТОБЫ ДУША НЕ МОЛЧАЛА...»

Сергеева Ирэна Андреевна — поэт, критик, литературовед, член Союза писателей России с 1976 года. С 1977 по 1991 год работала литературным консультантом журнала «Звезда». Автор многих поэтических сборников, литературоведческих статей, переводит стихи с грузинского, украинского, сербского, белорусского и др. языков. Инициатор и составитель альманахов «День русской поэзии», «Северные цветы». Лауреат премии им. Н. Заболоцкого. **Живет в Санкт-Петербурге.**

Представляем поэтическую подборку из новой, включающей стихи, написанные в 2009—2010 годы, книги известной петербургской поэтессы, члена Союза писателей России с 1976 года, действительного члена Международной Славянской академии, лауреата литературных премий Союза писателей России «Традиция» и премии им. Н. Заболоцкого. В этом году исполняется 50 лет творческой деятельности поэтессы, которая осенью отмечает свое 75-летие. Редакция нашего журнала сердечно поздравляет Ирэну Андреевну с Юбилеем и желает ей новых творческих успехов!

* * *

В Лавру пришла,
и за всенощной службой
Архимандрит ее благословил.
Слабой была поутру и недужной,
а после службы прибавилось сил.
Все, что душе ее страждущей нужно,
пастырь служеньем сумел передать.
В Троицкий храм
да ко всенощной службе
в Лавру стремится опять и опять.

1942-й ГОД

И не вписали их в скрижали
родной или иной земли,
не похоронены, лежали,
и русы бороды росли...

Как будто это предки наши,
а помощь к Новгороду шла...
Но души не отпели даже,
не схоронили их тела.

Врагов немало там валялось,
да их не жалко — их вина...
Все это просто называлось:
позиционная война.

В АРХИВЕ

Век прапрабабушек — дедушек,
о, восемнадцатый век!
Скрыто страницами «дел» еще
множество памятных вех.

Знаю, что предки московские
были дворяне, в родне —
врач полковой, но листов таких
не открывается мне.

Сколько прошло незамечено!
Знаю одно, что не знать —
тягостно... Думать тут нечего:
по именам поминать!

* * *

Должны быть легенды
семьи и страны
и славой, победны,
все осенены.

Народ мой — основа.
Хороший, плохой?..
Но к русскому слову
совсем не глухой.

ЗЕМЛЯКИ

Помолились мы на Пиросе...
Я поверить не могу,
слыша певчих не на клиросе,
перед храмом, на лугу.
Перед образом обретенным
на колени пал народ.
Все исхожено здесь предками,
«память их из рода в род...»

Земляки любимых прадедов
узнаваемы душой,
Петро-Павлов день отпраздновав,
уезжают в град большой...
Я представилась Ириною,
утаив судьбы каприз...
Машут ручкой по-старинному
и платочком — сверху-вниз.

* * *

Плохо спится. Читаешь да пишешь.
На рассвете сквозь дрему услышишь,
как сама себе скажешь: «Подъем!
Собирайся — и в церковь пойдем!»

Вот уже три недели прошло,
без причастия — ох, тяжело!
Потому-то ночами не спится...
Вот он, храм! И Христа плащаница.

В ФЕДОРОВСКОМ СОБОРЕ

А эти стены помнят Государя,
его семьи дыхание хранят...
Прощая нас, святые миру дарят
с небес на землю обращенный взгляд.
Здесь за Россию всем дано молиться.
Вот образ их. Мы припадаем к ним.
Как мы сейчас, здесь плакала Царица:
«Спасти страну, заступник Серафим!»

* * *

Моя Казанская икона
от бабушки досталась мне,
она наследственна, исконна,
стоит в киоте, как в окне.

Благословенна и венчальна,
святила многодетный дом.
Из-за меня она печальна,
но я ли виновата в том?..

* * *

Борису Орлову

Скажу моряку и подводнику,
которые здесь, среди нас:
«Молитесь Николе-угоднику,
он многих в крушениях спас».

А кто был отважным воителем,
остался навек под водой, —

теперь с Мирликийским святителем
в небесной команде одной...

Поэту скажу и подводнику,
в ком сила Руси и краса:
«Молитесь Николе-угоднику
и верьте в его чудеса!»

* * *

Нет Зыкиной
и Толкуновой,
о них — народная молва.
Не отыскав певицы новой,
мы ищем новые слова...
Россия все еще жива.

У МОГИЛЫ

*Памяти Александра, Владимира
и Юрочки Капустиных*

Моих тут родственников нет,
они в другой могиле!
Их на земле истерся след,
всех голодом убили...
Не совершали похорон,
а просто в ров бросали,

не высекали их имен,
им не даны медали...
Спустя полвека их отпев,
всегда их поминаю...
Не плевелы и не отсев,
они — вся соль земная.

ИКОНА ОКОВЕЦКОЙ БОЖИЕЙ МАТЕРИ

Идет, идет икона,
встречает город Ржев.
Пройдут под ней с поклоном —
и счастливы уже.
Вот мать моя, девчушка,
семь братьев и сестер

да нянюшка-старушка:
любви горит костер.
Но грянул век *советский*.
Мать лишена была
иконы Оковецкой...
В мой дом она пришла!

* * *

Пока она их всех кормила,
с ней было просто и легко.
Пасла гусей, козу доила...
Парное сладко молоко.

Но жизни путь пошел под горку,
любовью полон и трудом.

Болезнь и старость — это горько.
Дом престарелых — тоже дом.

И с ложечки чужие руки
ее накормят, может быть...
А где же дети? Где же внуки?
О них придется позабыть.

* * *

Твой медный крестик
с каждым днем стирается,
на нем не прочитаешь ничего.
Он, все-таки, наверно, постарается —
переживет владельца своего.

Переживет... Надеюсь, закопают вас...
И не сожгут тебя, Господь с тобой!
Надеюсь, что успеешь ты покаяться
и русский крест поставят над тобой.

ЧТОБЫ ДУША НЕ МОЛЧАЛА

Продолжение или начало?
Чувство жизни еще не ушло.
У вокзала стою, у причала,
ритм и рифма — мой руль и весло.
Да, поэзия не подкачала!
Кто сказал, что она — ремесло?
Надо, чтобы душа не молчала,
рядом ангела было крыло.
Уходя в стихотворство, как в скит,
ты молчи... А душа не молчит.

* * *

Век двадцатый, весь расхристанный,
над Россией пролетел.
Ищем, ищем веры истинной
да богоугодных дел.
Ищет благодати в Ниловой
брат любимый Николай...
Будет нам по вере, милые, —
что душа ни пожелай!

Родная РЕЧЬ

Валентин РАСПУТИН

РУСЬ СИБИРСКАЯ, СТОРОНА БАЙКАЛЬСКАЯ

Послесловие к словарю

Валентин Григорьевич Распутин — родился 15 марта 1937 года в поселке Усть-Уда Усть-Удинского района Иркутской области. Окончил историко-филологический факультет ИГУ. Автор многих книг, вышедших в России и за рубежом и неоднократно переизданных. Лауреат Государственной премии СССР в области литературы, искусства и архитектуры, лауреат премии Фонда Святого Всехвального апостола Андрея Первозванного «За Веру и Верность» и др. **Живет в Иркутске.**

У М. Горького в романе «Жизнь Клима Самгина» есть такая сцена: «На эстраду мелкими шагами, покачиваясь, вышла кривобокая старушка, одетая в темный ситец, повязанная пестреньким, заношенным платком, смешная, добренькая ведьма, слепленная из морщин и складок, с тряпичным круглым лицом и улыбочивыми детскими глазами...»

С эстрады полился необыкновенно певучий голос, зазвучали веские старинные слова. Голос был бабий, но нельзя было подумать, что стихи читает старуха. Помимо добротной красоты слов было в этом голосе что-то нечеловечески ласковое и мудрое. Магическая сила, заставившая Самгина оцепенеть... Ему очень хотелось оглянуться, посмотреть, с какими лицами слушают люди кривобокую старушку? Но он не мог оторвать взгляда своего от игры морщин на измятом добром лице, от изумительного блеска детских глаз, которые, красноречиво договаривая каждую строчку стихов, придавали древним словам живой блеск и обаятельный, мягкий звон.

Однообразно помахивая ватной ручкой, похожая на уродливо сшитую из тряпок куклу, старая женщина из Олонецкого края сказывала о том, как мать богатыря Добрыни прощалась с ним, отправляя его в поле на богатырские подвиги. Самгин видел эту дородную мать, слышал ее твердые слова, за которыми все-таки слышны были и страх и печаль, видел широкоплечего Добрыню: стоит на коленях и держит меч на вытянутых руках, глядя покорными глазами в лицо матери...»

Сцена эта описана М. Горьким с натуры: в 1896 году на Всероссийскую выставку в Нижний Новгород приезжала знаменитая сказительница былин Ирина Андреевна Федосова и имела огромный успех.

Спустя еще полтора и два десятилетия на былины не менее знаменитой исполнительницы с Пинеги М. Д. Кривополеновой собиралось в столицах столько же слушателей, сколько на концерты Шаляпина. Широкий интерес и даже восторг русского общества народным творчеством продолжались к тому времени почти полный век и были сбиты только революцией, да и то ненадолго, и изучение и собирание фольклора не прекратилось и во весь XX век. По справедливости считалось, что уж это-то нам не изменит.

Одновременно шло и пополнение русского языка: все жанры фольклора, сколько их ни есть в малых и больших формах, сказывались и выпевались народным словом. Это даже и не сравнение, не уподобление одного другому, а органическая жизнь языка, закон его существования и функционирования: основное его русло полнится, оживляется и украшается многочисленными притоками местных говоров, «истечением» его огромных словообразующих площадей и устных поэтических оазисов. И как для экологии природы вредны грязные производства, так и экологию языка загрязняют «фабрики» чужесловия, дурно- и тупословия, против которых вместе с охранительными законами нужна и постоянная расчистка родных истоков.

Чудного, поистине волшебного звучания в XIX веке русский язык достиг благодаря народным речевым кладовым, открывшимся вместе с фольклором. Столь совершенного поэтического «инструмента», как Пушкин, не было ни дотоле, ни после, но явление его счастливо совпало с интересом к крестьянской Руси, которая в своих преданиях и сказаниях из уст в уста накопила такую мудрость и такую поэзию, что только ахай да ахай. Пушкин и сам записывал песни и сказы и подвигал к этому занятию своих друзей-литераторов. Без него не было бы бесценного собрания народных песен П. В. Киреевского, положившего начало богатейшей песенной библиотеке (в записях П. В. Шейна, П. Н. Рыбникова, А. И. Соболевского и др.), без него Гоголь не освоил бы столь виртуозно самую музыку русского языка, не дружи с Пушкиным В. И. Даль — как знать, решился бы он на свой гераклов подвиг и смог ли бы собрать столь щедрый урожай, сам-сто или даже сам-двести, с живого великорусского языка в своем бессмертном «Толковом словаре»! В XIX столетии началось дружное движение из местных таежек, лесов и гор, с побережий морей и рек всех жанров устного народного творчества, и, лучшей частью влившись в литературный язык, оно своей живостью, яркостью, мудростью и точностью окончательно раскрепостило, усладило и щедро обогатило нашу письменность.

В обильном пиршестве великорусского языка, как за скатертью-самобранкой, с которой чем больше потчешься, тем больше прибывает, участвовали и Тургенев, и Лесков, и Бунин, и Шмелев; будто на гармошке, растягивая полнзвучные меха, играли на нем Никитин, Кольцов, Есенин. Драматург Островский называл свои пьесы народными поговорками, для своих нравоучительных рассказов их же отыскивал Л. Толстой. Он восхищался: «Что за прелесть народная речь! И картинно, и трогательно, и серьезно... Язык, которым говорит народ и в котором есть звуки для выражения всего, что только может сказать поэт, мне мил... Захоти сказать лишнее, напыщенное, болезненное — язык не позволит».

...Это преддверие разговора о настоящем Словаре, это торжественная похвала в честь простонародного языка, надо полагать, не будут лишними: да, были времена, и не столь далекие, когда этот могучий источник

нашей словесности представлялся неиссякаемым. И что же — прошли былинные?

Двадцатитомный словарь, и сам подобный эпосу по богатству вобравшего в себя материала, должен бы, казалось, располагать к оптимизму: какая глыбища! какое безбрежье нетронутого и самородного! И это по следам прежних экспедиций, по торным фольклорным тропам, по которым прошли и М. К. Азадовский, и Е. И. Шастина, и В. П. Зиновьев, и Л. Е. Элиасов, и Р. П. Матвеева и другие до них и после них... Стало быть, источник этот и в самом деле неисчерпаем и воспроизводство областных говоров в поколениях столь же естественно, как воспроизводство почвы от растительного покрова?

И это так бы и было, когда бы русская деревня оставалась в здравии и если бы оставалась она хотя бы в относительной изоляции от большого, распахнутого всем ветрам и поветриям, теряющего последнюю родовую и культурную индивидуальность, мира. Корневище народного языка может быть питательным только в глубинах почвы и в глубинах неповрежденной жизни, а нет их — не будет и корешков у старины, не даст побегов и зачахнет самоцветное слово.

Этот величественный труд под названием «Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири» собирался больше четверти века, и те сотни и сотни деревень, по которым прошла Галина Витальевна Афанасьева-Медведева, тем и привлекали фольклористов, что лежали эти деревни в стороне от набитых дорог, жили теми же занятиями, что и при заселении (охота, рыбалка, пашня), и находились в естественной резервации. Предыдущие 250 лет быт в сибирской таежной деревне изменили меньше, чем последние 25 лет. Последние 25 лет его, можно сказать, обрушили. По Ангаре, окончательно превращенной в электрическую силу, старые поселения по берегам и островам постигла участь Матеры, ушедшей под воду, по Лене они опустели оттого, что окончательно были оставлены государством, — точно отступило оно в спешке от превосходящей силы какого-то невидимого противника. Не лучше картина по забайкальским тайгам и рекам. С корнем выдраны деревни из земли, торчат одни печища. «Где стол был яств — там гроб стоит»: заросли крапивы по местам семейных гнезд да в сторонке скорбный погост — вот и все, что осталось от крепких и полнолюдных обитателей.

И впечатление такое от этого Словаря, будто говоры его были чудом подхвачены уже на излете в небытие. Чуть бы замешкаться — и не догнать, не услышать, не записать этот бесценный памятник не одного лишь языка, но и народной жизни в трудах, праздниках, общении, обычаях и верованиях, в претерпении судеб и необычайной духовной силе.

Структурная особенность Словаря в том, что заглавное слово, будь то географическое обозначение или диалектная изюминка, не изымается из текста с короткой ссылкой на его применение, а дается в «работе», в пространном рассказе, и от этого вместе «со товарищи» украшает и текст, и ярче и богаче становится само, получает полное семантическое, фонетическое и морфологическое значение. Это двойная, даже тройная отдача текста: рассказ оживает, у него появляется интонация, голос, избранное в «предводители» слово таинственным образом организует его в одно целое информационное и художественное свидетельство жизни.

Словарь этот и есть энциклопедия народной жизни из уст самого народа, сказываемая столь буднично, будто в установлениях своих и законах она естественно, само собой, соткалась из дружеского расположения друг к другу человека и природы. Вот рассказ-обычай, иллюстрирующий слово «распрета». Уже само слово вызывает вкусовое ощущение, удовольствие: если есть «запрет», в просторечии «запрета» — должна быть и «распрета», только не каждому она дается. «Вот раньше запрету делали. Августовская запрета. Никто за ягодам не пойдет, пока не будет августовской распреты, никто. Каж н ой ягоде был свой бой... Раньше-то — ой! Срок на охоту, раньше строго это было, охотиться да ягоды. Все в свое время».

Это с моей родины на Ангаре голос донесся, из моего детства, когда такие «запреты» и «распреты» почитались законом и на ягоду, и на кедровую шишку, и на зверя, и на рыбу. И законы эти не Думой принимались, не Президентом утверждались, а являлись самым дыханием местного народа, сыновним правилом взаимоотношений с тайгой и рекой, вышним велением брать у них то и тогда, когда это не нанесет их «пастбищам» урона. «Ухожье было» — пояснит в другом месте Словарь, имея в виду нравственную опрятность деревенского человеческого мира с миром Божиим.

А вот еще свидетельский голос с моей родины, судьба которой оказалась трагической от государственной «неопрятности», разом, всего в несколько десятилетий сокрушившей Ангару вместе с ее притоками и тайгу вместе с ее живностью и сезонными дарами-припасами. «Мы в своем доме жили в Абáкшиной-то. Потом-ка там все затопило. Счас там все сплошь водополье. Илým-то весь. ГЭС строили. <...> А кака бáва-то была, Абáкшина-то наша. Она на дв ы х речках стояла. Там Чóра, она в Илým пáдат. Вот она там стояла. На угоре на высок и м... Народ был хоть и не в достатке, голодный и холодный был, всякий, а было веселé и дружны́е было. Народ был дружный. Горе-то одно тогда было. Богатых не было, все рóвно жили. А теперь видите?! Ты живешь хорошо, я живу худо, уже кака-то различи я есть. Уже náрозь. Вот так от. А раньше? Вот у ей если есть, у меня нету, я пришла к ей, она мне последние поделит. Как-то вот дружлýвый народ-то был, со ю́зно жили. Делили ша. Последний кусочек поделишь. А теперь че? Как жить-то будете? А?»

А ведь это психология народа, душа его — тоска по былой общинной жизни, пусть бедной (да и бедность-то надо относить к коллективизации, когда весь уклад хозяйственный был перевернут с ног на голову, и к военно-послевоенной тяжелой поре, а до того и после того жили справно) — пусть все-таки временами бедной, но справедливой, дружной, в обрядах и обычаях красивой, «бравой» среди полноносного природного окружения. Это государственный ум: «Как жить-то будете? А?»

Записи еще теплые, сказители еще не все сошли в могилы, а чудится — огромные сроки миновали, и перед нами новая редакция «Повести временных лет», чуть прояснившей доисторические события. Всего-то двадцать, тридцать годочков тонким слоем припорошили сибирские просторы, а, окунувшись в это недавнее былое, о котором повествует Словарь, трудно отделаться от впечатления, будто вековые заносы погребли то время и то бытие и нет между ними и сегодняшней действительностью никакой родственности. Кто теперь поймет: «Счас-то рыбы нету, ее потопили...» — да ведь это нонсенс, как непременно определит образованный новожитель, а

между тем точнее о гибели рыбы в запруженных плотинами сибирских реках не скажешь.

Или того чудней старина: «...К чичасной жизни рази приверсташь? Наробота сс я, устанешь в плаху, язык выслупишь. Но к вечеру ниче, одыбашь. На вечерку бежишь (раньше-то народ в мирьбэ жил). Или стари-кам займовасся, за заплот зацепишься, на лавочку ли присядешь, потоку-ешь с имям заодня. Я с детства старико х любила. Язык у их чудненьк а й... Любила за имям ухаживать, услужить кода. Они люди-то сызвэшные, изжыты, жалостливы, пожалеют:

— Че же?! Ты без матери.

Щас-то без их неродно. И жись кака-то скучна пошла. Народ какой-то все ненастной... Друг ко дружке редко кто ходит щас. Ко мне кода Любава зайдет, а то все одна курюся. И смерть-то меня не берет. Никто-то меня не украдет. Кто ба хоть на игрушки укра й».

Вот так бы слушал и слушал, так бы пил и пил из этого глубинного самотканого источника! До чего же звучно и красиво здесь слово, как радужно оно переливается, приобнимается с другими, чтобы сказать тепло и живо, трепещет крылышками, взлетая в замысловатых формах с каких-то таинственных гнездовий, почти песенно выговаривая душу... Не станем идеализировать: срывались и у моего земляка выражения за пределами Словаря, не без того, но позволял он себе это только как бы на заднем дворе бытия, зная место и время, даже и в этом грехе отличаясь сдержанностью. Утверждаю это со знанием дела: побывал и на великих стройках коммунизма, и в гостиных столичной интеллигентной элиты. Никакого сравнения.

Что касается суеверий и языческих текстов (а их в Словаре немало) — так это не мировоззрение и не вера сибиряков XX века, а дань быломu мировоззрению, устная фольклорная традиция, из которой слова не выкинешь. У каждой реки есть старицы, отставленные в сторонку места прежних ходов и русел; обыкновенно они отдаются царству мифических существ. Подобные же духовные «старицы» сохраняются и в народе: жизнь и вера пошли своим путем, но в неизменном окружении природной обители, вместе с уцелевшими неизменными приемами труда и быта, остаются в памяти и старинные, мхом поросшие предания.

А без них свод полносушной жизни был бы и не полон. Повторюсь: Словарь этот именно свод, энциклопедия, житие и сказание сибирских окраин, которые Г. В. Афанасьева-Медведева объединила в Байкальскую Сибирь. Славное, достойное нашего поколения житие и вдохновенное, из уст этого жития, многоголосое сказание.

И богатырский подвиг Галины Афанасьевой-Медведевой, подобного которому после XIX века, кажется, не бывало. А по мере трудничества, по объемам и размаху старательства на «золотоносных» сибирских землях, вероятно, и сравнить не с чем.

Нина АРТЕМЕНКО

**«КИЙЖДО
В ЗВАНИИ,
В НЕМЖЕ ПРИЗВАН
БЫТЬ, В ТОМ
ДА ПРЕБЫВАЕТ...»**

(1 Коринф. 7:20–24)

Нина Николаевна Артеменко — музыковед-фольклорист. Родилась в Оренбурге. Закончила Ленинградскую государственную консерваторию им. Н. А. Римского-Корсакова. Работала руководителем фольклорных ансамблей п. Рапполово, Дома ученых «В Лесном», состояла певчей Церкви Казанской иконы Божией Матери г. Зеленогорска. 2001–2006 гг. — заведующая кабинетом фольклора, 2005–2010 гг. — старший преподаватель факультета музыки РГПУ им. А. И. Герцена. С 1997 г. является художественным руководителем фольклорного ансамбля «Домострой». Выпустила компакт-диски с фольклорными программами в исполнении ансамбля. **Живет в Санкт-Петербурге.**

Фольклорное движение, охватившее нашу страну в последние десятилетия, претерпело за годы своего развития значительные изменения. Вызванное поначалу неудержимым желанием молодых музыкантов попробовать свои силы в новой сфере исполнительства, движимое азартом, «а смогу ли я сам, с музыкальным образованием, петь так, как поют деревенские бабушки», это движение переросло простое увлечение народной песней. Для сотен музыкантов-любителей и специалистов в области «народоведения», как называли более ста лет назад совокупность предметов этнографии, этномузыковедения, диалектологии и др., изучение и освоение народных песенных традиций стало делом всей жизни.

Восстановление Православной Церкви и полноценной церковной жизни в 80–90-е годы прошлого века коснулось самых разных сторон культурной жизни России. В возрождающиеся храмы хлынула молодежь, люди среднего возраста, имеющие достаточно высокий социальный статус: студенчество, научные работники, творческая интеллигенция. На место «бабушек в платочках» — основного контингента прихожан в советский период — пришел пытливый, требовательный к знанию прихожанин. Этот прихожанин «хотел все знать», «здесь и сейчас»; он задавал вопросы, подчас очень непростые, неудобные. Эти новые активные прихожане, «прилепляясь к храму», образовывали костяк прихода, молодые семьи приводили на богослужения своих детей, воспитанных в атеистической системе родителей.

Для решения вставших перед Церковью задач, налаживания приходской жизни требовалась серьезная работа и новые, нестандартные подходы. Наше православное цер-

ковноначалие, понимая, что одной церковной проповеди для катехизации вновь открытых приходов и их прихожан явно недостаточно, нашло простое и верное решение: открытие воскресных школ для взрослых и детей, лекториев, катехизаторских курсов и т. п. Широкие возможности предоставлял опыт прошлых, дореволюционных лет в области церковного образования и просвещения, деятельности разнообразных просветительских учреждений. Приведем в пример так называемые «школы матерей-работниц», открытые в начале XX века в рабочих кварталах Санкт-Петербурга и Москвы по инициативе РПЦ, общественных организаций; знаменитый «Дом трудолюбия» св. праведного отца Иоанна Кронштадтского и мн. др.

Однако тесное, неформальное общение прихожан за стенами храма, которое св. прав. Иоанн Кронштадтский называл «литургией после литургии», выявило некое недостающее звено. Этим звеном, объединяющим собравшихся на богослужение людей помимо общей конфессиональной принадлежности, когда-то служила единая традиция. Мы утратили культуру совместного празднования или веселых посиделок за общей работой. Вспоминается рассказ знакомой, побывавшей на свадьбе, где молодоженами были руководители православного скаутского движения. Грустное зрелище представляла собой свадьба, на которой после двух-трех тостов люди не знали, о чем говорить и что делать. Спасли положение скромные деревенские бабушки, запевшие лирические песни своей молодости.

Чтобы понять, в чем корень настоящей проблемы нашего теперешнего разъединения, необходимо некоторое отступление.

Каждый новообращенный человек, особенно пришедший к вере в зрелые годы, очевидно, хотя бы однажды переживал моменты кризиса, искал ответы на «проклятые» вопросы: «что делать, как жить дальше?» Бросить работу музыканта, художника или врача, инженера, мешающую (якобы) выполнению христианского долга, и пойти, к примеру, мыть полы в храме?.. Вся предшествующая жизнь враз поделена на «до и после»: все, что позади, до «воцерковления», неправильно, неправославно, впереди же ожидают кардинальные перемены, духовный подвиг...

И нужно признать, что далеко не всегда русский человек оказывается способным к трезвым, взвешенным решениям. Так, среди новых православных христиан распространилось явление, принявшее в 90-е годы массовый характер: отказ от работы по специальности, от знаний, полученных в светских учебных заведениях, от карьеры в истинном смысле этого слова. «Единое на потребу» — служение Богу и Церкви — понимается буквально: любая, самая низшая должность в храме лучше работы в миру. Как следствие — люмпенизация хороших работников, хороших профессионалов, развал семей.

Мне пришлось быть свидетелем драматического развития событий в жизни людей, ушедших — в «подражание» подвигам первых христиан — от обычных семейных и общественно-трудовых обязанностей. Не могу не рассказать одну из самых печальных историй — историю жизни и кончины Н., выпускницы СПбГУКИ. С благословения священника, грозившего ей епитимьей, а в случае ослушания — и полной погибелью души, она оставила любимую работу руководителя детского хореографического ансамбля. Вместе с работой Н. потеряла и жилье, служебную комнату в коммуналке. Скитаясь по знакомым, с квартиры на квартиру, без работы и «разрешенно-

го» заработка, Н. получила благословение на венчание с «воцерковленным» человеком, который нигде не работал, пил, регулярно и жестоко избивал ее. Потеряв надежду найти работу и какое-либо сносное жилье за те гроши, которые приносило скромное ремесло (плетение веревочек для крестиков), скрываясь от смертных побоев мужа, Н., и без того слабая здоровьем, уехала в заброшенную деревню К-ой области. После одной из поездок в Санкт-Петербург (ее «веревочки» и сейчас можно купить в петербургских храмах) Н. не стало. Она умерла в больнице от молниеносной пневмонии. Несколько дней ее не могли похоронить, так как паспорт, с благословения того же священника, оказался старым, просроченным. Другая история — выпускницы библиотечного факультета, через несколько лет после воцерковления топившей книгами (литературной классикой) печь, много лет проведенной в психоневрологической клинике, — к счастью, завершилась исцелением душевным и физическим, а бывший «садовник» при храме вновь работает в сельской библиотеке.

Волна глобальной переоценки ценностей, захлестнувшая умы «ревностных не по разуму» новообращенных, вплоть до полного отрицания лучших достижений человеческой культуры, коснулась и классической музыки, литературы, театра, кинематографа. (Как это напоминает крикливые манифестации футуристов 20–30-х годов прошлого века с их лозунгами «сбросить Пушкина с корабля современности»!..) Подобные крайности, в которые впадают некоторые православные люди, обусловлены, помимо субъективных, личностных факторов, и причинами объективного характера — предшествующей оторванностью нескольких поколений от церковных и народных традиций, от традиционного уклада жизни, где был достигнут необходимый баланс между духовным и светским воспитанием и образованием, светской и духовной культурой. Замечательно писал о бывлой «симфонии», соработничестве всех созидательных национальных сил ученик и сподвижник П. Б. Струве, доктор политэкономии и богослов архимандрит Константин (Зайцев) в книге «Чудо русской истории»:

«“Симфония”, которая Царя и Церковь сливала в гармоническое единство, распространялась на все народно-государственное бытие, делая, тем самым, всю совокупность повинностных обязанностей, охватывавших население, системой послушаний, поддающихся пониманию в своей истинной сущности в свете только одного сопоставления: с монастырем! Нес ли кто тягло, нес ли кто службу, то есть выполнял ли кто повинность чисто исполнительного характера, или получал задание проявлять ту или иную форму власти, все едино: пред Богом и Царем выполнял каждый безответно свое всежизненное “послушание”, будучи движим сознанием чего-то неизмеримо большего, чем все то, что может быть выражено в терминах общественно-государственных и даже семейно-патриархальных».

Примером такого христианского послушания своему жизненному предназначению, единства «слова и дела» некогда служил традиционный крестьянский бытовой уклад. «Изучение русского быта стало общему задачею как литературы, так и всех людей мыслящих», — в решении этой задачи видел залог успешности «народного дела» один из авторов журнала «Русская беседа» за 1856 год. Много усилий приложили русские литераторы, почитатели народной культуры, пытаясь понять ее, открыть тайну ее неувыдающей красоты и поэзии.

«А тайна эта поистине огромная и, думаю я, заключается в том, что огромнейшая масса русского народа до тех пор и терпелива, и могуча в несчастиях, до тех пор молода душою, мужественно-сильна и детски кротка — словом, народ, который держит на своих плечах всех и вся, — народ, который мы любим, к которому идем за исцелением душевных мук, — до тех пор сохраняет свой могучий и кроткий тип, покуда над ним царит *власть земли*, покуда в самом корне его существования лежит *невозможность* ослушания ее *повелений*, покуда они властвуют над его умом, совестью, покуда они наполняют все его существование», — писал тончайший психолог и исследователь «аристократически-крестьянской души» и крестьянского быта Г. И. Успенский (из цикла «Власть земли»).

Столетие спустя С. В. Кузнецов в статье «Религиозно-этические взгляды крестьян на землю и труд», развивая мысль Г. И. Успенского, позднейших трудов М. М. Громыко («Мир русской деревни», «Воззрения русского народа» и др.), Н. А. Миненко («Культура русских крестьян Зауралья») и других ученых, так подытоживает свое исследование о «литургическом смысле народной традиции»: «Вера русского крестьянина в Богосотворенность мира, в то, что все происходящее осуществляется по воле Божией, но не помимо человека, сформировала его как человека, нашедшего в христианстве нравственную опору своей хозяйственной деятельности»¹.

Участники фольклорных коллективов, пришедшие к истине Православия через школу фольклорных экспедиций, опытно познавшие всю глубину христианского мирозерцания подлинных носителей фольклорных традиций, оказались перед трудным выбором. С одной стороны, как и большинству неофитов, наши знания в области фольклора стали казаться нам никому не нужным и даже душевредным отступлением. С другой стороны, совесть христианина, совесть исследователя и гражданина, наконец, требовала свидетельствовать во всеуслышание об открытой нами «правде и истине». Непростой путь воцерковления, человеческого и духовного взросления не только по-разному сказался на личных судьбах, но и неизбежно привел к переосмыслению собственного опыта общения с народной культурой². Многие из первого поколения фольклорного движения, став уже певчими, регентами церковных хоров, приняв священство, с благодарностью и трепетом вспоминают свое фольклорное прошлое.

Однако именно народная культура в наибольшей степени пострадала и страдает от несправедливых упреков и нападок. Устная, бесписьменная крестьянская культура и ранее воспринималась частью образованного общества как низшая по отношению к культуре письменной, «ученой». Один уважаемый фольклорист как-то признался мне, что «ненавидит записывать... неграмотных старух»!

Отсутствие знаний в области традиционной культуры, неприятие и непонимание ее сегодня не только не осуждается, но даже приветствуется. «Мы же, православные, не будем хороводы водить в святки, как делают язычники», — вещает от лица Церкви диктор радио. Или некий батюшка запрещает с амвона читать детям на ночь русские народные сказки, зато

¹ См. «Русские». М.: Наука, 1999.

² Сколько сомнений пришлось преодолеть, сколь они тяжелы, многие из нас испытали на себе. К счастью, в трудное для нас время поддержкой прозвучали слова Соборного послания св. апостола Павла, вынесенные в заглавие статьи.

досужие литературные редакторы православного радио предлагают детям сказочки о «Кабачатах» и т. п. собственного изготовления!

Не обоснованные знанием конкретных фактов культуры (артефактов) утверждения типа «народная песня это хорошо, а фольклор — это язычество» (с их явной тавтологией!) рассчитывают отпугнуть бедного, вконец растерянного неопита. Подобные, простите, православные «слоганы» в адрес народных традиций наводнили всяческие «церковные листки», «ведомости», теле- и радиоэфир. Это невежество, вполне извинительное, не будучи навязываемым неподготовленному зрителю/слушателю, становится настоящим бедствием при попытке ориентировать его (а по сути — дезориентировать) в сложных и неоднозначных культурных явлениях, лишает последнего мужества для формирования собственного мнения. Подозрительность ко всему новому приводит к тому, что тысячелетняя культура крещеного православного народа, вводимая в культурное пространство наших современников, ничтоже сумняшеся, выдается за собрание суеверий дикой необразованной «массы». (Чем мы лучше «классиков марксизма» — мастеров по части вешать ярлыки-страшилки!..)

У философа Мераба Мамардашвили есть сходная мысль, высказанная им в беседе «Если осмелиться быть»: «Самое парадоксальное, что именно с этого и начинается иной раз разрушение личности. На пути неуважения себя... Идеалы далеки, а я ничего не стою, и дело мое ничего не стоит. Сегодня мы часто сталкиваемся с людьми, дезорганизованными в своем сознании, с разрушенной памятью и безродно мечущейся тотальной завистью. Они не знают, чьи они, из какого рода, как жили их предки, по каким законам, какая живая сила воодушевляла то, что они делали. Они ждут... только приказа. [И верят], что если приказано, значит, возникнет, сделается, чуть ли не «по щучьему велению, по моему хотению». По словам философа, «мыслить, знать — значит поставить себя во все-связь, в традицию. Человек без нее гол. А голенький он нужен утопистам-экспериментаторам...» (из книги «Сознание и цивилизация»).

Как-то одна из прихожанок, интересуясь репертуаром ансамбля «Домострой», спросила меня: «А *духовное* вы поете?» — «Да, конечно, духовные стихи, былины поем», — ответила я. «Нет, а *духовное*?..» — вновь мечтательно прозвучал вопрос. Ну что было ответить?! — напомнить, что «Богу — богово, а кесарю — кесарево» или поговорку о «яичнице»... Этот досадный разрыв в сознании вызвал уже заметный кризис и с русским песенно-хоровым репертуаром. Не более чем курьезом представляется певческий репертуар одной из православных школ, где под рубрикой «народные песни» значится лишь одна, да и то авторская, песня «Ой, мороз, мороз»!

Наше вольное и невольное безразличие к национальному творческому наследию, безучастие к тому, что «дом наш останется пуст», поражает представителей иных культур. Книга американской журналистки Сюзанны Масси «Земля Жар-птицы», изумительная по пронзительному чувству любви к России и русскому искусству, должна бы стать настольной книгой в каждом русском доме, однако много лет пылится она на полках книжных магазинов.

Для многих представителей западной интеллигенции русская народная песня является спасением от наступающей под давлением технократической цивилизации нравственной и культурной деградации. Об этом говорит

огромная популярность во всем мире хоров русской песни — вспомним недавние гастроли в С.-Петербурге «русского народного хора» из ...Кореи, участники которого с удовольствием выступали в русских косоворотках и кокошниках. Мне близки слова признания и надежды, высказанные в интервью журналу «Виноград» (№ 4, 2006) исполнительницей русских и казачьих песен француженкой Лоранс Гийом, уже около 15 лет проживающей в России и принявшей Православие: «В русском человеке все же живет потребность в духовной пище, в самой его природе присутствует стремление к напряженному поиску Высшего смысла. И это — при всеобщем засилии пошлости, фальши и бескультурия. В том окарикатуривании жизни, которое происходит вокруг нас, я вижу знак сатаны, всегда искажающего истину, в жалкой насмешке над подлинными ценностями. Именно спасаясь от этого искажения, халтуры и фальши, я стала искать традицию, в которой растворены и подлинное искусство, и истинная духовность, и насыщенный смысл бытия. Так я пришла к [русскому] фольклору».

Увы, не только рядовые «россияне», прихожане православных храмов, но и мы сами, специалисты по фольклору, приложили руку к шельмованию нашего национального наследия. Из издания в издание кочуют цитаты о «двоеверии» народа, о «язычестве Древней Руси» (одноименная книга Б. А. Рыбакова), где авторы не озабочены корректными научными формулировками не только в отношении культурных явлений дохристианской эпохи, но и ближайшего к нам, мученического для Святой Руси, прошлого. Как будто кто-то злонамеренный решил не оставить во что бы то ни стало камня на камне от уходящей и без того народной традиции.

Но к счастью для всех нас, этот досадный разрыв (если не сказать, раскол) между светской и церковной культурой при поддержке Церкви, наших «умных сердцем» батюшек постепенно преодолевается. Последние годы принесли невиданные доселе формы представления/бытования народных традиций: с благословения православного духовенства проводятся фольклорные праздники для прихожан, молодежные танцевально-игровые вечерки при Храме Христа-Спасителя, фольклорные фестивали и праздники в Александро-Невской и Троице-Сергиевой Лаврах, в рамках культурных программ Всероссийской выставки «Православная Русь», «Пасхальный фестиваль» и мн. др. Работают кружки народного пения в воскресных школах. Православные школы, молодежные и патриотические объединения, клубы, занимающиеся исторической реконструкцией, пополняются, помимо законоучителей, организаторами, обладающими достаточными знаниями и опытом работы в области народной культуры.

Неизменный интерес вызывают публикации материалов, связанных с народным Православием. Достойную объективную оценку получает, наконец, фольклор и фольклорное движение со стороны иерархов Церкви и священства, что отражено в работе секции фольклора Рождественских религиозно-образовательных чтений Московского Патриархата. Как отметил на Историко-филологическом семинаре «Православие и фольклор», состоявшемся в ноябре 2005 года в МПГУ, протоиерей Георгий Студенов (г. Москва), «в современных условиях иногда через фольклорные представления и традиции люди открывают для себя забытый культурный мир, сформированный на православной основе». С одобрением отзывался о «кружковой работе», в т. ч. фольклорной, и об особом месте ее в сфере религиозного образования

Святейший Патриарх Алексий II в докладе на Ежегодном епархиальном собрании города Москвы, проходившем в декабре 2004 года.

Нужно признать, что отношения сотрудничества, складывающиеся между РПЦ и фольклорным движением, не всеми воспринимаются однозначно позитивно. Недавно я натолкнулась на интернет-форум «Опасность фольклорного Православия», где, как не раз уже было в нашей истории, вновь происходит подмена понятий и всерьез обсуждается опасность ...«фольклоризации Церкви». Хочется ответить участникам этого форума от лица великого множества православных фольклористов, что посягательство на чистоту Православия на Руси всегда почиталось тяжким грехом. И потому, по словам настоятеля одного из монастырей, видящего результаты творческой и просветительской деятельности российских фольклорных коллективов, «мы изучаем и пропагандируем православный фольклор», в иерархии которого православная вера, Православная Церковь всегда были на вершине пирамиды, а в основании — весь православный мир с его исторически сложившимися представлениями о Боге и Его мире.

ВЫШЛА КНИГА

Станислав Юрьевич Куняев. Библиографический указатель. Труды 1957–2008 гг.

Составитель С. С. Куняев. — М.: Наш современник, 2009. — 208 с.

Многожанровое творчество Станислава Куняева на протяжении более чем полувека — своеобразная часть культурной истории СССР и России второй половины XX и начала XXI столетия.

Поэт, переводчик, критик, историк литературы и мемуарист — Станислав Куняев почти пять десятилетий остается в эпицентре исторических, литературных и политических баталий. Его поэтическое имя завоевало заслуженную репутацию в 1960–1980-е годы, когда стихи были главным делом жизни поэта. Его критические статьи в этот же период, взрывавшие устоявшиеся взгляды, становились поводом для ожесточенных дискуссий и полемик. Его историко-литературные работы были серьезным вкладом в не проясненные и не прочитанные по-настоящему страницы литературного наследия наших классиков — от Пушкина и Лермонтова до Есенина и Клюева, Заболоцкого и Мандельштама.

Публицистика и мемуарное творчество Станислава Куняева в 90-е годы и в первое десятилетие XXI века стали своего рода пособием по изучению жизни и литературы для молодых поколений, примером патриотического служения Родине и бесстрашия духа.

Настоящая библиография работ Станислава Куняева — это не просто свод сухих библиографических справок, но летопись времени, история борьбы за русскую культуру и русское самосознание, борьбы, которая вселяет надежду на грядущее возрождение Родины.

СТАНИСЛАВ ЮРЬЕВИЧ КУНЯЕВ

Библиографический указатель

Труды 1957–2008 гг.

Виктор ЗАХАРЧЕНКО

СЛОВО ОБ АЛЕКСЕЕ МЕЛЕХОВЕ И ЕГО ПЕСНЯХ

*К 200-летию
Кубанского
казачьего хора*

Виктор Гаврилович Захарченко — родился в 1938 году в станице Дядьковской Кореновского района Краснодарского края. Генеральный директор — художественный руководитель ГНТУ «Кубанский казачий хор», народный артист России, Украины, Республики Адыгея и Республики Абхазия, лауреат Государственной премии России, доктор искусствоведения, профессор, композитор. Имеет множество государственных, международных, церковных наград. **Живет в Краснодаре.**

*Помните, что Отечество земное
с его Церковью есть преддверие
Отечества небесного, потому лю-
бите его горячо и будьте готовы
душу свою за него положить, что-
бы наследовать жизнь вечную.*

Святой праведный
Иоанн Кронштадтский

Вам, дорогие поклонники Кубанского казачьего хора, любящим казачьи песни и народное творчество, истинным родинолюбцам и гражданам России, сердечно радеющим о благе и процветании нашего родного Отечества, адресуется новый диск Кубанского казачьего хора с архивными записями «“Никто, кроме нас”. Песни Алексея Мелехова».

Мое знакомство с Алексеем Мелеховым состоялось осенью 1992 года в г. Омске на I Всероссийском фестивале русской культуры «Душа России». В нем приняли участие многие известные исполнители и концертные коллективы страны. Достаточно назвать имена великой русской певицы Людмилы Зыкиной, замечательного певца Бориса Штокколова, известного русского баса из Австралии Александра Шахматова, оркестр русских народных инструментов им. Осипова, Театр народной драмы г. Иркутска, Кубанский казачий хор и многих других. Открылся фестиваль большим гала-концертом, который стал настоящим праздником русской культуры. Каждого исполнителя зрители встречали очень тепло.

Но вот где-то уже к концу концерта на сцену, под шум несколько удивленной публики, вышел с аккордеоном в руках нико-

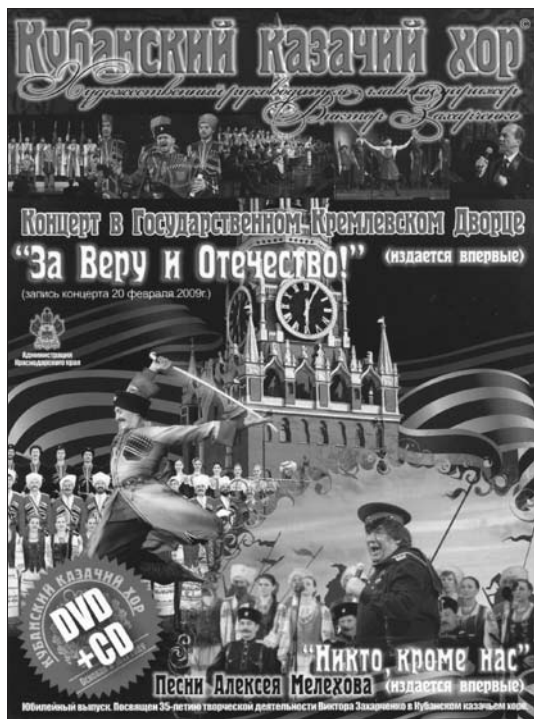
му не известный, очень колоритный, чубатый донской казак станицы Вешенской Алексей Мелехов — автор и исполнитель собственных песен. Ну, прямо-таки, ни дать, ни взять, — герой шолоховского романа «Тихий Дон»! Алексей очень тихо и таинственно под собственный аккомпанемент начал петь свою песню «Никто, кроме нас». Легкий зрительский шум сразу затих и все погрузилось в слушание. Каждое слово, каждый звук его хрипловатого задушевного голоса завораживал слушателей, задевая за что-то самое-самое сокровенное. Затем в интонации его голоса появилось душевное напряжение, которое поднялось до драматизма такой неимоверной силы, что зал буквально оцепенел. Многие, не стесняясь, начали плакать, а я, испытав трудно описуемое духовное потрясение, просто рыдал. И было отчего. Вот о чем с такой пронзительной болью пел потомственный казак:

*Пусто в глазах. Ругань в устах.
Все клянем мы дом да место отчее.
Тупо глядим за океан
И продать всем душу очень хочется.
Ты эмигрант. Он эмигрант.
Сколько вас таких? Вы уезжаете.
Ты ведь не рад. Слезы блестят.
На кого Россию оставляет?*

*А в России снова холода.
А в Россию ломится беда.
А в России снова гололед.
Никто, кроме нас, никто, кроме нас,
Россию не поймет.
Никто, кроме нас, никто, кроме нас,
Россию не спасет.*

*О, Святая Русь, о, родная Русь
Как спасти тебя — нам стало главное!
Я сейчас боюсь, плачу и молюсь
За тебя, Россия православная.
Господи, спаси, живущих на Руси!
Было столько бед, но ты спасенная!
Русская земля, Родина моя,
Никогда не будешь преклоненная!*

Выступление Алексея Мелехова произвело на слушателей эффект внезапно разорвавшейся бомбы. Потрясенный зал в едином духовном порыве встал. Шквал аплодисментов в адрес певца не смолкал долго-долго. Такого грандиозного, поистине триумфального успеха и народного признания мне никогда, ни до ни после, видеть не приходилось. После концерта я подошел к Алексею, поздравил его с огромным

успехом, а он сразу же мне: «Спасибо! Для меня это огромная честь. Я так люблю ваш хор, восхищаюсь им и мечтаю когда-нибудь спеть вместе. Вот это была бы силища!» Я почувствовал в нем очень близкую мне родственную душу и с радостью согласился. Уже на следующий день Алексей пел вместе с Кубанским хором.

Вскоре Алексей приехал в Краснодар. Мы разучили его песни: «Никто, кроме нас», «Православная братия», «Думай, атаман», «И опять в поход», «За какие грехи?», «Кума», дали несколько концертов в Краснодаре и кубанских станицах, а затем, вместе с А. Мелеховым, поехали в Волгоград на фестиваль каза-

чей песни. Каждому нашему совместному выступлению сопутствовал такой же успех.

В Волгограде после исполнения песни «Никто, кроме нас» на сцену поднялся контр-адмирал Черноморского флота Александр Александрович Пенкин. Под оглушающий рев зрителей он вручил Алексею Мелехову свою личную морскую тельняшку и сказал: «По своей адмиральской должности я не имею права плакать. Но когда я услышал эту песню — у меня потекли слезы. Говорю об этом, не стесняясь. Уверен, что именно такими песнями будет спасена Россия. И я очень хочу, чтобы эту песню услышали мои севастопольцы, переживающие сейчас очень трудные времена и не мыслящие себя без России...»¹

Знаменательно, что в октябре 1991 года на 35-м году жизни был застрелен талантливый русский поэт, певец и композитор Игорь Тальков. Его обличительные духовно-патриотические песни «Россия», «Родина моя», «Господа-демократы», «Бывший подъесаул», «Бал сатаны» и другие больно задевали недругов православной России, а сам он становился не просто кумиром молодежи, а национальным героем. Гибель Талькова стала тяжелой утратой в российской духовной жизни и борьбе. Но его идейное песенное знамя по Промыслу Божьему подхватил и достойно понес донской казак Алексей Мелехов.

¹ Газета «Кубанские новости», 17 марта 1994 года.

Господь Бог дал ему множество талантов: поэта, композитора, певца, пианиста... К этим художественным талантам Алексею был дан еще один, особенный: талант Гражданина своего Отечества! Когда-то Н. А. Некрасов написал: «Поэтом можешь ты не быть, но гражданином быть обязан!» Создавать искусство ради искусства, конечно, хорошо. Но всякий истинно великий национальный художник является одновременно гражданином своего Отечества. Все в одном лице, в одном человеке! Он сам сочинял стихи и музыку песен. И сам, под собственный аккомпанемент (аккордеона или фортепиано) блестяще исполнял свои песни. Вот уж, действительно, кому дано!

Большие таланты и настоящие народные герои, как правило, появляются в нужный исторический момент и в нужном месте. Алексей Мелехов не стал исключением из этого правила. Его многогранный талант был востребован в лихое время трагического распада СССР, новой российской смуты, социально-политических потрясений, приватизации, ваучеризации, дефолта, двух чеченских войн, возрождающегося в муках и тяжелых противоречиях российского казачества и т. д. Песни Алексея Мелехова являются ярким художественным документом истории нашего государства.

На этом диске представлена лишь малая часть огромного песенного наследия Алексея Андреевича Мелехова. Им написана не одна сотня песен. Однако, в ранние годы своего творчества он писал песни исключительно на стихи других поэтов. Своих стихов он не писал, понимая, что настоящая поэзия — это не простая забава, а высокая ответственность, и для их сочинения нужен особый дар. Но когда в России, по словам Алексея, началось «время новое, бестолковое», принесшее боль и страдания миллионам наших соотечественников, и душа Алексея все больше и больше переполнялась тревожными чувствами и мыслями о судьбе России, казачества и народа, тогда стихи у него начали вдруг рождаться сами собой. Боль народная стала его личной болью. Так родились песни «Никто, кроме нас», «Русскою деревнею зовется», «Думай, атаман», «За какие грехи?», произведения социально-политической сатиры «Гуляет село», «Процесс пошел» и другие. Песенные стихи у Мелехова шли из самого сердца:

*Побывайте хоть раз в чисто русских селеньях!
Посмотрите хоть раз, как живут старики,
Умываясь в слезах, смерть прося на коленях.
За какие дела? За какие грехи?*

*Над Россией густая пелена,
Черный ворон небо застил снова.
Лихо в пропасть катится страна,
Будто нету ничего святого.
Устоять! Не сбиться, дай-то Бог,
Казакам и батьке-атаману!*

*Пусть в России будет сто дорог,
Но одна из них — дорога к Храму.*

В тяжелое, смутное для родины время Алексей не мог оставаться в стороне. Не раз он брал свой аккордеон и добирался «на перекладных» прямо в Чечню на фронт, чтобы спеть там для наших молодых ребят. Своими песнями, проникнутыми любовью к Отечеству, он поднимал их боевой дух, укреплял веру.

После показательного жестокого расстрела «Белого Дома» в октябре 1993 года и гибели многих его защитников у него родилась песня «Православная братия».

*Браво, мы дождались,
Браво, новая жизнь.
Браво, чуть-чуть подрались
Крови чуть-чуть напились.*

*Вроде — в России живем,
Вроде — мы строим «наш дом».
Толку от этих идей?
Только стреляем в детей.*

*Мы в себя не поверили,
Не успев и пожить.
Всех нас учит Америка,
Как Россию любить.
Сатанинскими бреднями
Разжигают уста.
За пятнадцать серебряных
Вновь распяли Христа!*

*Браво, вот так и живем!
Черным сегодняшним днем.
Стала такою страна,
В каждом из нас сатана!
Боже! Не дай нам сгореть!
Сколько России терпеть?!
Только решать это нам.
Слово мое к казакам:
Православная братия,
Господа-казаки,
Вся Россия распятая —
Это наши грехи!*

*Храбро дрались в двенадцатом —
Нас Давыдов воспел.
Вот за это в семнадцатом*

*Повели на расстрел.
Не дай Бог, тот семнадцатый
Повторится расстрел...*

Алексей писал свои песни для людей. Он адресовал их народу, казакам. Хотел, чтобы они дошли до них. Но ему были перекрыты все центральные каналы радио и телевидения, большие концертные площадки. Его выстраданные духовно-патриотические и социальные сатирические песни, словно мощные российские колокольные звоны, будили народ от духовной спячки, отрезвляли его.

Мелехов не был ни с коммунистами, ни с «господами-демократами». Он всегда был со своим народом, с казаками, Россией. Он верил, что «Русская земля, Родина моя, никогда не будет преклоненная!» Но эти его убеждения и вызывали ненависть и злобу у всех ненавистников и расчленителей единой и великой нашей матушки—России. Многие родинолюбцы опасались за жизнь Алексея, за то, чтобы его не постигла участь талантливого русского поэта, композитора, певца и патриота России Игоря Талькова. Я торопил его записать свои песни, чтобы они не канули в Лету, а остались в памяти народной, ибо песни Алексея Мелехова есть достояние народа. В разные времена российской истории, в суровые годы бед и лихолетий, когда решалась судьба нашего Отечества, только в вере отцов, только в сыновней любви к Родине, отраженной в патриотических песнях, народ черпал духовную силу, мужество и обретал непоборимую, несокрушимую стойкость в защите Отечества.

Алексей Андреевич большую часть своей жизни прожил в г. Чехове Калининградской области. Он мучительно переживал свою оторванность от родных мест, станицы Вешенской и родного Дона. С чувством глубокой обиды говорил мне: «Земляки мои, к сожалению, меня не поняли». И, может быть, поэтому он с радостью, словно на крыльях, прилетал на Кубань, пел с Кубанским хором в станицах края, восхищался замечательными народными песнями моей родной станицы Дядьковской. Всем сердцем и душой он прикипел к Кубани и Кубанскому хору. Ему Алексей посвятил свою прекрасную песню «Край казачий мой и Кубанский хор».

*Мне бы сбрую добрую да коня,
А дорога долгая у меня.
На путях-дороженьках с давних пор
Край казачий мой и Кубанский хор!*

*Казаки Кубани, как водится,
На земле живут, Богу молятся
И Россию чтут православную,
Чарку если пьют, то заздравную.*

Припев:
*Песенный край в сердце моем,
Как на алтарь души кладем.
Песня моя — радость и боль!
Ты для меня — жизнь и любовь!*

*Ты ж таким остался, казак лихой,
С гордою осанкой, орел степной.
Все пройдет. Но сбудутся те слова:
Жив казак, а значит — и Русь жива!*

*А какие песни в станицах здесь!
Все не переслушаешь, их не счесть.
И с утра до вечера день-деньской
Слушаю в станице их в Дядьковской.*

Кубанцы восторженно принимали каждое выступление А. Мелехова. 9 октября 1997 года, в канун празднования 185-летия Кубанского хора постановлением губернатора Краснодарского края Н. И. Кондратенко Мелехову Алексею Андреевичу было присвоено почетное звание «Заслуженный артист Кубани».

В октябре 2007 года на VII Кубанском международном фестивале православного кино поэт и композитор Алексей Мелехов был награжден Дипломом I степени за музыку к фильму С. Роженцева «Живи и веруй».

Песни Алексея Мелехова, представленные на этом диске, были записаны в Центре народной культуры Кубани (ныне ГНТУ «Кубанский казачий хор») в апреле 1996 года. Звукозаписи проводили не в специальной студии, а в репетиционном классе Кубанского хора. С хором удалось записать лишь семь песен. Остальные Алексей исполнил под собственный аккомпанемент на фортепиано. В будущем мы надеялись все его песни записать с хором, а с этими звукозаписями решили выпустить аудиокассету «Песни Алексея Мелехова». Они очень тогда нужны были людям. Но... судьба распорядилась совсем иначе.

5 сентября 1996 года при переходе через улицу меня сбила машина. С переломом бедра я очень долго лежал в больнице. Мне сделали множество операций. Несколько лет ходил на костылях, потом — с палкой. По этой роковой и другим причинам нашим совместным творческим планам с А. Мелеховым исполниться было не суждено.

25 июля 2007 года на 62-м году жизни скончался верный сын России, казачий полковник, национальный русский поэт, композитор и певец Алексей Андреевич Мелехов. Года за три до своей кончины он позвонил мне и совершенно обессилевшим голосом сообщил горестную весть: «Недавно я похоронил своего сына Андрея. Он очень долго болел и страдал...» Эта тяжелая утрата окончательно сломила его.

Похоронили Алексея Андреевича в городе Багратионовске Калининградской области, согласно его завещанию, рядом с могилой сына.

Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексий II, обращаясь к артистам Кубанского казачьего хора 1 сентября 2007 года в Донском монастыре, сказал: «Совмещая духовную музыку с патриотическими песнями, вы великое дело делаете, чтобы укреплять могущество, силу и веру нашего народа в свое будущее». Эти слова в полной мере относятся и к Алексею Мелехову. Он действительно великое дело делал.

Когда я переслушивал его духовно-патриотические песни, мне пришли на память бессмертные пушкинские строки:

*Нет, весь я не умру — душа в заветной лире
Мой прах переживет и тленья убежит —
И славен буду я, доколь в подлунном мире
Жив будет хоть один пиит.*

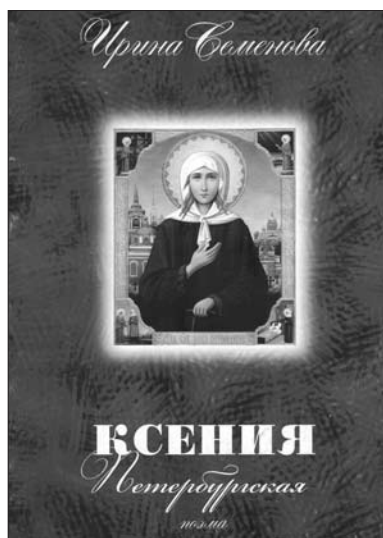
Дорогие поклонники Кубанского хора, дорогие родинюльбы! Я очень верю, что глубоко сердечной, заветной лире Алексея Мелехова, обращенной к нам, гражданам великой и страждущей России, суждена долгая жизнь. Будем и мы, вместе с Алексеем Мелеховым, убежденно верить в то, что «Никто, кроме нас, Россию не спасет». Ради этого стоит жить и умереть.

ВЫШЛА КНИГА

Семенова И. С. Ксения Петербургская. Поэма. — Орел, Издательство «Вешние воды», 2008. — 48 с.

Ирина Семеновна Семенова родилась в Волоколамске Московской области. В Орле живет с 1961 года. Училась на факультете искусствования в Ленинградском институте им. Репина. Первое литературное признание получила в 1982 году после XXII Всесоюзного фестиваля молодой поэзии в Москве. Дважды награждена Почетными грамотами Союза писателей России, администрации и Совета народных депутатов Орловской области (1999). Лауреат всероссийских литературных премий им. А. А. Фета (1995), им. А. Твардовского (2002), международной премии им. Э. Володина «Имперская культура» (2008) и премии «Вешние воды» (2005). Член-корреспондент Академии поэзии. Член Союза писателей России.

Новая поэма «Ксения Петербургская» была удостоена особой Всероссийской литературной премии святого Александра Невского за 2006 год (Санкт-Петербург).

В 2011 году выдающемуся явлению русской духовной культуры — Государственному академическому ордену Дружбы народов Кубанскому казачьему хору — исполняется 200 лет.

В ИХ ПЕСНЯХ — МОЩЬ РОССИИ

*К 200-летию
Кубанского
казачьего хора*

На Покрова Пресвятой Богородицы 14 октября 1811 года в Екатеринодаре стараниями духовного просветителя Кубани протоиерея Кирилла Россинского при Войсковом соборе из числа талантливых в музыкальном отношении казаков и казачат были созданы певческий хор, а затем и оркестр. Коллектив под руководством просвещенных регентов не только сопровождал церковную службу, но и пел на праздниках строевые, исторические, лирические казачьи песни, в светских концертах исполнял лучшие образцы русской классической музыки вплоть до симфонии П. И. Чайковского «1812 год», имея свой профессиональный симфонический оркестр. По существу, хор заложил основы музыкальной культуры всего юга России.

И вот минуло двести лет. Подумать только: песни, которые и сегодня в репертуаре Кубанского казачьего хора, слушали лихие станичники, участники Бородинского сражения. Пение хора воодушевляло героев Шипки, пластунов-кубанцев, которые в 1877–1878 годах освобождали Болгарию. Песенным искусством кубанцев восхищались многие выдающиеся россияне, в том числе и российские самодержцы — Александр II, Александр III, Николай II.

За двухвековую историю у коллектива были и бурные взлеты, и периоды упадка. Более того — в годы «расказачивания» хор вообще был упразднен, а хористы и музыканты под страхом революционного трибунала были распущены по до-

Выступление Кубанского казачьего хора. Дирижирует В. Г. Захарченко

мам. Репрессирован и казнен в 1937 году последний регент хора и первый художественный руководитель возрожденного уже в советское время коллектива — Григорий Митрофанович Концевич. Но дело его продолжили потомки.

Сегодняшние творческие достижения коллектива неразрывно связаны с именем его художественного руководителя и главного дирижера, народного артиста России, Украины, Республик Адыгея и Абхазия, лауреата Государственной премии России, профессора, композитора Виктора Захарченко. Государственный академический ордена Дружбы народов Кубанский казачий хор признан жемчужиной мировой культуры. Как самых дорогих гостей встречают кубанских артистов в России и на Украине, в Белоруссии и Сербии, Италии и Болгарии, Канаде и Китае, Мексике и Гватемале...

Когда поет Кубанский хор, явственно ощущаешь необъятную мощь России, бездонную, неисчерпаемую силу российской земли. И тебя охватывает неопиcуемый восторг оттого, что ты — частица этого великого сообщества, имя которому — русский народ, вобравший в себя и сибирскую ширь, и казацкую удаль.

Коллектив хора внес немалый вклад в возрождение кубанского казачества. Недаром Виктор Захарченко, потомственный запорожский казак, — ка-

заций полковник. В его обработке песня времен Первой мировой войны «Ты, Кубань, ты наша Родина!», обладающая фантастическим объединяющим духом, стала официальным гимном Краснодарского края. Голос хора навсегда ассоциируется теперь с многомиллионным народом Кубани. Недаром Кубанский казачий хор причислен краевым Законом к особо ценным объектам культурного достояния Краснодарского края в области традиционной народной культуры. Коллектив стал настоящим брендом России на различных международных форумах, вносит немалый вклад в создание привлекательного инвестиционного имиджа.

2011 год для старейшего казачьего профессионального коллектива — юбилейный. Эта дата так велика и значительна, что артисты во главе с Виктором Захарченко уже давно живут по особому графику. Ведь это историческое событие — праздник для всей России. Юбилейные концерты хора объявлены в городах и станицах Кубани, в крупных городах и селах России.

*Наталья Пугина,
заслуженный журналист Кубани и Республики Адыгея*

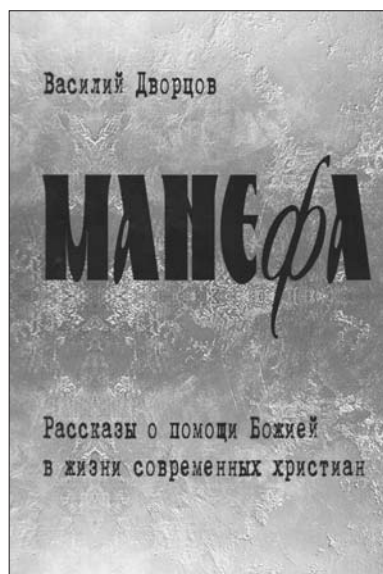
КВШЛА КНИГА

Василий Дворцов. Манефа. — М., «Ковчег», 2011. — 320 с.

Дворцов Василий Владимирович автор романов, сборников рассказов, пьес, стихов. А так же сотен публицистических статей на религиозные, национальные, политические, социальные и культурологические темы. Лауреат различных литературных премий. Секретарь Союза писателей России.

За долгие годы творческой жизни художник поставил множество спектаклей в театрах по всему СССР, включая столичные.

Около 20 лет Василий Владимирович реставрировал и расписывал интерьеры церквей и монастырей. Последней работой стал монастырь, по непонятным причинам сгоревший дотла сразу после окончания отделки. Под впечатлением от случившегося Дворцов прекращает писать иконы и обращается к писательству. В Краснодаре автор презентовал сборник православных повестей «Манефа».

Пути ПОЗНАНИЯ

Архиепископ
Курганский
и Шадринский
КОНСТАНТИН
(ГОРЯНОВ)

**БОГ — МИР —
ЧЕЛОВЕК**

*Основоположники
и смыслы русской
религиозной философии
и антропологии*

1. Святоотеческая традиция и западная философия, как основные источники русской философской мысли XIX–XX веков

Размышления над проблемой соотношения Бога и мира во всех его проявлениях, христианской аскезы и творческого процесса в русской богословской и философской мысли расширили и углубили, по сути, трудный русский путь к истине. Русская философская мысль XIX–XX веков много способствовала в рамках русской культурной традиции религиозно-философскому осмыслению как самой «тайны человека», так и возможности и значения созидательного творчества в жизни человека, доказала, что и здесь основной мерой является Православие.

Архиепископ Курганский и Шадринский **Константин (Горянов)** — родился в ауле Кэнессы Джамбульской обл. Казахстана. В 1974 г. окончил лечебный факультет Винницкого мед. института и работал участковым врачом, затем ст. врачом бригады интенсивной терапии. В 1981 г. защитил кандидатскую диссертацию. В 1983 г. поступил в МДС, продолжал заниматься мед. практикой. В 1986 г. пострижен в монашество, рукоположен во иеродиакона, во иеромонаха. Окончив МДА, получил степень кандидата богословия. В 1990 г. возведен в сан игумена, зачислен в братию Жировицкого монастыря, затем назначен ректором МинДС и возведен в сан архимандрита. В 1991 г. хиротонисан во епископа Новогрудского, викария Минской епархии. В 1996 г. назначен ректором СПбДАиС с титулом «епископ Тихвинский, викарий Санкт-Петербургской епархии». С 1999 г. профессор, зав. кафедрой богословских дисциплин. В 2003 г. возведен в сан архиепископа. Член Синодальной богословской комиссии, редколлегии «Богословских трудов», член нескольких академий (РАЕН, АПОБ и др.). Ныне правящий архиерей Курганской епархии.

*Владимир Сергеевич Соловьёв.
Художник Ю. Селиверстов*

Не легким было это, кажется, очевидное доказательство, наверное, потому, что отечественная философия (как научная дисциплина со свойственными ей методологией, систематикой и пр.) с тех пор, как впервые возникли ее проблески в XVIII веке, в течение долгого времени влачила несамостоятельное существование. Однако и заимствованное учение определяющего влияния на русскую философию в результате не оказало. Русские чрезвычайно поверхностно усвоили чуждую им философию французского Просвещения; мы не знаем ни одного сколько-нибудь заметного мыслителя этого направления. Также и русское вольтерьянство XVIII века, и русский мистицизм XIX века представляли собой привозные, неорганические явления.

Обозревая состояние русской философии до Владимира Соловьёва, Л. М. Лопатин,

редактор журнала «Вопросы философии и психологии», считает, что «ее главным недостатком было полное отсутствие оригинальности, самобытного умозрительного творчества, которое выразилось бы в литературной форме и привело бы к определенным и систематическим результатам»¹. В начале русская философия, в европейском понятии этого слова, только повторяла известные положения западноевропейских философов. К тому же наши философы были последователями второстепенными, подчеркивает тот же автор. Между этими разнообразными, извне навешанными направлениями наибольшей самостоятельностью отличались славянофилы.

В начале XX века начинается великий процесс освобождения русского богословия от западного схоластического плена, возврат к святоотеческому наследию, а в монастырях к старчеству. Как пишет Н. О. Лосский: «Православие в его русской форме содержит исключительно высокие ценности. Эти достоинства нетрудно обнаружить в эстетической стороне культа Русской Православной Церкви. Было бы странно, если бы такая высокая культура не породила ничего оригинального в сфере философии... Русская философия начала развиваться только в XIX веке, когда Русское государство уже имело тысячелетнюю историю».²

¹ Лопатин Л. М. Философское мирозерцание В. С. Соловьёва // *Вопр. философии и психологии*. М., 1901, кн. 56 /I/. С. 45–46.

² Лосский Н. О. *История Русской философии*. М.: Академический Проект, 2007. С. 4–5.

Славянофилы первыми выразили внутренний синтез русского народного духа и религиозного опыта Восточной Церкви. Н. Бердяев следующим образом начинает изложение теории познания и метафизики А. С. Хомякова, наиболее известного и значительного представителя славянофильского направления в философии: «Они преодолели германский идеализм и западную отвлеченную философию верой в то, что духовная жизнь России рождает из своих недр высшее постижение сущего, высшую, органическую форму философствования. Первые интуиции этой философии родились в душе Киреевского. Хомяков же был самым сильным ее диалектиком»¹. Но в то же время и западную культуру славянофилы освоили в полном объеме, прежде всего учение Шеллинга (1775—1854). Так, по словам председателя «Общества любомудрия» князя

*Алексей Степанович Хомяков
Художник Ю. Селиверстов*

В. Ф. Одоевского: «В начале XIX века Шеллинг был тем же, чем Христофор Колумб в XV-м, — он открыл человеку неизвестную часть его мира, о котором существовали какие-то баснословные предания, — его душу»².

На примере немецкой классической философии отцы славянофильства А. С. Хомяков и И. В. Киреевский убедились в односторонней недостаточности рационализма. Для Хомякова личность, чтобы раскрыть себя в полноте и силе, должна быть связана с церковью. Для обозначения сущности духовного единства людей в Церкви Хомяков впервые в истории Русской философии использовал понятие «Соборность» взятое им из Православного Символа Веры. Соборный характер предполагает единство во множестве. И в то же время несение личной ответственности перед Богом.

В философии Шеллинга И. В. Киреевский выделяет сторону, которая показывает несостоятельность рационального мышления. «Убедившись в ограниченности самомышления и в необходимости Божественного Откровения, хранящегося в Предании, и вместе с тем в необходимости живой веры как высшей разумности и существенной стихийности познавания, Шеллинг не обратился к христианству, но перешел к нему естественно, вследствие глубокого и правильного развития своего человеческого самосознания...

¹ Бердяев Н. А. С. Хомяков. М., 1912. С. 116.

² Цит. по: Флоровский Г., *прот.* Пути русского богословия. 3-е изд. Париж, ИМКА, 1983. С. 236.

Николай Александрович Бердяев
Художник Ю. Селиверстов

Шеллинг же по своей врожденной гениальности и по необычайному развитию своего философского глубокомыслия принадлежал к числу тех существ, которые рождаются не веками, а тысячелетиями¹, — с восторгом писал Киреевский.

Переход, который совершил Шеллинг от рационализма к «философии откровения», воскрешавшей предания немецкой мистики, лишил философа его прежнего влияния в Германии. Но именно благодаря этому переходу Шеллинг стал учителем религиозно-философской мысли в России. Это Шеллинг положил начало той традиционной оценке «кризиса западной философии», которую, вслед за Киреевским и Хомяковым, воспроизвел в своей юношеской диссертации Соловьев. Было еще одно обстоятельство, способствовавшее укреплению связей шеллингизма с русской культурой: ни один из классиков немецкой философии не относился к России с таким интересом и с такой любовью. Шеллинг предрекал нашей стране великое будущее. Князь В. Ф. Одоевский под свежим впечатлением разговора с Шеллингом записал: «Шеллинг стар, а то верно бы перешел в Православную Церковь»².

Шеллинг учил, что познание Бога в Его бытии, а через Него и реального бытия вообще возможно только через веру. Только в вере открывается нам действительность Бога, только через нее возможно положительное познание, положительная философия, тогда как в современной ему философии (Гегеля особенно) отрицательная мысль имеет дело не с действительностью, а с чистыми возможностями, — абстракциями. В этом, считал Шеллинг, роковой недостаток гегельянства, которое на место действительности Бога и мира подставляет бледную тень того и другого — отвлеченное понятие. Этому ложному рационализму своего времени Шеллинг противопоставляет свою *философию откровения*, которая должна быть синтезом веры и знания. Именно Шеллинг положил в основу своей философии откровения то самое требование «целостности жизни», в религиозном значении этого слова, которое впоследствии превратилось у славянофилов в особенность русского в отличие от западного.

Философия славянофилов не была систематической, а носила в значительной степени полемический характер, опровергая немецкий (в основном

¹ Киреевский И. В. О необходимости и возможности новых начал для философии // Избр. статьи. С. 270.

² Цит. по: Гулыга А. В. Философское наследие Шеллинга / Шеллинг Ф. В. Й. Сочинения в 2 т. Т. I. М., 1987. С. 37.

кантовский) тип философствования. Это осуществлялось на основе русского восприятия христианства, опирающегося на сочинения Отцов Восточной Церкви и возникшего, как результат национальной самобытности духовной жизни.

Учение о личности очень существенно для славянофильства. Будучи убежденными и стойкими защитниками свободы в жизни личности, славянофилы боролись с тем «отъединением» личности, с той ее изоляцией, которая расширяла и преувеличивала ее силы, закрепляла ее погруженность в себя и неизменно должна была заканчиваться самоуверенностью и гордостью. Смирение для славянофилов, глубоко и сознательно религиозных, было условием расцвета и роста личности, и отсюда раскрывалась перспектива для понимания одного из глубочайших духовных различий между христианским Востоком и Западом. Восстановление внутренней целостности для славянофилов неотделимо от включения себя в надиндивидуальное единство Церкви, тогда как расцвет личности на Западе неизбежно сопровождается отделением одной личности от всех.

В своих антропологических суждениях Киреевский вскрывает различие внешнего и внутреннего человека. Согласно со святоотеческим учением он видит истинный центр человеческого существа в его внутренней духовной сфере, тогда как душевная сторона представляет лишь внешнее эмпирическое проявление его внутренней глубинной основы. Причиной этого деления служит грех, который затемнил содержание ценностей духовного центра, поэтому только борьбой с греховными склонностями достигается господство духа, чем и восстанавливается целостность человеческого существа. Но достижение внутренней целостности требует внутренней борьбы с внешним греховным эмпирическим началом и лишь в результате длительных упорных усилий восстанавливается целостность первозданного единства человеческой личности.

Конечно, славянофильство очень сложно, особенно если излагать его как «систему», чем оно собственно не было¹. Религиозный интерес и вера как источник знания — вот что связывает всех славянофилов; в остальных вопросах у них нет согласия и расхождение весьма значительно. В славянофилах мы

*Иван Васильевич Киреевский.
Художник Ю. Селиверстов*

¹ Лосев А. Русская философия // Век XX и мир. 1988, № 2. С. 37.

видим живых носителей православной культуры — их жизнь, их личность отмечены тем же, что в просветленном и законченном виде они раскрывали в Православии. Сила славянофилов заключалась именно в этом. Они, как живое раскрытие творческих сил русской жизни, «может быть, более ценны, — полагает протоиерей Василий Зеньковский, — чем их идеологические построения, в которых много было случайного и неудачного»¹.

2. Христианская антропология на защите Православия.

Наиболее ярко эти «силы русской жизни» проявились в творчестве Владимира Соловьева и Виктора Несмелова. Они представляют собой противоположные подходы к решению антропологических задач, чем также интересны. По многим положениям не составило бы большого труда рас-

*Сергей Николаевич Булгаков.
Художник Ю. Селиверстов*

критиковать этих исследователей за использование неотточенного богословского инструментария в их философских теориях. Ученые были неосторожными и давали для этого достаточно поводов, особенно увлекающийся В. Соловьев. Но, главное, что в результате длительной работы у автора представленной статьи сложилась уверенность в наличии глубокой веры у Владимира Соловьева и Виктора Несмелова, веры, проявляющей себя в делах; возникло личное убеждение в праведности их намерений. Они, каждый по-своему, пытались донести Христа к сознанию окаменевших сердцем современников, не желавших слушать голоса Церкви, пытались говорить с ними на их языке, учитывая в первую очередь настроение, психологию и владеющую умами очередную философскую моду.

В начале XX века профессор Московской Духовной академии С. Глаголев, обращаясь к студентам со вступительной лекцией, доказывал, что «глубокая и чистая вера простых русских людей поконит на таком зыбком фундаменте религиозного невежества, что нельзя быть совер-

¹ Зеньковский В., *прот.* Русские мыслители и Европа: Критика европейской культуры у русских мыслителей. Париж, 1955. С. 72.

шенно беззаботным относительно будущих судеб Православия в России»¹. Что же касается интеллигенции, то говорить о полном ее безбожии С. Глаголев считает преувеличенным, «но несомненно, что русское образованное общество есть наименее религиозное из всех образованных обществ в мире. Нигде религия и образование не разошлись так далеко между собою, как в России»². Свидетельство С. Глаголева не единичное. Религиозные журналы пестрят заголовками о безбожии интеллигенции. Профессор С. Н. Булгаков по возвращении из заграничной поездки был поражен контрастом между русской и западной религиозностью.

Необычная ситуация сложилась и в русских духовных школах с конца XIX века. С. Глаголев отмечал: «Я считаю несомненным два факта: 1) что ни в одно высшее заведение земного шара не поступают студенты с лучшей подготовкою и, в общем, лучшего состава, чем в русские духовные академии, и 2) что ни в одну высшую школу не поступают с такою неохотою, как в наши академии»³. В церковной печати обсуждались даже проекты, как сделать для семинаристов физически невозможным поступление в университеты, и как насильно вербовать в пастыри людей, вовсе не желающих ими быть⁴. Многие семинаристы становились атеистами и даже вступали на путь вооруженной борьбы, начиная с револьверных выстрелов в своих учителей и ректоров, особенно во время революции 1905 года.

Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексий I в своей речи на открытие Ленинградской Духовной академии в 1946 году по этому поводу говорил: «Духовная школа постепенно беднела религиозным духом, и только отдельные личности сохраняли в душе истинно церковное, религиозное настроение; большинство же учащихся было проникнуто мирским светским духом... И потому же и в среде учащихся духовных школ и высших, и особенно средних, попадались люди даже не верующие... Мы, однако, должны позаботиться избежать тех ошибок и уклонений, которые, в сущности, и привели к тому, что, не без особого действия Промысла Божия, на некоторое время закрылись двери духовной школы как бы для того, чтобы дать нам время думать, что именно требуется от духовной школы и ее деятелей, и чего она должна избежать, дабы ей быть подлинно школой духовной»⁵.

Итак, в изучаемый период ситуация в России сложилась следующая: русские богословские школы и наука находились на мировом уровне, но духовенство не имело влияния на интеллигенцию. Настроение русского «образованного класса» было таково, что он в подавляющей своей массе не желал слушать голоса пастырей Церкви. Церкви было что дать, народ не желал брать. Это явление сложное и имеет свою предысторию и причины. Вкратце их проясняют слова Преосвященного Алексия, епископа Чистопольского, Ректора Казанской Духовной академии. «Человек до того возгордился сво-

¹ Глаголев С. Задачи русской богословской школы // Богословский вестник, 1905. Т. 3. С. 422.

² Там же. С. 422–423.

³ Глаголев С. Задачи русской богословской школы // Богословский вестник, 1905. Т. 3. С. 412.

⁴ Церковный вестник. 1905. № 5.

⁵ Алексий, Патриарх Московский и всея Руси. Речь на акте Ленинградской Духовной академии 14 октября 1946 г. // Журнал Московской Патриархии, 1946. № 10. С. 26–28.

ими научными победами и открытиями, до того забылся и обезумел, что забыл Бога, перестал носить и иметь Его в своем разуме. Вместо Бога гордый и надменный человек захотел поставить себя, свой разум: славу нетленного Бога изменил в образ, подобный тленному человеку, и стал человек кланяться твари, то есть себе же, вместо Творца...»¹

Это началось с середины XIX века с проникновением в Россию западного материализма. О роли, которую играла в 60-х годах XIX века русская журналистика, красноречиво свидетельствует следующее высказывание архиепископа Никанора: «Первым и главным проводником вольных мыслей была тогдашняя светская литература, которая вся повально поражена была болезнью, по меньшей мере, открытой безрелигиозности»². В России самым ярким пропагандистом безрелигиозности, наследником идей Фейербаха, был Н. Г. Чернышевский (1828—1889), сын протоиерея. Социализируя антропологию, он проводил мысль, что человек не сотворен по образу Божию, а возник вместе с животными и развивается по общим с ними законам природы. Бывший семинарист потерял всякое чувство меры, утверждая, что между человеком и животными имеются только количественные различия. Очень забавными и «нелепо-возвышенными» кажутся Чернышевскому идеалистические речи об отсутствии у животных самосознания, которое, якобы, присуще только человеку³.

Первым в полемику с писателем, длившуюся не один год, вступил профессор Киевской Духовной академии П. Д. Юркевич (1827—1874), который опубликовал статью «Из науки о человеческом духе», представлявшую собой подробное, по пунктам, опровержение взглядов Чернышевского. При этом Юркевич подчеркнул, «что науки богословские особенно нуждаются в точных психологических наблюдениях и верных теориях душевной жизни»⁴. Началась длительная и массовая травля Юркевича на страницах русских газет и журналов и в итоге, следует признать, что в глазах общественного мнения «полемика» закончилась поражением академического богословия⁵. «Оборачиваясь назад, к фактам минувшего, — писал критик А. Волынский, — нельзя не видеть, что, несмотря на всю свою правоту, на громадное превосходство знаний, философское дарование, несмотря на несомненную важность всех его строго научных аргументов, Юркевич не мог выйти из спора с Чернышевским победителем во мнении прогрессивного русского общества. В воздухе носились тогда иные идеи, более понятные ординарной толпе. Волна материализма, лившаяся из Европы, хлестала через голову...»⁶. В беспощадном оглушающем вале накатывающегося атеизма гибли многие русские души.

¹ *Алексий, епископ. Мысли и думы при прощании с девятнадцатым веком* // Православный собеседник, 1901. Ч. 1, январь. С. 1—2.

² *Никанор, архиепископ Херсонский и Одесский. О значении семинарского образования* // Странник, 1890. Т. 2. С. 42.

³ *Чернышевский Н. Г. Антропологический принцип в философии* // Избранные философские сочинения. М.: Госполитиздат, 1951. Т. 3. С. 239—240.

⁴ *Юркевич П. Д. Из науки о человеческом духе* // Труды Киевской Духовной академии, 1860. Кн. 4. С. 376.

⁵ *Лучшева З. А. Передовая русская общественная мысль в борьбе против идеализма и религии в 60-х годах XIX в.* / Социально-философские аспекты критики религии. Л.: Изд. ГМИРиА, 1983. С. 124.

⁶ *Волынский А. Л. Русские критики.* СПб., 1896. С. 291.

Итак, исходным пунктом, с которого разворачивалась атеистическая критика идеи Бога, было материалистическое учение о человеке. Достигалось это популяризацией последних научных достижений через школы, массовую литературу, публичные чтения, журналы, энциклопедические издания, а после и «народные университеты». Это был общеевропейский процесс, но в России он приобрел самые дикие формы. Наука превращалась в религию, в «церковь». Происхождение религии объяснялось чисто натуралистически.

Предвзятыми, поверхностными, но в литературном отношении безупречными и убедительными научными статьями общество было загипнотизировано. Этим «популярным книгам и блестящим статьям Академии ответили толстыми фолиантами книг и журналов с расплывчатыми или размеренными периодами. Но кто их читал, кроме церковных людей? Кому они достались в пищу?!»¹ «Духовные академии — эти первые очаги и достойные светочи церковно-религиозной мысли, гг. профессора — эти незабвенные учителя кротости и христианского подвижничества, сокрыты были и скрываются для широкого освещения русского общества»².

Выдающийся церковный иерарх митрополит Антоний (Храповицкий) тогда же писал: «Мы далеки от обольщения в том, будто общество жаждет света, ищет Бога, ищет нравственного обновления, будто его отделяют от Церкви только недоразумения и взаимное непонимание... Напротив, стремление слиться с обществом охватило много духовных лиц, особенно в столицах, даже свыше желаемой меры, и что же? Попытка оказалась самой неудачной. Отцы либеральничали, а их осмеивали либеральные журналисты и называли институтками; отцы сентиментальничают, а их аудитории пустуют; отцы вдаются в смелый рационализм, а их слушатели в религиозно-философском обществе не могут взять в толк, о чем они собственно говорят. В 1890 году построили в Петербурге, а впоследствии в Москве и Киеве огромные прекрасные залы для богословско-философских лекций интеллигентному обществу. И что же? Так и не могли устроить этих лекций при наличности академических корпораций, сотен законоучителей и пр. пришлось усаживать на стулья зала старушек в платках и чуйке и читать

Митрополит Антоний (Храповицкий)

¹ Антонов Н. Р., свящ. Русские светские богословы и их религиозно-общественное мирозерцание. СПб., 1912. Т. I. С. XXXV.

² Там же. С. XXIV.

им житие свт. Николая либо описание Соловецкого монастыря... И, что особенно важно, чем более академии удаляются от своей старой церковной жизни, чем более стараются принять обличие жизни университетской, тем далее становятся они от общества, тем не способнее понять его и быть понятыми с его стороны. Отрицатели и скептики от них брезгливо сторонятся»¹.

Только гениальный Владимир Соловьев, обладая высочайшими литературными дарованиями, феноменальной эрудицией и бесстрашным характером, сумел организовать отпор этому антирелигиозному валу, начиная с громких публичных лекций именно о Богочеловечестве. Он оказал большое влияние в организации знаменитого журнала «Вопросы философии и психологии» (1889—1918) и школы русской философии. Этот журнал и функционировавшее при нем «Московское психологическое общество» в значительной степени переменяли настроение русской интеллигенции.

Ярким проявлением общественного служения московских профессоров-идеалистов было издание сборника «Проблемы идеализма». Богословские журналы, несмотря на их высокий уровень, в частности «Вера и Разум», «Богословский Вестник», к сожалению, не проникали в широкие светские круги.

Н. Бердяев писал, что особо печальным явлением интеллигенции является упорное нежелание знакомиться с зачатками русской философии. «В стороне стоит довольно крупная фигура Чичерина, у которого многому можно было бы поучиться. Потом Козлов, кн. С. Трубецкой, Лопатин, Н. Лосский, наконец, мало известный В. Несмелов — самое глубокое явление, порожденное оторванной и далекой интеллигентскому сердцу почвой духовных академий»².

Поскольку атеизм наступал с позиций антропологии (дарвинизм, материалистически истолкованный позитивизм), то и новая богословская аргументация в защиту идеи Бога начинается с религиозной антропологии.

Религиозно-философская антропология видит в человеке прежде всего существо нравственное, в рамках традиции, четко выраженной еще Кантом. Антропологическая проблематика в конце XIX — начале XX века приобрела значение необходимого и важного элемента теоретических построений русских православных богословов. Виктору Несмелову в своем двухтомном фундаментальном труде удалось систематизировать проблемы христианской антропологии в рамках православного богословия. Это отражено в заголовках двух томов: «Опыт психологической истории и критики основных вопросов жизни» и «Метафизика жизни и христианское откровение», вышедшие в Казани в нач. XX века. В «Науке о человеке» В. Несмелов исследовал историческое изменение предмета философии и пришел к выводу о том, что человека интересует не мир в его данности, но собственное положение человека в этом мире, знание о самом себе. Поэтому философия должна стать «специальной наукой о человеке — не как о зоологическом экземпляре, а как о носителе разумных основ и выразителе идеальных целей жизни»³.

В. Несмелов, соглашаясь с Кантом, среди главных философских вопросов называет три вопроса: «Что есть человек? Как он должен жить? На что

¹ Антоний (Храповицкий), митрополит. В каком направлении должен быть разработан Устав Духовных академий? // Собрание сочинений. Т. 1. М.: ДАРЪ, 2007. С. 946—947.

² Бердяев Н. Философская истина и интеллигентская правда // Вехи. 5-е изд. М., 1910. С. 18.

³ Несмелов В. Наука о человеке. Казань, 1905, Т. 1. С. 305.

человек смеет надеяться?» На пути решения этих вопросов, считает В. Несмелов, мы приходим к познанию своих отношений к безусловному бытию Бога, а философия становится христианско-антропологической. Для этого Несмелов разработал новую теодицею, антропологическое доказательство бытия Бога. Все предшествующие варианты доказательства, по его мнению, были недостаточными, поскольку связаны с поисками Бога в объективном мире, а не в мире духовно-человеческом. «Мир не подобен Богу и ничего божественного в себе не заключает, а потому он гораздо скорее может закрывать собою Бога, нежели открывать Его. Но в чувственных пределах материального мира существует еще и другой мир — духовный мир самого человека, и если вещественный мир обнаруживает одну только слепую необходимость своих механических явлений, то в сверхчувственном мире человеческой личности прямо и положительно открывается разумное царство свободы и мысли. По законам этого духовного царства возникает у человека идея Бога, и в этом царстве она, несомненно, имеет реальную силу, потому что вызывает собою живую совокупность религиозно-нравственных стремлений человека»¹.

В. Несмелов не оставляет без внимания ни одного вопроса, имеющего отношение к христианскому решению проблемы человека. Он считает, что наиглавнейшей идеей антропологии является идея спасения, синтезирующая, по его мнению, онтологические (космические) и социальные аспекты проблемы человека.

Противоречие между ограниченным бытием человека и образом безусловного бытия в нем является главным, основополагающим в учении Несмелова. Согласно этому, все остальные противоречия в жизни людей возникают от стремления осуществить идеальный образ безусловного бытия в границах условного мира. Для самого человека на любом этапе истории неосуществим выход из этих противоречий. Только свободно отдавшись Богу, подчинив свою жизнь требованиям религиозной морали, человек обретает надежду достигнуть потерянной в результате грехопадения целостности.

3. Историческая роль и мировое значение русского религиозно-философского наследия

На рубеже XIX—XX веков русская религиозно-философская антропология благодаря Несмелову стояла выше современной ей западноевропейской науки. Русские философы и богословы, благодаря свободному доступу литературы и личным контактам быстро усваивали наиболее ценные достижения различных школ и направлений. «Русские персоналисты конца XIX — начала XX века предвосхитили ряд идей современного персонализма»². Идеи русских персоналистов, обострив проблему личности, оказали общее влияние на развитие всей русской религиозно-философской мысли в XX веке.

В это же время и на Западе особенно возрастает интерес христианских мыслителей к антропологии. Философия жизни Дильтея и феноменология Гуссерля явились фундаментом для создания того течения в немецкой философии начала XX века, которое стало называться «философской антропологией»

¹ Несмелов В. Наука о человеке. Казань, 1905, Т. 1. С. 349.

² Фирсова Л. В. Персонализм в системе русского идеализма конца XIX — начала XX в. // Вестник Моск. ун-та, сер. 7, Философия. 1988. № 5. С. 32.

(в узком смысле этого слова). Она возникла в русле происходившего тогда общего для европейской философской мысли «антропологического поворота».

Основатели «философской антропологии» выдвинули в философии на первый план проблему человека и пытались воссоздать целостное учение о человеке путем переработки и синтеза данных конкретных наук о человеке. Предпосылкой возникновения философской антропологии и выделения ее в особую дисциплину был кризис и разобщенность традиционных представлений о человеке. Основоположником этого направления признан Макс Шелер (1874–1928), которому принадлежит знаменитый труд «*Die Stellung des Menschen im Kosmos*. München, 1927». Он видел главную цель в выяснении структуры человека и раскрытии его сущности, то есть в прямом ответе на вопрос: «Что есть человек?» Эта задача и ныне остается фундаментальной проблемой философской антропологии. Трудности ответа на главный антропологический вопрос Шелер усматривал также в том методологическом хаосе, который образовался вокруг проблемы человека. В этой связи он писал: «Существуют естественно-научная, философская и теологическая антропологии, которые не интересуются друг другом, единой же идеи человека у нас нет. Специальные науки, занимающиеся человеком и все возрастающие в своем числе, скорее скрывают сущность человека, чем раскрывают ее. И если принять во внимание, что названные три круга идей ныне повсюду подорваны, в особенности совершенно подорвано дарвинистское решение проблемы происхождения человека, то можно сказать, что еще никогда в истории человек не становился настолько проблематичным для себя, как в настоящее время»¹.

К сожалению, приходится отметить, что Шелер не был знаком с антропологической системой В. Несмелова. Впрочем, игнорирование русских философов, богословов, ученых — это характерная черта западных исследователей. В лучшем случае о русском богословии и философии они судят по Соловьеву и Бердяеву. У Шелера человек как существо противостоит миру, окружающей среде. Только человек может относиться принципиально аскетически к своей жизни. «По сравнению с животным, которое всегда говорит “да” действительному бытию, даже если пугается и бежит, человек — это “тот, кто может сказать нет”, “аскет жизни”, вечный протестант против всякой только действительности»². Человек никогда не успокаивается на окружающей действительности, всегда стремится прорвать пределы своего здесь-и-теперь-так-бытия, в том числе и наличную действительность собственного Я.

В этом принципиальном положении, на наш взгляд, существует аналогия между утверждением Шелера и положениями философской антропологии «загадки о человеке» В. Несмелова. Однако Несмелов об этом писал на четверть века раньше.

В последнее время в протестантизме, в основном благодаря трудам выдающегося теолога Карла Барта (1886–1968), а также в Православии получил распространение христоцентрический подход к проблемам религиозной антропологии. Идея Карла Барта состоит в том, что богословское обоснование смысла человеческого существования можно искать только в Завете, отличается единым христоцентрическим подходом и потому позволяет по-

¹ Шелер М. Положение человека в космосе // Проблема человека в западной философии. М.: Прогресс, 1988. С. 31–32.

² Там же. С. 65.

строить системную богословскую антропологию. В силу этого само творение понимается в первую очередь в его антропологическом измерении и значении. «Такая христианская откровенная антропология, как называет ее иеромонах Анастасий Евтич, — значительно выше и шире, чем антропоцентрическая и теоцентрическая антропологии; первая рассматривает человека из самого человека, а вторая — рассматривает человека из Бога»¹. В такой «откровенной антропологии» человек, как хриstopодобное существо, принимается за существо не замкнутое в себя самого и в свою природу, ни в одного только Бога; мерилом человека и его духовной жизни является Христос Богочеловек.

Со второй половины XX века, главным образом на Западе, религиозно-философская антропология, а затем и богословская антропология (конец XX — начало XXI века) переживает расцвет, хотя, разумеется, не все там бесспорно. Богословская антропология рассматривается как раздел апологетики.

В России после революции этот раздел богословия и философии практически остался на прежнем уровне. Однако в начале XX века русская религиозно-философская мысль в этом направлении на несколько десятилетий опережала западную. Таким образом, мы обладаем ценным наследием, которое до настоящего времени не потеряло своей актуальности.

Среди русских исследователей середины XX века святоотеческой, то есть в подлинном смысле христианской антропологии, исключительное место занимает фундаментальный труд профессора Свято-Сергиевского Православного богословского института в Париже архимандрита Киприана (Керна) «Антропология святого Григория Паламы» первого по четырнадцатый век, является систематическим Православным учением о человеке.

Противоречия в человеке глубоки и серьезны. С одной стороны, он способен на невероятные научные достижения, включая такие вещи, как космические полеты и гигантский скачок в информатике и медицине. Но совершая такие огромные прорывы в сфере управления физическим миром, человек в то же время демонстрирует неспособность управлять самим собой. Слова, сказанные апостолом Павлом две тысячи лет назад: «Не понимаю, что делаю: потому что не то делаю, что хочу, а что ненавижу, то делаю» (Рим. 7: 15), — эти слова актуальны по сей и грядущие дни. С одной стороны, человек кажется почти богом, способным достичь звезд, но с другой стороны, он кажется дьяволом, способным на такую жестокость, какой не встретишь в животном мире. Приходят на ум слова, что человек может быть либо лучше животного, либо хуже животного. Понимание человеком самого себя достигло критической точки и требует самого серьезного изучения и самой внимательной работы мысли.

Архимандрит Киприан (Керн)

¹ *Атанасије (Јевтић), иером.* Духовни живот: Витен из православие антропологије. — Београд, 1985. С. 53. От. из: Богословле. 1985, св. 1–2.

Дмитрий ЛИТВИНЕНКО СЛУЖЕНИЕ БОГУ И НАРОДУ

*К 20-летию
архиерейской хиротонии
Высокопреосвященного
Константина,
архиепископа Курганского
и Шадринского*

Дмитрий Андреевич Литвиненко — родился в 1954 году в Кургане. Окончил филологический факультет Курганского государственного педагогического института, очную аспирантуру Института психологии АН СССР (по специальности «Социальная психология, социология и психология личности»). Автор более 30 научных публикаций, награжден Бронзовой медалью ВДНХ СССР. Работал практическим психологом на предприятиях оборонного комплекса, старшим преподавателем Курганского государственного университета. Является и.о. главного редактора издания Курганской епархии «Православная газета», заведующим отделом экономики, политики и права газеты «Курган и курганцы». **Живет в Кургане.**

Имя Высокопреосвященного Константина, архиепископа Курганского и Шадринского — архиерея, видного богослова, крупного православного педагога, широко известно в Русской Православной Церкви и в светском обществе. Призванный на служение в рубежное для России время конца XX — начала XXI века, архиепископ Константин внес достойный вклад, который еще предстоит оценить, в дело возрождения и укрепления православной веры на славянских землях — России и Белоруссии.

Жестокий и разрушительный XX век по Божией воле завершился для нашего народа истинным чудом — возможностью открытого и свободного пути к Богу. Но возможность эта была оплачена кровью тысяч новомучеников и исповедников российских, ставших жертвами в годы богоборческих гонений. Среди них прадед архиепископа Константина — замечательный полковой священник Стефан Щербаковский. Героически он нес свое служение рядом с воинами 11-го стрелкового полка на полях трагической для нашего Отечества Русско-японской войны, был ранен, впоследствии зверски замучен в подвалах одесской ЧК.

Сказано Тертуллианом: «Кровь мучеников является семенем Церкви». Это семя ко времени 1000-летия Крещения Руси (1988) явно проросло и поднялось. Но нужны еще были добрые и мудрые пастыри, способные в новых условиях повести народ к обретению веры. По Божиему Промыслу Русскую Православную Церковь в этот сложный период возглавит выдающийся церковный деятель — Святейший Патриарх Алексий II, ставший учителем для Владыки Константина. Среди многих и многих славных деяний Святейшего Патриарха во славу Русской Православной Церкви и нашего Отечества

ва — возрождение и развитие системы Духовных школ (семинарий и академий) в России. Патриарх прекрасно понимал, что без достаточного числа хорошо подготовленных священников подлинное возрождение Православия в стране невозможно. Поэтому предметом особой заботы Патриарха стали Духовные школы, их укрепление и развитие. На этом многотрудном пути младшим сподвижником и соратником Святейшего Патриарха стал архиепископ Константин, возглавлявший в течение шести лет вновь открытую Минскую Духовную семинарию, а затем по благословению Святейшего Патриарха двенадцать лет Владыка Константин являлся ректором Санкт-Петербургской Православной Духовной академии и семинарии. Годы его ректорства — время расцвета этих школ, когда возросший уровень богословского образования и духовное просвещение будущих батюшек стали единым целым.

В юбилейные дни, даже, вернее, в юбилейный год, в марте которого Владыка Константин отметил свое 60-летие, а в июне отмечает 20-летие архиерейской хиротонии, особый смысл имеет рассказ о жизненном пути и пастырском служении Высокопреосвященного Константина, архиепископа Курганского и Шадринского (в миру — Олега Александровича Горянова).

НАЧАЛО ПУТИ

Биография Владыки связана с обширной географией ныне уже не существующей страны — СССР. Он родился в южном Казахстане 23 марта 1951 года. Архиепископ рассказывает: «Мой отец, Александр Никитич, во время Отечественной войны был призван из Одесского медучилища и служил военфельдшером, спасал и лечил раненых, участник героической обороны Одессы. Отец скупно вспоминал, как при отступлении к Сталинграду санитарный пункт всегда переносил поближе к передовой, чтобы быстрее было доставлять раненых, оказывать первую помощь. За сутки боя из двадцати санитаров у него оставалось в живых один-два человека. Отец тоже был ранен: потерял глаз, оказалась перебита нога в суставе. После комиссования его направили в Казахстан. Там у него как у фельдшера была под опекой огромная территория. Дали лошадь, винтовку, проводника. И отец ездил от аула к аулу, от стойбища к стойбищу — лечил казахов. После войны отец окончил Одесский медицинский институт. До войны он не мог получить высшее образование, так как, будучи сыном священника, считался сыном «врага народа». За отличную учебу получал Сталинскую стипендию, по ночам дежурил на скорой помощи и так содержал семью».

Родовые корни Владыки по отцовской линии — священнические. Прадед, о котором мы уже вспоминали, служил полковым священником, участвовал в Русско-японской войне. Владыка показывает бережно хранимую семейную реликвию — газету «Одесский листок» за 1904 год, где рассказывается о подвиге русских воинов 11-го стрелкового полка в бою при Тюренчене, после которого в живых из состава полка осталось только 15 человек. На одном из рисунков — полковой священник с крестом ведет солдат: «Вперед, за Царя и Отечество!» Помолчав, Владыка тихо добавляет: «Вот корни, гены...» В 1918 году священника Стефана Щербаковского расстреляют в подвалах одесской ЧК.

Дед Владыки Константина — Никита Васильевич — стал диаконом в 1932 году, был рукоположен митрополитом Одесским Анатолием (Грисюком), священномучеником, причисленным к лику Российских новомучеников. В ту пору, когда уже вовсю шли богоборческие гонения и репрессии, принятие сана было шагом мужества и самопожертвования. Дед был репрессирован, с 37-го по 39-й находился в заключении и в данлаге на Дальнем Востоке. Владыка говорит: «Деда освободили через два года. Его спасло то, что его посадили не по политической, а по административной 81-й статье. Когда храм, где он служил, пришли закрывать и конфисковать церковное имущество — дед оказал достойное сопротивление. За это его и посадили. Когда он возвратился из лагеря домой, то из-за обезображивающих голодных отеков его не сразу узнали даже родные. Зеки-уголовники забирали его пайку, и деда-диакона от голодной смерти в ссылке спасал только прекрасный голос. Репрессии не сломали веру деда: в 1944 году в Одессе его рукополагают во священника». По материнской линии предки Владыки — крепкие крестьяне. Мать — Мария Федоровна — трудилась медицинской сестрой и в строгости воспитывала сына и дочь.

В рассказе о детстве будущего архиерея можно было бы ожидать слов о раннем приходе к вере, посещениях храма, выученных молитвах... Нет, ничего этого не было. Владыка вспоминает, что только бабушка пыталась потихоньку научить молитве «Отче наш». В остальном — обыкновенное советское детство, когда родители, хорошо понимая, в каком обществе они живут, уберегали сына от религии. Зато о родовой вере жестоко напоминали в ильинской школе, где Олега, зная о деде-священнике, прозвали «попом», и немало издевались. Даже учительница нередко беспричинно била его по руке ребром деревянной метровой линейки, и во всем, что ни происходило плохого в школе, обвиняли Олега. Родители вынуждены были переехать в другое село и в новой школе ничего не говорить о священнических корнях. Но первые уроки столкновения с реальностью были получены. Впереди их будет еще немало.

Олег любил учиться. И читать. Любознательность его не знала границ. Любимое чтение: знаменитая Советская энциклопедия, все десять томов которой были прочитаны им от корки до корки. Стремление к системным, энциклопедическим знаниям, приобретаемым сколь настойчиво, столь и легко, проявилось уже в детстве, когда книга была всегда рядом — на расстоянии вытянутой руки. «Проглатывалась» не только научно-популярная литература, но и приключенческая, столь любимая советскими мальчишками: Купер, Майн Рид, Марк Твен, Джек Лондон, Жюль Верн и др. Причем не отдельные произведения, а собрания сочинений — том за два-три дня.

После окончания школы Олег Горянов решает поступать в медицинский институт. Выбор не случайный: во-первых, повлияла медицинская семья с традициями высоких представлений о профессии врача; во-вторых, стремление к естественным наукам; в-третьих, что особенно важно, понимание того, что медицина — это милосердие, помощь конкретным людям. Врач и священник — служения близкие. В русских дореволюционных Духовных семинариях дополнительно давалась медицинская подготовка, чтобы будущие священники, особенно в сельской местности, могли оказать не только духовную, но и медицинскую помощь. Из стен семинарий вышли выдающиеся русские ученые-физиологи: Сеченов, Бехтерев, Павлов. Владыка

Константин прекрасно сумел соединить медицинское и богословское образование, что легло в основу его духовной и научно-педагогической деятельности.

Перед поступлением в медицинский институт год будущий пастырь работает на электромеханическом заводе слесарем. Владыка тепло вспоминает это время: «Именно здесь, на заводе, в рабочем коллективе я получил незаменимые уроки трудолюбия и ответственного отношения ко всему, что ты делаешь. Лучше стал понимать жизнь простых рабочих людей, это мне очень пригодилось в жизни». В Винницком медицинском институте студент Горянов не только успешно учится, но и активно занимается научной работой под руководством доцента, капитана 2-го ранга Николая Никифоровича Самойлова, выпускника Ленинградской военно-медицинской академии. Последовательная, систематическая научно-исследовательская работа принесла свои результаты: к моменту окончания института были собраны и подготовлены необходимые материалы для кандидатской диссертации. Казалось бы, прямой путь в науку, в аспирантуру, но, надо знать советские времена, выпускника Горянова, не проявившего никакого интереса к комсомольской и профсоюзной деятельности, в институте не оставляют. Получив диплом, он работает врачом на скорой помощи, в бригаде интенсивной терапии, которая выезжает на самые тяжелые случаи.

Но вернемся к студенческой поре. Владыка Константин рассказывает: «К вере я пришел в институте через занятия наукой и чтение русской классики и религиозно-философской литературы, которая досталась мне от деда, дяди — рано умершего семинариста Павла и моей тети — инокини Маргариты (Горяновой). Как ни парадоксально, свою роль сыграл научный атеизм и другие дисциплины этого ряда. Чем настойчивее «доказывали» отсутствие Бога, тем сильнее было стремление к вере. Я очень серьезно занимался наукой, понял, что жизнь не могла возникнуть сама собой. А формула Энгельса, что “жизнь есть форма существования белковых тел” — не выдерживает серьезной научной критики. Никаких романтических потрясений, озарений, видений у меня не было, а был хороший духовник протоиерей Петр Попов, настоятель Иоанно-Богословской церкви в Виннице».

Приход к Богу — всегда тайна. И не мне, грешному, рассуждать о духовном опыте Владыки. Скажу лишь, что в советское время, с его мощным идеологическим атеистическим прессом, сверхжесткими социальными и политическими условиями, требовались глубокая вера и огромное мужество для открытого прихода к Богу. Сейчас даже трудно себе представить, что только сам факт посещения храма мог стоить человеку карьеры, сломать и его судьбу, и жизнь его семьи.

Теперь представьте ситуацию: врача скорой помощи Олега Горянова приглашают на преподавательскую работу в Брянский педагогический институт, где кафедру медподготовки возглавляет его учитель, уже профессор, Н. Н. Самойлов. Это был выдающийся человек, достигший научных высот, но даже в то время не вступивший в партию. Вскоре Олег Александрович Горянов блестяще защищает кандидатскую диссертацию в Смоленском медицинском институте, становится старшим преподавателем кафедры медподготовки Брянского пединститута. Для молодого перспективного преподавателя и ученого открываются все пути-дороги. Но вместо этого он оставляет научно-педагогическую карьеру и уезжает неведомо куда...

Владыка Константин вспоминает о том времени: «Когда я принял решение поступать в Духовную семинарию, то знал и понимал, что такое решение, тем более для кандидата медицинских наук, чревато многими негативными последствиями, вплоть до объявления тебя диссидентом, сумасшедшим с последующими преследованиями. Я понял, что с “корабля на бал” попасть не удастся. Нужно было “сбить” статус, если хотите, запутать следы... И я оставил медицинскую карьеру. Пришлось часто менять место жительства и работу. Работал на железной дороге, сколачивал ящики, а когда меня и там “вычислили”, то трудился сучкорубом на лесоповале. И только после этого митрополит Минский и Белорусский Филарет решил взять меня ночным сторожем в Жировицкий монастырь в Белоруссии, а затем дать мне рекомендацию для поступления в Московскую Духовную семинарию. Наличие такой рекомендации было обязательным, без нее даже не принимали документы».

МОСКОВСКИЕ ДУХОВНЫЕ ШКОЛЫ: ПОД ПОКРОВОМ ПРЕСВЯТОЙ БОГОРОДИЦЫ (1983–1990)

В 1983 году будущий архиерей стал студентом Московской Духовной семинарии.

80-е годы прошлого века — время расцвета Московских Духовных школ, которые тогда возглавлял епископ Дмитровский Александр (Тимофеев). Преподавали блестящие профессора, стали приглашаться и светские преподаватели из ведущих московских вузов. Царила особая атмосфера некоего духовного приуготовления к грядущим переменам в жизни Русской Православной Церкви. Происходят изменения и в социальном составе студентов. Среди них становилось все больше выпускников светских вузов, в том числе МГУ. Это были достаточно зрелые люди с глубокой верой и активной жизненной позицией, искренне стремящиеся к служению Богу и людям. Никакой пресловутой «бурсы»: открытое обсуждение самых сложных вопросов при одновременном строгом постижении труднейших богословских дисциплин.

Олега Горянова принимают сразу на 2-й курс семинарии. Его группа состояла из студентов, уже имеющих высшее светское образование. Владыка вспоминает: «Я любил учиться. Любимое время: утро, когда с пяти часов утра после братского молебна до начала занятий, можно многое было прочитать и постичь». Четырехгодичный курс семинарии он окончил за два года и сразу поступил в Московскую Духовную академию. Во время учебы будущий архиерей нес различные послушания, включая и врачебную практику. С любовью и старанием исполнял обязанности экскурсовода в церковно-археологическом кабинете. Все годы учебы в академии за отличную успеваемость являлся патриаршим стипендиатом. Будучи студентом, был награжден медалями преподобного Сергия Радонежского II и I степени, орденом Александрийской Церкви апостола Марка, Наперсным крестом.

Особая сторона студенческой жизни — общение с монахами, старцами Троице-Сергиевой Лавры. Оно, как вспоминает Владыка, было благодатным и неоценимо полезным в духовном становлении и последующем архиерейском служении. Сокровенные, глубокие духовные беседы велись в монашеских кельях, где будущие священнослужители всегда были желан-

ными гостями. На первом курсе академии, 14 апреля 1986 года, будущий Владыка принимает монашеский постриг с именем в честь Святого Благоверного Князя Константина Муромского — день памяти 3 июня, и в этот же день — празднование Владимирской иконы Божией Матери. В этом же году на Пасху он был рукоположен в сан иеродиакона, а на Вознесение — во иеромонаха в академическом храме Покрова Пресвятой Богородицы. Так с первых шагов и в дальнейшем, кажется промыслительно, происходило духовное, научное и служебное становление и возрастание будущего архиепископа под Покровом Пресвятой Богородицы. Ее образ освящал самые важные, поворотные этапы пути Владыки Константина, Ее Покров как будто простирался надо всем многотрудным путем священнического служения православного пастыря.

После блестящего окончания академии будущий архиепископ был оставлен профессорским стипендиатом и преподавал в семинарии Священное Писание Ветхого Завета. Защитил диссертацию на степень кандидата богословия по теме «Русская религиозно-философская антропология на рубеже XIX—XX веков: В. С. Соловьев и В. И. Несмелов». Владыка открыл для России и осмыслил труды незаслуженно забытого крупнейшего русского религиозного философа и богослова Виктора Ивановича Несмелова (1863—1937).

Научная карьера блестящего православного богослова должна была продолжиться в Швейцарии, в Цюрихе, где находится крупнейший мировой центр изучения Библии. Но Господь рассудил иначе. В марте 1990 года иеромонах Константин был возведен в сан игумена и решением Священного Синода направлен ректором возрожденной Минской Духовной семинарии.

РЕКТОРСКОЕ СЛУЖЕНИЕ У ЖИРОВИЦКОЙ ИКОНЫ БОЖИЕЙ МАТЕРИ (1990—1996)

Минская Духовная семинария открылась после длительного перерыва (второй раз она была закрыта в 1963 году). На белорусской земле молодому ректору возрождающейся Духовной школы пришлось все начинать с нуля. В Жировицком монастыре, где находится Минская семинария, приходилось добиваться, несмотря на сильнейшее сопротивление местного начальства, передачи семинарского корпуса. Налаживать, причем на самом высоком уровне, преподавательскую и научно-методическую деятельность в семинарии. А время было сложное — начало 90-х годов. Возрождение Православия в Белоруссии, как и в России, протекало в условиях хозяйственной разрухи, экономического хаоса и организационной неразберихи, вследствие политического кризиса и развала СССР в 1991 году. Любой, даже самый небольшой, вопрос требовал от ректора максимума энергии и настойчивости. Шесть лет ректор не был в отпуске, ежедневно решал самые различные вопросы — от хозяйственных до организации учебного процесса. Но с Божией помощью, трудами и молитвами Владыки Константина пред чудотворным образом Жировицкой иконы Божией Матери все ключевые вопросы, связанные со становлением и развитием Минской Духовной семинарии, были успешно решены. За шесть лет ректорства Владыки семинария стала одной из лучших Духовных школ Русской Православной Церкви. Древний чудотворный образ Жировицкой иконы Божией Матери, не единожды чудесным путем возвращавшийся в свою родную обитель — Жиро-

*В день архиерейской хиротонии архимандрита Константина (Горянова).
На фото: Патриарх Алексий II, митрополит Минский Филарет
и архиереи, принимавшие участие в хиротонии. 16 июня 1991 г.*

вицкий мужской монастырь, способствовал победе Православия в вековой борьбе против унии и латинства в западнорусском крае. Символично, что вблизи этого вырезанного в камне чудотворного, благодатного в помощи образа в сентябре 1990 года игумен Константин был возведен в сан архимандрита, а 16 июня 1991 года Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексий II вместе с архиереями Белорусского Экзархата совершил в Успенском соборе Жировицкого монастыря хиротонию (посвящение) во епископа Новогрудского, викария Минской епархии. В 1992 году была возрождена древняя Новогрудская епархия, основанная в 1317 году, и к ректорским обязанностям Владыки присоединились труды управляющего епархией с титулом епископ Новогрудский и Лидский. За время служения епископа Константина в Белоруссии семинарию два раза с Первосвятительским визитом посетил Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексий II. За труды по возрождению Минской Духовной семинарии и Новогрудской епархии Владыка был награжден Патриархом Алексием орденом Святого Благоверного Князя Даниила Московского II степени.

У ЧУДОТВОРНОГО ОБРАЗА ЦАРСКОСЕЛЬСКОЙ ИКОНЫ БОЖИЕЙ МАТЕРИ «ЗНАМЕНИЕ» (1996–2008)

Летом 1996 года начался новый период служения Владыки Константина. Кажется, судьба его испытывала на самых ответственных рубежах — и

в прямом, и в переносном смысле — на границах. Выполнивший свой долг пастырь с западной границы Руси был переведен на северо-западный рубеж обороны русского Православия. По благословению Святейшего Патриарха Алексия II он назначается ректором Санкт-Петербургской Православной Духовной академии с титулом епископ Тихвинский. При личной встрече Святейший Патриарх напутствовал Владыку: «Я надеюсь, что Вы сможете превратить академию в образцовую Духовную школу». К моменту назначения нового ректора Санкт-Петербургская Духовная академия переживала непростые времена: кризис сказывался на всем. Достаточно сказать, что за десять лет сменилось пять ректоров. Очень сильно упала дисциплина, сходил на нет научная работа в академии. Здание находилось в аварийном состоянии. Кое-кто пророчествовал, что новый ректор не продержится и двух месяцев. Но Господь рассудил иначе. Владыка Константин прослужил ректором свыше 12 лет, сделав Санкт-Петербургскую Духовную академию лучшим духовным учебным заведением Русской Православной Церкви и был возведен в сан архиепископа. Были проведены масштабные ремонтные работы, открыты Церковно-археологический музей, Иконописное отделение, Регентское отделение получило отдельный двухэтажный корпус, освящен после капитального ремонта академический храм апостола и евангелиста Иоанна Богослова. Его росписи были выполнены в иконописном православном стиле по проекту, который благословил Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексий II. Над храмом и над академией установлены православные восьмиконечные кресты. Над входом в академию помещена мозаика Иоанна Богослова с раскрытым Евангелием, где написано: «Дух истины, Который от Отца исходит». Было введено общеакадемическое пение акафиста Пресвятой Богородице пред Ее чудотворным образом «Знамение-Царскосельская».

А образ этот, действительно, был чудным! Впервые сведения об образе Пресвятой Богородицы «Знамение-Царскосельская» появляются только в XVII веке, когда, скорее всего Патриархом Константинопольским Афанасием Пателарием, он был принесен с востока в дар Царю Алексею Михайловичу Романову (1646—1676). Перед этим образом Пресвятой Богородицы многократно совершались молебны с просьбами о спасении России и Санкт-Петербурга от различного рода эпидемий, пожаров, и по ходатайству Пресвятой Богородицы благодать Божия охраняла людей, ни разу молитва верующих не была посрамлена. Так, например, в 1771 году после молебнов об избавлении от чумы моровая язва не коснулась пределов Царского Села. Знаменитый Царскосельский лицеист Александр Сергеевич Пушкин посвятил образу Богородицы строки, свидетельствующие о сильном Ее влиянии на поэта в школьные годы.

В XX веке икона «Знамение-Царскосельская» стала поистине благом, знаменем, чудом, свидетельством нового возрождения и расцвета прославленной Духовной академии в сложное время атеизма и богоборчества. Эта икона простирала свою чудотворную силу и на деяния неутомимого ректора, архиепископа Константина.

За время ректорства Владыки Константина успешно были проведены реформы, осуществлявшиеся по решению Учебного комитета при Священном Синоде. Семинария стала высшим Духовным учебным заведением, а академия — научно-педагогическим и богословским центром. Были откры-

ты новые отделения и кафедры, значительно повысился уровень научной подготовки студентов. За годы ректорства Владыки Константина количество защищенных диссертаций выросло в 2,7 раза, а количество профессоров увеличилось более чем в три раза¹. Священноначалие Русской Православной Церкви по заслугам отметило труды ректора орденами преподобного Сергия Радонежского II степени и святителя Иннокентия II степени, грамотами, именной патриаршей Панагией.

В период ректорства Владыки Константина Санкт-Петербургские Духовные школы активно занимались просветительской и миссионерской работой. В 2002 году по благословению Святейшего Патриарха Алексия II по инициативе Совета ректоров вузов Санкт-Петербурга и епископа Константина была создана Межвузовская ассоциация духовно-нравственного просвещения «Покров», в которую вошли ведущие вузы Санкт-Петербурга и других городов России. Владыка был первым и последним *избранным* президентом ассоциации. При 20-ти вузах Северной столицы действуют университетские приходы, и в этом тоже немалая заслуга ректора Духовной академии. Сейчас в «Покров» входят 50 военных и гражданских вузов страны. Стремясь сделать Санкт-Петербургскую академию более открытой, Владыка Константин широко привлек к преподаванию университетскую профессуру. До него в академии не преподавало ни одного университетского профессора.

Ассоциация «Покров» делом доказала, что является не конъюнктурной сиюминутной «однодневкой», созданной ради каких-то «политических» задач, но действительно объединяет преподавателей и студентов на почве духовно-нравственного просвещения и воспитания. Ассоциация регулярно проводила ежегодные научно-практические конференции, межвузовские праздники в Татьянин день, способствовала реализации авторских духовно-просветительских программ. Татьянин день из церковного праздника стал церковно-государственным. Ассоциация оказывала действенную реальную помощь детским домам Санкт-Петербурга и Ленинградской области. При содействии архиепископа Константина в Санкт-Петербурге был открыт первый и единственный в России Народный Православный университет, ставший центром духовного просвещения, доступным для самых широких слоев населения. Владыка был избран Председателем попечительского совета этого университета.

Существен вклад архиепископа Константина в дело возвращения в Санкт-Петербург святыни нашей земли — Тихвинской иконы Божией Матери, которое совершилось при его участии летом 2004 года.

Санкт-Петербург — город строгий и взыскательный. Нелегко завоевать доверие петербургской интеллигенции. Но Владыке Константину это удалось. Среди многих его званий есть особое — «Личность Санкт-Петербурга» (2008), отражающее высокое признание заслуг архиепископа Константина творческой и научной элитой Северной столицы. Избран членом экспертно-консультативного совета Законодательного собрания Ленинградской области.

¹ Прим. ред.: после перевода Архиепископа Константина в Курган число научных работ снова стало падать, и в 2011 году была защищена только одна кандидатская диссертация.

Удивительным человеческим талантом обладает этот православный пастырь, общение с которым в радость и студентам Духовных и светских школ, и курсантам, и высокочинным военным, и маститым ученым, и членам Дома Романовых. Последние неоднократно со всего мира собирались всей своей большой семьей на богослужение, которое проводил Владыка в Петропавловском соборе Санкт-Петербурга в день памяти, в страшный день убийства Семьи последнего русского Императора. Владыка Константин находил такие слова, такие символы, что, казалось, весь русский мир единился под сводами старинного петербургского собора.

Высоко оценивая заслуги архиепископа Константина, Патриарх Московский и всея Руси Алексий II отмечал: «На протяжении многих лет Вы ревниво служите Богу и людям, внося весомый вклад в развитие богословского образования и воспитания учащихся Духовных школ. Находясь на посту ректора, Вы являете пример следования своему призванию и верности служебному долгу, отдавая все свои силы и дарования делу Церкви».

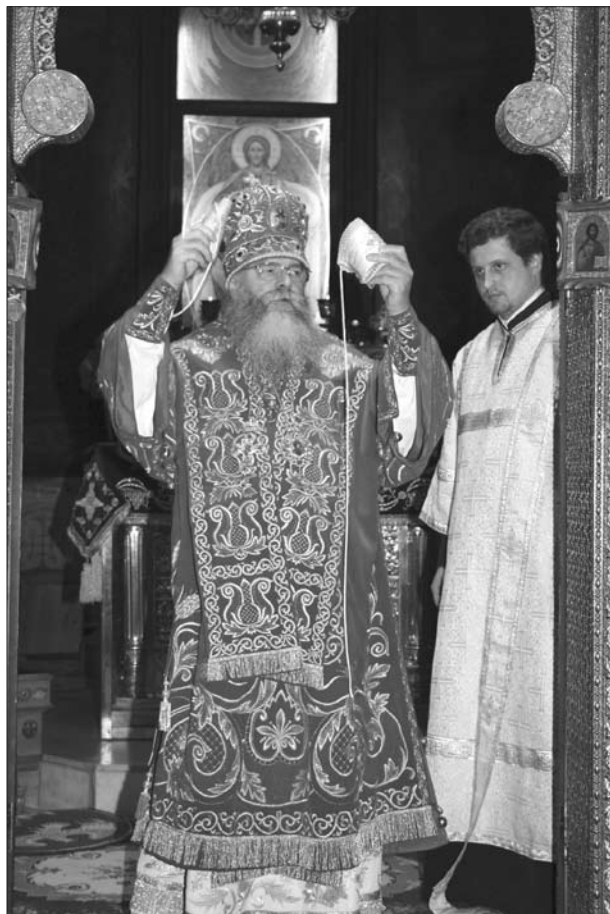
Но эта оценка была лишь оценкой очередного этапа служения Владыки, которому предстояло теперь встать на другую границу, нести служение на далеких южных рубежах православной России, у образа Казанской Чимеевской иконы Божией Матери.

В ЗАУРАЛЬЕ К ЧУДОТВОРНОМУ ОБРАЗУ ЧИМЕЕВСКОЙ ИКОНЫ БОЖИЕЙ МАТЕРИ

Два с половиной года архиепископ Константин возглавляет Курганскую и Шадринскую епархию. Но за исторически короткий срок в жизни епархии произошли и происходят добрые перемены. Восстанавливаются бывшие и строятся новые храмы в Кургане, а также в районных центрах — Частоозерье, Варгашах, Щучьем, Половинном. При участии Федерального Центра наметились позитивные изменения в деле возрождения жемчужины Урала — Далматовского Свято-Успенского мужского монастыря. И, кажется, опять не обошлось здесь без помощи чудотворного образа, теперь — Казанской иконы Божией Матери, без Покрова благодатной Чимеевской Святых. Известно, что со всех концов России и из-за рубежа едут в Чимеево паломники для встречи с чудотворной Казанской иконой. Несут свои беды, горести, болезни. Многие обращаются к Ней, когда уже никто и ничто помочь не может. Чудотворная помогает. Уходят болезни, исцеляется душа, снимается пелена озлобленности и неверия.

И, кажется, невозможно отказаться от уверенности, что все, что сегодня стараниями Курганской епархии и непосредственно архиепископа Константина происходит в духовной жизни Зауралья, происходит с благодатной помощью образа Чимеевской Божией Матери. Сегодня в Зауралье успешно развивается система духовно-нравственного образования и воспитания. Курганская область по праву вошла в число 19 регионов страны, где состоялась апробация курса «Основы нравственной культуры», принеся положительный результат. При непосредственном участии Курганской епархии разрабатываются и внедряются не имеющие аналогов в России программы подготовки педагогических кадров, которые будут вести курс «Основы православной культуры».

Архиепископ Константин совершил великое дело для всех верующих Зауралья — доставил в Курган из Санкт-Петербурга частицу мощей святого бла-

Чин рукоположения во диакона в Курганском кафедральном соборе

говерного Великого князя Александра Невского — Небесного покровителя нашего края. Отныне святыня пребывает в кафедральном соборе во имя Александра Невского.

Удивительны дела Господа! Велика и значима в них роль человеческой личности. На первый взгляд кажется сложным, извилистым путь служения Владыки Константина. Но в узловых его точках становится очевиден Божий Промысел. Во времена, когда столько говорится о грядущем развале России, об отделении ее восточных земель, в далекой Курганской епархии русский Восток роднится с русским Западом, Курган связывается с Санкт-Петербургом самой крепкой, духовной, связью — покровительством и заступничеством святого благоверного Великого князя Александра Невского. Во глубине России, вдали от развраща-

ющих реалий современной цивилизации, с помощью коренных православных людей архиепископу Константину выпало реставрировать древние скрепы русской государственности и устанавливать новые обычаи и традиции.

По благословению Владыки Константина в нашей епархии утверждаются такие новые славные традиции — Александровские дни в Кургане в честь святого Александра Невского, ставшие не только церковным, но и общегородским праздником. По благословению архиепископа Константина традиционными в Зауралье стали Ильинские молодежные богословские чтения, вызывающие все больший интерес ученых из различных регионов страны. Народ полюбил православные выставки «Добрый свет Рождества» с международным участием, которые с приходом архиепископа Константина стали проводятся в Кургане.

Архиепископ Курганский и Шадринский Константин ведет открытый и конструктивный диалог с государственными структурами, общественными организациями, творческой и научной интеллигенцией. Профессор архиепископ Константин продолжает деятельность в различных академиях наук, является проректором по научно-богословской работе Екатеринбургской Духовной семинарии, преподает в Тобольской Духовной семинарии.

Богослужение в день Юбилея архиепископа Константина, г. Курган, 2011 г.

За два с небольшим года архиепископ Константин посетил практически все приходы епархии, включая самые отдаленные. Для тысяч и тысяч зауральцев Владыка стал добрым и мудрым архипастырем. В приходах звучат его яркие проповеди, исполненные любви к Богу и людям. Зауральцы следят за его литературными статьями, в которых, будучи членом редакционного совета журнала «Русское поле Зауралья», «Родная Ладога», «Тобол», «Вестника Российской Академии естественных наук», научным редактором «Вестника Екатеринбургской духовной семинарии», Владыка Константин ставит и исследует сложнейшие вопросы духовно-нравственного воспитания современного человека. Он публикует свои исторические исследования жизни Русской Православной Церкви, статьи на богословские темы. Эти литературные труды любимого пастыря приучают людей к систематическому чтению, возвращают их уважение к русскому печатному слову.

Служение архиепископа Курганского и Шадринского Константина высоко оценено. Он награжден орденами Русской Православной Церкви: святого благоверного князя Даниила Московского II степени, преподобного Сергия Радонежского II степени, святителя Иннокентия Московского II степени, преподобного Серафима Саровского II степени, апостола Марка II степени (орден Александрийской Церкви), медалями преподобного Сергия Радонежского II и I степени, орденом Белорусской Православной Церкви святителя Кирилла Туровского II степени, а также государственными и научными почетными званиями и знаками. Но самой большой, не имеющей цены наградой является любовь к своему пастырю людей — и тех, кому посчастливилось сегодня жить рядом с ним, и тех, чей жизненный путь был когда-то осенен его мудрым духовным попечением, его спасительной верой.

**Протоиерей
Борис
НИКОЛАЕВСКИЙ**

ДУХОВНЫЕ БЕСЕДЫ*

Протоиерей Борис Николаевский (1884–1954) последние годы своей жизни служил в Свято-Троицком храме в Лесном. В этот период отец Борис записал свои духовные размышления, касающиеся вопросов, волнующих его прихожан. Эти размышления составили содержание «Духовных бесед». «Духовные беседы» подготовлены к публикации С. Н. Корытиным и Н. Б. Егоровой и печатаются по благословлению Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II.

*Продолжение. Начало в № 1, 2, 3, 4 за 2008 г., № 1, 2, 3, 4 за 2009 г., № 1, 2, 3, 4 за 2010 г. и № 1, 2 за 2011 г.

Почему так долго не приходил на землю Сын Божий?

Теперь разрешим еще одно недоумение ума человеческого, а именно:

Почему так долго не приходил на землю Сын Божий?

Ведь еще в Раю, сразу после падения Адама и Евы обещано было пришествие Избавителя: семя жены сотрет главу змия (Бытия 3, 1). А по слову Апостола (Ефес. 1, 3–4) еще прежде сотворения мира уже было предопределено и указано, как будет спасен мир (через Самого Господа Бога). А между тем прошло 5500 лет от сотворения мира до пришествия в мир Сына Божия.

Как Святая Церковь объясняет такое замедление в исполнении обетования Божия?

Рассмотрим во свете Слова Божия причины такого замедления.

Первая причина нескорого пришествия в мир Сына Божия

Известно, что из зараженного источника и вода зараженная течет. Так точно и от Адама, повредившего свою природу грехом, распространился поврежденный в природе своей род человеческий. И чем больше распространялся, тем более распространялось и зло среди человека.

Надлежало Самому Господу преградить путь, который вел человека к явной гибели.

И это надо было сделать так, чтобы не насиловать человека, ведь человеку Господом дана свободная воля, и Господь не желает отнимать Свой дар. Да и какая была бы цена добродетели, если она из-под палки была бы сделана?

Премудрый Господь вложил в человека совесть — этот неписанный закон Свой. Совесть укоряла человека и больно колола, если он делал что-либо нехорошее, и наоборот, утешала человека за доброе дело. Кроме того, Господь Сам являлся праведным и открывал им Волю Свою. Но совесть стала чахнуть, ее укоры стали все слабее, пока совсем не заглохли...

Люди становились все хуже и хуже, и Господь им являться не стал. Тогда Господь Бог дал людям через пророка Моисея на горе Синае уже написанный Закон.

Это — 10 Заповедей, нам известных, и много постановлений других. Этот Закон Апостол называет Пестуном — то есть руководителем ко Христу.

Как это понимать?.. Как понять то, что закон Моисеев, где о Христе ничего не сказано, руководил людей ко Христу?

А понимать это надо так.

Люди получили через Моисея закон на горе Синае. Самая обстановка получения этого Закона повелительно предписывала людям беспрекословное исполнение закона.

Гора Синай вся тряслась в облаке дыма и огня. Громовый Голос Божий приводил людей в трепет. Все это сопровождали ужасающие раскаты грома, блеск молний, непрерывно мелькающих, и такой грохот бури, что люди, стоящие кругом горы, в ужасе говорили Моисею: «пусть с тобой говорит Господь, чтобы нам всем не умереть».

Ясно, что люди понимали: не исполнить такой закон никак нельзя — это так страшно, и совесть-то еще не совсем угасла. Сравнивая свою жизнь с Заповедями Десятословия, при свете совести человек понял глубокое повреждение природы своей. Заповеди и законы, данные на Синае, были светом во тьме, показали людям, как далека их жизнь от правильного пути. И люди со всем старанием устремились к свету; силились, старались выполнить заповеди Закона, но узаконившаяся наклонность к жизни нечестивой заглушила голос совести, голос святых правил Закона Божия (Рим. 7, 2).

Человек прилагал еще большие усилия и тотчас же еще большие препятствия становились на пути. Борьба эта с самим собою должна была дойти до своего конца, а конец этот был — сознание полного бессилия выполнить закон.

Опыт одного человека в этом отношении имел не такое большое значение; нужно, чтобы многие тысячи людей включились в это дело, необходимо было, чтобы люди переиспытали все свои средства и способы к самоисправлению и, так сказать, выбившись из сил, пришли к глубокому и полному сознанию: окаянен аз человек: кто мя избавит от тела смерти сея (Рим. 7, 24).

Когда так сознал человек свое бессилие в исполнении Закона Божия и почувствовал нужду в Высочайшей помощи, обетование об Искупителе пришло в исполнение.

Христос Спаситель пришел на землю. И не дивно, что прошли 5500 лет до пришествия Господа!

Для такого процесса действительно требовались тысячелетия.

Вторая причина нескорого пришествия в мир Искупителя

Необходимо было достаточно приготовить к тому род человеческий, неверный и развращенный.

Без достаточных приготовлений, без тех тысячелетий, в которые приготавлил Господь Бог людей к принятию Искупителя, дело искупления было бы явлением неожиданным, имело бы характер случайности, и человек на самом деле имел бы право спросить:

Кто Сей есть и Новое учение сие? Сего не знаем, откуда есть? (Ин. 9, 29).

Прежде чем совершится искупление наше, кто бы мог подумать, что оно совершится именно так, а не иначе?..

Кто смел бы подумать, что Сам Господь придет на Землю? И теперь-то, когда уже совершилось все, и теперь все дело искупления в существе своем есть величайшая тайна: по свидетельству Слова Божия, Сами Ангелы желают проникнуть в эту тайну.

Как же совершилось это приготовление? Разными способами, особенно пророчествами и прообразами.

Прообразы — это различные дела, которые наводили людей на размышление, намеки давали какие-то. Например, при переходе через Черное море пророк Моисей, желая разделить воду моря, ударил по воде жезлом своим. Крестообразно, Крест изобразил жезлом.

Почему именно Крест? Почему не просто ударил, как бы мы ударили: сверху вниз?

Чтобы избавить людей от смерти в пустыне, Моисей вознес Змея медного на Крест и поставил на виду у всех, и кто посмотрел на змея того, тот спасся...

Опять все это должно было наводить людей на размышления: почему на Крест поднял, а не иначе? и т. д.

И таких прообразов очень и очень много.

Кроме того, у евреев были в огромном почете книги Священного Писания, где записаны были речи людей, которые говорили о том, что будет когда-то: как говорят, пророчествовали. Такие люди и назывались пророками, а их речи — пророчествами. Такие речи были в большинстве своем об Избавителе, Который придет, чтобы избавить народ Свой от всех бед его, о так называемом Мессии.

Все книги пророческие наполнены речами о будущем Мессии; пророки наперед нарисовали всю картину Его жизни и Его дела с такими подробностями, точно они сами это видели своими глазами.

Вся жизнь Иисуса Христа пророками была обрисована. Эти пророческие книги постоянно читались на богослужениях в синагогах еврейских и возбуждали в народе искреннее желание, чтобы скорее пришел обещанный Мессия.

Чем дальше шло время, тем больше усиливались страдания народные, а с ними вместе росло и крепло ожидание Мессии. Вот Он придет, все будет по-иному, думал еврей — и, естественно, думал: «Эх, скорее бы!»

Эти предсказания были не так уж ясны, чтобы указать, например, Имя Матери Божией, имена Святых Апостолов, названия городов, где будет жить Иисус Христос. Они давали только намеки, туманно, неясно говорили о Нем, но все же будили народные надежды, ожидание Его пришествия все росло и крепло.

И все же для всего этого было необходимо время, и время немалое, чтобы весь народ проникся этим ожиданием, словом, и здесь нужны были тысячи лет.

Третья причина нескорого пришествия в мир Спасителя

Надобно было явиться Существу, от Которого мог принять плоть Сын Божий, Святейший и бесконечно Совершеннейший. Надобно было, чтобы из рода развращенного и грешного могла явиться Преблагословенная Дева Мария.

Святой Дмитрий Ростовский пишет:

«Удивляться кто может, что по преступлении Адамовом нескоро прииде Слово Божие на землю, принять плоть и спасти род человеческий, даже до 5500 лет.

...Ни единая на земле обретется таковая Дева, которая была чиста не телом только, но и духом.

Та единая обретется первая и последняя, яже сугубая ради чистоты Своей, тела и души оказалась достойна быти Церковию и Храмом Духа Святаго».

Вот почему нескоро пришел на землю Спаситель наш...

Повторим это все кратко.

Надобно было, чтобы:

во-первых, человек сам познал свое повреждение и бессилие в исправлении себя, а потому принял Искушителя с радостью;

во-вторых, чтобы достаточно приготовить людей к принятию Спасителя;

в-третьих, надобно было явиться Существу, от Которого мог бы принять плоть Сын Божий, Святейший и бесконечно Совершеннейший.

Вот сколько всего нужно было, чтобы поправить ошибку Адама и Евы... Причины падения Адама и Евы были всем нам знакомые — похоть плоти, похоть очей и гордость житейская.

Поищите в себе: может быть, эти причины и сейчас в нас живут?

Аминь.

Размышления.

Составлено в день Покрова Божией Матери в 1951 год

У меня в квартире однажды сидел один Божий Человек. Разговаривали. По столу ползла маленькая букашка. Он говорил, а сам смотрит на букашку. Потом протянул руку неожиданно и пальцем придавил букашку и сказал:

— Вот как! Хлоп — и нет ее! Вот так и человек.

Вспомнились мне эти слова сегодня: это сравнение человека с букашкой. Человек — та же букашка. И это так верно. Возьмите Землю, Солнце, Луну, звезды, миллионы звезд, все величие мироздания — и сравните с ним одного человека.

Как он мал и ничтожен!

Так мал, что и не видно его, никто не заметит его, никто не обратит внимания на него — такая это малюсенькая пылинка в сравнении с громадой мироздания.

Даже среди людей, живущих на земле, один человек — тоже ничтожная букашка.

А если возьмем всех людей, которые когда-либо жили на Земле, — то в этой невообразимой массе человеческой — миллионы миллионов людей —

один человек много меньше, чем капля воды по сравнению с морем, много-много меньше.

Теперь почувствуйте совершенно непостижимое, ни с чем не соизмеримое величие Господа Бога Вседержителя, Который все мироздание содержит в Своей власти и всем управляет по Своей Воле...

В одно и каждое мгновение везде присутствует, все видит, все знает: и настоящее, и прошедшее, и будущее, и ничто не может скрыться от Его Всевидящего Ока — ничто: ни дело, ни слово, ни мысль мимолетная, даже каждый вздох души Ему известен.

Воля Божия есть закон для всего существующего, закон непреложный, отступить от которого не может никакое творение Божие: все — Солнце, все звезды — миллионы звезд — все управляется и направляется Всесвятой и Всемогущей Волей Божией — и нигде нет этой воле препоны.

Еще почувствуйте и то, что среди всех творений Господа Бога — один человек создан по Образу и Подобию Божию: ему дан разум, дана свободная воля.

Разум дан, чтобы человек сам рассудил, что к чему (как говорил у меня на уроке в школе взрослых старик-столяр — кратко и просто). Что к чему... чтобы уразуметь свое место и назначение в мире.

А свободная воля дана, чтобы человек сознательно и добровольно сделал выбор между добром и злом и стал на сторону добра, склонил сознательно свою волю пред Волей Божественной. И человек неизмеримо возвышается этими Божиими дарами над всем Творением Божиим.

Но пред своим Творцом человек есть и останется маленькой, едва заметной букашкой.

И как бы ему надо было со всем сознанием своего ничтожества, со страхом и трепетом повиноваться Всесвятой Воле общего для всех творений Творца и Владыки...

И кто мог бы подумать, что найдется такой безумец, который пойдет против Воли Творца и Бога, дерзнет отвергать Волю своего Господа и на ее место поставит свое хотение и свою волю!?

А вот нашлись такие!.. А кто же это?

А мы с вами — вот кто!..

Чьи желания мы выполняем в жизни своей? Божии? Да нет... Только свои... и ничьи больше... Разве мы хоть раз подумали о том или другом деле, что от нас хочет в эту минуту Господь?

Нет, не думали, Господи!

Да и на что нам знать заповеди Божии? Зачем нам Воля Божия?... мы сами с усами — как говорит пословица. Я сам сумею свою жизнь устроить. И кто мне может запретить?... Я — так хочу — и все. Так рассуждает современный человек... и мы... тоже...

Пусть скажут, что так рассуждают неверующие... А мы лучше?..

Мы признаем Господа, веруем в Бога, говорим о Нем, молимся, читаем, слушаем, узнаем, что заповедал Господь делать человеку, говорим хорошие слова, а как до дела дойдет, — так и в кусты, себя ублажаем, свои желания выполняем, хотя и оглядываемся, как бы мне за это не попало... И снова говорим и слушаем речи о хорошей жизни, думаем о ней иногда, но эти думы одно, а на деле совсем другое...

Мне вспоминается из моего далекого детства, в деревне, один сосед, дом которого был рядом с домом, где жил отец... Он, бывало, как напьется пьяный, так и стучит целый вечер в окно нашей квартиры и кричит отцу: «Константин Федорович! Давай хорошо жить!», а трезвый и не вспомнит о хорошей жизни. Так и у нас: мечты о хорошей (по-Божьему) жизни являются чем-то случайным, что иногда всплывает в уме, а потом отойдет, а жизнь идет своим чередом, независимо от этих мечтаний и дум...

И как это недостойно верующего человека, который поет: «Господи, Владыко живота моего!» — а сам вот этого Владыки и знать не хочет... А какая это дерзость непомерная, и какая это глупость безграничная! Втихомолку пакостим и спокойны: ведь никто не видел...

Кого мы обманываем? Кого мы хотим провести? Мы самая маленькая букашка — пред безграничным величием Творца и Вседержителя мира — и хотим обмануть Вездесущего и Всемогущего Бога!... И все еще живы, и все еще гром небесный не разразил нас...

Ведь правда, братия и сестры!... Ведь все мы такие, от них же самый скверный есть аз, и сквернее меня нет на земле, не было и не будет...

Смотрит Господь и ждет, и жалеет нас Его любвеобильное сердце вместе и тоскует, болит за этих безумцев, которые себе гибель готовят, — тоскует потому, что любит, — и зовет нас к Себе. И дивно изобретательна эта Любовь, которая все еще не устает и звать, и ждать...

И чуткому сердцу христианина везде слышен этот призывный голос Божества... Покайтесь! Приблизилось Царство Небесное! А Я — приходящего ко Мне не прогоню вон! Если будут грехи ваши, как багряные, как снег убелю... Приидите и рассудимся...

Каких только средств не применяет Отец Небесный, чтобы вернуть к Себе заблудших детей!... И как Он рад найти овцу заблудшую, Он Сам сказал: И радость бывает на небеси о едином грешнике кающемся, который сознал свое горе и горько оплакивает его...

Братия и сестры! Давайте хоть эту-то радость дадим Отцу Небесному! Ведь мы ничем Его не порадовали!... Я знаю, вы скажете: «А как это сделать?» А я думаю, что за четыре года нашей общей жизни этот вопрос уже давно решен...

Помилуй мя, Боже, по велицей милости Твоей!.. Этот вопль Давидов нам Святая Церковь каждый раз предлагает, как образец покаяния...

Да, я думаю, что это дело мы усвоили не только на словах, а на деле. Аминь.

История и современность

Протоиерей
Александр ПАНИЧКИН

ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ОТКРЫТИЯ САНКТ- ПЕТЕРБУРГСКОЙ ЕПАРХИИ И ПРИЧИНЫ, ТОРМОЗИВШИЕ ЕЕ ОТКРЫТИЕ В ПРОШЛОМ

Церковное управление завоеванной Петром I областью со времени основания Петербурга до учреждения Святейшего Синода осуществлялось новгородским митрополитом Иовом, а позднее настоятелем Александро-Невского монастыря архимандритом Феодосием (Яновским). После образования Синода, когда она стала синодальной областью, посредством бюрократического аппарата, каким последовательно являлись Тиунская контора (1725–1727), Тиунская изба (1727), а также Заказчики (1727–1730), при отсутствии своего епархиального архиерея, не могла считаться соответствующей православным церковным канонам.

Выход из создавшегося ненормального положения был очевидным, нужно было открыть в столице епархию во главе с самостоятельным архиереем. Необходимость этого сознавалась не только русскими, но и зарубежными православными иерархами.

Так, еще в 1705 г. Иерусалимский Патриарх Досифей II (1669–1707), отличавшийся горячей ревностью о Православии, широкой разнообразной деятельностью, ох-

Протоиерей Александр Филиппович Паничкин — родился в 1953 году в Ленинграде. В 1970 году окончил 222-ю среднюю школу («Петершколе»). Служил в Советской армии. Работал в Управлении «Госстраха». Далее служил псаломщиком в храмах Ленинграда. В 1984 по благословению митрополита Ленинградского и Новгородского Антония был рукоположен в сан священника и направлен служить в Новгородскую область. Служил на разных приходах Новгородской и Ленинградской областей. В 1992 году окончил Московскую духовную семинарию, а в 1996 году Московскую духовную академию. С 2009 года служит настоятелем храма св. Павла Исповедника и св. праведного воина Феодора Ушакова в Морском корпусе Петра Великого — Военно-морском институте. Кандидат богословия. **Живет в Санкт-Петербурге.**

ватывающей весь мир и находившийся в переписке с Петром I, писал ему: «Колена преклоняя перед Вашею Божественностью, и касающееся священных Твоих колен и лобызая честнейшее и светлейшее лице Твое, молим, понеже великое и святое Твое царствие взял много месту у шведов, да не поставят архиерея тамо, но да поставят архиерея в Петрополе, а другого в Нарве, чтобы было удобнейше церковное поучение. Наипаче сие полезнейше есть. Дабы был митрополит в больших городах, а во иных епископы, подлежащие митрополиту»¹.

Санкт-Петербург. В центре — первоначальный Свято-Троицкий собор Петровского времени. С гравюры XVIII века

Зная экономность Царя, особенно в расходах, связанных с церковными нуждами, Досифей дает ему ряд советов относительно содержания иерархов новых кафедр, чтобы оно не показалось бы Петру особо обременительным для государства: «И еще будет какое-нибудь препятие в тамошних странах архиереев украшение и расходы много, то да сотворит власть Вашего Царского Величества меньше, как имели то в Цареграде архиереи во время святых самодержцев и яко же творим и мы, это наши расходы суть равна с единым игуменом наименьшего монастыря и на одежды наши все не изойдет пятисот копеек»².

Но мало вероятно, что решение вопроса о создании самостоятельной епархии и назначении архиерея упиралось только в статьи расходов. Известно, что Царь был верующим человеком и активно занимался церковным строительством. Первым храмом Санкт-Петербурга стал деревянный Троицкий собор, возведенный за несколько месяцев в 1703 г. Собор строился у стен крепости, заложенной в праздник Святой Живоначальной Троицы 27 мая 1703 г., чем объясняется его название. В Троицком соборе Петр 22 октября 1721 г. принял титул Императора. Первоначальный деревянный Петропавловский собор в Петропавловской крепости был построен в 1704 г. Петру I принадлежит идея, которая впоследствии стала многовековой традицией, размещать в православном храме военные трофеи, не связанные с богослужением. Впервые знамена и трофеи были помещены в Петропавловский собор при жизни Царя Петра.

В память о славной победе под Полтавой, где русские войска разгромили шведскую армию Карла XII, Петр I распорядился заложить на Выборгской стороне среди полей и лесов храм, который был назван Сампсониевским собором, так как посвящался сражению, произошедшему 27 июня,

¹ Покровский И. Русские епархии в XVIII в., открытие, их состав и пределы. — «Православный собеседник» за 1907 г. Т. 1. С. 548–549.

² Там же. С. 548–549.

когда Церковь чтит память Сампсония Странноприимца. Со времен Петра была регламентирована и церковная благотворительность, бывшая до этого времени только личным делом состоятельных граждан. Петр повелевает на деньги от продажи свечей построить при каждой церкви богадельни «ради нищенствующих и больных, которых тамо кормить, по пропорции каждой церкви доходов»¹.

С именем Петра I связана история возникновения самого величественного храма Петербурга — Исаакиевского собора, посвященного византийскому монаху св. Исаакию Далматскому, день памяти которого совпал с днем рождения первого русского Императора. В 1710 г. Исаакиевской нарекли деревянную, расписанную под кирпич церковь, выстроенную напротив ворот Адмиралтейства для мастеровых и работных людей. Скромная прародительница будущего кафедрального собора умещалась тогда на клочке адмиралтейского луга. В домике Петра I, на Петроградской стороне, была освящена личная часовня Царя во имя чудотворного Нерукотворного образа Спасителя. Известно, что Петр сам в 1710 г. повелел заложить в Санкт-Петербурге монастырь в честь Александра Невского. А в 1723 г. лично принял участие в перенесении мощей святого благоверного князя из усыпальницы в Рождественском монастыре города Владимира на берега Невы, где святой князь вновь принял под свою защиту приневские земли, став небесным покровителем новой столицы Русского государства. Из всего этого следует, что не только экономические причины были главным решающим тормозом для выполнения советов Патриарха Досифея об открытии самостоятельной Санкт-Петербургской епархии.

Петр, весьма щедро отписывавший Александро-Невскому монастырю вотчины других обителей, мог точно также обеспечить и Петербургского архиерея, посредством отписания к новооткрытой епархии иноепархиальных вотчин и монастырей. Основательнее будет предположить, что здесь преобладали соображения чисто политического характера. Петровская реформа задевала достаточно основательно и интересы Русской Православной Церкви. Не только перемена летоисчисления, бранобритие, немецкое платье и табакокурение, но и женитьба Царя при живой жене, насильно заточенной в монастырь, все это тревожило духовенство². Законы, ограничивающие открытие новых церквей и пострижение в монашество, также восстановили его против Петра. Не все архиереи могли сдержать про себя отрицательное отношение к Петровской реформе. Как, например, тамбовский епископ Игнатий, до слез умилявшийся над тетрадами книгописца Талицкого³, рас-

¹ Очерки истории Санкт-Петербургской епархии. СПб., 1994.

² Хотя проф. И. Покровский предполагал, что денежные расчеты удерживали, главным образом, Петра от осуществления совета Патриарха Досифея.

Покровский И. Русские епархии в XVIII в., открытие, их состав и пределы. — «Православный собеседник» за 1907 г. Т. 1. С. 559–560.

³ Григорий Талицкий сочинял тетрадки «О пришествии в мир антихриста и о летах от создания мира до скончания света» и «Врата», в которых он пытался доказать, на основании Священного писания, что Петр, как «осьмой царь», — антихрист и наступили последние времена. Он увещевал народ не слушать распоряжений правительства и не платить податей. За это он после многих пыток был казнен наиболее жестокой казнью — копчением. *Есипов Т. В.* Раскольничьи дела XVIII столетия, извлеченные из дел Преображенского приказа и Тайной розыскных дел канцелярии. СПб., 1861. С. 58–59.

Перенесение мощей святого Великого благоверного князя Александра Невского Императором Петром I в Санкт-Петербург. Художник Филипп Москвитин

пускавшего среди народа молву о том, что Петр является антихристом¹, а также ряд известных представителей московского духовенства. Нижегородский митрополит Исая за свое ярко выраженное оппозиционное настроение заточен был в 1708 г. в Кирилло-Белозерский монастырь.

Архимандрит Александро-Свирского монастыря Александр, привлеченный к ответу за несовершенство в своей обители торжественного богослужения в день тезоименитства новой Императрицы, объяснил свое поведение тем, что считает второй брак Царя незаконным, а самого Петра нарушителем православных обычаев. «Не праздновал святой великомученицы Екатерины, такожде и молебна не пел в день тезоименитства Царицы Екатерины Алексеевны сицевая ради вины: ради их Царского Величества брака. По сем восхотел Его Царское Величество венчаться с нею: не взял на сие от первого архиерея благословения и еже всхоте, то и сотвори царскою своею властью никому о сем возбраняюще: вшед в Божию церковь Его Царское Величество с нею обвенчался. А ежели о сицевом бразе ведано было первому архиерею, такожде и прочим архиереям и всему освященному собору: то бы никогда же таковому браку соизволили бытии во святой Божией церкви венчании». «Такожде Его Царское величество того западного костела отпаж-

¹ Вместе с Талицким к ответу по его делу привлечены были духовник его Варлаамовской церкви в Москве поп Лука, церкви Входа в Иерусалим, что на Китае, поп Андрей и попадья его Степанида, Сергиевской церкви поп Абрисим, церкви Димитрия Солунского диакон Никита, мещанской слободы церкви Андриана и Наталии пономарь Артемон разделили печальную участь сообщников его дела.

«Да по имянному указу Великого Государя бывшего Тамбовского епископа Игнатия, что потом расстрига Ивашка, вместо смертной казни велено послать в Соловецкий монастырь в Головленкову тюрьму, быть ему в той тюрьме за крепким караулом по его смерть неисходно, а пищу ему давать против таких же ссыльных».

Приговор по делу Гришки Талицкого, опубликованный 5 ноября 1701 г. Есинов Т. В. Раскольничьи дела XVIII столетия, извлеченные из дел Преображенского приказа и Тайной розыскных дел канцелярии. СПб., 1861. С. 84.

шего принал и прочие обычаи: бранобритие и власы на главах своих носят накладные, яко некую мерзость, и якоже Сатыри дивии тако входят в храм Господень безстыдно и без страха Божия: еще же повелел Его Царское Величество богомерзкую проклятую табун (табак) траву продавать по градам, которую и сам и весь его синклит употребляет»¹.

Ряд духовных лиц оказался замешанным в деле Царевича Алексея. Поэтому Петр привык видеть в высшем духовенстве реакционную силу, желавшую возвращения к старым московским порядкам. Проводя свою реформу, Петр стремился создать мощное государство и приобщить его к более высокой европейской культуре. Поэтому, не будучи врагом Церкви, он поступался ее интересами для укрепления государства.

Знавший настроение духовенства, Петр, умевший ценить сочувствовав-

Свято-Троицкий собор Петровского времени. С гравюры XVIII века

ших его начинаниям архиереев (Петр ценил не только архиереев-карьеристов вроде Феодосия (Яновского) и Феофана (Прокоповича), делавших карьеру на сочувствии новым реформам, но и твердо стоявших за Православие архиереев, в то же время являвшихся патриотами своей родины, помогавших и Царю, какими были епископ Митрофан Воронежский, архиепископ Афанасий Холмогорский и митрополит Иов Новгородский), стремился к тому, чтобы консервативно настроенные духовные лица не могли противодействовать его начинаниям. Поэтому Петр в продолжение всего своего царствования принимал энергичные меры к тому, чтобы в русских архиереях не было “высокости”. Последний Патриарх Андриан (1690—1700) проявил

себя противником реформ. Он издал грамоту против бранобрития, в которой уподобил бривших бороды котам и псам, и протестовал против вмешательства Царя в дела Церкви в виде перемещения архиереев. После смерти Патриарха Петр побоялся на его место назначить архиепископа Афанасия Холмогорского, отличавшегося строгим соблюдением церковных канонов. Царь не надеялся встретить в этом исконно русском священнике должной уступчивости по отношению ко все усиливающемуся в России иностранному влиянию. Поэтому временным местоблюстителем Патриаршего престола был назначен малороссийский уроженец митрополит Рязанский Стефан (Яворский), он постепенно и выводил титул митрополита.

В 1700-е гг. в Русской церкви было 13 митрополитов:

¹ *Есипов Т. В.* Раскольничьи дела XVIII столетия, извлеченные из дел Преображенского приказа и Тайной розыскных дел канцелярии. СПб., 1861. С. 147, 149.

1. Киевский в 1718 г. заменен архиепископом.
2. Новгородский и Великолукский с 1716 г. — архиепископ.
3. Казанский и Свияжский с 1725 г. — архиепископ.
4. Астраханский и Терский с 1714 г. — епископ.
5. Ростовский и Ярославский с 1709 г. — епископ.
6. Псковский и Изборский с 1717 г. — епископ.
7. Смоленский и Дорогобужский с 1727 г. — епископ.
8. Сибирский и Тобольский сохранил сан до 1768 г.
9. Крутицкий (Сарский и Подонский) — с 1711 г. — епископ.
10. Нижегородский и Алатырский с 1719 г. — епископ.
11. Рязанский и Муромский с 1722 г. — епископ.
12. Белгородский и Обоянский с 1720 г. — епископ.
13. Суздальский и Юрьевский с 1712 г. — епископ.

Учреждение же в столице самостоятельной епархии было тем более нежелательным Петру, ибо в случае проведения им в жизнь советов Патриарха Досифея епископ столицы (какой бы он титул не носил) сразу бы становился выдающейся фигурой среди русского епископата, а выношенная Петром идея Духовной коллегии имела в своей основе ту цель, чтобы среди русского духовенства такой фигуры не было.

В кратковременное правление Петра II была сделана попытка поручения столичной паствы митрополиту Игнатию, но оно было столь непродолжительным, что не могла быть осуществлена какая-нибудь коренная реформа в церковном управлении.

В последовавшее за ним царствование Анны Иоанновны (1730–1740), известное под именем столь тяжелой для России эпохи Бироновщины, когда подняли голову выходцы из немцев и курляндцев, при дворе открыто высказывалось презрение к Православию. Целый ряд духовных лиц, представлявших оппозицию, были лишены сана и разосланы в ссылку по дальним монастырям. В это время совершенно иные причины тормозили открытие епархий. Лично сама Императрица не была противницей ее открытия, наоборот, она проявила в этом деле инициативу. Перенеся свою резиденцию в Петербург, она хотела возвеличить этот город во всех отношениях. Документальные данные говорят о том, что 23 августа 1731 г. синодальный секретарь Михайло Дудин в присутствии Синода объявил словесно: «Сего де августа 22 дня Ее Императорское Величество бывшим тогда в новостроенном Ея Величества Анненгофе, синодальным членам: преосвященному Феофану, архиепископу Великоновгородскому и Великолуцкому, и преосвященному Леониду, архиепископу Сарскому и Подонскому изволили объявить, чтобы в Петербурге учинить настоящего архиерея»¹.

На это синодальные члены доносили Императрице, что о «бытии вышеобъявленному настоящему архиерею и у Святейшего Синода рассуждение было, токмо-де на каком тому архиерею к пропитанию его со служителями быть, о том рассуждению быть довольному»². Эта ссылка на экономические причины вовсе не основательная, как было указано выше, показывает нам, что теперь открытие епархии тормозится не светской властью, а самим Синодом. Для уяснения себе настоящей причины медлительности Синода в рассмотрении

¹ Описание документов и дел, хранящихся в архиве Святейшего Синода. — Т. 20. СПб., 1908. С. 139.

² Там же.

Первая Исаакиевская церковь. Литография с рисунка О. Монферрана. 1710 год

особенно ревностным поборником синодальной реформы. Он теоретически разработал систему синодального управления, создав Духовный Регламент. Будучи совсем молодым епископом, он получил звание второго вице-президента Синода, все это льстило его честолюбию, которое стало его идолом, которому он и служил всю жизнь, проявляя себя то хитрым политиканом, то злобным интриганом. Он способствует восшествию на престол Екатерины I и одновременно губит своего конкурента Феодосия (Яновского).

Падение Феодосия доставило Феофану первое место в Синоде и звание первого вице-президента. В дни господства Меншикова он держался очень осторожно и избегал каких-либо неприятностей. Воцарение Анны Иоанновны, которой он в решительную минуту оказал важную услугу тайным советом не принимать предложенных ей ограничительных условий и царствовать самодержавно, принесло ему новое возвышение и укрепление положения. Архиепископ Феофан немедленно использует столь благоприятствующую ему политическую ситуацию, чтобы свести счеты со всеми своими врагами и конкурентами. Эта борьба имела успех. Епископ Ростовский Георгий (Дашков), недавно мечтавший о патриаршестве, ссылается в Каменный монастырь Вологодской епархии и становится схимонахом Гедеоном, архиепископ Тверской Феофилакт делается узником Тайной канцелярии. Подобная же участь постигает и Коломенского митрополита Игнатия (Смолу) и Воронежского епископа Льва, и многих других менее значительных лиц, успевших себя зарекомендовать враждебно по отношению к Феофану. Долгая борьба сделала его подозрительным,

возбужденного Императрицей вопроса нужно определить, что же представлял из себя Синод в это время, и дать характеристику его главной фигуры. Из архиереев в Синоде присутствовали: архиепископ Новгородский Феофан (Прокопович), епископ Крутицкий Леонид (Петровский)¹, епископ Питирим Нижегородский и епископ Иоаким Суздальский². Первенствующим членом, фактически возглавляющим Синод, был архиепископ Феофан (Прокопович). Он пришел к кормилу церковной власти еще в царствование Петра I и был

¹ В Каталоге членов и обер-прокуроров Святейшего Синода проф. А. Н. Филиппова (М., 1916. С. 8) он назван архиепископом Крутицким.

Акад. П. Строев в «Списке иерархов и настоятелей монастырей Российской Церкви» (СПб., 1877. С. 1036) называет его Сарским и Подонским, так как кафедра была переименована в Крутицкую и Можайскую только 6 июля 1764 г. (Там же. С. 1037), уже при архиепископе Амвросии (Зертис-Каменском).

На это же указывает в своей «Истории Российской иерархии» и епископ Амвросий (Орнатский) (Киев, 1827, изд. 2-е. С. 441–442).

В «Описании документов и дел, хранящихся в архиве Святейшего Синода» (СПб., 1901. Т. 10), он упоминается то с титулом Сарский и Подонский, то с титулом Крутицкий (с. IV, 358 и в указателе имен с. 29).

² Описание документов и дел, хранящихся в архиве Святейшего Синода. Т. 10. СПб., 1901. С. IV.

и он зорко оберегал твердость достигнутых им высот. Он постоянно проживал в Петербурге на своем подворье на Карповке и являлся первой персоной духовного мира столицы, и наличие здесь самостоятельного архиерея могло показаться ему нежелательным, тем более он не желал делиться теми громадными доходами, которые приносили ему богатые новгородские вотчины. В 1753 г. в Санкт-Петербургскую контору Новгородского архиерейского дома было прислано 11 109 рублей, в 1734 г. — 11 153 рубля. Кроме денег из вотчин присылалось большое количество продуктов, например: в год 1500 лососей, 2100 сигов, 111 пудов икры¹, необходимые ему для роскошной жизни, которую он вел, окруженный многочисленной свитой слуг. На покупку рыбы архиерейский дом тратил в год 625 р., на покупку вина 509 р., на продовольствие прислуги — 950 р.² Этим и объясняется причина «довольного рассуждения» о бытии в столице особого архиерея, которое продолжалось в Синоде в течение многих лет, пока вопрос не заглох вовсе.

Санкт-Петербург. Сампсониевский собор. Начало XVIII века

8 сентября 1736 г. умер архиепископ Феофан. В 1740 г. скончалась Анна Иоанновна, что повлекло падение временщика Бирона, принесшее России избавление от немецкого засилья.

Воцарение дочери Петра I Елизаветы 25 ноября 1741 г. ознаменовало себя переменой политической ориентации и резко критическим отношением к русофобскому направлению прежнего царствования. (Так, знаменитый проповедник того времени архимандрит Кирилл (Флоринский) с церковной кафедры обличал угнетение Православия в царствование Анны Иоанновны, в частности он указывал на то, что набожных людей тогда придворное общество считало «ханжами»).

Значительно улучшилось отношение государства к Церкви. Прежние узники из духовных: епископ Лев (Юрлов), архиепископ Феофилаит (Лопатинский), архимандрит Платон (Малиновский) и архимандрит Маркелл (Родышевский) получили свободу, им возвращались саны, они снова получили назначения. Восстанавливались в сане и священнослужители, расстриженные и сданные в солдаты за небытие у присяги при воцарении Анны. Духовенству стали предоставляться льготы. Дворы духовных лиц были освобождены от натуральной повинности.

Высшие государственные чиновники стали заискивать перед синодальными членами. У кормила церковной власти встали иерархи, для которых интересы Церкви были гораздо выше личных интересов.

¹ Чистович И. А., проф. Феофан Прокопович и его время. СПб., 1868. С. 643—644.

² Там же. С. 643—644.

Вопросы ОБРАЗОВАНИЯ

**Митрополит Минский
и Слуцкий ФИЛАРЕТ
(ВАХРОМЕЕВ)**

ВОСПИТАНИЕ ЛИЧНОСТИ И СОВРЕМЕННОЕ ОБЩЕСТВО

Вечный вопрос в мире людей

Воспитание личности — это воистину вечный вопрос и вечная проблема в мире людей. Поэтому мне хотелось бы подробнее остановиться именно на первой части нашей темы: ведь для вечных вопросов любой исторический период — это современность.

Наряду с Церковью, жизненную важность темы воспитания личности сознает также и светское общество, и государство. А потому удивительным кажется отсутствие в светской литературе ясных определений того, что же такое личность и что представляет собой процесс ее воспитания.

Пытаясь дать определение понятию «воспитание», научные книги

Митрополит Минский и Слуцкий Филарет (Вахромеев) — родился в Москве. На втором курсе Московской духовной академии принял монашеский постриг и Патриархом Алексием (Симанским) рукоположен во иеродиакона. В 1961 году окончил МДА со степенью кандидата богословия, назначен преподавателем академии; в декабре рукоположен во иеромонаха. 1963 год — возведение в сан игумена, архимандрита. В 1965 году хиротонисан во епископа Тихвинского, викария Ленинградской епархии. 1966 год — назначение епископом Дмитровским, викарием Московской епархии и ректором МДА. В 1970 году возведен в сан архиепископа. 1973 год — назначение архиепископом Берлинским и Среднеевропейским, Патриаршим Экзархом Средней Европы. 15 апреля 1975 года возведен в сан митрополита. 1978 год — митрополит Минский и Белорусский; с 12 октября — Патриарший Экзарх Западной Европы. С 1989 года — митрополит Минский и Гродненский, Экзарх Белоруссии. Постоянный член Священного Синода РПЦ, председатель Синодальной Богословской комиссии; почетный член Ленинградской и Московской духовных академий. Имеет церковные и светские награды. Ныне правящий архиерей Минской и Слуцкой епархии.

пользуются такими словами, как «воздействие», «влияние» и даже «внушение». Но уже первого впечатления вполне достаточно, чтобы почувствовать, что субъект воспитания рассматривается как нечто подопытное, подчиненное. И самое опасное состоит в том, что при подобном подходе воспитуемый оказывается априори пассивным объектом.

Но ведь речь идет о человеке! Более того: предметом воспитания является самое важное в человеческом существе, а именно — его уникальная личность. Но ясности нет и в том, что же такое личность с точки зрения секулярного интеллекта.

Определения личности встречаются, но и они чаще всего робки и невняты. Например, это «человек как носитель каких-то свойств» или «субъект отношений и сознательной деятельности», а то и вовсе «устойчивая система социально значимых черт, характеризующих индивида как члена общества»... книжные определения нашего предмета.

Но как же эту совершенно абстрактную сущность можно воспитывать, то есть пытаться на нее «воздействовать», «влиять» или что-то ей «внушать»!

Ключи глубинной сути

Желая хоть сколько-нибудь продвинуться в своем направлении, мы должны восстановить в индивидуальном и общественном сознании истину о высокой ценности слов, а значит и ценности того, что эти слова выражают.

Нет христианина, который не знал бы, что «в начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог» (Ин. 1:1) и что «от слов своих оправдаешься, и от слов своих осудишься» (Мф. 12:36). Известно и то, что первое послушание первозданного человека было связано со словами, которые он произносил, давая имена всему сотворенному.

...И Сам Творец снисшел, повествует Писание, «чтобы видеть, как он назовет их... как наречет человек всякую душу живую» (Быт. 2:19).

Между тем слова сами дают нам ключи для понимания их глубинной сути. Питание и воспитание в русском языке — слова однокоренные и по сути однозначные. Например, библейский пророк Варух пользуется именно этими понятиями, когда укоряет своих беззаконных современников: «Вы забыли питающего вас вечного Бога, а также огорчили и воспитавший вас Иерусалим» (Вар 4:8). Итак, Господь питает, а святые воспитывают, то есть сопровождает Божественное Таинство, способствует принятию его человеком, восполняет земными ценностями небесный дар и преподает его в совершенной полноте.

Таков принцип Божественной педагогики. Раскрывается она на самом доступном для каждого христианина уровне в прошениях Молитвы Господней. «Хлеб наш насущный даждь нам днесь», — то есть «напитай нас»; «и остави нам долги наша... и не введи нас во искушение, но избави от лукаваго», — то есть «воспитай нас», Отче наш!

Заметим, что в упомянутом обличении пророк Варух обращается именно к личности окружающих его людей, а не к «субъектам отношений» или к «системам социально значимых черт», как их именует все та же книжность. Вообще каждый библейский призыв к покаянию и к праведной жизни основывается на общем методологическом принципе, который я попробую сформулировать так: единственный для человека способ улучшить качество своей

личности и выправить искривления своей жизни состоит в деятельном воспоминании о своем достоинстве хранителя образа и подобия Божия. По выражению одного иудейского религиозного писателя, самое страшное, что может сделать людям диавол, это заставить нас забыть, что мы Царские дети¹.

Поэтому нам так важно с раннего возраста прививать подрастающему поколению верное понимание того, что такое честь и достоинство человека и христианина и чем они отличаются от эгоизма и гордыни. Но для этого сами воспитатели должны ясно различать смысл этих понятий и их взаимоисключающую природу. Высокое достоинство и божественное призвание личности состоит в обретении лика. Личность и лик — это также понятия одноименные. Всякий человек — личность, но лишь достигнув святости, он обретает лик.

Таким образом, дерзну предположить, что личность человека может представляться триединым выражением человеческой природы, которая в свою очередь образуется триадой: дух — душа — тело. К слову, это вполне соотносимо и с основной схемой диалектического развития, принятой еще в немецкой классической философии, если рассматривать дух в качестве тезиса, или исходного момента; тело — в качестве антитезиса, или отрицания; а душу — как синтез противоположностей в их новом единстве.

Всякое нарушение гармонии в этом триедином феномене приводит к искажению личности, будь то духовная прелесть, интеллектуальная шизофрения или слабоумие грубой силы. Окружающий мир переполнен плодами таких искажений, и давление патологий на процессы формирования личности человека воистину огромно.

Личность или личина?

Одним из новейших признаков нарушения внутренней гармонии личности, а иными словами — очевидным диагнозом интеллектуально-нравственного нездоровья современного общества стало его стремление уделять особое значение так называемому «имиджу» человека, — то есть тому, каким он представляется в среде окружающих его людей.

С одной стороны, это могло бы восприниматься как вполне естественное стремление к соблюдению внешних форм приличия и желание произвести своей персоной благоприятное или выгодное впечатление. Однако на деле в последнее время создание и смена личных «имиджей» стало претендовать на стиль жизни, на способ самореализации. Называя вещи своими именами (и при этом по-русски), мы без труда заметим, что речь попросту идет о личинах, о масках, нередко скрывающих под собой зияющую пустоту.

Но не следует думать, что увлечение «имиджами» свойственно лишь светскому обществу с теми его особенностями, которые классик английской литературы Вильям Теккерей именовал «ярмаркой тщеславия». В церковной среде подобное явление также отнюдь не редкость: это, к примеру, личины «младостарцев» и псевдоблагочестивых «ревнителей не по уму»...

В связи с этим не случайно в книге священника Александра Ельчанинова о пастырском служении есть мысль о том, что участнику церковно-приходской жизни и носителю священного сана очень важно «не актерствовать».

¹ Цит. по: *Епископ Каллист (Уэр)*. Внутреннее царство. Киев, 2004.

Как правило, личности порождает и принимает на себя тот человек, триединая личность которого недостаточно развита, а значит, и не вполне свободна. Ибо сказано святым апостолом Павлом в его послании к христианам Коринфа, что «Господь есть Дух; а где Дух Господень, там свобода». А вслед за этими словами апостол сформулировал главный методологический принцип религиозно-нравственного христианского воспитания: «Мы же все открытым лицом, как в зеркале, взирая на славу Господню, преобразуемся в тот же образ от славы в славу, как от Господня Духа» (2 Кор. 3:17–18).

Отсюда мы вновь видим непреложную истину, повествующую о том, что воспоминание о Боге, ревность о сохранении в себе образа и подобия Творца и способность увидеть образ Божий в другом человеке являются самыми верными критериями оценки воистину доброго воспитания личности.

Производными от этого правильного духовного воспитания будут социальная стабильность и здоровая общественная мораль, крепкие семьи и национальное достоинство, сильное государство и нравственная деловая активность, а также многие другие человеческие ценности, которые призваны составить фундамент зрелого и здорового общества.

Совесь, мышление и рассуждение

Беседуя с Божественным Воспитателем, ветхозаветный священник Ездра так говорил Торцу о венце Его творения, о человеке: «Ты воспитал его Твоею правдою, научил его Твоему закону, наставил его Твоим разумом, и умертвишь его, как Твое творение, и опять оживишь, как Твое дело» (3 Езд. 8:12–13).

Воистину такой путь предлежит перед каждым из сынов Адама, приходящих в мир! Но мы знаем также, что сила Божия в немощи человеческой совершается (см.: 2 Кор. 12:9), а значит, мы должны позаботиться о том, чтобы Божественные правда, закон и разум были открыты перед человеком от его самого раннего возраста, чтобы они проповедовались, и кто имеет уши слышать, — да слышит!

Коль скоро мы приняли к употреблению понятие о Божественной педагогике, нам надлежит определить и ближайшие педагогические цели, к достижению которых мы призваны в нашей воспитательной миссии. Также нам надлежит обнаружить воспитательную методику, которая будет содействовать достижению этих целей. Правда, закон и разум Творца, о которых говорит Ездра, раскрываются перед человеком при помощи таких параллельных человеческих понятий, как совесть, способность здраво мыслить и умение рассуждать.

Врожденный нравственный закон известен каждому человеку. Это и есть совесть, понимаемая как «совместное ведение» человека и Бога о Законе сохранения человеческой жизни, о ее высоком качестве и небесном достоинстве. Значит, воспитание совестливого человека, то есть самое простое, понятное и доступное каждому родителю или наставнику задание, — это одновременно важнейшая и первоначальная задача также и воспитания религиозного.

И в этом деле нет различий ни конфессионального, ни национального, ни социально-политического характера. Бессовестный человек одинаково непригляден и в Европе, и в Азии, и в Африке, и в Америке...

По словам апостола Павла, цель христианского увещания «есть любовь от чистого сердца и доброй совести и нелицемерной веры» (1 Тим. 1:5). Методологически для нас очень важна последовательность перечисленного, когда чистота сердца христианина-воспитателя и его добрая совесть имеют преимущество даже над его личной верой. Нелицемерный характер личного исповедания является предметом индивидуальной ответственности человека пред Богом.

Апостол далее не случайно подчеркивает, что и в первохристианские времена те, кто отступил от этого правила, «уклонились в пустословие, желая быть законоучителями, но не разумея ни того, о чем говорят, ни того, что утверждают» (1 Тим. 1: 5-9). Добавим, что и в наши дни проблема учительства на церковноприходском уровне нередко отражает именно это прискорбное обличение апостола Павла.

Так, словно продолжая эту мысль, в начале XX века один христианский деятель весьма справедливо заметил, что если бы в российских дореволюционных школах и гимназиях Закон Божий преподавался интересно, то революции не произошло бы...

В этом же первом послании к Тимофею апостол Павел вновь решительно подчеркивает приоритет состояния личной совести над состоянием личной веры и утверждает, что отвергнувшие совесть «потерпели кораблекрушение в вере» (1 Тим. 1:19).

Учитывая, что апостол от 70-ти Тимофей был новопоставленным Ефесским епископом, святой апостол предостерегает его о весьма великой опасности для Церкви, которая исходит из самого церковного лона: «...в последние времена отступят некоторые от веры, внимая духам-обольстителям и учениям бесовским, через лицемерие лжесловесников, сожженных в совесть своей» (1 Тим. 4:1–2).

Эти лжесловесники суть ни кто иные, как склонные к сектантству, фанатизму и самочинию члены христианских общин, — по меткому замечанию апостола, всегда учащиеся и никогда не могущие дойти до познания истины (см.: 2 Тим. 3:7).

К сожалению, это апостольское предостережение столь же актуально и в наши дни, когда религиозными учителями и духовными воспитателями нередко стремятся стать люди, не имеющие достаточного навыка и опыта личного покаяния, а потому чрезмерно усердствующие в поучении других. Как правило, именно нежелание и неумение выпрямить искривления собственной личности и является глубинной причиной всех тех страхов и панических настроений, проповедь которых отвлекает самих проповедников от врачевания своих духовных недугов.

«Осуждаемое собственным свидетельством нечестие боязливо, — говорит Премудрый Екклесиаст, — и, преследуемое совестью, всегда придумывает ужасы» (Прем. 17:10). А далее ветхозаветный проповедник поясняет, что «страх есть не что иное, как лишение помощи от рассудка» (Прем. 17:11).

Мысль — значит, существую

Способность к здравому мышлению лежит в области важнейших задач светского и духовного воспитания. К сожалению, здравомыслие распростра-

нено в человеческом сообществе отнюдь не в той мере, которая необходима для его благополучия. В результате наблюдений ученые специалисты приходят к заключению, что большинство представителей человеческого рода обладают так называемым квазимышлением.

Такое псевдомышление отличается неспособностью к глубокой аналитической деятельности, отсутствием личных творческих импульсов и стремлений, зависимостью от узкого круга простых понятий и суждений, при помощи которых и совершается упрощенная оценка окружающего мира и себя в самодельном жизненном пространстве. В качестве примера можно привести тот образ мысли, стиль жизни и стереотип поведения, которые повсеместно навязываются массовой культурой — этим самым действенным средством унификации личности и стирания человеческой индивидуальности.

Значит, воспитание личности должно включать в себя овладение культурой мышления, выработку навыка мыслить самостоятельно, привитие вкуса к исследованию явлений социальной, духовной, гражданской жизни и к анализу их причин и следствий. В этом деле религиозное воспитание призвано научить человека изучению самого себя, своего сердца, своей души.

Иными словами, религия формирует метод постижения сути нашего «внутреннего человека», согласно точному определению апостола Павла (см.: Рим. 7:22; 2 Кор. 4:16; Еф. 3:16). А для того, кто имеет навык исследования самого себя, внешний мир уже не является тайной за семью замками или сугубо враждебной средой. Не случайно с древних времен звучат ставшие крылатыми слова: «Мыслю — значит, существую».

Начало мудрости

Любопытный нюанс есть в определениях из области природы мышления. Различая такие понятия, как разум и рассудок, философы призывают понимать под разумом способность к обретению нового знания, а рассудок рассматривают как способность оперировать уже имеющимся знанием. В продолжение этой мысли можно предположить, что полноценное владение обеими этими способностями составляет мудрость человека.

В одной из библейских книг достижение такого состояния, как мудрость, обуславливается сочетанием разума и доброго расположения сердца (см.: Иудифь 8:29). Вспомним, что отнюдь не мудрость просил юный царь Соломон у Господа после тысячи жертвоприношений, но — «сердце разумное, чтобы судить... и различать, что добро и что зло» (3 Цар. 3:9).

Практически это и есть главная цель доброго воспитания, как ее понимает Святая Церковь, то есть умение различать, что добро и что зло. Именно поэтому в Священном Писании мы находим предельно четкие и точные определения того, что составляет предмет наших сегодняшних размышлений.

В завершение позвольте мне привести пример доброго воспитания, вошедший в равной степени в мировую историю, в общечеловеческую культуру и во всемирную литературу.

«Начало мудрости — страх Господень; разум верный у всех, исполняющих заповеди Его», — сказал Давид, который на своем жизненном пути прошел поприща пастуха и воина, беженца и царя, музыканта и поэта, кающегося грешника и богослова (Пс. 110:10).

«Начало мудрости — страх Господень, и познание Святого — разум», — вторит ему его сын — царь, богомолец, мудрец, богатейший правитель и... тоже кающийся грешник и богослов (Притч. 9:10).

Но задолго до них прозвучали в скинии собрания слова простой бедной женщины, скорбящей о своем бесплодии: «Да не хвалится мудрый мудростью своею, и да не хвалится сильный силою своею, и да не хвалится богатый богатством своим, но желающий хвалиться да хвалится тем, что разумеет и знает Господа» (1 Цар. 2:10).

Наша цель и призвание, наша воспитательная миссия и святой долг состоят в том, чтобы содействовать воплощению этих слов в жизнь нашими отцами и детьми, братьями и сестрами, а также и нами самими в нынешнее время, пока оно у нас еще есть.

ВВЕДЕНИЕ

Грешневи́ков А. Н. Коррупция уничтожает страну. — Рыбинск: Рыбинское подворье, 2010. — 160 с.

Масштабы коррупции уже не скрыть — она съедает пол-экономики страны. Ученые неустанно твердят: оборот коррупционных денег составляет 50 процентов от общего размера экономики. Президент, правительство и парламент принимают меры по борьбе с этим злом, но статистика упрямо свидетельствует: после начала борьбы с коррупцией масштабы ее выросли аж в два раза.

Книга известного политика и писателя Анатолия Грешневи́кова ставит перед нашим обществом острый вопрос: а возможно ли вообще в нашей многострадальной стране побороть коррупцию — самое тяжкое заболевание нынешней власти?! Конечно, возможно — отвечает автор. Но лишь при определенных условиях — при наличии гражданского общества и реальной свободы слова, при существовании независимых органов правосудия и нефальшивого института разделения властей, а главное — при устойчивом развитии гарантий деятельности оппозиционных партий и механизма смены властей.

*Падение русского языка
и литературы — «бедствие
хуже, чем война или голод»*

Валерий ГАНИЧЕВ

МОЛИТВА О НАРОДЕ РУССКОМ

Валерий Николаевич Ганичев — родился в 1933 году на станции Пестово Новгородской области. Окончил в 1956 году Киевский университет. Доктор исторических наук, профессор, лауреат премии Ленинского комсомола. Главный редактор «Роман-журнал. XXI век». Председатель Союза писателей России. Автор многих книг прозы и публицистики. **Живет в Москве.**

Ну и еще одно из главного. Это отлучение русского человека от отечественной культуры и языка. Государство (а кто еще?) на культуру махнуло рукой. Наши люди, наше общество опускается все ниже и ниже в культурных запросах. От самой читающей страны в мире, от выдающегося кино, живописи, от гениев Шолохова, Свиридова, Бондарчука мы опустились в разряд невежественных и безразличных к своей культуре стран, к массовой шоу-культуре, часто ниже пояса. Большинство наших вузов оканчивают люди, не знающие и не понимающие историю, литературу, искусство. Образование, с его ЕГЭ и программой вузов, готовит невежественных людей, которым не нужна культура и которые не способны мыслить широко, панорамно, всеохватно, ибо для этого не хватает знания. Надо снова вернуть духовную силу настоящему искусству, подлинной культуре, глубокой науке.

Ну и одно из самых главных богатств, которое выкачивают из нации, не вкладывая никаких инвестиций в его пополнение. Это русский язык. Конечно, он и сегодня остается великим и могучим, но скорее в виде могучих гор и возвышенностей, грохочущих водопадов и разливи-стых рек классики. А его сегодняшние чистые истоки пытаются заму-тить, отвернуть от тех, кого они мо-гут напоить живительной влагой.

На язык идет не меньшая, если не большая, атака извне. Силы тьмы понимают его первородность и со-зидательность. Ведь «Вначале было

Слово» (!), и далее не менее высветляются его истоки: «И Слово было у Бога» (!). И предопределяющее его смысл и высоту «И Слово было Бог»! Поэтому, когда ныне покушаются на язык, коверкают, портят его, подменяют чужеродным туманом, покрывают его скверной, цинизмом и пошлостью, то это покушение на Бога, на Его высоту. Это действие демона и князя тьмы против смысла жизни человека.

Когда несколько лет назад мне вручали Орден Дружбы в Кремле, я поблагодарил за то, что была отмечена неустанная борьба нашего Союза писателей в защиту русского языка и сказал в общем-то известные слова: «Если изменяется экономическая система, но у народа остается его язык, то и народ остается. Если изменяется политический строй и даже исчезает государство, но у народа остается его язык, то и народ остается. Если разрушается, деформируется, исчезает язык народа, то и народ исчезает, остается народонаселение».

Я далек от мысли, что именно это выступление в Кремле привело власть к объявлению следующего года Годом русского языка. Однако положение с русским языком не только не улучшилось, но ухудшилось. Фактически отказано в праве уметь излагать свои мысли по-русски в сочинениях. Его знание не стало главным для ученика, выпускника школы. А уж для заезжего гастарбайтера или нашего соотечественника с Кавказа такая задача даже и не ставится, а шуму о необходимости «мультинационального котла», соединяющего народы, в наших либеральных СМИ полно.

Добейтесь, господа хорошие, помогите им, чтобы они знали русский язык, и масса нерешаемых проблем общения и понимания уйдет на задний план. Нужно создавать бастиины по изучению и защите русского языка, иначе мы перейдем в разряд народонаселения.

Вот одно предостерегающее нас, народ наш, страну нашу высказывание:

«...Язык — воплощение народного духа; вот почему **падение русского языка и литературы есть в то же время падение русского духа**. Это во-истину — самое тяжелое бедствие, какое может поразить великую страну. Я употребляю слово **бедствие** вовсе не для метафоры, а вполне искренне и точно... Для всех нас **падение русского сознания, русской литературы**, может быть, и менее заметное, но нисколько **не менее действенное страшное бедствие, чем война, больше, чем голод...**»¹

Многие годы бьется за распространение и защиту русского языка великий подвижник профессор Всеволод Троицкий. Проводит встречи, круглые столы, он боролся вместе с нами за возвращение буквы «ё».

Надо находить силы, средства для поддержки преподавателей русского, вырывать время и место у телевидения, в журналах, газетах. Надо возвращать русскую литературу, ее классику и продолжающих традиции современников. За это борется и профессор Иван Гончаров из Санкт-Петербурга, продолжающий со своими коллегами разрабатывать программу обучения «Русская национальная школа».

Надо, чтобы в клубе, дворце культуры, на вечерах молодых появились чтецы, не пошлые сегодняшние юмористы-забавники телешоу, а те, кто

¹ О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы / Мережковский Д. С. Эстетика. Критика. Т. 1. М., 1994.

внятно, с точными человеческими интонациями, верными фонетическими ударениями читает лучшие стихи и прозу русской литературы.

Зал ведь замирает, когда Василий Лановой, великий подвижник русской речи на сцене (он возглавляет кафедру художественного слова), читает Пушкина, Тютчева, Маяковского. Недавно взял у нас книгу стихов раннего Василия Белова и поразил им аудиторию. В Китае, два года назад, на встрече с делегацией наших писателей в Шанхайском университете студенты читали нам параллельно куски прозы на русском и китайском языках из книг Валентина Распутина о Сибири, о Байкале. Как искусны были они в чтении, какие точные акценты ставили в словах, как улавливали не только смысл, но и интонацию автора, но и его внутреннее отношение к написанному! Аудитория то замирала, то смеялась, то взрывалась аплодисментами. Звучала русская речь! Валентин Григорьевич только покачивал головой.

Недавно я был поражен: из Санкт-Петербурга, из одного из цехов Кировского завода, где сидели работники завода на стульях, передавали замечательный по духу и совсем неожиданный для нашего шоу-времени вечер Николая Рубцова. Как слушали люди стихи, песни, письма Николая, работавшего в свое время на Кировском. Можем же, когда сердце не остыло, когда душа вслушивается, когда память встрепетается, дойти русским словом до многих.

Память, традиция — компас поколений

Память, традиция — это основные духовные оси России, на этом она держится, и это составляет ее образ.

Те писатели, которые придерживаются нравственной, державной ориентации, а это наш Союз писателей России, и выстраивают свое творчество по этой линии, ибо этот ее духовно-культурный ряд возведен в века.

Поэтому Союз писателей России стал соучредителем Всемирного Русского Народного Собора вместе с Русской Православной Церковью, поэтому создан Клуб православных писателей, это и наш Центр духовно-нравственного, патриотического воспитания им. Святого Праведного адмирала Федора Ушакова, в связи с этим в таких двух выдающихся премиях Союза писателей, как премии имени Александра Невского и «Имперская культура», центральное место занимают книги о духовных подвижниках, о державниках, о подлинных героях, которых массовая информационная машина игнорирует, забывает, не культивирует.

Мне хотелось бы еще раз подчеркнуть великую миссию нашей литературы, русской литературы, литературы всех народов России в **Великой Победе**, способствовавшей сплочению всех сил перед лицом злейшего врага, показавшей высочайшие образцы публицистики, прозы, поэзии, драматургии. Мы должны отдать должное нашим предшественникам, которые в годы войны в воинском стане воспевали подвиг и мужество воина и труд работников тыла, а в послевоенное время осознали и художественно воплощали в своих произведениях драму и героизм войны, склоняли голову перед жертвами и славили героев. «Высокое слово правды — такой была повестка последнего пленума Союза писателей, которое помогло выстоять нашим воинам.

Наши высшие власти добились, чтобы творчество А. И. Солженицына обязательно изучалось в школе. Уверен, что надо добиться, чтобы **литературу военной поры обязательно изучали в школе**, если мы хотим, чтобы молодое поколение знало истину, знало героев, следовало им. Думаю, что за это надо бороться.

Литература об Отечественной — это великая литература, это золотые страницы нашей отечественной словесности. Ведь без этой свидетельницы времени нашей страны нашим людям навязывается статус безвольного, ослабленного человека, комплекс вины.

Удивительно, но чем дальше мы удаляемся от мая 1945 года, тем больше у нашей победы оппонентов и врагов.

Те, кто с благодарностью говорили тогда и еще десятки лет назад о решающем вкладе Советского Союза, советского русского и других народов нашей страны в победу, стали вначале умалчивать, а потом и отрицать это. Они забыли, что 600 тысяч наших воинов погибли на территории Польши, сотни тысяч — на полях сражений на Украине, в Белоруссии, в Прибалтике, Венгрии, Румынии, Чехословакии, Германии.

Стали ли известны вопиющие факты, отрицающие этот вклад? Нет. Отменен ли Нюрнбергский приговор? Нет, его пока что не отрицают.

И этот зловеющий, **махровый антисоветизм привел к распаду страны-победителя**, к той исторической драме, о которой сказал Владимир Путин. Этот антиисторизм, антисоветизм привели к тому, что:

- эсэсовцы шествуют по улицам Риги;
- убирается памятник советского солдата в Таллине;
- Бандера становится героем Украины;
- Власов выдается за борца с коммунизмом, за пламенного предшественника Беловежской тройки.

Отсюда война не Отечественная, не Священная, а как это продекларировано в организации ОБСЕ, куда мы так трепетно рвемся. Была «война двух хищников», война Германии и России (обратите внимание, не СССР), это была схватка Гитлера и Сталина. Ну и отсюда нужно громить, как они говорят, «победоманию» в нынешней России.

Но ведь полный исторический идиотизм говорить, что войну выиграли вопреки Верховному главнокомандующему. Несмотря на всю идеологизацию, все-таки надо пытаться исторически объективно оценивать роль. Кесарю — кесарево. Богу — богово.

Может, и тем, кто затевает свалки в нашем обществе, не следует раскалывать общество. Вот я не раз встречался, в том числе и по вопросу Верховного. Все прославленные писатели, Герои Советского Союза Владимир Карпов, Михаил Борисов, известные всей стране Юрий Бондарев, Михаил Годенко, Семен Борзунов, Семен Шуртаков, Михаил Лобанов могли бы высказать свое мнение. А на телевидении показывают только тех, кто поддерживает организованную провокационную кампанию. Ведь это и есть фальсификация.

Михаил Годенко — автор великой книги «Минное поле», сказал еще недавно: «Нет, мы — моряки, когда шли в атаку, не кричали «За Сталина!» Но скажи нам тогда, что Верховный — трус и предатель, мы бы посчитали, что это геббельсовская пропаганда, и застрелили бы того, кто это говорил».

Забытый геноцид

И еще, *мы почти не говорим о гражданских потерях — жертвах войны, о великих жертвах нашего народа*, принесенных для Победы. Из-за ложной толерантности мы не говорим о своих жертвах, и это вроде бы притупляет нашу боль, хотя снимает вину тех, кто с мечом пришел в нашу страну.

Вполне по-человечески мы сочувствуем:

- погибшим при бомбардировке Дрездена;
- сожженным в Хиросиме после атомного взрыва;
- исчезнувшим из жизни в Холокосте.

И это правильно, ибо русский человек, как говорил Достоевский, — всечеловек, ему доступны страдания всего человечества. Но почему мы в стране стали забывать о жертвах войны, не вспоминаем соотечественников, уничтоженных этой войной? Не от комплекса ли, который нам прививают в отношениях с Европой и Западом. Немецко-фашистские захватчики разрушили или сожгли 1710 городов, более 70 тысяч сел и деревень (!), было уничтожено 6 миллионов зданий. Лишились крова около 25 миллионов человек. Были уничтожены и разрушены 31 850 промышленных предприятий. **Почти 17 миллионов** наших граждан погибли от бомбардировок городов и сел, на дорогах эвакуации, мирные люди были уничтожены в концлагерях, в немецком плену, погибли от рабского труда на территории Германии. Это был самый массовый геноцид в истории, большинство погибших были русские люди.

Гитлер был злоеший русофоб, он и его клика приговорили славян к уничтожению. Он патологически ненавидел Россию и русских. «Кто может оспаривать мое право уничтожать людей низшей расы, которые размножаются, как насекомые... Надо взять у России все, что нам нужно». Эти слова Гитлера взяты на вооружение всеми сегодняшними антирусскими течениями, какими бы цивилизаторскими, общечеловеческими, геополитическими словами они не прикрывались.

Мы создали при Союзе писателей России и Всемирном Русском Народном Соборе Совет по возрождению российской деревни. Один из разделов его деятельности — память о погибших деревнях и в годы войны. Белорусская Хатынь — всем нам напоминание о жертвах, в России такого нет, а между тем, в одной Смоленской области уничтожены войной и оккупантами сотни сел, свыше 530 тысяч жителей уничтожены или исчезли из этих деревень. Это ведь 19(!) Бухенвальдов. Мы помним Бухенвальд, но кто вспомнит русские Ивановки, Николаевки, Петровки, погибшие от рук врага.

Итак, «Вера. Культура. Патриотизм. Память» — наши духовные оси, держащие здание России.

Самочувствие нации

От давления всех социальных, информационных антидуховных причин русский народ теряет уверенность, не так давно у него попытались отобрать Великую Победу. Он стал грудью на защиту своих героев. Но зато атака на его историю поистине масштабна. Низведение ее на уровень пороков, убийств, варварства и бескультурия в немалой степени удалась.

Соцопросы показывают тяжелое самочувствие нации. То, что Россия — великая нация, обозначили лишь 46 % опрошенных, не верящих в это — 31 %.

Лишь 12 % назвали Россию Сверхдержавой. 13 % — Францию, 21 % — Англию, 23 % — КНР, 27 % — ЕЭС, 25 % — Германию, 37 % — Японию, 61 % — США.

Можно было бы отнести это к сверхкритическому отношению русских к себе, но сплошь и рядом повторяется: «Россия теряет пассионарность», «свою витальность».

Конечно, на самом деле это не так, великие резервы таятся в душах и сердцах русских, надо только вывести на первый ряд в обществе подвижников, дела делателей, милосердцев, новаторов, работников нивы и станка, бескорыстных и вдохновенных ученых, праведных священников, учителей, библиотекарей, тех, кто торгует плодами своего труда, честных юристов, тягловых военных. Надо найти способ одухотворить и наполнить созидательным духом нации ТВ и СМИ. Пора остановить это гламурное, желто-прессное море пустых звезд, красивых экранных пустышек.

Пришел и продолжает находиться в обществе многогранный кризис. На кого может опереться держава в его преодолении?

Если она исключает из этого русский народ или относится к нему с подозрением, то вряд ли возможно преодоление нашего отставания без его национально осознанной деятельности.

С русским народом все можно преодолеть, без его участия в любых акциях, национальных проектах, модернизации все это обречено на безжизненность, неудачу и даже провал.

Что делаем?

Специально не озаглавил этот раздел вечным русским вопросом, обращенным куда-то вдаль: «Что делать?» Обозначаю его множественным: «*Что делаем?*» Ибо без такой постановки есть некая философская неопределенность, перемещение вектора дела к кому-то, а не к себе, не к своему кругу сотоварищей, не к коллективу, не к народу, а к призрачным вождям. Эту программу предстоит вырабатывать, все время насыщать, прочерчивать генеральные линии и полезные тропинки. Я внутри размышлений наметил некие тропинки, теперь думаем вместе, делаем вместе.

Ну и какими же путями выходить на укрепление духа, самосознания, созидательности русского народа? Вычлениются главные и не менее важные второстепенные задачи.

I. Мы уже сказали: главное — это *укрепление Веры*, Православия в жизни русских людей.

Можно сколько угодно придумывать политических, общественных платформ, но ни одна из них не способна воссоединить народ, нацию, как это делала христианская вера, Православие.

И по этому пути, пути самопожертвования и служения высшим идеалам, тем общечеловеческим (которые утвердились как русские), нравственным ценностям надо идти и искать уже в новое время опору для русского народа, для других народов страны.

В этом разделе ценно то межрелигиозное сотрудничество, которое установилось у нас в стране за многие годы и даже века. Особенно с исламом.

Ведь недаром при Екатерине II был учрежден муфтият в Уфе. И у нас никогда не было религиозных войн.

II. Наша русская культура, наша классика, производные христианства. Наш Язык — одна из фундаментальных основ существования, развития русской нации.

Это должна быть одна из главных задач — не дать уйти с этой основы, не дать разрушить нашу культуру, не дать изменить, исказить наш язык и сделать нашу нацию вульгарной, дикой, немой.

III. Великая традиция — *память народная*. Помнить победы, помнить жертвы.

IV. Великая цель рождает великую энергию. Надо сделать понятным, доступным, а главное, высоким представление о том, во имя чего, как мы живем. Мало говорить об абстрактной модернизации, надо обозначить это как конкретные программы для человека, общества, России. Надо не дать погасить *дух созидания*, поддерживать эти очаги созидания в семье, поселке, в городе, в коллективе.

Один пример: В. В. Путин проехал по трассе «Хабаровск—Чита». Газеты представили это событие как некую интересную, даже забавную информацию. А ведь на самом деле строительство дороги и введение ее в строй — *это великое событие*: инженерное, экономическое, транспортное, государственное, геополитическое. Ведь по сути дела открывается державная дорога, автотрасса «Москва—Владивосток». Возможно, и ряд других осуществляемых проектов представить обществу как пунктир важных, одухотворяющих дел. Мы предложили Министерству транспорта проект «Дорога», в котором расскажем об инженерах, строителях, проектировщиках, транспортниках. Это же подвиг.

V. Ну и, конечно, нужно высокое ободряющее слово, обращенное к русскому народу, русской культуре, русскому языку.

VI. Еще и еще раз надо подчеркнуть, что русский человек, как говорил Достоевский, — «всечеловек», то есть ему близки и понятны все боли и радости мира, окружающих его людей и народов. Мы, Россия, — великое многонационалие. Мы, русские, — в единой семье народов России, да и мира, не собираемся возвышаться над ними, ни падать ниц, унижаться ни перед какой цивилизацией, ни перед какой-либо страной.

Но гордость национальная, самоуважение, высшее знание и мудрость должны быть нашими национальными чертами.

И, как писал Игорь Северянин, намаявшись за границей:

Что толку плакать и тужить,

Россию надо заслужить.

Давайте будем пытаться *заслужить* Россию.

Вспомним слова: Великая Россия

У нас как-то отвыкли считать под градом обвинений России в цивилизационных, исторических, этических грехах, что Россия — страна великая, каким бы ВВП не измеряли ее. Когда в годовщину вторжения Грузии в Южную Осетию туда высадился наш десант, десант писателей России, мы провели там во всех школах «Урок мира», мы выступили на пограничных заставах и везде ощутили любовь и благодарность.

Все осетины, от школьника, учительницы, продавца на базаре и Президента Кокойту, говорили о *Великой России*, о Святой Руси. Да как-то сразу это требовало и от нас самых высоких усилий в служении ей. Но это показывает и то, что за Россию молятся и переживают многие люди на земле, отнюдь не русские по национальности.

Лет пятнадцать назад в Государственной Думе ко мне подошел один депутат и сказал: «Дорогие русские братья, боритесь за Россию, ведь если она исчезнет, то исчезнем, как индейцы, и мы, ваши младшие братья, тувинцы и хакасы, нас поглотят или американцы, или китайцы. Мы молимся за вас». Да, за Россию молится немало добрых и честных людей.

Молитва о народе русском

Не хочу заканчивать эти размышления и вопросы никакими большими и четкими выводами. Это сделают многие собрания, конференции, соборные встречи, митинги, марши. Надо и надо семь раз отмерять. И придет время, когда один раз будет отрезано в нашем представлении о *Русском Деле*.

Я хочу обратиться к великой мистической и загадочной молитве. Конечно, не случайно, что она появилась не у нас в России. Россия в то время открыто не молилась. Ее чада сражались друг с другом. И только в далекой, отдаленной стеной гражданской войны от России Югославии прозвучала эта великая молитва святителя Николая Сербского — молитва о русском народе: «Всемудрый Боже... вземли и услыши *молитву нашу за Твой русский православный народ!*»

Понимая причины бед, обрушившихся на Россию, святитель Николай страстно молился: «Ты допустил, чтобы самый верный Твой слуга подвергся тяжелым мучениям, как допустил мучения для первых апостолов Твоих, пророков и праведников. Весь обнажен и изранен, брошен слуга Твой на гноище... Мучения лютые, а человек слаб: Господи, помоги! *Воздвигни слугу Твоего и уврачуи раны его...*».

Святитель Николай знал, сколько страданий обрушивалось на русских людей независимо от того, в каком стане они находились. Он объяснял себе и другим, что страдания не напрасны.

«Знаем, Господи, Боже наш, что Ты по всеумудрому промыслу Своему допускаешь страдания избранных Твоих, чтобы, как золото на огне и через огонь страданий очистились от земли и еще больше засияли».

Зная предел в страданиях простых людей, святитель умоляет: «*Но не допусти, Боже милости и любви*, чтобы сатана долго насмеялся, лицемеры долго издевались над *Твоим крестоносным народом русским...*».

«Православные знают, — молится святитель Николай, — что и Твое славное Воскресение, Христе, совершилось после поруганий, крестных мук и смерти...».

И далее в молитве, исходя из этого, возвышающаяся и великая надежда: «Поэтому мы в свете Твоего страдания воспринимаем мрак русского страдания и *ожидаем воскресную его славу*».

Святитель молится о главном: «Сегодня для великого русского народа нет человека в мире, который мог бы помочь ему без Тебя, Боже наш и Спаситель наш! — Святитель Николай взывает: — *Не отложи, Господи Благий, Твою помощь*».

Думаю, что окончание молитвы укрепляет дух русских людей, прочерчивает наше служение.

«Ты Скоропоспешный на помощь. *Не отложи и не откажи*, но как милосердный самарянин обратиться к народу русскому, подвергшемуся нападению от разбойников, всему избитому, и *подай ему руку, и исцели ему раны, и возврати ему здравие, сияние славы*, чтобы самый верный слуга Твой прославлял Тебя в будущем еще больше, чем славил Тебя в прошлом — Тебя, Спасителя своего, со Отцем и Духом Святым во веки веков. Аминь».

Мы видим, как в сиянии многочисленных храмов восходит Божие милосердие на русский народ, но рядом еще царят страдание и муки. И от усилий, молитв, созидания православных, всех соотечественников зависит возвращение здравия и сияние славы русскому народу.

ВЫШЛА КНИГА

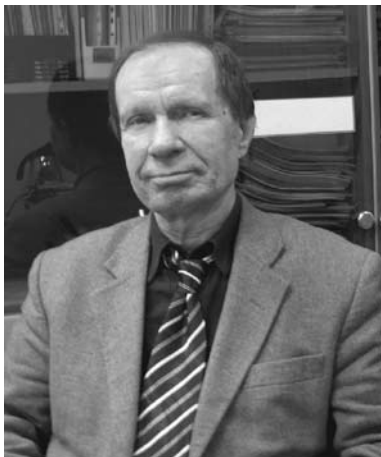
Захарченко В. Г. Песней очистимся: статьи, беседы, интервью / Составление и общ. ред. П. С. Белого. — Краснодар: Диапазон-В, 2007. — 400 с.: ил.

Виктор Захарченко — феноменальная фигура русской культуры рубежа XX–XXI веков. Уникальный песенный композитор, крупный ученый-фольклорист, энергичный музыкальный и общественный деятель, выдающийся хоровой дирижер мининской школы, более тридцати лет возглавляющий всемирно знаменитый Кубанский казачий хор...

Настоящая книга — впервые в таком объеме — знакомит читателя с Захарченко-публицистом, Захарченко-ученым, Захарченко-популяризатором традиционной культуры. Статьи даны в хронологии. Это увлекательное и поучительное чтение не оставит равнодушным читателя.

Точка ЗРЕНИЯ

Валентин СЕМЁНОВ

ДОСТОЕВСКИЙ ГЛАЗАМИ СОЦИАЛЬНОГО ПСИХОЛОГА

*К 190-летию
со дня рождения
Ф. М. Достоевского
(1821–1881)*

Валентин Евгеньевич Семёнов — доктор психологических наук, профессор, директор НИИ комплексных социальных исследований Санкт-Петербургского государственного университета, заслуженный деятель науки РФ. Живет в Санкт-Петербурге.

Достоевский вошел в мою душу, когда я учился в 10 классе, и остался там навсегда, как самое потрясающее из художественной литературы. Его творчество сразу стало настолько мне близким, что в 17 лет я написал стихотворение, состоящее по сути из одних названий произведений Достоевского.

*О, Бедные люди!
О, Белые ночи!
А я здесь Подросток
и Идиот.
Гнетут меня Бесы —
мое Наказанье!
Но в чем Преступление —
не знаю — мое!*

Значительно позднее я понял, в чем мое преступление, но для этого еще надо было пройти долгий путь прозрения, раскаяния и покаяния. В юности я прочел все основные художественные произведения Федора Михайловича, а потом и 10-ти томное собрание сочинений, изданное в конце 1950-х, тома «Литературного наследия», посвященные ему, и переписку с Анной Григорьевной Достоевской.

В 60-е годы я посмотрел такие киновоплощения его романов, как «Идиот» в постановке Ивана Пырьева с Юрием Яковлевым (Князь Мышкин) и Юлией Борисовой (Настасья Филипповна), «Преступление и наказание» в постановке Льва Кулиджанова с Георгием Тараторкиным (Раскольников) и Иннокентием Смоктуновским (Порфирий Петрович), «Братья Карамазовы» в режиссуре Пырьева с Михаилом Ульяновым (Митя), Кириллом Лавровым (Иван) и Андреем Мягковым (Алеша). Кстати, после выхода фильма «Преступление и наказание» на экраны Георгий Тараторкин приходил к нам на факультет психологии, который тогда еще находился на Красной (Галерной улице) в особ-

няке графа Бобринского. Помню этого худого, нервного молодого человека, который эмоционально рассказывал нам, как его потрясла и преобразила работа над ролью Раскольников. Посмотрел я в те годы и фильм «Идиот» в постановке Акиры Курасава, в котором действие было осовременено и перенесено в послевоенную Японию середины XX века.

Очень значимы были для меня мои собственные выступления, посвященные личности и творчеству Ф. М. Достоевского. Это доклад, сделанный в Ленинградском Доме ученых на набережной Невы, в фантастическом бывшем дворце Великого Князя Владимира Александровича, в ноябре 1981 года. В том же году я выступил в Министерстве культуры РСФСР в Москве на вечере, посвященном 160-летию со дня рождения Достоевского, где был единственным гостем из Ленинграда и выступал вместе с писателем Владимиром Крупиним, живописцем Ильей Глазуновым, литературным критиком Владимиром Чалмаевым и другими замечательными деятелями русской литературы и искусства. Дважды я делал доклады на научных конференциях в музее Достоевского, что в Кузнечном переулке, а также выступил там же на одном из вечеров его памяти, который вел о. Геннадий (Беловолов).

Были у меня и научные социально-психологические тексты о личности и творчестве Федора Михайловича. Первая публикация «Ф. М. Достоевский и социальная психология» (в кн. «Проблемы социального познания и управления». Томск. 1984). Потом я обращался к нему в своих книгах о социальной психологии искусства (новой отрасли, обоснованной и концептуализированной мною), наиболее удачной из которых считаю «Искусство как межличностная коммуникация»¹.

Когда в 90-х годах я работал над своей концепцией российской полиментальности², Федор Михайлович помог мне в образном личностном воплощении базовых типов российских менталитетов (православно-российского, коллективистско-социалистического, индивидуалистско-прозападного и криминального). Озарение! Инсайт! — и я внезапно вспомнил про братьев Карамазовых. Вот они: глубоко верующий светлый инок Алеша, страстный, мятежный отставной офицер Дмитрий (советолог Р. Пайпс судил этому персонажу большевистское будущее), рефлексивно-рационалистичный индивидуалист богоборец Иван и их сводный брат маргинал и отцеубийца Смердяков. Благодарствую, дорогой Федор Михайлович, вот она живая динамичная модель основных ментальных типов России!³...

Сам Федор Михайлович не жаловал современную ему психологическую науку, которая в те времена была очень описательной и схоластичной наукой, основанной прежде всего на интроспекции, то есть самонаблюдении своего внутреннего мира, психики. Только незадолго до смерти Ф. М. Достоевского, в 1879 году в Лейпциге, Вильгельм Вундт создал первую в мире лабораторию экспериментальной психологии, впрочем, работа которой вряд ли удовлетворила бы Достоевского. Он справедливо полагал, что тогдашние психологи слишком упрощенно подходят к пониманию человеческой души. Фактически сам Достоевский и был лучшим психологом своего времени, первым и более глубоким психоаналитиком еще до Фрейда и его после-

¹ Семенов В. Е. Искусство как межличностная коммуникация. СПб., 1995.

² Семенов В. Е. Православие, российская полиментальность и будущее России // Родная Ладога. 2010. № 4. С. 137–144.

³ Семенов В. Е. Российская полиментальность и социально-психологическая динамика на перепутье эпох. СПб., 2008.

дователей, что, к их чести, они и признавали. Всю сложность, противоречивость, капризность, непостижимость человеческой психики и поведения Достоевский виртуозно выразил в своих произведениях.

Психологический гений Достоевского обусловлен не только специфической врожденной одаренностью, особо чуткой нервно-психической организацией, но и особенностями биографии писателя, широтой жизненного опыта, уникальностью пережитых экстремальных ситуаций (известие об убийстве крепостными крестьянами отца, тяжелая и загадочная болезнь — эпилепсия, инсценировка его казни вместе с петрашевцами, каторга — «мертвый дом», «запойная» игра в рулетку, крайняя бедность и т. д.). В результате возник исключительный феномен психологической проницательности, эмпатии, демократичности-всепонимания.

Анализ произведений Ф. М. Достоевского помимо его постоянной христианской целеустремленности позволяет также реконструировать социально-психологическую концепцию человека, которой он руководствовался и сознательно, и интуитивно в своем творчестве. При этом, на наш взгляд, можно вывести следующие аспекты понимания человека Достоевским:

— Человек чрезвычайно сложен, сложнее привычных стереотипов Добра и Зла. Он воистину единство и борьба противоположностей, он диалектичен. Научные абстракции слишком сухи и тощи, чтобы правильно понять человека. «С одной логикой нельзя через натуру перескочить! Логика предугадает три случая, а их миллион!»

— Человек не только «человек разумный» (когнитивный, говоря современным языком), но и «человек страстный» (эмоциональный, аффективный). Причем разум — это не только благо, но нередко и зло. Именно «по разуму», из логически обоснованной идеи Раскольников совершает страшное преступление. Недаром злодеи, вроде Петра Верховенского, Смердякова, Ставрогина, отличаются рационалистичностью. Идеалом для Достоевского является прежде всего сердечный (гуманистичный, добрый) человек (князь Мышкин, Алеша Карамазов, Соня Мармеладова и др., а в реальной жизни — А. С. Пушкин).

— Человек — вполне общественное, коллективное существо. Перефразируя название офорта Гойи, «одинокость порождает чудовищ». Именно в одиночестве Раскольников выдумывает свою наполеоновскую теорию вседозволенности. Одинок Смердяков. Зато положительные герои всегда среди людей, почти по-детски открыты, общительны (Алеша Карамазов, Мышкин, Разумихин и др.).

— Человек обладает свободной волей. Он отвечает за свои поступки, не следует абсолютизировать влияние среды. («Сорокалетний бесчестит десятилетнюю девочку — среда что ли его на это понудила?!») Однако существуют аффективные состояния, вызванные, например, болезнью, когда человек не может контролировать свои поступки (защита Достоевским беременной крестьянки, совершившей преступление).

— Счастье человека «не в комфорте», а в любви к другим людям, которая так или иначе возвращается к нему (Соня и каторжные, Алеша Карамазов и дети). Люди, не способные на это, человеконенавистники — гибнут, так как не выносят даже самих себя (самоубийства Ставрогина, Смердякова). С другой стороны, не следует закрывать глаза и на человеческое «подполье», то есть все темное в недрах человеческой психики, на жестокость людей, которые способны погубить даже самые светлые личности (князь Мышкин и Кроткая).

Вместе с тем в обыденной жизни Достоевский был человеком, которому «ничто человеческое не чуждо». Особенно ярко это проявляется в его переписке с женой Анной Григорьевной, где писатель предельно открыт и искренен. Подобные наблюдения подтверждают представление о некоей раздвоенности художников (даже гениальных) как субъектов творчества и обыденной жизни. Вспомним пушкинское:

*Пока не требует поэта
К священной жертве Аполлон...
И меж детей ничтожных мира,
Быть может всех ничтожней он.*

В принципе, даже из такого гения как Федор Михайлович Достоевский не следует делать икону. Не буду говорить об общеизвестных жизненных слабостях писателя, а только скажу про странную для меня (да, наверное, и не только для меня) особенность его главных героев. Практически все они не работают, не трудятся для пропитания, они своеобразные «рантье», но живущие сверхнапряженной духовной и душевной жизнью. Не работает князь Мышкин, «подросток» Аркадий Долгорукий и его «маскирующийся» отец Версиков, не хочет найти выход в реальном труде Родион Раскольников, обуянный наполеоновской идеей вседозволенности, естественно, что не трудится приживал и манипулятор Фома Опискин («Село Степанчиково и его обитатели»), а также герои «Игрока», персонажи «Бесов» и братья Карамазовы не работают, за исключением лакея Смердякова и т. д. Настоящий труженик есть только в первой повести Достоевского «Бедные люди», это канцелярист Макар Деушкин. Федор Михайлович был сыном своего времени, родившимся и жившим до сорока лет в стране крепостного права, где были господа и рабы, и библейское изречение «кто не работает, да не ест» было забыто.

Возвращаясь к творчеству Ф. М. Достоевского, можно говорить о своеобразных прикладных аспектах его произведений для психологов. Чтение Достоевского для них является как бы психологическим тренингом и источником интересных гипотез. Многие сцены в романах писателя — это совершенные «психодрамы» и «социодрамы» (хотя бы знаменитая сцена исповеди Настасьи Филипповны в «Идиоте»). Искуснейшим образом даются всевозможные аффективные состояния, вплоть до раздвоения личности («Двойник»), или рефлексивная диалогическая борьба, роль подтекста (Порфирий Петрович — Раскольников). Достоевский заставляет психолога задуматься и об этических проблемах своей профессии, о границах вторжения во внутренний мир человека, в его душу (на это обратил внимание М. М. Бахтин). Он дает пророческий анализ актуальной для нашего времени социальной психологии экстремизма и терроризма («Бесы») или даже предвосхищает этико-психологические вопросы космических контактов с другими цивилизациями («Сон смешного человека»).

Я вспоминал экранизации романов Достоевского 60-х годов, но нельзя не обратить внимания на экранизации последних лет, первого десятилетия уже XXI века. Длинный телесериал «Идиот» режиссера Владимира Бортко я, к сожалению, не смотрел из-за большой занятости, а вот короткий сериал «Преступление и наказание» (2007) режиссера Дмитрия Светозарова с Владимиром Кошевым (Раскольников) и Андреем Паниным (Порфирий Петро-

вич) посмотрел. И вроде бы все неплохо, есть сильные сцены и диалоги, но эпилог последней серии меня просто обескуражил — он зачеркивает все содержание сериала, все постановочные старания режиссера передать дух тогдашнего Петербурга, весь накал психологической борьбы добра и зла, — он зачеркивает весь смысл и сверхзадачу романа Достоевского. Ибо катарсиса, то есть трагического потрясения, духовного очищения и просветления не наступает. Раскольников остается просто банальным преступником, даже негодяем — с наказанием, но без раскаяния («зачем, мол, сдался, мог бы выкрутиться»). И это при том, что Светозаров на «круглом столе», посвященном сериалу на канале ТВ-Культура, говорил, что старательно следовал тексту романа (в общем без всякой «отсебятины»).

Увы! Эпилог сериала тупиковый, «душный» и откровенно антихристианский. У Достоевского совсем иное: омертвевшая душа воскресает! Конечно, через любовь и веру, через духовное общение с другим человеком — ведь «человек один не может» (эту истину почти век спустя поймет и герой Эрнеста Хемингуэя из романа «Иметь и не иметь»).

Обратимся к Достоевскому: «Как это случилось, он и сам не знал <...> Они хотели было говорить, но не могли. Слезы стояли в их глазах. Они оба были бледны и худы; но в этих больных и бледных лицах уже сияла заря обновленного будущего, полного воскресения в новую жизнь <...> В этот день ему даже показалось, что как будто все каторжные, бывшие враги его, уже глядели на него иначе. Он даже сам заговорил с ними, и ему отвечали ласково <...> Под подушкой его лежало Евангелие. Он взял его машинально. Эта книга принадлежала ей. Была та самая, из которой она читала о воскресении Лазаря <...> Она тоже весь день была в волнении, а в ночь даже опять захворала. Но она была до того счастлива, что почти испугалась своего счастья. Семь лет, *только* семь лет!»¹

Воистину, это совсем другой эпилог. Если вспомнить, то Евангелие, которое взял Раскольников, то ведь оно было подарено Соне той самой Елизаветой, которую он убил. И это откровение и прощение как бы пришло к нему от его жертвы. Но создатели современной экранизации романа всего этого просто не замечают. Даже окончание фильма Кулиджанова 1960-х годов, где все заканчивается словами Раскольникова в полицейском участке: «Это я убил...», оказывается более близким Достоевскому и более катарсическим, чем эпилог светозаровского сериала.

Печать нашего тяжелого, беспредельно противоречивого времени нескончаемых перемен и подмен лежит на всем. Перечитайте последний законченный роман Достоевского «Подросток». Он удивительно конгениален нашим дням. Там переходный период от феодального крепостничества к капиталистическому беспределу, в чем-то аналогичный нашему переходу от «развитого» социализма к «недоразвитому» капитализму. У героя романа, «подростка» Аркадия Долгорукова, есть идея: «Моя идея — это стать Ротшильдом»². И в наше время сия идея весьма в моде. Вообще много похожего, и такой же духовно-нравственный кризис, вызванный отказом от правды-справедливости, фарисейством и цинизмом. И вот мы снова «наступаем на те же грабли».

¹ Достоевский Ф. М. Преступление и наказание // Собр. соч.: В 10 т. Т. 5. М., 1957. С. 573–574.

² Достоевский Ф. М. Подросток // Собр. соч.: В 10 т. Т. 8. М., 1957. С. 86.

Точка ЗРЕНИЯ

Сергей КУРГИНЯН
СТАТИСТИКА
ПРОТИВ
«МОДЕРНИЗАЦИИ
СОЗНАНИЯ»

Юлия КРИЖАНСКАЯ

ОТЧЕТ по результатам Всероссийского опроса общественного мнения в отношении «программы десоветизации», предложенной Советом по развитию гражданского общества и правам человека при Президенте РФ (публикуется в сокращении)

ВВЕДЕНИЕ. **ЦЕНА ВОПРОСА**

Как известно, Совет по развитию гражданского общества и правам человека при Президенте РФ предложил реализовать в стране так называемую «программу десоветизации» (иначе, десталинизации, детоталитаризации). Совет при Президенте считает, что без реали-

Инициатор и научный руководитель проекта **Сергей Ервандович Кургинян** — родился в 1949 году в Москве. Окончил Московский геологоразведочный институт и Театральное училище им. Щукина. Кандидат физико-математических наук. Организатор Международного общественного фонда «Экспериментальный творческий центр» (Центр Кургиняна). Автор многих книг, а также сотен аналитических и публицистических статей в российской и зарубежной прессе. Главный редактор выпускаемого Центром научно-публицистического журнала «Россия-XXI» и альманаха «Школа целостного анализа». Руководит интеллектуально-дискуссионным клубом «Содержательное единство». **Живет в Москве.**

Руководитель социологической группы **Юлия Сергеевна Крижанская** — родилась в Санкт-Петербурге. В 1981 году окончила факультет психологии Ленинградского государственного университета по специальности «социальный психолог». В 1981–1985 годах окончила очную аспирантуру ЛГУ. Кандидат психологических наук, генеральный директор Независимого аналитического центра (Санкт-Петербург). Ранее — заместитель председателя центрального исполкома партии «Единая Россия». **Живет в Санкт-Петербурге.**

зации этой программы в стране невозможно осуществить модернизацию, поэтому предлагается «модернизировать сознание» российского народа путем «десоветизации».

У предложений Совета есть некоторая предыстория, существенная как для уяснения смысла самих этих предложений, так и для ясного понимания того, к каким последствиям может привести претворение в жизнь программы десоветизации, выдвинутой Советом.

3 июля 2009 года в Вильнюсе прошла 18-я ежегодная сессия Парламентской Ассамблеи ОБСЕ. На этой сессии ПА ОБСЕ одобрила резолюцию с названием «Воссоединение разделенной Европы». Документ лоббировали Литва и Словения.

Резолюция однозначно уравнивала советизм (сталинизм, коммунизм) и нацизм. Она констатировала, что СССР — преступное государство, осуществлявшее геноцид (!), военные преступления, преступления против человечности. Резолюция настоятельно рекомендовала прекратить «приукрашивание прошлого» и его «восхваление», включая «проведение публичных демонстраций в ознаменование нацистского или сталинистского прошлого». Зачем это? И что значит объявление 23 августа — дня подписания Пакта Молотова—Риббентропа — «Общеввропейским Днем памяти жертв сталинизма и нацизма», о котором говорится в резолюции? А затем, что это, как справедливо ожидают в Европе (и не только), породит весьма существенные и приятные для Европы (и не только) последствия. Сначала — признание нами — Россией как правопреемницей СССР — вины за оккупацию ряда стран Европы. Потом — сатисфакция этим странам. Следом — наше далеко идущее поражение в правах...

Официальная Россия тогда оказалась на высоте. Тогда, в 2009 году, Россия осудила сравнение режимов Сталина и Гитлера и бойкотировала голосование Парламентской Ассамблеи ОБСЕ. Россия назвала эту резолюцию ПА ОБСЕ недопустимой и заявила, что данный документ «искажает историю в политических целях». Важно, что в такой оценке все были едины: резолюция была осуждена и МИДом, и Госдумой, и Патриархом.

Прошло чуть меньше двух лет.

1 февраля 2011 года в Екатеринбурге состоялось заседание Совета по развитию гражданского общества и правам человека при Президенте России. На заседании в присутствии Президента РФ с развернутым и далеко идущим заявлением по поводу десоветизации выступил член Совета С. Караганов. Он, в частности, сказал: «народу России после последних 100 лет себя почти не за что уважать», а также обвинил народ России в 70-летней поддержке «античеловеческого, варварского режима» и «самогеноциде». По сути, он пересказал основные положения той самой резолюции Парламентской Ассамблеи ОБСЕ, но только в популярном изложении, и связал необходимость десоветизации с актуальной темой модернизации — якобы модернизация в стране невозможна без десоветизации.

31 марта 2011 года на официальном сайте Совета по развитию гражданского общества и правам человека при Президенте РФ появился полный текст «программы десоветизации» под названием «Об увековечении памяти жертв тоталитарного режима и о национальном примирении». За этим «сладким» названием скрываются уже знакомые — из резолюции ПА ОБСЕ — положения. Вкратце они сводятся к следующему.

1. Необходимо признать, что «народу России после последних 100 лет почти не за что себя уважать».

2. Необходимо признать советский период нашей истории одним большим преступлением, а Советский Союз — преступным государством.

3. Необходимо признать, что «вся Россия — большая Катень». При этом имеется в виду, как безусловная, та точка зрения, что массовые захоронения в Катень — дело рук НКВД.

4. Необходимо признать, что в СССР осуществлялся «геноцид». То есть советское государство осознанно истребляло советский народ.

5. Необходимо признать Советский Союз «тоталитарным» государством и на этом основании считать его таким же, как гитлеровская Германия.

6. Необходимо признать, что СССР несет ответственность за развязывание Второй мировой войны наряду с гитлеровской Германией.

7. Необходимо переписать учебники истории, чтобы отразить в них все, что касается геноцида в советское время и СССР как преступного государства.

8. Необходимо запретить быть госслужащими людям, которые сомневаются в том, что Советский Союз был преступным государством.

9. Необходимо провести ревизию памятных дат и праздников с тем, чтобы исключить или переименовать все даты, связанные с историей Советского Союза.

Смысл этой программы, что неудивительно, быстрее всего поняли в Литве — одной из стран, инициировавшей ту самую резолюцию ПА ОБСЕ. «Россия признала ответственность за геноцид и Вторую мировую войну! — радостно заявили в Литве, но тут же оговорились, что радость пока не полная. — Не хватает лишь одного: пока Москва открыто не признает факт оккупации, подобные программы будут лишь комом мягкой бумаги “для местного пользования”».

Таким образом, «программа десоветизации» оказалась вписана в планы далеко не дружественных нам сил, мечта которых — приравнивание СССР к гитлеровской Германии и признание Россией как правопреемницей СССР своей ответственности за развязывание Второй мировой войны и за все преступления и злодеяния, с ней связанные. Что последует за осуществлением этой программы (если мы допустим ее претворение в жизнь)? Что принесет России так сильно чаемая Советом по правам человека и нашими «заклятыми друзьями» в мире десоветизация и десталинизация? Какова цена вопроса?

Цена, которую мы заплатим, если допустим осуществление «десоветизации», непомерно высока. Анализ исторических, идеологических и политических закономерностей неумолимо приводит нас к выводу, что после «десоветизации» процесс будет развиваться следующим образом:

1. Прежде всего, будет всеми способами, включая запрещенные, демонизирован весь советский период нашей истории длиной в 70 лет.

2. На основании этой демонизации будет более или менее внятно поставлен вопрос о правосубъектности российского общества и государства. В самом деле, если социум 70 лет жил в таком страшном зле, как «пре-

ступный» СССР, то налицо фундаментальная поврежденность социума, из которой следует проблематизация правосубъектности.

3. Сразу за этим встанет вопрос об опекуне для этого «поврежденного» и пораженного поэтому в правах социума. Для России если не навсегда, то на долгое время будет определен внешний управляющий.

4. Немедленно вслед за этим на свалку истории будет выброшено все то, что способствовало «болезни» российского общества и менталитета, которая привела к советской «античеловеческой оргии длиной в 70 лет». То есть будут выброшены и забыты все российские — и советские, и русские — сверхценности, определявшие жизнь и путь России на протяжении веков.

5. Результатом этого неминуемо станет возрождение и всемирная идеологическая победа неонацизма — приравнивание коммунизма к фашизму, а Сталина к Гитлеру рано или поздно в силу исторической логики обернется восхвалением Гитлера и фашизма (нацизма, неонацизма).

6. Параллельно будет демонизирована вся история России, ибо вся она пронизана «имперским грехом», породившим «грех сталинизма». Сразу же после расправы с Лениным и Сталиным — займется Екатериной II, Петром Великим, Иваном Грозным, Александром Невским и т. д.

7. Корнем «имперского греха» окажется вся русская культурная матрица, она же — ядро культуры, русскость как таковая. Десталинизация превратится в дерусификацию.

8. Наконец, поскольку демонтаж смыслов всегда оборачивается расчленением территории, то начнет распадаться страна. Так произошло с СССР. Так неминуемо произойдет и с РФ.

Вот она — цена, которую мы заплатим, если проведем десоветизацию.

Хотим ли мы — не Совет по правам человека, а народ России — проводить десоветизацию? Это надо спросить у народа. Именно с этой целью — узнать мнение народа России о «программе десоветизации» и был проведен масштабный социологический опрос, инициированный общественным движением «Суть времени».

РЕЗУЛЬТАТЫ ОПРОСА

Инициативный всероссийский опрос проведен активистами общественного движения «Суть времени» 6–22 апреля 2011 г. Опрошено 36 014 человек в 1732 населенных пунктах в 77 областях, краях и республиках России. Выборка «отремонтирована» математическими методами и репрезентативна населению России старше 16 лет по полу, возрасту и типу поселения «городское/сельское». Статистическая погрешность не превышает 2 %.

Как водится, спросить у самого народа, хочет ли он, чтобы его сознание «модернизировали», позабыли (а может, и не планировали). Но, как ни странно, народ России имеет по этому поводу свое мнение. Это мнение (удивительно единодушное) удалось зафиксировать благодаря проведенному опросу. По результатам опроса выяснилось, что если бы у народа спросили, хочет ли он проведения программы, предложенной Советом по правам человека, то он бы — народ России — ответил «НЕТ» довольно решительно и определенно (рис. 1).

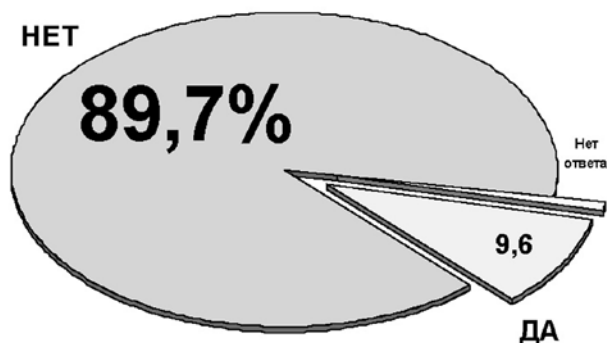

Рис. 1. Распределение ответов на Вопрос № 2 анкеты: «Если бы в России решили провести общенародный референдум и спросили: “Нужно ли в России осуществлять программу, предполагающую признание Советского Союза преступным государством, осуществлявшим геноцид собственного народа и виновным в развязывании Второй мировой войны”, то как бы Вы ответили?»

Таким образом, почти 90 % населения России считает, что подобную программу осуществлять НЕ нужно (рис. 2).

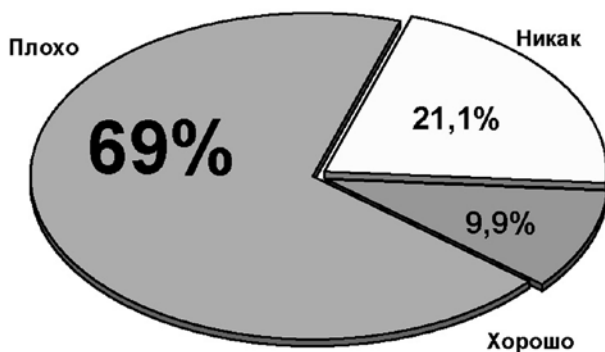

Рис. 2. Распределение ответов на Вопрос № 1 анкеты: «Просим Вас дать оценку этой программе десталинизации — с основными положениями которой Вы только что ознакомились — по следующей 11-балльной шкале, имея в виду, что:

+ 5 — это максимально положительная оценка, она означает, что программа Вам очень нравится, Вы считаете ее правильной и полезной;

0 — что Вы относитесь к программе нейтрально, она Вам безразлична;

— 5 — это максимально отрицательная оценка, она означает, что программа Вам очень не нравится, Вы считаете ее вредной и неправильной».

Таким образом, «правильной и полезной» программу считает только 10 % населения, еще 20 % относится к ней безразлично, а 70 % — относятся явно отрицательно. Но это не удивительно — именно потому, что программу считают вредной и неправильной, люди и «голосуют» против ее проведения в стране. Удивительно другое: даже среди тех, кто относится к программе «положительно», то есть считает ее правильной, 40 % «голосуют» против ее проведения в нашей стране (рис. 3).

Рис. 3. «Голосование» в ответах на вопрос № 2 в зависимости от оценки, данной программе десталинизации в ответе на вопрос № 1

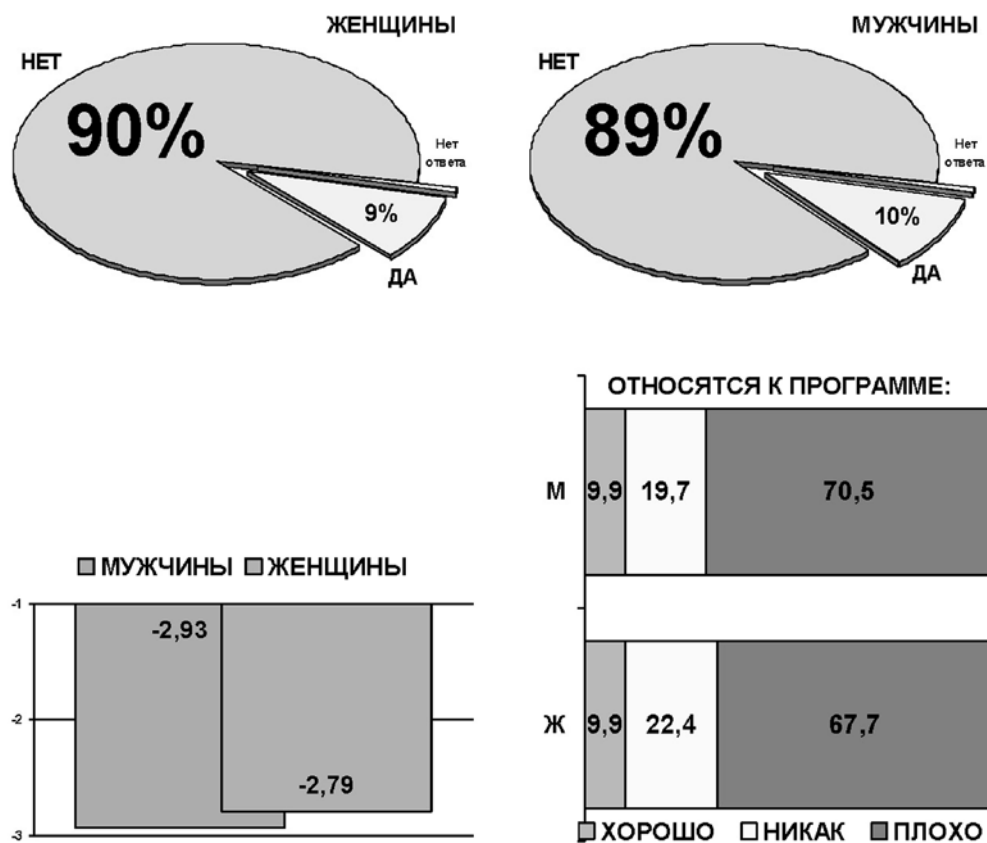

Рис. 4. Отношение к программе десталинизации в зависимости от пола респондентов

То есть даже среди тех, кто согласен с программой полностью или частично, довольно много людей, которые считают, что осуществлять ее, тем не менее, не стоит. Соответственно, они готовы согласиться с программой только на теоретическом уровне и созерцать ее красоты только при условии, что она не будет осуществляться. Что же касается тех, кому программа практически безразлична (но все же никак не является ее противниками), то они «голосуют» против осуществления программы практически так же единодушно, как и ее ярые противники.

Такое неприятие именно осуществления программы имеет, по существу, только одно объяснение: все понимают, что наше советское прошлое, которое нас объединяет, оно (простите за тавтологию) нас именно объединяет! Соответственно, все, что направлено против него, нас разъединяет. А вот этого мало кто хочет.

Единодушие россиян относительно нежелательности проведения предложенной Советом при Президенте программы столь велико, что различия мнений разных социально-демографических групп едва заметны.

Легко видеть, например, что различий между мнением женщин и мужчин (рис. 4) практически нет. Разве что женщины чуть более резко и определенно высказываются относительно программы, но не настолько, чтобы можно было бы говорить о каких-то серьезных различиях.

Различий во мнениях относительно десталинизации среди городского и сельского населения России так же мало, как и различий в зависимости от пола респондентов (рис. 5).

Очевидно, отрицательное мнение по поводу десоветизации так же сильно у сельских жителей, как и у городских. Да, в общем-то, и непонятно, с чего бы, например, сельским жителям хотеть десоветизации больше, чем городским?

Та же картина, что и по полу и городу/селу, наблюдается почти по всем социально-демографическим характеристикам, которые измерялись в опросе: различия или отсутствуют, или есть, но какая бы то ни было значимая зависимость не просматривается.

Тем не менее, они — различия и зависимости — все же иногда встречаются, и рассмотрение этих, зачастую микроскопических отличий, позволяет многое понять относительно причин такого резко отрицательного отношения людей к программе десталинизации (десоветизации), а также выявить группы, которые, может быть, когда-нибудь (не меньше, чем в 70-летней перспективе) поменяют свое мнение и перейдут в полном составе в стан сторонников немедленной десоветизации.

Еще один очень ясный пример подобных различий и закономерностей — это изменение отношения к программе десталинизации в зависимости от возраста (рис. 6).

Из рисунков хорошо видно, что чем старше люди (то есть чем более длительный срок они подвергались «государственному терроризму» со стороны «преступного» Советского государства), тем меньше они склонны поддерживать программу десоветизации. И наоборот, чем моложе граждане (то есть чем меньше у них было шансов испытать «преступления СССР» на собственной шкуре), тем больше они готовы согласиться, что программа десталинизации нужна. Абсолютным рекордсменом тут является группа «16–19 лет», то есть состоящая из родившихся после развала Советского

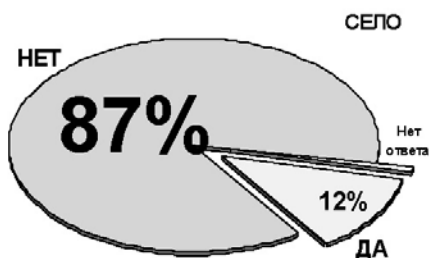
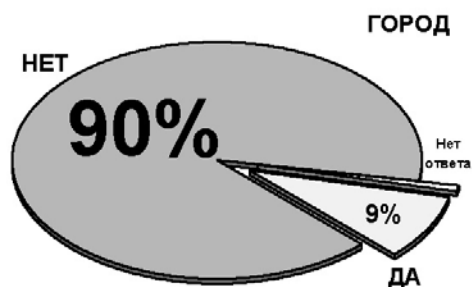

Рис. 5. Отношение к программе десталинизации в зависимости от того, проживает респондент в городе или в селе (деревне)

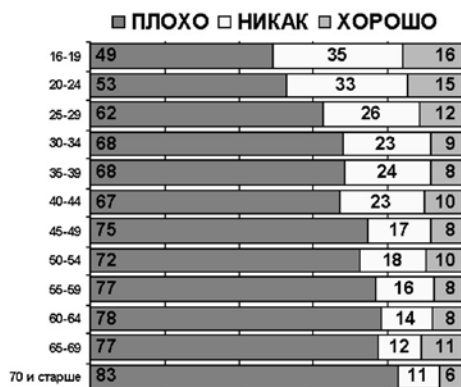
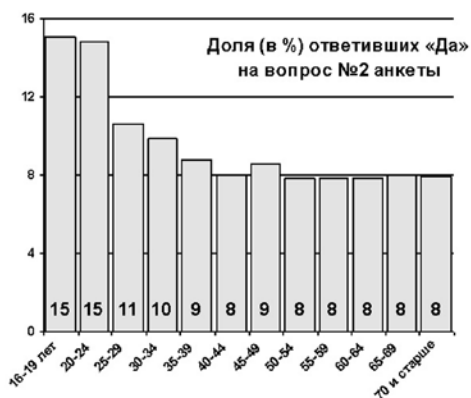

Рис. 6. Отношение к программе десталинизации в зависимости от возраста респондентов

Союза — именно среди них максимальна доля тех, кто считает, что программу десталинизации надо проводить (таких 15,1 %) и тех, кто относится к этой программе весьма положительно (таких 16,1 %). Но и эту группу «невинных младенцев» никак не назовешь «сторонниками» десоветизации. Потому что и в этой группе против проведения программы высказывается подавляющее большинство — 84,4 %, а «просто» очень отрицательно к программе относится 49,3 % — практически половина.

Таким образом, не обнаружилось возрастных групп, которые бы хотели, чтобы их сознание модернизировали путем десталинизации и десоветизации. «Модернизаторам» из Совета по правам человека либо придется эти самые права нарушать и действовать против воли народа России, либо долгие годы ждать, когда вырастут поколения, которые будут относиться к идее десталинизации хотя бы безразлично. Однако Совету не стоит слишком обольщаться и рассчитывать на дальнюю перспективу — потому что отвращение к программе десоветизации, как выяснилось, растет не только с возрастом, но и с ростом уровня образования (рис. 7).

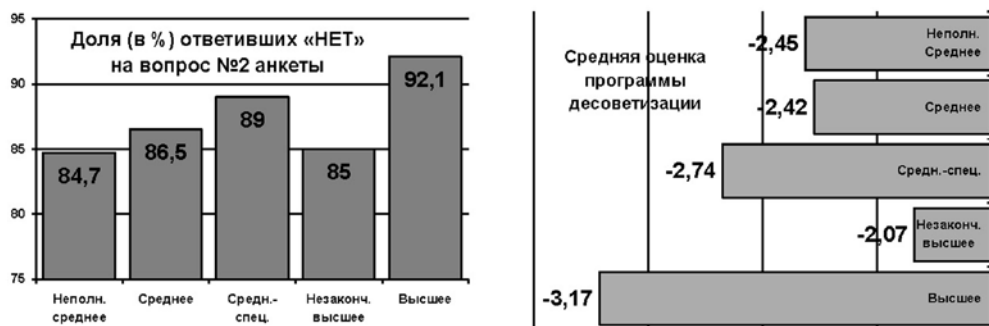

Рис. 7. *Отношение к программе десталинизации в зависимости от образования респондентов*

Зависимость от уровня образования видна хорошо, а «провал» группы «незаконченное высшее образование» объясняется, скорее, возрастом студентов. Кроме того, есть все основания ожидать, что после взросления и получения образования, и перехода в группу «высшее образование», взгляды этой группы респондентов претерпят некоторые изменения. Соответственно, для осуществления программы Совету нужно ждать не только вымирания всех тех, кто еще помнит «преступления проклятого совка», но и того, чтобы новые поколения россиян, по возможности, не получили образования (хотя похоже, что эта задача, в принципе, уже решается).

Определенные различия в восприятии необходимости программы десталинизации есть и между национальными группами. Однако они далеко не так существенны, как можно было предположить. И уж точно не просматривается в этих различиях ничего, что позволяло бы сказать, что какие-то национальности особенно обижены на Советский Союз и поэтому ждут не дождутся программы десоветизации. Так, например, представители кавказских народов, участвовавшие в опросе, не хотят десталинизации даже чуть сильнее, чем русские (табл. 1).

Так же обстоит дело и с оценкой программы десталинизации в целом — вне зависимости от вопроса необходимости ее немедленной реализации: все национальности России оценивают ее отрицательно.

Глядя на данные по национальностям, не удается усмотреть в них какой-то особо «содержательной» закономерности. Однако наверняка стоит обратить внимание на то, что представители большинства национальностей, получившие в результате первой «десоветизации», которая привела к развалу Советского Союза, свои национальные государства: грузины, азербайджанцы, украинцы, белорусы — выступают категорически против программы и оценивают ее хуже всех остальных.

Таблица 1

Ответы на вопросы № 1 и № 2 в зависимости от национальности опрошенных (упорядочено по убыванию средней оценки программы)¹

Национальность	Да, %	Нет, %	Оценка
НЕМЦЫ	16,1	83,9	— 1,74
«РОССИЯНЕ» (указавшие национальность «Россиянин», «Гражданин РФ», «Житель России» и пр.)	20,9	77,2	— 1,92
БАШКИРЫ	15,5	84,5	— 1,93
НАРОДЫ СРЕДНЕЙ АЗИИ (узбеки, таджики, киргизы и др.)	20,9	79,1	— 2,07
АРМЯНЕ	12,6	87,4	— 2,07
БУРЯТЫ	15,7	84,3	— 2,10
ЕВРЕИ	16,4	83,6	— 2,12
СЕВЕРНЫЕ НАРОДЫ (ненцы, якуты, ханты, ман- си, шорцы, эвены и др.)	16,6	83,4	— 2,40
ЧУВАШИ	10,4	89,6	— 2,49
ТАТАРЫ	8,2	90,0	— 2,51
МАРИ	2,8	97,2	— 2,54
КАЗАХИ	5,7	94,3	— 2,71
РУССКИЕ	9,5	90,0	— 2,96
КАВКАЗСКИЕ НАРОДЫ (аварцы, чеченцы, ингуши, осе- тины, таты, лезгины, черкесы, кабардинцы, карачаи и др.)	13,3	86,7	— 3,02

¹ В этой и следующей таблицах исключены данные по людям, не ответившим на поставленный вопрос №2 (поэтому сумма процентов в строке по ответившим «Да» и «Нет» не равна 100): количество этих людей исчезающе мало и только загромождало бы таблицу и мешало восприятию информации.

Национальность	Да, %	Нет, %	Оценка
МОРДВА	16,1	83,9	– 3,35
БЕЛОРУСЫ	6,0	94,0	– 3,45
УКРАИНЦЫ	9,3	89,8	– 3,56
АЗЕРБАЙДЖАНЦЫ	4,0	96,0	– 3,60
ГРУЗИНЫ	12,1	87,9	– 3,75

Зато в данных об отношении к программе десталинизации в зависимости от места работы смысл выявленной закономерности понятен хорошо. Чем более оторван от общества человек (в силу специфики своей работы) — тем более он склонен согласиться с идеей о проведении программы десталинизации. Если не обсуждать студентов и учащихся (в этих категориях все решает возраст), то закономерность просматривается четко: те, кто работает самостоятельно, не в коллективе (а также кто не работает), в целом более склонны согласиться, что десоветизация нужна (табл. 2).

Таблица 2

**Ответы на вопрос № 2 в зависимости от места работы
опрошенных (упорядочено по убыванию доли ответивших «Да»)**

Место работы	Да, %	Нет, %
По найму на частных лиц	15,1	84,0
Учащиеся, студенты	14,6	85,0
Собственное дело	12,2	87,5
Не работают	12,0	87,8
Средние и мелкие компании	10,9	88,4
Безработные	10,0	88,9
Работают индивидуально	8,7	90,9
Пенсионеры	8,4	90,7
Бюджетники	8,4	91,2
Госслужба, армия, МВД	8,3	91,1
Крупные компании	7,7	91,9
Госпредприятия	7,6	90,7

Такая же зависимость видна в оценках предложенной программы — чем более индивидуально и «независимо от общества» человек живет, тем лучше, в целом, он оценивает программу. Вывод напрашивается сам собой:

когда все население России окажется либо безработными, либо охранниками, слугами, нянями, личными массажистами и водителями — вот тогда и настанет время проводить программу десоветизации. Что, в принципе, будет логично: если все население превратить в службу богатых, то десоветизация будет просто срочно необходима. Но сейчас это время еще не пришло — вероятно, к большому сожалению членов Совета при Президенте.

ВЫВОДЫ:

Исследование убедительно показало, что народ России не хочет никакой десоветизации и десталинизации, и ни при каких условиях такую программу не поддержит. Важно понимать, что в исследовании не выявлено ни одной, даже мелкой, группы населения, которая бы была готова на проведение программы, предложенной Советом при Президенте. То есть в отношении программы десталинизации население России выступает монолитно против. Эта позиция объединяет людей всех национальностей, вероисповеданий, разного социального положения и дохода, молодых и старых, образованных и не очень, живущих в столицах и в далеких селах.

Приведение в действие разъединяющей людей, взламывающей единство народа программы десталинизации, конечно, не взорвет страну немедленно, однако угроза такая есть. Она, как нам кажется, хорошо видна из приведенных данных.

Соответственно, проведение программы десталинизации в таких условиях будет жесточайшим попранием демократии и прав человека, которые как раз и призван защищать Совет при Президенте.

Вопросы ОБРАЗОВАНИЯ

Валентина ГОВОРОВА

О РАЗВАЛЕ РОССИЙСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Валентина Анатольевна Говорова — родилась в 1954 году. В 1976 году окончила химический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова и сразу же начала работать в школе. Педагогический стаж более 30 лет. 22 года проработала в одной из московских школ. Была учителем химии, завучем, в течение 12 лет директором. При ее непосредственном участии в школе были открыты лицейские классы медико-биологического профиля при одном из московских медицинских вузов. В 1997 и 1998 годах участвовала в конкурсе, по итогам которого дважды имеет звание «Директор года». Награждена значком «Отличник Народного просвещения», медалью «В честь 850-летия Москвы». Ей присвоено звание «Заслуженный учитель Российской Федерации». Живет в Москве.

Современное состояние российского образования не выдерживает никакой критики. Современный выпускник, даже учебного заведения профильного или считающегося учреждением повышенного уровня обучения (гимназией, например), не обладает системными знаниями практически ни по одному предмету. Бесконечные неоправданные, непроверенные новшества привели к печальному результату. Складывается впечатление, что чиновники от образования никогда не работали в школе, не представляют, что такое система образования. По их мнению, систему нужно реформировать, но им непонятно как, а, главное, зачем.

Все нововведения идут к нам с Запада

У какого бы чиновника не спросил: «зачем это делается?», другой аргумент, кроме: «так принято на Западе» редко услышишь. Но ни у кого из представителей старшего поколения, прошедших обучение в советской школе, не вызывает сомнений тот факт, что наше образование было лучше. Недаром выпускники советской школы всегда были востребованы и на Западе, и в Америке. Они всегда были лучше образованы, чем их западные ровесники, умели (и умеют до сих пор) мыслить системно, логически и масштабно.

Что принесли нам западные реформы в системе образования? Лишь падение уровня образования, превращение его в узкопрофильное образование. Вводимые новшества зачастую противоречат друг другу.

Например, ЕГЭ требует от ученика формального запоминания. ЕГЭ делается на время, то есть ученик должен вложиться в отведенное на экзамен время, он не имеет возможности правильно распределить

свои силы и подумать. Он вынужден действовать формально, иногда угадывать ответ.

Практика показала, что более слабые ученики зачастую лучше сдают ЕГЭ, чем сильные школьники. Ведь вероятность угадать ответ весьма велика — 25 %. Ученика легко «натаскать» на сдачу единого экзамена за короткое время, что вовсе не означает, что он усвоил этот предмет.

С другой стороны, требуется, чтобы выпускник школы сделал проект (даже в начальной школе) и занимался проектно-исследовательской деятельностью. Однако к проектной, проектно-исследовательской работе склонно совсем небольшое количество людей. У большинства учеников в настоящее время проектная работа сводится к реферативной.

Сейчас функционерами от педагогики рекомендуется, чтобы практически каждый урок был проектно-исследовательским.

А зачем творчество, если на экзаменах требуется лишь формальный подход? Да будь ты автором любого количества успешных проектов, это не поможет тебе успешно сдать формализованный ЕГЭ. Проект требует дополнительных затрат времени и сил на поиск внеучебного или учебного, но углубленного материала, на проведение эксперимента. При успешном осуществлении проекта или проектов у ученика неизбежно возникнет проблема с неизученными, или недостаточно изученными темами, вопросы в ЕГЭ по которым никто не отменял.

На мой взгляд, школа должна учить человека не проектировать, а работать: для школьника учеба та же работа. Научится ученик работать, тогда, если есть способности и склонность, научится творить. Раньше или позже человек, умеющий работать, перейдет на следующую ступень своего развития.

Несмотря на то, что в настоящее время в школе не изучается диалектика, законы диалектики не исчезли — количество переходит в качество.

Из западных школ берут все самое худшее

Сначала взяли ЕГЭ. Теперь в школьный процесс активно вмешиваются психологи. Они учат учителя, как нужно строить урок. Мало быть учителем. Надо быть учителем-психологом. Традиционная форма урока (повторение ранее изученного материала, подготовка к изучению нового, изучение нового материала, закрепление вновь изученного), с точки зрения этих псевдопсихологов, уже не годится. Учитель должен строить план урока с позиции ученика: школьник должен быть настроен на изучение материала. Ученик только тогда будет успешно изучать предмет, когда сам этого захочет, когда у него возникнет потребность в изучении данного предмета. Это утверждение, безусловно, верное.

Но представьте себе: у ученика шесть уроков в день, зачастую шесть разных уроков. Следовательно, школьник должен 6 раз в день настроиться на изучение очередного предмета. К нему 6 раз должно прийти вдохновение по разным направлениям. И так каждый день. Но это практически невозможно.

Дети не любят делать того, что они не умеют. Для того чтобы они полюбили что-то делать, их надо сначала этому научить. Для этого школьники должны уметь работать, даже если им этого не очень хочется.

В настоящий момент учебный процесс выглядит так

Учитель, как артист, как фокусник должен придумывать разные новые приемы, чтобы только вдохновить ученика на изучение предмета. А избалованный ученик сидит и думает, стоит ему вдохновляться и изучать или, может быть, ему не хочется. И очень часто получается, что ученик решает, что ему не хочется. А кто виноват? В данной ситуации сейчас всегда виноват учитель: не заинтересовал, не нашел правильный подход и т. п.

Учитель сейчас даже не может поставить ученику неудовлетворительную оценку. Нет, поставить он ее, конечно, может. Но сам же будет виноват: его заставят дополнительно заниматься с учеником, набегут комиссии, проверки, это непременно скажется на аттестации учителя.

Возможно, кто-то скажет, что ну и очень хорошо, нечего мучить детей, нечего ставить им двойки. А у ученика пропадает всякий стимул учиться. А зачем? Тройку ему все равно поставят. Значит, можно отдыхать и ничего не делать на уроках.

Родители тоже успокоились, они тоже точно знают, что их чадо в любом случае перейдет в следующий класс и закончит школу. Вот и переходят родители из активных участников учебного процесса в пассивные наблюдатели.

Что же делать? Какие советы должны дать психологи? На какие ухищрения должен пойти учитель, чтобы школьники работали на уроках?

Вот в данной ситуации и надо бы взять то лучшее, что есть на Западе и то, что раньше было у нас

На Западе существуют школы разных категорий. Если ученик не тянет в школе более высокой категории, его переводят в школу более низкой категории, где программа проще.

А в советской школе было второгодничество. Не усвоил ученик программу за год — пожалуйста, повтори ее еще раз. Опять не усвоил? Можно третий раз, но это уже за плату родителей. Или перевести ученика в школу более низкой категории. В этом случае и у родителей и у детей сразу появится стимул к учебе. Хочешь не хочешь, а учиться трудиться придется.

Никто не возражает против того, что певцами, композиторами, художниками могут стать не все, а только люди с определенными способностями. Однако существует всеобщее заблуждение, что математику, в частности интегральное исчисление, может и должен освоить любой школьник. В настоящее же время основная часть выпускников школ не умеет считать устно, где уж им заниматься интегралами. В данном случае речь не идет о сложении, вычитании, умножении и пр. многозначных или дробных чисел. Они не умеют умножать на одну десятую, умножать или делить на две десятых. Все эти действия они делают на вычислительных машинках. При этом они не могут оценить правильность полученного ответа, если, допустим, ошиблись при наборе цифр. А ведь все выпускники советской школы это умели делать, хотя тут немалую роль сыграло отсутствие счетных машинок.

Допустим такую невероятную ситуацию: чиновники от образования отважились и разделили школы на категории. Тут же встанет новая проблема.

Абсолютно не факт, что умный и способный ученик сможет удержаться в школе высшей категории. Эксперименты с программами (стандартами), вариативными учебниками, концентрической системой образования привели к тому, что предлагаемый материал по какому-либо предмету, к примеру, для восьмого класса не соответствует ни по объему, ни по уровню сложности для основной части учащихся. Где же психологи? Почему они не бьют тревогу в данной ситуации?

Приведу конкретный пример. В советской школе химию, как и сейчас, изучали четыре года. Но на изучение неорганической химии отводилось три года изучения: по 2 часа (урока) в 8 и 9 классах и 3 часа (урока) в неделю в десятом классе (нумерация классов приведена по современной системе). В 11 классе изучали органику 3 часа (урока) в неделю.

В настоящее же время неорганическую химию изучают по 2 часа в неделю в 8 и 9 классах. А объем изучаемого материала не просто остался прежним, он увеличился! На изучение кислот, оснований щелочей отводится по 2–3 урока на каждую тему (при 2-х часах в неделю примерно четверть), хотя раньше этот материал изучался почти год.

Да еще, с одной стороны введено всеобщее 11-летнее обучение, с другой стороны считается, что основное образование заканчивается в 9 классе, поэтому ученик должен изучить всю химию, включая органическую, к окончанию 9 класса. В результате даже у хороших, трудолюбивых учеников опускаются руки: они физически не могут освоить предлагаемый материал, ведь подобное происходит и с другими предметами.

Посмотрите тесты по ГИА (Государственной итоговой аттестации для 9 класса). На вопросы этих тестов ответит не каждый взрослый. Стандарты вроде бы каждый год не меняются, по крайней мере, в сторону усложнения материала и увеличения его объема. Но возьмите опубликованные тесты ЕГЭ за 2002 год и за 2010. Все, кто хоть немного разбирается в химии, легко заметят разницу — тесты за 2010 год значительно сложнее.

Складывается впечатление, что с помощью всех этих тестов хотят не проверить знания учащихся, а завалить их. Где же психологи? Или они понятия не имеют о существующих проблемах?

В старшей школе ученики должны изучать тот же материал (по неорганической химии) на более высоком уровне. Но так как они почти не усвоили его в средней школе, по сути изучают то же самое во второй раз. О каком интересе к предмету может идти речь в сложившейся ситуации?

В настоящее время встречаются учителя (чаще из молодых, их учили всему: психологии, как сделать портфолио и пр., только не предмету), которые не могут решить тест по ЕГЭ! Речь, безусловно, идет о третьей части С. Но даже не все опытные учителя укладываются в отведенные на экзамен 3 часа, особенно, если в частях А и В есть некорректно сформулированные вопросы. Бывает, что задания части А искусственно усложнены и фактически являются по сложности заданиями части В.

Несмотря на все усложнения, некорректную формулировку, иногда настоящие ошибки, по частям А и В, которые проверяет компьютер, нельзя подавать апелляцию. Осознание этого является дополнительным психологическим грузом и замедляет работу над тестом.

Вот и получается так, что ученик, который физически не может освоить объем предлагаемого материала по предмету, говорит, что ему этот предмет

не нужен. Так какие же предметы не нужны? Математика, физика, химия. Но с математикой ничего не поделаешь, всем нужно сдавать ЕГЭ, а вот химия пострадала больше всех. Сейчас речь идет о том, чтобы изучать химию 1 час в неделю в средней школе. В старших классах это практикуется уже давно. Один час химии в неделю — это все равно, что ничего.

А ведь химия — это жизнь и здоровье. Например. Все знают, что консервант, обозначенный буквами Е-240, запрещен к применению в пищевой и косметической промышленности. Некоторые даже помнят, что это формалин (препарат для консервирования трупов). Но вот встречаются косметическое средство известной фирмы, читают его состав, а там среди прочих компонентов написано «муравьиный альдегид». Люди покупают и радуются, что купили «натуральное средство».

И никто не помнит, а ведь в школе это изучают, что «муравьиный альдегид» — это другое название формалина (точнее формальдегида, водный раствор которого называется формалином), и купили они на самом деле яд медленного действия.

Таких примеров можно привести множество (клеи, лаки, краски, обои из полистирола, моющие средства). В 60-х годах прошлого века на коробках со стиральными порошками было написано «без фосфатов», а сейчас фосфаты добавляют в продукты питания, а они способствуют вымыванию кальция из организма, кости становятся хрупкими, легче ломаются. Каждый должен это знать и, либо не употреблять продукты с фосфатами, либо параллельно принимать препараты кальция.

Так почему же раньше в советской школе хватало часов и на физику, и на химию, и на математику, а сейчас не хватает?

В настоящее время количество предметов, изучаемых в школе, увеличилось. Появились МХК (мировая художественная культура), москвоведение, ОБЖ, экономика, художественное творчество, иногда неязыковые школы вводят второй язык, иногда еще и латинский. В 9 классе ввели обществознание, которого там раньше не было, в старших классах иногда отводят больше часов на историю, что неоправданно. Появилась масса каких-то непонятных спецкурсов: «Листая страницы семейного альбома», «Профессиональная ориентация», «Основы исследовательской деятельности» и др.

Этого всего чиновникам показалось мало. Они решили, что старшеклассникам нечего делать и предложили ввести предмет «Россия в Мире». Такой науки нет. Зачем отнимать время у старшеклассников на изучение того, что им априори не пригодится? Или чиновники додумаются и введут обязательный экзамен по этому «предмету»?

То, что должно изучаться в кружках после уроков по желанию ребенка, изучается как обязательный предмет в урочное время, забирая часы у фундаментальных наук: математики, физики, химии.

Любой спецкурс должен «работать» на какой-либо фундаментальный предмет! Остальное после уроков, в кружках и по желанию. МХК и москвоведение должны изучаться во время экскурсий, в музеях, во время прогулок по Москве, а не абстрактно, «на пальцах».

Однажды в беседе с выпускницей гуманитарной гимназии мне довелось поинтересоваться, в какой институт она собирается поступать, кем хочет быть. Тяжело вздохнув, девушка ответила без энтузиазма в голосе, что, наверное, в какой-нибудь психологический. На вопрос «почему?» она

грустно ответила, что ей бы туда не хотелось, и склонности нет, но она не знает ни физики, ни математики, ни химии, а, допустим, на журналистику, так у нее дара слова нет. Она очень жалела, что в свое время не пошла учиться в какую-нибудь другую школу, где у нее была бы возможность лучше изучить математику и естественно-научные предметы. Она сама себя ограничила в выборе профессии. Но среди окрестных школ эта гимназия считается лучшей. У нее просто не было другого выбора. Сначала радовалась, что все так легко и просто. Когда же поняла свою ошибку, было уже поздно.

Многие родители учеников уже начали понимать существующую проблему. Не этим ли объясняется ажиотаж и огромное количество желающих поступить в одни школы, и полное затишье в других. Но парадокс. Школы, которые среди родителей и учащихся считаются хорошими, далеко не всегда на хорошем счету в управлениях образования. Причина?

Когда учителя много времени отдают детям, много с ними занимаются, у них не хватает ни времени, ни сил на бумажки, отчеты, портфолио и прочую ерунду, которая учителям совсем не нужна, но зачем-то нужна начальству.

В настоящее время учитель оценивается не по работе с детьми, а по представленным бумажкам-отчетам.

Хотелось бы коснуться еще одной причины потери интереса к учебе у старшеклассников. Они настолько загружены, что ничего не делают. Как это понимать?

В начале 90-х годов практически все школы города Москвы перешли на пятидневную учебную неделю. Некоторые школы сократили уроки с 45 до 40 минут. Да, в классах, начиная с 8-го, иногда бывало по 7, а то и по 8 уроков в день. Но при разумном составлении расписания — уроки спаривали, и школьники готовились не к 7, 8, а только к 4-ем урокам. На последние уроки ставили более легкие предметы, сокращение урока всего на 5 минут сокращало общее время 8 уроков на 40 минут, поэтому на перегрузки школьники не жаловались. Наоборот. Они были очень довольны. Суббота была «развивающим днем»: надо — сходил в школу на консультацию к учителю по какому-то одному или двум предметам, надо — позанимался дома. Зато воскресенье полностью свободно для отдыха.

При шестидневной учебной неделе у детей фактически нет времени на отдых. Правило советской школы: никаких заданий на воскресенье и на каникулы полностью забыто.

Проучившись всю неделю, иногда промаявшись на ненужных уроках, ученики должны еще и в воскресенье делать домашнее задание. Времени на отдых у них не остается совсем. Если ученики 5–6 классов еще стараются делать все задания, то в более старших классах они просто устают. Им надоест такая жизнь без отдыха. Сюда же добавляются «перегруженные» предметы, которые они физически осилить не могут. В результате у школьников пропадает интерес и опускаются руки.

Зачем учить, если все равно выучить невозможно? Они начинают пропускать уроки без уважительных причин. Родители же часто видят, как устали их чада, и поддерживают их в этом, пишут учителям записки, что ребенок отсутствовал по уважительной причине. Ученик пропускает уроки, еще больше запускает материал, еще больше отстает.

Конечно, это характерно не для всех детей, но для большей их части. Кто-нибудь из функционеров от медицины, принявших решение о шестидневке, проверял, как это сказалось на здоровье школьников? Делали ли выборочную проверку и анализ пропусков ребенком уроков? Спрашивал ли кто-нибудь у школьников и их родителей, как им легче учиться: 5 или 6 дней в неделю?

А ведь подавляющее большинство детей и родителей за пятидневку. Ответ чиновников, что шестидневка введена только в гимназиях, лицеях, классах с углубленным изучением предметов, не состоятелен.

Именно этим детям прежде всего нужен день для самостоятельной работы. У них должна быть возможность почитать дополнительную литературу, порешать дополнительные задачи или упражнения. И им тоже нужен воскресный отдых. Но когда ученик 5 класса отказывается в воскресенье сходить в музей или просто погулять по центральным улицам Москвы, потому что ему надо делать уроки, это ли не повод бить тревогу? Зачем тогда удивляться, что здоровье школьников катастрофически ухудшается?

Хотелось бы добавить несколько слов об учебном плане школ

Хорош был Московский региональный базисный учебный план 2000 года, по которому работала Москва примерно до 2006 года. Он определял основные предметы и минимально необходимое число часов, отводимое на их изучение.

Оставался еще так называемый «школьный компонент». Это были часы, которые школа сама решала, на какой предмет отдать, не на непонятный спецкурс, а именно на углубленное изучение каких-то предметов базового компонента.

В настоящее время в федеральном плане прописано, что, даже если школа углубленно изучает предметы естественно-научного цикла, то, например, на химию отводится всего 3 часа в неделю, из часов, отводимых на спецкурс, можно выкроить максимум еще 1 час в неделю.

Я лично и еще примерно 150 учителей химии школ одного из округов Москвы присутствовали на августовском совещании учителей химии, на котором методист по химии озабоченно сказала, что за 3–4 часа в неделю школьников невозможно подготовить к ЕГЭ, и настоятельно рекомендовала довести это до сведения родителей.

Возникает вопрос, зачем такой учебный план нужен? Зачем нужна школа, которая не может подготовить учащихся к выпускным экзаменам?

Несколько слов о физкультуре

Многие школьники физкультуру терпеть не могут, и не потому, что они не спортивные или ленивые. Напротив, многие занимаются в разных секциях.

Физкультура должна быть именно культурой и частью здорового образа жизни. Ученик должен отдыхать и разгружаться на физкультуре, должен получать удовольствие от посильных физических нагрузок. Ни в коем случае у него не должно быть никаких стрессов от того, что у него не по-

лучается, допустим, залезть по канату вверх, а ему за это ставят плохую оценку, которая потом повлияет на итоговую оценку в аттестате.

Физкультура должна быть несколько раз в неделю (2—3 раза), во внеурочное время. Это может быть и бассейн, и футбол, и аэробика, и бадминтон или теннис. На это, конечно, нужны материальные средства, чтобы договориться с ближайшим стадионом, бассейном и оплатить занятия школьников.

Боюсь, что об этом пока придется только мечтать.

Выводы и предложения

1. Необходимо рассмотреть вопрос о введении 5-дневной учебной недели для всех школ, лицеев, гимназий по желанию учащихся и их родителей.

2. Вывести за рамки обязательной учебной нагрузки лишние предметы и спецкурсы. Уделять больше времени и внимания фундаментальным наукам.

3. Отменить ЕГЭ и ввести устные экзамены, так как школьники совсем разучились грамотно обсуждать научные темы.

Ни родители, ни школьники не поддерживают ЕГЭ. Не поддерживают ЕГЭ и многие учителя.

4. Разделить школы на категории.

Не ставить ученикам положительные оценки до тех пор, пока они не освоят весь курс за данный класс. Ввести второгодничество.

5. Составлять учебный план таким образом, чтобы школа имела возможность самостоятельно, без помощи репетиторов и разных платных курсов, готовить учащихся к сдаче экзаменов.

6. Привести в соответствие объем и сложность изучаемого материала с возрастными физиологическими особенностями детей.

Все это необходимо сделать немедленно, если мы не хотим окончательно потерять лучшие традиции российского образования.

Не случайно многие страны, в том числе и Китай, при построении своей системы образования взяли за основу советскую систему, а не западную.

Я иногда думаю, что российская система образования разваливается чиновниками специально, так как безграмотным и больным народом управлять легче. Поэтому призываю всех, кому не безразлично будущее детей и нашей страны в целом, принять активное участие в борьбе за достойное школьное образование в России без оглядки на Запад.

Ведь без хорошо образованных и здоровых детей Россия не имеет достойного будущего.

Владимир ПРОНСКИЙ

«КОГДА ЧЕРЕМУШКА ЗАЦВЕТЕТ...»

Рассказы

Владимир Пронский (Владимир Дмитриевич Смирнов) — родился в городе Пронске Рязанской области в 1949 году. Работал токарем, водителем, корреспондентом, редактором. Автор романов «Провинция слез», «Племя сирот», «Казачья Засека», «Стяжатели», книги избранных рассказов «Легкая дорога». Публиковался в журналах «Наш современник», «Молодая гвардия», «Москва», «Роман-журнал XXI век» и др., в коллективных сборниках, в ближнем и дальнем зарубежье. Лауреат премии имени А. С. Пушкина, Международной литературной премии им. Андрея Платонова, лауреат премии журнала «Молодая гвардия». Член Союза писателей России. **Живет в Москве.**

ЦВЕТЕТ АКАЦИЯ

Был День Святой Троицы, ранней в этом году.

Утром Лилия ходила на праздничную литургию, а из храма отправилась помянуть мужа, и показалось ей, что вместе со Святым Духом в этот день сошел с небес и ее Сергей. Побывала на могилке одна: родных в городе N не имелось, а дочери не смогли приехать; младшая сдает экзамены в университете, а старшая живет за границей — не очень-то выберешься. А она так ждала их, особенно младшую. Но не обиделась, потому что обе предупредили. Ну, а раз уж так получилось, даже обрадовалась — захотела о многом поговорить с Сергеем наедине, посоветоваться, чтобы знать, как дальше жить. Ведь невозможно бесконечно угасать в одиночестве — год минул, пришла пора определяться. А то, если по-прежнему томиться одной, можно с ума сойти! Да, Лилия хотела и была готова многое услышать, но, положив к надгробию букет акаций и спросив: «Как же мне теперь быть, Сереженька?!» — ничего не услышала; наверное, от волнения и переживаний.

Устав за долгий день, она возвращалась домой разбитая душой и телом. Поэтому и настроения никакого. Еще более оно портилось оттого, что знала: где-то рядом ходит Игорь, весь последний год не оставлявший надежды сойтись с ней. «Не он ли из-за гаражей выглядывает?!» — подумала Лилия, но, подойдя поближе, пригляделась и поняла, что обозналась, приняв за него парнишку, представшего от сверстников.

Игоря она давно знала, даже работали в одном отделе, дружили семьями. Всегда он поглядывал по-особенному, и, чего греха таить, нравился, потому что не мог не нра-

виться: высокий, чернобровый. Он так умел прожечь взглядом, что сердце сразу начинало трепетать и долго не успокаивалось. Особенно старательно оказывал внимание после своего развода. Когда же не стало Сергея, на второй день после его похорон притащился с предложением. Она тогда была в разобранном состоянии, не понимала, как жить, но и обижать грубым словом не хотела. «Вот пройдет год, тогда и приходи!» — только и успела шепнуть, чтобы отвязался, боясь, что услышат приехавшие на похороны родственники. А более всего пугалась самого Сергея. Вдруг он каким-то невероятным образом узнает, что она, безумная, болтает. А она могла и не то сказать, ничего не соображая от горя.

Говорят, время лечит, но Лилия по-прежнему не могла побороть все усиливающееся страдание, особенно, когда вспоминался Сергей. Не мог не вспоминаться, если знала его почти с того дня, когда только-только приехала сюда. Это теперь город энергетиков зазеленел, укрылся деревьями, хотя старожилы — в основном, приезжие, начинавшие с вагончиков, — помнили, как здесь когда-то было пустынно и неуютно. Румянцевы переселились немного позже, когда проложили проспект и несколько улиц. Приехали они из южного приморского города, начали работать на электростанции. С ними прибыла кареглазая дочь-старшеклассница, у которой даже имя было южное — Лилия, или просто Лиля. Она так не хотела уезжать от моря, так любила оставленную бабушку, что привезла в пластмассовой коробке саженец белой акации — любимого бабушкиного дерева.

Переехали Румянцевы в конце марта, и саженец успел на юге налиться почками, но на новом месте весна по-настоящему не начиналась. Пришлось три недели держать его в вагончике, и только после этого пересадить в грунт. А как пересадили — заморозки напугали. Чтобы спасти деревце, Лиля придумала для него защиту из рукава старого пальто, чуть ли не своим теплом согревала нежное создание. В ту пору и заметил младшую Румянцеву веселый, светловолосый шофер, похожий на подростка, частенько проезжавший мимо. Но однажды остановился и поинтересовался Лилиным деревом, обещал привезти чернозема. Обещание сдержал. Они подкормили саженец, но все равно он трудно приживался, долго болел в новом климате. Лишь к концу лета окреп, начал обрастать ветвями, распушился. На следующий год его и вовсе было не узнать. Так в Н появилась белая акация, воспитанная в заветном романсе Лилиной бабушки, начинавшемся словами: *«Целую ночь соловей нам насвистывал...»*

К тому времени Румянцевы переселись в отдельную квартиру в новом доме, а повзрослевшая смуглянка Лилия начала встречаться с Сережей Звонаревым — тем самым синеглазым шофером-пермяком, завербовавшимся после армии на строительство электростанции и жившим в общежитии. Их дружба — чистая и светлая — незаметно перетекла в любовь, и они лелеяли ее, как свою акацию. Они и поцеловались по-настоящему под ней лишь в ту пору, когда она впервые зацвела кипенно-белыми цветами, заставлявшими своим сладким ароматом бесконечно смотреть друг на друга влюбленными глазами.

В конце лета Лилия уехала учиться в институте, хотя мечтала сразу после школы выйти замуж за Сергея, но родители запретили, а она не могла ослушаться. Тогда и сказала ему, чтобы он присмотрел какую-нибудь девчонку и женился, не ждал. Он же, настырничая, обещал терпеть все пять

лет, пока она будет учиться; и ей его настырность очень понравилась. Правда, она не очень-то верила, что дождется. А Сергей, чтобы не скучать и «не отстать в развитии», как говорили ее родители-инженеры, через год тоже поступил в тот же институт, только на заочное отделение. Его упрямство оценили. Когда дочь отучилась, родители не осмелились сказать что-то против ее свадьбы с Сергеем, прописали его у себя, и стали они жить все вместе. Вскоре у молодых родилась дочка, потом вторая.

В те же годы рядом с акацией начали появляться корневые отпрыски, Лиля и Сергей выкапывали их каждую осень и рассаживали вдоль улиц. А весной засекали скверы семенами, похожими на крупную чечевицу. Они одновременно растили и детей, и деревья. Через несколько лет деревья с длинными косицами ажурных листьев цвели по всему городу. В пору их цветения жители необыкновенно менялись: молодые были не в силах противостоять дурманящему любовному аромату и ходили с блестящими глазами, беспричинно смеялись, улыбались друг другу, не понимая причины неожиданного веселья; те, кто постарше, тоже волновались вроде бы беспричинно, вспоминая молодость, с которой, казалось, и не расставались никогда.

Румянцевы и Звонаревы жили по-прежнему в двухкомнатной квартире, хотя родители Лили записались в очередь на расширение жилья. Надеялись получить квартиру для молодых в новом микрорайоне, где снесли последние вагончики, но квартира им не досталась. Правда, обещали, что при сдаче следующего дома они будут в числе первых очередников. Они так и оставались в том списке много лет, пока жизнь в стране торопливо и беспощадно менялась. Дочки подрастали, и всем стало тесно. Тогда Румянцевы дождались выхода на пенсию и вернулись в свой приморский город, к еще живой тогда Лилиной бабушке, чтобы не стеснять дочь с зятем и подросших внушек. Девять лет прошло с тех пор. Звонаревы всей семьей ежегодно ездили к Лилиным родителям в отпуск, отдыхали у моря. Прошлым летом, когда Сергей сгорел от беспощадной болезни, Лили навестила их одна, потому что дочери разлетелись какая куда. Поэтому все последнее время она страдала от одиночества в той самой квартире, в которой когда-то мучились от тесноты. Теперь вся надежда была на младшую дочь, обещавшую вернуться после университета в родной для нее город, потому что старшая отрезанный ломоть — уехала с мужем в Португалию, а когда навестит — неизвестно.

Невеселые мысли преследовали Лилию, когда она брела мимо вереницы гаражей, хотя голова казалась совсем пустой. Никого не хотелось видеть, ни с кем не хотелось говорить. Светило жаркое и яркое солнце, но ее сковывал холод, а по душе разлились сумерки от навалившейся неизвестности. Она свернула к своей первой акации, ставшей ветвистым, высоким деревом, искупалась в печальном и тонком аромате висевших гирляндами цветов и, прижавшись к шероховатому стволу, долго стояла, закрыв глаза. Опять всё вспомнила: как приехала в город, как познакомилась с Сережей. Всё-всё-всё! Потом нехотя отправилась дальше, а вдогонку плыла и плыла сладкая волна цветущей акации.

Недалеко от автовокзала Лилия все-таки столкнулась с Игорем. Он — ярко одетый, она — в сером платье, с черной лентой на голове. Дожидаясь ее, он загородил тротуар, хмуро поздоровался:

— С праздником, дорогая Лилия!

— Я же предупреждала, а ты все не унимаешься?! — вместо ответного приветствия укорила она, не глядя на него.

Игорь попытался улыбнуться, но в его слабой улыбке сквозило горе:

— И долго будешь изводить меня, а заодно и себя?!

— Не знаю...

Лиля торопливо скользнула мимо, потому что на них начали посматривать прохожие; в Н многие знали друг друга. Ей было жалко Игоря. Это правда, чего уж скрывать. Только непонятно было, от чего он мучается, если у них каждый более или менее приличный мужчина на вес золота, особенно в крепком возрасте. И она, Лилия, быть может, со временем всерьез подумает о таком мужчине, но только не сегодня. А когда? Но кто же мог знать, если она сама не ведала этого.

Слегка оглянувшись, заметила, что Игорь отстал, не посмел пойти следом. Хотя в этом уважил. Она почти успокоилась, но у своего дома неожиданно увидела «Жигули» той же модели, какая была у них с мужем. И цвет такой же. За рулем, облокотившись о пассажирское кресло, наклонился водитель. Сергей, бывало, так же сидел, когда пригонял машину из гаража и ожидал «своих девчат», чтобы всем вместе отправиться в лес: летом за грибами, а зимой кататься на лыжах. Окна в машине были открыты, из салона вдруг полились звуки романса, того самого... и показался он в этот момент Лиле не бабушкиным, а ее собственным, до слез желанным. *«Целую ночь соловей нам насвистывал...»* — очаровательно и тонко выводила певица, и слова эти чуть не разорвали душу!

В какой уж раз за сегодняшний день она вспомнила мужа, вспомнила особенно трепетно и поняла, что никогда не забудет Сергея, и никто не сможет заменить его. И сразу стало понятно, как жить дальше, о чем теперь думать и к чему стремиться. Правда, Лиля едва не лишилась чувств в эту минуту, когда горе неожиданно быстро сменилось напугавшей радостью, — шла и ничего не видела вокруг, не ощущала под собой ног от нахлынувшего волнения. Того самого, какое никому и никогда не объяснить даже самыми простыми и понятными словами.

СТАРОЕ ЗЕРКАЛО

Четыре года минуло, как Васильевна попала в больницу с инсультом. Еще тогда врачи обнадежили, да и сама верила, что со временем полегче станет, чтобы хотя бы до умывальника самой добираться. Но месяц шел за месяцем, а улучшения не намечалось. Уж сколько надежд растаяло, сколько было дум передумано, но как сразу не смогла встать на ноги, так и по сей день приходилось мириться с болезнью. А ведь как хотелось бы в церковь сходить, или к родственникам в деревню съездить, или хотя бы до лавочки у подъезда доковылять. Пять минут побыть на вольном воздухе. Больше и не надо — чего зря людям глаза мозолить. Но и минутки она не была на улице за четыре года. Только и знала, что творится там, через свое зеркало.

Улочка у них тихая, без магазинов, и за все эти годы Васильевна изучила всех прохожих, потому что все они жили в одном с нею доме. Когда-то она знала всех жильцов по именам, потому что вместе с ними работала в одном вагонном депо, но потом ровесники подобралась, а молодых разве

упомнишь... Зато знала, кто когда пойдет, с кем — весь тротуар как на ладони. И не беда, что все виделось отрывочно, не до конца, но и это занятие отвлекало от тяжелых мыслей, от сознания своей беспомощности и, чего скрывать, ненужности. Как она устала от этого! И дочь, конечно, устала. Хотя ничего не говорит, но по ней видно, что страдает. Даже исхудала в последнее время, особенно когда поменяла работу, чтобы побольше с матерью находиться, потому что на мужа надежда плохая, а о сыне и говорить нечего. Двенадцать лет. Только и помощи от него — принести бабушке попить, когда никого нет. Поэтому, что ни говори, пользы теперь от Васильевны никакой — сплошная морока. Это только здоровая да сильная всем была нужна, даже старшим сыновьям до последнего дня помогала. А сейчас редко когда придут: и один, и второй. Хотя бы забрали к себе на месячишко — дали сестре отдохнуть, но нет — не заикнутся — жен берегут. Те, когда в гости приедут, внимательные, конечно, — чего зря говорить, — но ведь нетрудно побыть внимательной час, другой. Вот попробуй-ка день за днем! Может, поэтому дочь и ремонт затеяла, чтобы хоть как-то сменить обстановку. Правда, Васильевну это все равно обижало. «Ремонт, значит, им дороже. Спешат куда-то? Вот померла бы — тогда и делали, что хотели», — думала она, поневоле обижаясь на всех.

Дочь и прежде заводила разговор о ремонте, но все равно известие о нем застало Васильевну врасплох.

— Все, на следующей неделе начинаем! — однажды сказала Лена, протирая от пыли зеркало, и укорила: — Сколько еще будем держать эту рухлядь?! Ты бы посмотрела, как сейчас люди живут!

— Куда уж мне...

— Жалко, что не можешь... Даже наши соседи-пенсионеры жалюзи на окнах повесили! А подруга евроремонт сделала!

— Это Настя, что ли? Она ведь в банке работает. Разве за ней угонишься. Ты, может, такой же хочешь?

— Были бы деньги — сделала, — вздохнула дочь, — а пока обойдусь чем-нибудь поскромнее... Ведь для тебя стараюсь — пятый год лежишь! Самой-то не надоело на одно и то же смотреть?!

— Привыкла, — вздохнула Васильевна и не стала более говорить на эту тему. По опыту знала, что в такие минуты лучше промолчать, притвориться спящей — тогда дочь сразу оставляла.

Васильевна закрыла глаза и действительно захотела, чтобы Лена ушла, потому что подступали слезы, а показывать их не хотелось, и удержать не хватало сил, которых и без того почти не осталось даже в ее крупном теле. За дородность Васильевну редко называли по имени — всегда по отчеству. И пошло это еще от ее покойного мужа, не удавшегося ростом, и поэтому, наверное, всегда называвшего ее вроде бы уважительно, но с оттенком едва заметной насмешливости. Это передалось и детям, статью уродившимся в отца и во многом сохранившим его привычки. Даже невысокий зять словно специально подыскался под их семью... Выплакавшись, Васильевна немного успокоилась, привычно заглянула в зеркало, словно за короткое время на улице могло что-то измениться. Ничего там, конечно, не изменилось: все тот же распускающийся куст черемухи, полоска асфальта и угол здания, за который убегал тротуар... Меняются лишь времена года да одежда на людях, в зависимости от сезона.

Ремонт начали с кухни. Зять два дня настилал какой-то особенный пол, а старый линолеум отвез в гараж. Хотя дочь и объяснила, как будет выглядеть кухня после ремонта, но Васильевне все равно трудно было представить. Прежде-то, когда сама хозяйничала, каждый уголок знала, каждую занавесочку, а теперь вместо занавесок собрались жалюзи цеплять. Ей хотя и объяснили, что жалюзи — это полоски из легкого металла, но как она ни пыталась представить — все-таки в глазах стояли рогожи; и было ей не понять, как это можно на окна рогожи вешать?!

Но слушать ее никто не захотел, а если она и высказывала свои замечания, то, соглашаясь, все-таки делали по-своему. Как, например, просила буфет не выбрасывать, а все равно выбросили — мол, места много занимает! А ведь какой был удобный: что ни убери — под руками не мешается. Нет, сделали по-своему: вместо буфета полки итальянских навешали. Дочь с кем по телефону ни поговорит — всем об этих полках рассказывает. Будто ничего на свете важнее нет. И еще об решетках на окна: мол, надо бы поставить, а то — первый этаж, от греха подальше... А Васильевна как услышала о решетках, то вздрогнула: «Как в тюрьме теперь буду сидеть!»

После кухни начали ремонт в маленькой комнате. И там не обошлось без ревизии. Диван им не понравился! Мол, старомодный. Зато крепкий. Служил двадцать лет и еще столько бы прослужил! Да разве они понимают. Им подавай современный, с американской обивкой, да раскладной — будто в комнате танцы устраивать собираются. А на вторую ночь их раскладной диван начал скрипеть на всю квартиру. А они и не замечают ничего. Будто так и надо. Или просто стыдно признаться, что ошиблись.

После ремонта в большой комнате, из которой, на счастье, ничего не выбросили, принялись за спальню, где обитала Васильевна.

— Вы хоть зеркало-то пожалеите, — попросила она дочь, когда зять начал выдергивать из стены крючки, на которых зеркало висело.

А Лена словно и не слышала, и ничего определенного не сказала, а словами «Все нормально будет» показала нежелание прямо говорить о своих планах. «Бог с вами, — подумала Васильевна, — если уж мать родную слушать не хотите, тогда и говорить не о чем!» Теперь Васильевна более переживала не за дочь, а за зеркало, словно оно было живым существом. Досталось оно от старшей сестры, а той — в приданое было подарено матерью. Так что, считай, зеркалу лет семьдесят будет. А последние лет десять, как умерла сестра, оно висит у Васильевны — попросила у племянников на память. И не беда, что зеркало местами, особенно по краям, потускнело и завитка одного в резной раме не хватает. Главное — память сохранилась! Как подумает Васильевна, что к зеркалу руки матушки прикасались, то невольно слезы на глазах проступают, хотя к старости она и без того не в меру слезливая стала. Иногда даже при дочери не сдержится, а та, как увидит слезы, то сразу строго посмотрит и стукнет кулачком по тумбочке: «Перестань сейчас же!» Через силу, со вздохом, Васильевна послушается, да и как не слушаться, когда вся жизнь теперь зависит от нее. Иной раз рада бы каприз показать, а приходится молчать, слезьми умываться.

Хотела Васильевна повторить просьбу, но сразу не решилась, стала дожидаться лучшего момента. А он все не подходил, даже вслед за зеркалом и ее «турнули» из спальни. Зять кое-как перевез на одеяле в большую комнату, уложил на новое место и сказал, что это только на время ремон-

та. Так что, пока они делали в спальне ремонт, пришлось глазеть в пустой потолок. Иногда, забывшись, она привычно поворачивалась к стенке, чтобы посмотреть в зеркало, но зеркала здесь не было, а без него — самое обидное — она не знала, что происходит на улице. Пока лежит здесь, и черемуха отцветет, не увидишь как. Черемуховый куст каждый год нещадно обламывали, но весной он всегда зацветал вновь и вновь. Еще до ремонта на черемухе обозначились зеленые кисточки будущих цветов, которые через неделю должны превратиться в белую кипень. Васильевна всю зиму ждала момента, чтобы полюбоваться этой благодатью, но теперь разве что увидишь. «Эх, к окну бы подойти, своими глазами посмотреть на мир Божий!..» — вздыхала она.

— Илюша, сынок, — попросила Васильевна внука, когда тот пришел из школы. — Посмотри — не зацвела ли черемушка?

— Нет, бабушка... Я только что мимо проходил.

— А кисточки-то, наверное, уже набухли?!

— Нет, бабушка, еще рано.

На какое-то время она успокоилась, а когда внук пообедал, попросила еще:

— Принес бы веточку — уж так хочется понюхать!

— Вот когда зацветет — тогда большой букет принесу!

— Я бы пока и веточке была рада...

Ее настойчивость внуку явно не понравилась, но просьбу все-таки исполнил: прежде чем пойти гулять, вернулся в квартиру и отдал бабушке пахучую веточку, которую она потом держала в здоровой руке до самого вечера.

На следующий день внук сам предложил:

— Бабушка, еще веточку хочешь?

— Спасибо, дорогой мой, вот когда черемушка зацветет, тогда и принесешь, а сейчас посмотри, куда убрали мое зеркало! Может, в ванную поставили?

— Здесь нет! — посмотрев, крикнул внук.

— Тогда в маленькой комнате!

— Здесь тоже не видно...

— А за дверью?

— Я везде посмотрел — нигде нет... — развел он руками. Внук видел, что бабушка расстроилась, хотел успокоить ее, но она попросила пить, словно не о чем было попросить.

— Поставь чашку на тумбочку и иди уроки делать, — сказала она, когда он принес воды, — а то мама жаловалась, что ты плоховато стал учиться.

— Выдумывает! У меня только одна троечка в четверти, а она трагедию из этого делает! — фыркнул внук, неожиданно покраснел от обиды и все-таки отправился делать уроки.

Васильевне в этот момент было самой до себя.

Она, как могла, крепилась, но слез все-таки от подступившей обиды не сдержала, потому что дочь не выполнила обещания — выбросила зеркало! Что ей стоило послушаться, ведь недолго осталось терпеть! От этой мысли с Васильевной что-то произошло... Она не поняла сразу, что именно, но когда тоска совсем одолела, догадалась, что не хочется жить... Впервые в

жизни! От этого сделалось и вовсе плохо, не хотелось ничего ни видеть, ни слышать. Она словно окаменела.

Утро не принесло никакого облегчения. Ей надо бы самой поговорить с дочерью и зятем — развеяться, но тем не до нее. Они спешили в выходной закончить ремонт, а Васильевна постоянно мешала им, когда они что-нибудь передвигали или перетаскивали с места на место. Она это очень хорошо чувствовала.

На следующий день ее перевезли на старое место. Спальня, конечно, покультурнее стала, обои веселые, а настроения они все равно не прибавили. Нет-нет да смотрела она в то место, где прежде висело зеркало, а его будто и не было никогда.

«Вот дождусь, когда черемушка зацветет, и помру!» — решила Васильевна. Она теперь не хотела говорить с дочерью и ни о чем просить ее. Только по два-три раза на дню спрашивала у внука, не зацвела ли черемуха, но тот всякий раз отнекивался, и Васильевна устала ждать. На третий или четвертый день, когда ей все окончательно надоело, внук неожиданно вернулся с букетом. Хотя черемуха еще не полностью расцвела, но запах сразу наполнил квартиру.

— Вот и дождалась! — радостно сказал внук и поставил вазу с черемухой у Васильевны в изголовье.

Васильевна вздрогнула от его слов, подумала, что пришла пора помираться, и ей захотелось побыть одной, чтобы вспомнить всю свою жизнь, вспомнить, как, еще до войны, сперва попав из деревни под Шатуру на торфоразработки, приютилась в Москве, вспомнить, как наравне с мужиками горбатилась на железной дороге, как заработала ревматизм в моечном цехе... Это лишь перед пенсией выучилась на оператора газовой котельной, а так всегда на самых тяжелых и грязных работах, и всегда не доедала, не досыпала — лишь бы были сыты и ухожены дети и муж... И вот не заметила, как жизнь пролетела: дети выросли, муж давно помер, и никому теперь, больная, стала не нужна...

Внук все не уходил и не уходил, словно кто-то заставлял его торчать рядом.

— Как букет завянет — новый принесу! — пообещал он и добавил: — Скоро папа зеркало установит, тогда тебе опять станет хорошо!

— Какое еще зеркало?! — переспросила она, будто ослышалась.

— Твое... Оно сейчас у папы в гараже. В следующий выходной он новую завитушку сделает и свежим лаком раму покроет...

— Откуда ты знаешь-то?! — от неожиданности она вся задрожала и прослезилась.

— Он маме говорил...

Васильевна слабо потянула к себе внука, хотела сказать что-нибудь ласковое, но лишь сильнее заплакала, а тот не знал, что делать, и растерянно смотрел на бабушку, ничего не понимая.

Николай БУРЛЯЕВ

САВВА ЯМЩИКОВ — РЕСТАВРАТОР ВСЕЯ РУСИ

Николай Петрович Бурляев — родился в 1946 году в Москве. Закончил актерский ф-т театрального училища им. Б. В. Шукина и режиссерский ф-т ВГИКа. Лауреат Государственной Премии Югославии («Вукова награда»). Лауреат международных кинофестивалей в Венеции, Каннах, Берлине, Оберхаузене, Сан-Франциско, Акапулько др. Создатель и бессменный Президент Международного Кинофорума «Золотой Витязь». Председатель Международного Объединения Кинематографистов Славянских и Православных Народов. Президент Фонда культуры казаков России. Академик. Народный артист России. Работает в кинематографе с 1959 года. Снимался в 70 фильмах. Кавалер орденов Преподобного Сергия Радонежского III степени и Международной премии, ордена Святого Всехвального Апостола Андрея Первозванного. Член Союза кинематографистов СССР, член правления Союза кинематографистов России. Член Союза писателей России. Художественный руководитель киностудии «Отечество». **Живет в Москве.**

Со святыми упокой, Господи, душу раба Божьего Саввы. Россия простилась с «реставратором всея Руси» — этим званием наградила С. В. Ямщикова народная молва. Вот и я прощаюсь со своим близким другом.

Мы познакомились с Савелием Ямщиковым в 1963 году, на съемках фильма «Метель». Случилось это в Суздале, куда С. Ямщиков прибыл по своим реставраторским делам. Мы проживали в одной гостинице. Савелий сам подошел ко мне и сказал, что у нас с ним есть общий друг — Андрей Тарковский. Я снимался у Тарковского в «Ивановом детстве», а Савелий начинал сотрудничество с ним в качестве научного консультанта фильма «Андрей Рублев». Имя Тарковского стало для нас духовным паролем, сигналом к единению. Савве тогда было — 25, мне — 17 лет, разница небольшая. Мы сблизились с Савелием мгновенно и вскоре стали близкими друзьями, как говорится «водой не разлить».

На первых же шагах нашей дружбы Савелий оказал мне неоценимую услугу: помог уговорить Андрея Тарковского попробовать меня на роль колокольных дел мастера Бориски в грядущем фильме «Андрей Рублев». Этот образ ошеломил меня при прочтении сценария. Я загорелся желанием сыграть Бориску. Но как этого добиться, когда Тарковский и Кончаловский специально для меня написали роль ученика Андрея Рублева, Фомы, а литейщик Бориска писался с прицелом тридцатилетнего московского поэта Чудакова. Тарковский отмахнулся от моей просьбы сделать мне кинопробу на роль Бориски, сказал, что я для этой роли мал. Не помогло и ходатайство оператора Вадима Ивановича Юсова. Тогда, как последний шанс, я использовал пособничество Саввы.

Он избрал неординарный способ: сказал Тарковскому, что лучшего, чем я Бориски не найти, и поспорил с Андреем на ящик шампанского, что тот все равно меня утвердит. Так и произошло. Я всегда буду благодарен Савелию за его дружескую поддержку.

Многие годы мы встречались с Саввой буквально ежедневно. Совершали ежевечерние рейды по ресторанам творческих домов: Дом кино, ВТО, Дом журналистов, Дом писателей, Дом архитекторов... А глубокой ночью, когда все «дома» прекращали работать, инерция богемных посиделок час-тенюк заносила нас в гости к Савве. Он любил быть в компании, не переносил одиночества. В холостяцких паузах: после его расставания с первой женой, болгаркой Велиной и второй — латышкой, манекенщицей Сармой, мне приходилось жить неделями, скрашивая одиночество друга, в его однокомнатной квартирке на Симферопольском бульваре. Мы проводили вместе летние отпуска: ездили на Черное море, в Кижы, в Болгарию... Колесили на допотопном служебном фургоне по музейно-реставраторским делам Савелия, по просторам Святой Руси: Псков, Рязань, Печоры, Владимир, Суздаль, Новгород, Ярославль, Кострома... Я видел, с каким уважением принимают моего друга Савелия музейные работники по всей России.

Разгульная жизнь утомляла меня, но я следовал за Саввой, как за своим Вергилием, по кругам богемного ада. Как-то я прочитал своему другу стихи, навеянные нашей тогдашней жизнью:

*Пустое время провожденье
С элитой в дымных кабаках:
До тошноты ночные бденья,
Застолья в творческих домах.
Компаний праздное веселье,
Постель чужая, боль похмелья,
Но обожали пикники
Советских классиков сынки.*

Савва соглашался со мной в оценке пустоты данного «элитарного» существования, но молодость брала свое...

Впрочем, большую часть своей жизни Савелий Ямщиков посвящал совсем иным духовным занятиям.

Именно Савва начал распахивать передо мной новый, неведомый и прекрасный мир: древние русские города... провинциальные музеи... монастыри... храмы... иконы... Мир русской, православной культуры. Ночевали в заштатных гостиницах, сельских постоялых домах, в древних звонницах, монастырях, в избе его друга, деревенского плотника-реставратора на Онежском озере, а иногда просто на сеновале... Пересекались с замечательными людьми земли Русской, друзьями Савелия, которые становились и моими друзьями: ученый Лев Гумилев, писатели Валентин Распутин и Валентин Курбатов, великие артисты балета Владимир Васильев и Екатерина Васильева, дирижер Максим Шостакович, скульптор Вячеслав Клыков, псковский кузнец-реставратор Всеволод Кузнецов, кижский плотник-реставратор Борис Елупов, гениальный кинорежиссер Андрей Тарковский и кинооператор Вадим Юсов, выдающиеся актеры Иван Лапиков и Анатолий Солоницын,

прославленный фигурист Алексей Уланов, легендарный хоккеист Вячеслав Старшинов... Кто-то нашептывал о Савелии Ямщикове, что он коллекционирует именитых друзей. Однако какая замечательная коллекция... Пожелал бы каждому пожить в таком духовном цветнике...

Совместная работа над фильмом «Андрей Рублев» еще прочнее соединила нас. Савва впервые привез меня в Псково-Печерский монастырь и познакомил с настоятелем, архимандритом Алипием, с которым мы подружились, и который фактически стал моим первым духовником. Навсегда останутся в памяти дни, проведенные с Саввой в Псково-Печерском монастыре. Задушевные беседы, щедрые трапезы в доме настоятеля, бывшего рядового солдата Великой Отечественной войны, художника-иконописца, члена Союза художников СССР, возродившего из небытия сказочный Печерский монастырь. Его «Третьяковка»: удивительная русская живопись, украшавшая стены длинной, восходящей лестницы, куда мы с Саввой уединялись на тайный перекур. Благодатные ночи под иконами с лампадкой в монастырской келье, погруженной в глубокую, словно вечность, тишину. Бархатный гул колокола, помогающий душе уноситься в горние выси.

Во второй половине нашей жизни Савва по-детски обижался на меня за то, что я в своих интервью говорю все больше о Тарковском и очень редко о нем. Да, Андрей Тарковский был и остается для меня человеком моей судьбы, определившим мой творческий путь и мировоззрение. Именно он на съемках «Андрея Рублева» повесил мне на шею первый в моей жизни православный крестик. Он был и остается для меня недостижимой вершиной творческого величия. Однако сегодня, когда Саввы не стало, я, положив на сердце руку, признаюсь в том, что дружба с Саввой и его духовное водительство оказали не менее значительное влияние на мое духовное становление. Андрей появлялся в моей жизни периодически, как солнце в оконце, а мой близкий друг Савва был рядом постоянно. Именно он выводил меня на просторы Святой Руси, помогал делать первые шаги по новой для меня дороге, ведущей к Храму, ненавязчиво руководил моим духовным, православным восхождением.

Именно Савва Ямщиков, по промыслу Божьему, стал первым в атеистической России организатором масштабных выставок икон. Представить невозможно, но это было тогда, в шестидесятые годы советской богоборческой действительности. Именно тогда в самых престижных выставочных залах Москвы Савелий Ямщиков знакомил столицу с шедеврами древнерусской живописи, издавал монографии и альбомы. На этих выставках встречались и соединялись в единый духовный поток лучшие представители советской культуры второй половины XX века.

В молодости Савелий был похож на русского Фальстафа: был плотен фигурой, скрывал от окружающих свои телесные страдания. В детстве он заболел полиартритом. Всю жизнь ему было трудно передвигаться, болели ноги, но угнаться за ним было сложно даже мне, более молодому и здоровому человеку. Савелий был по-русски щедр. Денег не считал, платил за всех. Он любил сытно, вкусно поесть, выпить, ценил женскую красоту, дружеские застолья, анекдоты, песни. И в каждом застолье — страстные разговоры о мировой живописи, искусстве, литературе, поэзии, кинематографе, театре, архитектуре, политике... Он был фундаментально образован и непримиримо бескомпромиссен в отстаивании своих убеждений. Спорить

с ним было невозможно: он сметал противника, как бульдозер, и с шумом двигался вперед. В своих суждениях об искусстве и о людях был строг и категоричен. Непримири́м по отношению к врагам русской культуры и любимой им России: бросался в бой с любой нечистой силой, не соизмеряя свои возможности с административно-весовыми категориями своих противников. И всегда побеждал.

Савелий Васильевич Ямщиков всю жизнь совершал свое неукротимое, русское восхождение, свой духовный подвиг: работа реставратора и искусствоведа, выставки икон, книги и статьи, консультации художественных и документальных фильмов, ведение телевизионных программ о культуре и искусстве, сора́тничество с Н. С. Михалковым на поле боя Российского фонда культуры. Академик РАЕН, член Союза журналистов, Заслуженный деятель искусств Российской Федерации, Президент ассоциации реставраторов России...

Истинный, бесстрашный патриот своей Родины, о котором можно сказать: «и один в поле воин». Савелий Васильевич Ямщиков был подлинным апостолом Русской культуры второй половины XX начала XXI века. Своим подвижническим служением он навсегда завоевал свое почетное место в пантеоне культуры Святой Руси и благодарную память потомков.

ВЫШЛА КНИГА

Семёнов В. Е. Российская полиментальность и социально-психологическая динамика на перепутье эпох: Избранные научные работы (1971–2007). — СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2008. — 479 с.

Книга содержит избранные социологические и социально-психологические труды автора почти за 40 лет его научной деятельности. Все работы — и теоретические, и прикладные — объединены общей методологией в единстве комплексно-системного и ценностно-нравственного подходов. Автором введено новое понятие полиментальности как множественности умонастроений в обществе, а также предложена типология базовых российских менталитетов, имеющих глубокие исторические социально-психологические истоки. Указанный научный аппарат позволяет обобщать и интерпретировать многие данные эмпирических исследований, выполненных сотрудниками НИИКСИ по проектам автора, под его руководством и при его участии. В книге отражается конкретная социологическая феноменология и фактология истории страны на драматическом этапе перехода от одной политико-экономической системы к другой.

Книга предназначена для социологов, социальных психологов, политологов, социальных антропологов, историков, а также для всех интересующихся социальными проблемами современного российского общества.

История и современность

**Валентин
СВИННИКОВ**

ПУТЕШЕСТВИЕ В ПРОШЛОЕ И... БУДУЩЕЕ

Валентин Михайлович Свинников — родился в 1937 году. Окончил факультет журналистики Уральского университета и аспирантуру Академии общественных наук. Кандидат философских наук. Член Союза писателей России — критик. Работал редактором отд. литературы и искусств в «Комсомольской правде» (1978–1980), зам. гл. редактора журнала «Наш современник» (1987–1989), гл. редактором газеты «Ветеран» (1989–1991), журналов «Славяне» (1990–1991) и «Александр и К°» (2005–2006). Первый зам. гл. редактора журнала «Честь Отечества». Живет в Москве.

Какие же причудливые сюжеты придумывает жизнь, выстраивая — и мгновенно разрушая препятствия на пути к мечте!..

Я мог побывать на Горном Алтае еще сорок лет назад, уже и командировочное удостоверение подписано, и билет на самолет в руках. Но... билет пришлось сдать, поскольку выпало очередное «сверхсрочное» задание руководства. Позднее рвался на Алтай, в Онгудайский район, где работал мой старший сын Андрей. Там, в Горно-Алтайске, и сейчас живет моя внучка Анастасия, подарившая правнука Кирилла, которому посвятил я свою поэму «Александр Невский». Но моей мечте всегда что-то мешало...

Позднее мечтал непременно побывать в местах, где был создан по инициативе студентов Ленинградской лесотехнической академии знаменитый Кедроград. Это экспериментальное хозяйство призвано было брать от «хлебного дерева», словно самой природой созданного для землепроходцев России, все, что может дать кедр, и ровно столько, чтобы этот «возобновляемый ресурс» не истощался, а приумножался. Название поселка придумал замечательный русский писатель Владимир Чивилихин, с которым я крепко подружился в последние годы его яркой короткой жизни. Сдружила меня с ним сначала короткая заметка под рубрикой «Сто строк публициста» о только что вышедших тогда в журнале «Наш современник» главах его романа-эссе «Память», потом основательная статья о публикации в журнале «Волга». Горжусь, что «Память» в двух книгах выходила с моей вступительной статьей... О многогранном творчестве Чивилихина опубликовал я добрый десяток статей, познакомился почти со всеми друзьями-побратимами, основателями и певцами Кедрограда.

Уже после смерти Владимира Алексеевича познакомился и сдружился с «последним из могикан» Кедрогграда Виталием Парфеновым, помогал ему в издании его монументальной книги «Лесной бастион». Тогда, уже как исполнительный директор Фонда памяти писателя Владимира Чивилихина, совершил я изумительную поездку по Транссибу — в писательском вагоне юбилейного поезда. Взявшись набрать на компьютере рукопись Виталия Парфенова, я еще не знал (как, впрочем, и он сам), что продлится эта работа на несколько лет, что вырастет «кирпич» на 700 страниц формата А4, что много узнаю я при этом об истории не только Кедрогграда, но и лесного дела в России, и вообще — неизведанных страниц истории... Вот тогда и родилась мечта все-таки побывать на Горном Алтае, написать книгу уже не столь строго научную и посему доступную не всякому читателю, а нечто вроде увлекательных книг Чивилихина, художественно-документальных, о людях не придуманных, а подлинных, с их деяниями, оставившими след в истории. Ведь я же лично знал, кроме Владимира Чивилихина и Виталия Парфенова, еще и Фотей Шипунова, увлекшего студентов мечтой о Кедрогграде. Фотей, снявшего фильм «Волга в беде», чтобы предотвратить переброску вод северных рек в Каспий. Фотей, похороненного в Оптиной пустыни... Нагляделся я и на архив кедрогградцев, который Чивилихин, предельно точно угадавший свои земные сроки, за месяц до своей смерти передал Виталию Парфенову с заветом: непременно рассказать людям об этом одном из первых опытов научного, по законам экологии, хозяйствования в лесах. Мечтал пройти по следам этих удивительных энтузиастов. Но... какие ныне дальние, дорогостоящие путешествия пенсионеру, пусть и работающему в престижном журнале?

Так что словно подарок судьбы воспринял я приглашение Новосибирского «Горводоканала» участвовать в научно-практической конференции «Экологическая безопасность водопользования». 22 июня рано утром автобус с участниками конференции двинулся от здания Новосибирского «Горводоканала» по маршруту Новосибирск—Барнаул—Поспелиха—Курья—Колывань. Распахивается за окном автобуса во всю ширь сибирская степь, поражающая просторными и на удивление ухоженными полями. Дорога то приближается к величественной Оби, то снова ныряет в сосняки, в березовые колки. Думаешь, сколько же прошло по этим местам наших пращуров, начиная от древних ариев! Да, ариев. Теперь ведь появляется все больше книг не фантастических, но строго научных, опирающихся на многочисленные находки археологов и подтверждающих, что русским не надо было «завоевывать» Сибирь — они вернулись сюда, на древнюю свою прародину. И древняя Гиперборея — это же Север Сибири и земли, ушедшие под воды Ледовитого океана. А сравнительно недавнее открытие на Урале города наших пращуров Аркаима подтверждает еще и еще раз арийское и евразийское прошлое России. А евразийскому ее настоящему — и будущему — мы с вами свидетели сами.

Родина А. Ф. Порядина, поселок Колыванстрой, поразила не только красотой окружающих гор. Своими глазами увидел я описанное в книге гидротехническое чудо более двухвековой давности: плотину, бегущий с нее поток в каменном русле и вращающий огромное колесо, передающее энергию камнерезным станкам. Впрочем, колесо, в эту пору остановленное, мы могли потрогать, попытаться крутнуть своими руками... Когда-

то этим сооружением любовался знаменитый немецкий ученый Александр Гумбольдт.

Я еще в пути фантазировал о происхождении названия Колывань. Профессор А. М. Малолетко объясняет это название по-научному: «Первый компонент в топониме Колывань — “кол” — можно свести к тюркскому “коль” — озеро, за компонентом “ванн” — можно принять аффикс с увеличительным значением... В итоге получится русский перевод — озеро большое, а село Колывань названо по имени озера Колыванского», которое было открыто и получило название значительно раньше. А история села начиналась с экспедиции на Алтай в 1724–1725 годах известного горно-промышленника с Урала Акинфия Демидова, чьи родовые корни уходят к тульскому Никите Демидову, «птенцу гнезда Петрова». Посланцы Акинфия провели уже первые плавки меди у горы Синюха, однако сильные морозы и набеги кочевников-джунгар вынудили прервать работы. Впрочем, окончательно плавка меди прекратилась в 1766 году, «по недостатку в лесе».

Возрождением завода стала обработка камня. Всего-то в России в XVIII веке возникло три центра камнерезного дела: в Петергофе (1723), Екатеринбурге (1725), Локте (1786). Вот из Локтя шлифовальную фабрику в начале следующего века и перенесли в Колывань. Сейчас промышленно-архитектурный ансамбль Колыванской шлифовальной фабрики является памятником федерального значения (по указу № 176 от 20.02.1995). Но памятник-то живой и ныне действующий! Здесь обрабатывались и обрабатываются камни с трех алтайских месторождений поделочных камней — Коргонского, Ревневского, Белорецкого: порфириты, яшмы, кварциты богатейшей цветовой гаммы и структуры. Посетители Эрмитажа, с восхищением разглядывая «Царицу ваз» с диаметром более 5 метров в специально для нее построенном зале, даже и представить себе не могут, как она в течение 12 лет здесь рождалась из огромной глыбы зеленоволокнистой яшмы. 160 лошадей тащили огромный «поезд» с 20-тонной «царицей» до Урала. Оттуда — на барже по рекам в Санкт-Петербург. Изображение «Царицы ваз» в 2000 году появилось на гербе Алтайского края. А знаменитые камни. Долгое время колыванские камни в Эрмитаже считались работами итальянских или немецких мастеров. И только скрупулезное изучение архивных материалов позволило вернуть истории имя виртуозного резчика и талантливого художника из Колывани.

Увы, «золотой век» фабрики кончился со свертыванием строительства и украшения дворцов. Заказов становилось все меньше. Во время Первой мировой войны в штате оставалось всего пять человек, включая управляющего. А в 1918 году фабрика выпустила лишь несколько мельничных гранитных жерновов. Когда фабрика после Гражданской войны возобновила работу, то до 60-х годов выпускала в основном доводочные бруски из белорецкого кварцита — до 70 тысяч в год, для «оборонки», освободив ее от заказов этих брусков из Америки. И вклад в нашу Победу в Великой Отечественной войне внесли не только колыванцы-воины, памятник которым высится на скале у входа на предприятие, но и мастера-камнерезы: их брусками шлифовали цилиндры танковых двигателей, доводили до оперативной остроты инструменты хирургов.

Какими удивительно близкими становятся исторические имена, когда соприкасаешься с ними неожиданно близко. Ну, знал я, кто ж не знает,

имя русского изобретателя Ивана Ивановича Ползунова. Но почему его имя присвоено Колывановскому камнерезному заводу?! Оказывается, он немало поработал на Алтае, в том числе и на Колывановском медеплавильном заводе в 1761 году...

... Камень, в котором еще и живая душа художника, — вот залог вечности. Раньше российские купцы и промышленники это понимали — и рождались по их заказам «Каменные цветы» уральских мастеров, замечательные изделия колыванских камнерезов. Только в больших работах, а не в коммерческих поделках могут они развернуться и ныне. На грустной этой ноте расставался я с местом, где когда-то «родился у родника», как он сам признается, профессор Порядин, взрастивший столько учеников и последователей в благороднейшем деле — снабжении людей чистой водой. А была еще и ночь у озера Белого с горой Синюхой, бездонная высь дышащего древностью алтайского неба...

Но вот мы добрались до туристического комплекса Манжерок. Того самого, воспетого после фестиваля молодежи и студентов. Здесь состоялась и та научно-практическая конференция, ради которой приехали сюда из Москвы, Екатеринбурга, Кемерово, Кузнецка и, конечно, из Новосибирска люди, посвятившие жизнь благородной профессии — снабжать людей жителной влагой, желательно природной чистоты...

Конференция была посвящена памяти академика РАЕН, профессора Алексея Филипповича Порядина, сделавшего очень многое для развития водного хозяйства России, особенно когда он был первым заместителем Министра природных ресурсов РФ — руководителем Государственной службы охраны окружающей среды РФ.

Кроме Колывани, побывали мы в знаменитом своей красотой ущелье Чемал, где по висячему мосту над Катунью прошли на наш, *сибирский* остров Патмос, где воздвигнут храм в честь Иоанна Богослова, того самого верного ученика Иисуса Христа и евангелиста, которому на *греческом* острове Патмос и дано было увидеть грядущий Апокалипсис. Какое неожиданное и своевременное напоминание о том, как хрупок наш земной мир, тем более что человечество стремлением к прогрессу техническому, а не духовному, само приближает неминуемый Апокалипсис. А потом была и гора Пикет с Василием Макаровичем Шукшиным, словно воскресшим кадром из его фильма «Печки-лавочки». Для меня эта встреча была вдвойне радостной: ведь с автором этого изумительного памятника Вячеславом Клыковым я был дружен. Как теперь там, на небесах, два русских гениальных мужика: все так же воюют за Русь, за Правду-Истину?..

На обратном пути в Москву был еще и Екатеринбург — город моей студенческой молодости, первых шагов в журналистике. Что я чувствовал тогда, мальчишка из забайкальского городка, только начавший приобщаться к истории не по школьным учебникам? Точно знаю, что не было еще трагического ощущения от прикосновения к событиям воистину мирового масштаба. Лишь много лет спустя уловил незримую мистическую связь между Ипатьевским монастырем на костромской земле, где благословили Феодоровской иконой Божией Матери на царство отрока Михаила, первого из династии Романовых, и Ипатьевским домом, где она пресеклась через триста лет...

В Екатеринбурге, еще долгое время звавшемся Свердловском, после окончания университета я бывал изредка, наездами. Помню этот дом уже

обнесенным глухим забором, а напротив — памятник орлятам-комсомольцам, над которым странным контрастом возвышался в отдалении храм Вознесения Господня. И вот, в 2010 году, вижу на этом месте дивный белокаменный храм, высоко возносящийся к сумрачному уральскому небу позлащенные главы-купола. А по всей окружности храма светлыми венцов своих на коричневатом фоне цокольного основания сияют образы великих Святых Земли Российской.

Ох, и долг был путь к этому храму покаяния за грехи временного помрачения умов нашего народа! Многие десятилетия богоборческая власть стремилась оправдать случившееся здесь злодеяние, или хотя бы не привлекать «излишнего внимания» к дому, где без суда и следствия расстреляли помазанника Божия Императора Николая II с супругой, дочерьми, малолетним сыном-наследником и верными слугами.

А ведь место это, Вознесенская горка над Верх-Исетским прудом, издавна почиталось святым. Здесь с конца XVIII по начало XIX века был деревянный храм — до возведения каменной Вознесенской церкви. Позднее была построена на месте бывшего церковного алтаря и простояла до 1920-х годов перед Ипатьевским домом часовня во имя Святого Пророка Илии. «Полуподвальная комната, откуда вознеслись в Горние Чертоги души невинно убиенных, находилась как раз напротив старого алтаря», — читаю в прекрасно изданном, с изумительными иллюстрациями альбоме «Един от царей. Жизнеописание Святых Царственных Страстотерпцев. Земля Их мученического подвига». Вот и думай, случайно ли именно здесь разместили «уральские большевики» перевезенных из Тобольска царственных узников? Или кремлевские безбожники, заранее просчитывая символическое звучание бессудной казни Удерживающего, предопределили и указали свыше именно *Ипатьевский* дом?

В любом случае в зловещие их расчеты внесла знаменательные поправки воля Божия. Были потом в этом доме и общежитие, и музей революции с 1927 года, и присоединенный к нему в 1937 году антирелигиозный музей (оба закрыты были в 1946 году). Но надо же: в 1939–1940-х годах пребывали здесь (хотя и в качестве экспонатов музея) святые мощи праведного Симеона Верхотурского, высоко чтимого Царской Семьей святого Земли Уральской! В 1971 году дом передали областному отделу культуры. А народ шел и шел сюда на поклонение отнюдь не обезбоженной «культуре». Вот и обнесли в 1977 году здание глухим забором, а потом и вовсе снесли, место разровняли бульдозером. Случилось это во время правления в области Ельцина, еще не ставшего «царем Борисом», то есть первым президентом России. Но уже в знаменательном для него 1989 году 16 июля вечером на этом пустыре собрались люди, и впервые открыто прозвучали народные молитвы Царственным Мученикам. Власти города по инерции еще устроили избиение и аресты участников молебна. Однако на следующий год здесь собрались уже многие тысячи... В августе 1990 года был установлен первый деревянный крест, простоявший всего две недели... и сломанный «неизвестными». Но 5 октября того же года верующие установили новый крест, металлический. А 10 октября Свердловский горисполком вынужден был «в связи с многочисленными просьбами жителей города и общественных организаций» разрешить установку «памятного символа на месте расстрела Царской Семьи».

1991 год... Впервые проведен Крестный ход от Вознесенской церкви до Царского места, отслужена панихида, а ночью — и молебен с водосвятием. 1992 год... 23 сентября архиепископ Екатеринбургский и Курганский Мелхиседек на месте будущего Храма на Крови в сослужении с архиепископом Пензенским и Кузнецким Серафимом, епископом Челябинским и Златоустовским Георгием совершил торжественную закладку камня с частицей святых мощей праведного Симеона Верхотурского. 1993 год... В ночь на 17 июля состоялась первая Божественная литургия, ставшая с тех пор традиционной. А 28 декабря Священный Синод РПЦ под председательством Святейшего Патриарха Алексия II благословил строительство в Екатеринбурге Храма на Крови во имя Всех святых в Земле Российской просиявших. 2000 год... На Юбилейном Архиерейском Соборе РПЦ состоялось прославление Собора Святых Новомучеников и Исповедников Российских, и в числе первых названы Святые Царственные Страстотерпцы. А 23 сентября Святейший Патриарх Алексий II совершил торжественную закладку памятной капсулы в восточной стене фундамента будущего Храма на Крови. 2003 год... 16 июля состоялось торжественное освящение Храма на Крови. Перед началом Божественной литургии Ольга Николаевна Куликовская-Романова передала в храм икону Пресвятой Богородицы «Троеручица», исполнив завещание своего покойного супруга Тихона Николаевича, племянника Николая II и внука Александра III. Этот образ Царицы Небесной пребывал в Ипатьевском доме во время заточения в нем Царской Семьи.

Этот эпизод вспомнился мне в храме пред иконой «Троеручица» — свидетельницей последних дней Царственных Мучеников. И еще раз почувствовалось, как переплетаются в огромной истории страны судьбы обычных людей... Забегая вперед, скажу, что 3 июля 2010 года мне довелось присутствовать при редкостном зрелище: поднятии большого колокола, который я днем раньше видел у входа в храм. На длиннющей шее могучего крана повисла вначале снятая золотая глава купола, бережно опущенная на землю; затем взмыл в поднебесье сам колокол, а потом и глава с позлащенным крестом вернулась на место. Привел же Господь меня, помнившего еще подвал Ипатьевского дома, сюда в этот день и в эти часы... А накануне довелось вечером и звон колокольный услышать (пока еще без самого большого колокола), и в крестный ход влиться. Впрочем, это «случайное» совпадение, наверняка, предвидел наш добрый провожатый Василь Григорьевич Низиятов, окончивший вместе с моей сестрой Людмилой миссионерские курсы при Ново-Тихвинском женском монастыре. Он и на Ганину Яму меня свозил, об этом речь еще впереди.

Храм на Крови в Екатеринбурге надо видеть своими глазами, постоять у его икон. И сколько же рождается светлых мыслей, грустных и высоких... Вот в Верхнем храме в левой части иконостаса — храмовый образ Святых Страстотерпцев Царя Николая, Царицы Александры, Царевича Алексия, Царевен Ольги, Татианы, Марии, Анастасии. Вспоминаешь переписку Николая и Александры, еще не переполненную политическими заботами последних лет, письма Александры к старшей дочери Ольге, думаешь о вечных тревогах матери о здоровье единственного сына-наследника. Как же накладываются обычные переживания человеческие на Промысл Божий о судьбах огромного народа! Если бы не неизлечимая гемофилия наследника, не было бы Григория Распутина и сплетен вокруг его близости к Царской

Семье... Впрочем, история не знает сослагательного наклонения. Было бы что-то другое, коль уж обречена была Россия Промыслом Божиим на испытание в XX веке...

Образ Царственных Мучеников создан с молитвенной любовью художником-иконописцем Ольгой Штукатуровой. Под ее руководством сделаны и росписи купола, и алтарной апсиды. Иконный ряд иконостаса выполнен сестрами женского Ново-Тихвинского монастыря в византийском стиле, особо почитаемом Царем Николаем II. И думается о том, что именно смиренные послушницы этого монастыря до последних дней приносили пищу величественным пленникам...

Пред иконой преподобного Серафима Саровского, пред старинной ракой с частицей его мощей, переданной Екатеринбургской епархии из Дивеево, мне в молитвенном склонении вспомнилось, что некогда Царь и Царица вымолили у святого своего долгожданного наследника... Вспомнилось, что и на Саровских торжествах прославления святого в 1903 году, за год до рождения Царевича, вели они себя как простые богомольцы.

А Нижний храм воплотил в себе идею симфонии духовной и царской власти, продолжающей звучать в чертогах Царя Небесного, среди Новомучеников и Исповедников Российских. Росписи алтаря «раскрывают образ Церкви Торжествующей, семенем которой, по слову Святых Отцов, явилось мученичество. За Горним Местом — в алтарной апсиде изображен Сам Господь Вседержитель, восседающий на Престоле. Ему предстоят Ангелы Божии и Святые Отцы — столпы Церкви Христовой. Одесную от Спасителя после Святых Отцов предстоит власть духовная, далее — свящennemученики минувшего столетия, почитание которых связывает нас с мучениками древними. На противоположной стене, соединяющей алтарь с приделом на месте убийства Царственных Мучеников, изображены князья-страстотерпцы, начиная с Бориса и Глеба, заканчивая Царской Семьей, шествующей от Ипатьевского дома к Ганиной Яме...

В центральной части храма, с одной стороны, в навесных киотах разместились иконы десяти правителей Руси от Святого Равноапостольного Великого князя Владимира до Святого Страстотерпца Царя Николая. С другой стороны — ряд Святых Первосвятителей от митрополита Ионы до Патриарха Исповедника Тихона.

С особым чувством стоишь перед главной святыней Храма на Крови — местом полуподвальной комнаты, где приняли мученическую кончину Царственные страстотерпцы. Здесь Мемориальный храм, на своде перед входом в который написаны лики святых покровителей Царской Семьи. В подобие иерусалимского храма Гроба Господня здесь, на месте пролития Царской крови, возвышается алтарь и совершается Божественная литургия...

Разделяю чувства екатеринбуржцев, для которых город, омраченный страшным злодеянием, вместе с тем освящен пролитием мученической крови. И когда возносятся на святом месте покаянные молитвы и совершаются богослужения, бывший град-цареубийца преобразается и становится Святым Градом. И как же хочется, чтобы все больше соотечественников наших ощутили великий смысл покаянного Храма, где в молитвенном единении кается пред Богом и Царем Православная Русь!

Можете себе представить, с каким настроением направлялся я на другой день к Ганиной Яме... А тут еще рассказали мне о человеке, посвятившем

жизнь этому мемориальному комплексу — Николае Романове, который и сейчас обретается в скиту поблизости. Это советский полковник, чудом уцелевший в Афганистане, где погибли многие его однополчане. Говорят, что во время визита на Уральскую землю Святейшего Патриарха Алексия II служба охраны высказала опасение насчет посещения Ганиной Ямы: глухой лес, бездорожье. И тогда Николай Романов с верующими свершил невозможное: в одни сутки была построена дорога! «Щебнем засыпали?» — поинтересовался я. «Нет, даже асфальт успели положить!» Легенда? Но Его Святейшество 23 сентября 2000 года посетил Ганину Яму и сказал, что лучшим увековечением памяти на Руси всегда было строительство Божьего храма или учреждение монастыря. С его благословения здесь теперь и мужской монастырь, и уже семь храмов!

Ганина Яма — это бывший заброшенный рудник в урочище Четырех Братьев неподалеку от деревни Коптяки. В пору «золотой лихорадки» на Урале в середине XIX века купил это место некий подрядчик Гавриил (попросту Ганя). Золота не нашел, а железную руду разрабатывал, пока была. Рудник был к началу XX века заброшен, шахты обвалились, природа быстро брала свое — и вот уже здесь лесная глухомань. Удивительно: такие же высоченные сосны, как на берегу Катунь. Пару километров в сторону — и обычный по высоте, привычный лес. Чем же объяснить такую аномальную высоту сосен? Глухомань и привлекла царевубийц, пытавшихся скрыть следы преступления. Именно здесь тела мучеников сбросили в затопленную шахту, а потом, сочтя это недостаточным, достали и расчленили, двое суток уничтожали огнем и серной кислотой.

Именно сюда, а не в пресловутый Поросятков Лог, где «случайно» московский певец «рожденной революцией» милиции Гелий Рябов «обнаружил» останки Царственных Мучеников, стали приходить первые тайные богомольцы еще в 70-х годах прошлого века. Именно здесь 7 июля 1991 года по благословению архиепископа Екатеринбургского и Верхотурского Мелхиседека почитатели Царской Семьи установили первый памятный крест, а 17 июля 1992 года сюда прибыл первый архиерейский Крестный ход. В ночь на 17 июля 1995 года у креста над Ганиной Ямой свершилась первая Божественная литургия.

В 2000 году, сразу после посещения и благословения Святейшего Патриарха Алексия II, началось строительство: срублены несколько келий для монахов и рабочих. 1 октября архиепископом Екатеринбургским и Верхотурским Викентием был заложен первый камень в основание храма Святых Царственных Страстотерпцев. И уже 27 декабря того же года он был освящен! А на следующий день был учрежден мужской монастырь. И за три с небольшим года здесь выросло семь храмов!

...Во время земляных работ неподалеку от главного храма на метровой глубине был обнаружен известковый слой. Возможно, здесь располагалось кострище, где, обливая серной кислотой, сжигали, а потом засыпали известью останки мучеников. Теперь здесь стоит храм во имя преподобного Серафима Саровского, небольшой и очень уютный. 15 марта 2001 года был заложен храм во имя святого преподобного Сергия Радонежского, игумена Земли Русской, а 16 июля того же года храм был освящен.

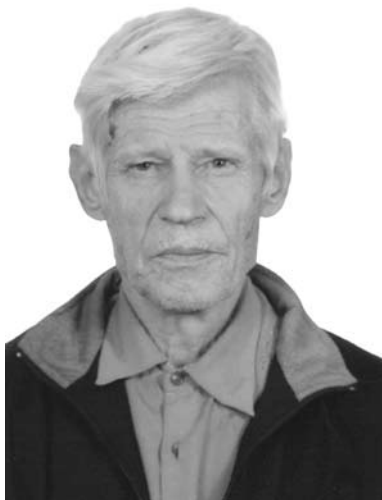
Кострищ на территории монастыря обнаружилось несколько. Причем насельники и строители монастыря были свидетелями чудесных явлений.

Так, в нескольких десятках метров от Поклонного Креста наблюдалось свечение. На фотоснимках отчетливо проявлялось пламя костра. То есть само место указало, где должно было строить храм во имя Небесного покровителя Царя-Страстотерпца. Храм во имя Святителя Николая, Мир Ликийского Чудотворца был освящен 19 мая 2002 года. Чудотворная икона Святителя Николая в нем принадлежала Царской Семье: она была подарена послушнице Ново-Тихвинского монастыря, приносившей продукты узникам Ипатьевского дома. Став монахиней, женщина перенесла арест, лагеря и ссылки, но сберегла царский подарок и передала священнику Иоанно-Предтеченского собора о. Владимиру Ведерникову в 1960 году, а он преподнес сей образ в дар монастырю на Ганиной Яме. Всего за пять месяцев (с апреля по сентябрь 2001 года) был сооружен надвратный храм в честь Иверской иконы Божией Матери. Русские государи перед въездом в Первопрестольную обязательно преклоняли колена пред этой иконой. Вот и над воротами монастыря установлена Иверская икона Божией Матери, написанная на Святой Горе Афон. Чуть дольше — с февраля по сентябрь 2002 года — строился храм в честь Державной иконы Пресвятой Богородицы. Именно эта икона была явлена русскому народу в день вынужденного отречения Государя от престола Российского 2 марта 1917 года. Седьмой храм монастыря — во имя Иова Многострадального был освящен 23 сентября 2003 года. День рождения Государя-мученика приходится на 19 мая, когда церковь чтит память этого святого. Храм расположен сразу за «открытой шахтой», вокруг которой каждый вечер братия монастыря совершает покаянный Крестный ход.

...Словно в древней Святой Руси побываешь в этом созвездии деревянных православных храмов, простой и причудливой в то же время архитектуры. Сказка русской души! Но строгий Поклонный Крест около «открытой шахты» заставляет не только восхищаться красотой этого дивного места, но помнить, помнить о времени страшной Смуты, обрушившейся на Россию в 1917—1918 годах, о неисчислимых жертвах, принесенных народом, начиная с венценосного Государя и его Семьи. Помнить, каяться и стремиться сделать все возможное, чтобы подобное не повторилось.

История и современность

**Юрий
ГНЕЗДИЛОВЫХ**

ЗАХВАТ

Главы из романа

Юрий Гнездиловых (Юрий Георгиевич Гнездилов) — родился в 1934 году. История рода и самой фамилии уходит в XVII век, в Курские края. Писательством увлекся в студенческие годы. Писал пьесы, проводил архивно-исторические исследования. В периодике опубликованы десятки статей, несколько художественных произведений. За статьи по истории отечественной техники награжден специальным дипломом. **Живет в Санкт-Петербурге.**

Два произведения в жанре художественной прозы предшествовали главной работе писателя — роману по истории Северо-Западного края допетровских времен. В журнале приводится несколько глав из романа «Захват», являющегося результатом упорных многолетних литературных и архивных трудов и вышедшего в Москве тиражом 100 экз. на 916-ти страницах. Вот как сам писатель говорит о своем произведении.

«Книга предназначена тем, кто любит свою родину, какая она ни есть, и кому мил исконный великорусский язык. Роман охватывает время, когда королевство Швеция без малого век граничило с Великой Русью — межгосударственный рубеж проходил подле новгородских земель по рекам Луга и Лавуя.

В основе произведения документальный материал. Действия и страсти бушуют как на территории Швеции (деревня Калинка — от него получил название Калинкин мост нынешнего Санкт-Петербурга, штат Ньюн, городок у Невы, шведская столица Стокгольм), так и в сопредельной стороне (Новгород Великий, Москва). Пробразами большинства персонажей романа являются исторические лица.

Нашествие поляков на Русь в так называемые Смутные времена, оставило в художественной литературе отечества существенный след. Этого не скажешь о литературном отражении «помощи», оказанной русским шведами в начальный момент польской интервенции, в итоге которой государство лишилось некоторой части земель. Произведение «Захват», в некотором роде синтетическое, восполняет этот пробел. В нем соседствуют историческая правда и сюжетный писательский вымысел.

Материал познавателен, и наряду с тем, роман от главы к главе развивается весьма динамично, напряженно. Преследуя основную цель — расширить исторический кругозор любознательного читателя подачей того, что кроется в безмолвной истории, автор (в лексике XVII века — «работник») наделил персонажей современными мыслями и представлениями. Произведение к тому же обладает и приключенческим сюжетом. Так что каждый заинтересовавшийся читатель получит много полезного и в познавательном, и в развлекательном плане».

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

1

Все-таки не Красные Горы, но и здесь хорошо; нравится на устьях Невы. Граждане — иной разговор. По-своему красиво, ну да. Видь по сердцу, сама по себе. Только вот земли маловато, пахотной, а так благодать. С некоторых мест, как женился, перебравшись к Неве, чуждое сперва необычностью своей окружающее, да и народ, любят все больше и больше. Там сопки, в Красногорье, у доменок, плавильных печей, — вообразил селянин, выйдя за ворота усадьбы на гусиный лужок, — тутотко, у Невской губы, около — вода и вода; болоче, подступит по осени, и даже зимой чуть ли не под самый порог. Плавали однажды; а то.

Елочка, — увидел помор, влажная от павшей росы, далее тропа к портомоине. Справа, кое-как различимые в саженном репейнике — подросты осин, слева, на пути — развалившийся, негодный челнок. Вершин, погрузившись в себя, думая, спустился пониже, дабы не свалиться на скользком, в мокредях замедлил шаги. Приостановившись на спуске, обернулся назад.

Что же из того, что ее, воду, по таким как теперь, нынче утрам не видать? Позже налюбujemy, днем; да уж, несусветная рань, — думал, оставляя за лодкою придворный лужок. Явился туман.

Чувствуя в легкой сорочке, как, уходя в зипунок, латанный по счастью на днях, тратится избное тепло, Вершин огляделся окрест. Вон только что покинутый дом, створ полуоткрытых ворот. Больше ничего, пустота. Изгородь еще разглядишь, ближнюю, отметил мужик. Скрылась в непроглядном туманище Калинкина весь.

Волгло припахивает деревом, горой топляка — вытянул его из воды на берег затем, что мешал женству полоскати белье; слабенько повеяло гарью с тлеющих за речкою мхов. Днем этот, тянущийся по временам в сторону жилищ запашок спорит с духотой разнотравья, — шевельнулось в мозгу Вершина, когда его ощутил. Эк его, по всей Калганице! Уймище, мамаева рать, взявшая на приступ дворы. Тут все, под городом сливается вкупь, запахи — отдельный пример. Чаща подступает к жилью, воды к огорожам полей, в море, одесную и слева от губы, сплошняком плоские, как блины острова. Только деревенские избы не желают сойтись — видимо, страшатся пожаров; пыхнет на какой-то усадьбе — и пошло по дворам.

Густенько же!.. Все чаще туман. Дважды заволакивал Мью, петляющую в царстве ольхи да непроходимых болотин одаль, на Первушином острове, потом затопил ближнюю реку, Голодушу. Осень на пороге, считай. Невод-

ная клеть на мысу, черная не так, чтобы очень временно, в стадах облаков, тянувшихся вверх по реке, выглядело в сером безмолвии, чуть-чуть отдалилась и как будто плыла, призрачная, — видел мужик, в сторону незримой губы, дедкину деревню, повыше — речку, на Романовой речку полностью вобрало в туман.

Жениных родителей не было, когда перебрался на море, в тридцатом году. Теща, старикова хозяйка, баяла: преставились в мор. Стало быть, Колзуев; Оким, временно невидимый — тесть; укко, вообще говоря. Укко, по-чудски, по-чухонски, али, как там сказать более правдиво: старик. Теща, соответственно: акка. Ну, заволокло старика! Ни взвидети дедулю, ни укнутъ. Также, нипочем не докликаться до жениной бабки.

Некогда в зарежье, на остров простирался мосток — лавушка, иначе сказать. Рухнула, почти целиком. К противоположному берегу тянутся, едва различимые, в рядок, столбушки. Ягоду имали в низах, клюкву, да иное, морошку. Сеном кое-кто занимались, ходили косить. Там, плахи перехода снесло — пали, от нагонной воды. Часть бывшего настила, под берегом, с пяток сажений пристанкою служат; сгодилось. Рядом, — углядел селянин — лодочка долбленая, венха. — «Людие ижора и водь, знаем по себе, русаку исстари, что сводные братья, — подержал на уме, — ладно ли не ведати молвь тутошных жильцов, поречан, тем более в семейном кругу. Також за Невою — поодаль, в городке немчуры да около, вещает Оким, на чуди белоглазой женилися... Откуда прознал?... Русичи. О немцах — молчит».

Тихо, на реке... Лепота! Всплески над водою, под берегом; еще и еще. Рыбы — хоть руками лови. Глаз радуется! Будто стоишь где-нибудь в родной стороне, одаль от плавильных печей. То, что не видать окружающего мира — пустяк; взвидится ужо, на свету. Лай? Толсто брешет!.. Койра, стариковский кобель. Рядом, на колзуевой Речке. Видимо, проснулся Оким. Что это ни свет ни заря, труженик надумал вставать? Спал бы, во обнимку с Колзуихою аккой, так нет. Станные дела. Ну и ну... Встал, так встал.

Сызнова над берегом тишь; облаки летают, низким. Всплесков не слышать. Хорошо! Вслушаешься в это безмолвие — почувется звон; правда что. Как будто поет скраденная мгою река.

Сносное, считаем, житье. Сыт, любим. Родина, какая ни есть!.. Даром, что немало чужих, свеев — до сумы не дойдет, — проговорилось в мозгу с тем, как, прозревая туман, мысленно оглядывал край. Терпит. К тому ж городок, где обосновались находники, отсель не видать. Одаль от чужих, за Невой матушкою — та же земля, некогда великая, Русь¹.

Вообразив Койру, стариковского пса, Вершин оглядел бережок; выше, за невидимой тропкою к подворью и лугом, низкое в седой полутьме, все еще виднелось жилье. «Низкое — отсюдова кажется приземистым; ну... Взлаяла Варварка? У нас!.. Можно ли равнять с волкодавом, — пронеслось на уме; — ростом не взяла... Да и так. Ласкова, нисколь зверовиднос-

¹ В соответствии с мирным договором 1617 года земли, о которых рассказ, стали территорией шведов. Швецию тогда называли Свеею, народ говорил: свей, свейский немец; то же, равнозначно: свеянин. Заколотив русским ОКНО В ЕВРО-ПУ, захватчики приневских земель вынудили нас, при Петре I восстановить, выразимся так, справедливость. К выходу в Балтийское море плавали с языческих лет. А. С. Пушкин, автор «Медного всадника», увы, не имел для справок большинства документов, напечатанных позже. То есть, говоря языком великого поэта: окно за рубежи не впервой, не заново пришлось прорубать.

ти, дворняга дворнягою» — предстала очам домохранительница — тощая сука с парюю щенят сосунков. Надо бы слегка утеплить к осени ее конуру. Выходцами на днях занимались, уже не скрипят. Славное крылечко! Над ним сокол рукотворный, братенников, не сам прибывал, крылья по аршину, вразлет. Эх, Варварка: выбрехнула так, что ее с берега почти не слышать; как бы, отработала корм. А, нет, — исправилась: погромче брешок... Вновь Койра, или где-то еще, выше стариковской избы.

Ну лаище! На весь околоток. Брешут как на стаю волков, невидимых все чаще и вяще. Старостин кобель... Понеслось! Там, переметнется на Лигу, к Стрельне — и пошло, и пошло вдаль по лукоморью на запад, в сторону Копорской губы. Кончится, исшедчи на нет, подле развалившихся доменок, плавильных печей;

Вряд ли занесется на Водь: даль дальная, — подумал, вздохнув: «Более пятиде... шестидесяти верст! Ого-го».

2

Из века в век на Красном Вершины копали руду, плавили ее для купцов, — а пошла Водьская земля под сваян, сгасли домны; свейское железо дешевле; лучше ли, оно или нет, сие положение дел, с промыслом — иной разговор. Железоделы разошлись, кто куда. Он, Парка, в прошлом подплавильщик, подручный выбрался на невские устья... Палка, по давнишней поре; Павел, по-родительски: Кречет. Бывшая хоромина Васьки — брата — приютил, а тут, местные чухны, ижеряне, переделал и имя — Палку перезвали на Парку. Свыкся; не обидно и так.

Васька, при его основном, крестном имени, на прозвище Сокол. Ну и, сообразно сему, приколотил над жильем, сверху, самодельную птицу сокола, на взлете; ну да: сходно, прибывают коньков. Знак первовладельца избы, в общем, не мозолит глаза.

...Нетути в хоромаш под соколом Соколика, Васьки — выбежал, в тридцатом году. Жаль... Несколько; не так, чтоб — до слез. Мало ли чего ни придет в голову кому-то из местных — недоброжелателей, ворогов, — мелькнуло у Парки: вот еще: украл, отсудил; всякое плетут, брехуны. Староста, завистник речет: в кости выиграл. Ага; даже так. Истинное проще простого, — заключил, у воды: как-то, ненароком наследован покинутый дом. Славное, однако, жилище, — не курная изба старосты, посельского; ну... Въехали на двор — по-людски. Так распорядился Господь.

Мысленно витая под соколом, наследник шагнул к выдолбленной собственноручно, невеликонькой лодке.

Ай да Василек; молодец! Может, пригодится праправнукам, рубил на века. Бревна — толщиной в пол-локтя, основание — бут; яко ухитрился набрать эдакую тьму каменюг? Дом — крепость. Да и внешне баской. Окна оправлены подзорами: резные цветы, птицы в окружении рыб. Южные оконца стекольчатые, другие в слюде. Каждому захочется: видь — дух захватывает. Ровно дворец. Главное, имеется печь. Кровля из бересты-скалы, новая с недавних времен. Издали посмотришь — избу рыба чешуя устилает; кажется, особенно в дождь. Сокол, сообразно сему, аки на сиговой спине; истинно!.. Добычу когтит. Как-то, приблизительно так.

Где он, Васька? Выбрался. Куда-то ушел. Чается, браток на Руси — плотничает, будем считать, либо занесло на Стекольную, за море, в столицу свеян... Нету, — чересчур далеко! Ежели поверить купцам, Сокол, изощденчи на устья из родного села, с братьей корабельщиков сплыл к Выборгу; поближе. Зачем? Странно. Неужели пришло в голову мехами заняться? — тамотко, вещали, на финцах набольший по возрасту Фрол... Якобы — скорняжный делец... Он же, по-родительски: Птах. Первым упорхнул из гнезда. Вслед старшему братенику шел, выселившись, младший — Васек. Мало ли куды заотправился. Осталось гадать. Цел ли он? Быть может, погиб. Днесь иноплеменник в сородичах, покамест живой, именно — ижора Оким; Колзуев на изотчество дак.

Этот поселился на устьях чутько позднее, чем Сокол — ранее Колзуевы жили где-то на источинах Систы, в общем, недалече от Гор; уккино семейство, считай, выходцы из Водьской земли. Родичем является, тако жене венчаный Петра, шурин, по словам старика — злостный одинец. Ну и все. Там же, за Романовой речкою витала его, петрина родная сестра, ставшая в дальнейшем супружницей, — мелькнуло у Парки. — «Выкладка доступна уму, — пробормотал селянин: — Четверо людей пришлецов, еже не учитывать баб».

Ой ли? — усомнился помор. Семка испроверим! Ну да: сходится, подумал крестьянин, делая повторный подсчет с помощью сгибаемых пальцев.

Четверо — включая в число новоприбылых мужиков, прихвостня заморских владык старосту, проклятого Инку; Немцев на изотчество, пес, даром, что природный русак. Староста пришел из лифлянтов. Дважды — перебежчик!! Ого. Нака-ты, припрыгал назад. В прошлом, обретался в неметчине, такая знатьба. То-то и слывет на миру, в сельниках, позаочи Немцем. Чается, сошел в зарубежь, скрылся от великих долгов; тысячи, возможно загреб. Шурин говорит, по-иному: сдернула с насиженных мест бывшая у них, под Москвой — в дальнем зарубежьи — война. Немец лишь, единственно: прозвище, а так-то не немец; в молви околоточных — Немец. Эдак назовешь перелета, чтоб ему пропасти — надуется... Привыкнет, холуй. Инкою, по имени требует его величать.

Инкино жилище пониже: за наволоком, чуть в стороне от вешал рыболовных сетей; не видимо вдали, за мыском. Как не знать: слева от реки Голодуши — салма, по-ижорски: пролив, обочь, на морском берегу, ветхая — курная изба. Что ж, что Калганица в туманище, — а внутренний зор? Взвидится и так, приглядишь: ветлы, бузина из-под стен, мало не до самой стрехи, около забора — хлевок... Схожие на очи слепца, волоковые окошки: то, что под стрехою — для дыма, нижнее — глядеть. Ох-хо-хо. Это называется кров? Дым валит из обоих! Около щелей, по стенам, черные — наросты грибов.

С Немцевым (пока не пришлось, к счастью, применять кулаки) с некоторых мест завелось противостояние... Брань? В общем, приблизительно так. Не только из-за дома под соколом — пустошит, наглец, нашенскую заводь на Мойке, рыболовную тоню. Вот еще иная докука, — думалось, когда подтянул к пристани, притопленный челн: Немцу приглянулась жена. Коло портомоенки, враг зырит на нее, блудовски... Пробовал вступать в разговор. Не то, чтобы особо тревожит, но так и не приятно. Что это еще

за дела? Мог бы для того, что ему собственная женка не любится, лучше найти. В городе положим, не тут. Около — раз, два, и обчелся.

Даль; пристань за Невою, во мгѣ, около мостов — корабли;
Штат;

Староста, с гулящею девкой, рядом пограничный острог, — вообразил селянин: «Знаемо; бывали разок, в прошлом, на реке Лавуе, — вскользь проговорилось в мозгу, частью изреченное вслух: — Рядом — примерещилось; ну». Этот неудачник посельский, староста, однажды вещал: брат, Васька, выбежавши, дескать не сам, — женке норовил. Каково! С тем, что, по свидетельству сельских, сказывали, не был женат? Враль чистопородный, раз так... Многие на Русь переехавши — за Лугу-реку; тысячи, гуляет молва. Инка, иноземец, нахал — гость непрошенный, коли заведет кто-нибудь о нетчиках спор, ставит, как первый знатец. Можно бы подумать, что он родственник любого из них. Якобы; на деле — трепло. — Вершин, убирая черпак, пренебрежительно хмыкнул. — Всякое плетет, пустобрех; чуть ли то ни все целиком — разно-несуразные враки... Терпится, так будем считать. Он же, лиходеи — зачинательник подобных бесѣд. Что ему за дело, казалось бы, до них, перебежчиков. Так и неспроста, с умыслом затеиват рѣчь. Было, при нечаянной сходке наверху али тут, коло портомоенки, брякнет: «Вздумал? Или, може — силком?» Сирѣчь понуждает убраться. Из такой то избы? Натѣ вам!.. Готов, побежал. Дай час на задницу порты натянуть.

Бегают не только на устьях, — промелькнуло вдогон: — Давече, рассказывал в штате коробейник, гуляй: выехавши трое туземцев пашенных крестьян кореляк. Добрые, однако, серпы в тамошней сторонке выделывают!.. Лучше б, как встарь былоче, железный уклад — косы, топоры, наковальни, малые не так, чтобы очень, да и те же серпы в Красном продолжали работать.

Вспомнив Красногорье, мужик полуобернулся назад, в сторону незримой губы. — «Каждому роднее — свое, — проговорилось в мозгу: — Эти, кореляки, снялись, к Ладогѣ как будто, — а сей? Инка не торопится вслѣд. Ясное как день, почему: жаждет, в нарушение прав любого человека на двор, приобретенный по-честному, да хоть бы и даром хапнути чужое добро; как не так? Зарится на лучшее, пес. Мог бы потрудиться как следует, на совесть — по-братски с тем, чтобы построить взамен лучшее жилье самому.

Что-то затаился, шатун — глаз не кажет... Видѣли третьеводни одалъ в стороне, за Романовкою; позавчера... Шкоду замышляет какую-нибудь, враг учинить. Станѣтся, пожалуй. (Чур, чур!) Как бы ни надумал завистник подсадить петуха к соколу, — мелькнуло в душе; — дабы поменаться имуществами, скажем хоть так, чуть витиевато, по-братски. Может оказаться, подумывает выместить зло на человеке достаточном, за худший удел... Вспыхнет на глазах, под стрѣхою, как подвешенный сноп...»

3

Где он, Сокол? Пишет ли, по-прежнему в книжки? В Красном, у пылающих доменок, бывало, томясь разнообразіем жизни, вписывал туда привидѣнья, ночное; случалось, туда ж — виденное им наяву. Бавился,

по-своему тем, что увековечивал сны. Часом, растолкует какой-нибудь... В мечтанья впадал. Мыслимо, пустился к Неве, чтобы созерцать корабли — эво их околь городка! Может, собирался лодью строить — руки золотые, и мог, также, на чужом корабле, в кормщиках, да просто и так, сарою, матрозом уйти в плаванья, стран повидать; норовом зело любопытен. Мог переселиться на Русь... К Новгороду? Дескать, вещал: древняя столица Руси. Мало ли куда устремился? В нетчиках, и весь разговор. Плавал бы себе на здоровье по морю, подобно купцам, да притчи, как бывало у доменок, вернувшись читал. Мог бы заниматься торговлею, под штатом и дале, а не то, как сосед, взялся бы горшки обжигать.

Съехавши для всех неожиданно, глаголовал люд... В ночь, лунную. Бесследно исчез! Как произошло, почему? Достала до кишок немчура? Всякое возможно и так. Мало ли причин изойти? — множество, примеров не счесть. На Успение, четвертого дня, пристав Олденгрин, в чужаках — свиец долбанул по спине, можно бы сказать ни за что... Как бы указал направление пути взарубежь. Далее, пока торговал ножницы в железном ряду, штатские (нельзя исключать: люди базаряне соотчичи) украли колпак. Прямо хоть кричи караул!..

Штад Нюен, — представляет помор даль за поворотом реки: русич — престарелый слепец, с теменью в глазах... Поводырь... Обочь — коробейник, гуляй: долог, наподобие штатских воинов, складная сажень ростом, в бороде седоватина, у сорокалетнего, чуть-чуть кривоват. Сбоку небольшая лопата, в кожаном влагалище; ну. Сицевое де, говорил, носит, опасаясь грабителей; оружие дак. Во, изобретатель!.. ага. Бывши по суконный товар, чтобы таковой продавати на корельской земле. Дешево купил, повезло. Как не так; так бы не совал песнярам, походя какую-то медь.

Гусельника выставил вон, с торго, околоточный пристав. Он же, разгоняя народ, ахнул бердышом по хребту. Еле устоял; каково! Древком, на великое счастье. А, достань острием? Ссадиною, как бы платил песельникам, щедрый богач. Штатские! И даже в Песках², пригород — рукою подать, в Спасском приложили кулак... Делатель какой-то, из тамошних, на смольном дворе³. Свия. Будь готов ко всему.

Позже, как шагали на пристань с коробейником, Федькою, под звон с колокольни (люторской увы), раздалось: «Эге-ге-гей, Настасья, хотимая моя...» Песня — о покинутом крае, отчинах, откуда пришел. Что его к Неве занесло? Пел так, что временами казалось: шепчет заблудившийся в соснах ветер, нагоняя печаль. «Был дом как дом, справный, — сообщил вездеход: все перевернулось вверх дном. На Тихвин поглядеть бы. Хоть плачь. Снег, купола, звоны недалекие, Настя»; песенная, так понимай. Сетовал на злую судьбу. Жаль, тихвинца. С другой стороны, кто его заставил прибыть? Сказывал, роняя смешок, деланный: давно перебрался — в пору, как еще не бывало придорожных застав.

С коробом гулять не хитро, — изговорил про себя в мыслях о знакомце крестьянин, осушив челночок, — взял бы, вездеходина, серп!.. Али потрудился на пойме, у болотин литовкою, когда сенокос. Во токо-то с чем не

² Название Пески восходит ко времени жизни новгородского князя Александра (Невского). Известно по документам XV–XVI вв. и все еще живет в языке очень пожилых петербуржцев.

³ Откуда, очевидно, идет известное любому из питерцев название Смольный.

хотят знаться размении отчизны. Видимо, хотелось нажать более того, что имел с промысла в родной стороне. Выбежал — и с носом остался. Дескать, выручает гроши. Думается, правдой сказал. Федька, по сравнению с гражданами штата — ничто... Яко бы, осенний листок, втоптаный в дорожную грязь. Выбьешься ли в лучшие люди на чужой стороне?

Мытарю плати за товар, дабы разрешил продавать, приставу — за пропуск на торг, за городом дань — корчмарю. Всем — выложи; хапучие от; каждому чего-то давай. Тут еще, прямые разбойники — шалят, по ночам; правда, лишь единственный раз, купчик, налетал на шишей. К счастью, отбилсЯ от них. Выручил копальный снаряд, — припоминал селянин, мешкая грести за реку: в сшибке отлопатил начального и дал тяголя. Если б ни лопата, изрек — сделали б, до смерти; а то; не было бы Федьки в живых. Летось, в позапрошлом году, баял, обобрали какие-то в ночлежной избе, сонного вблизи Коломяг — выкрали одиннадцать талеров... Повсюду грабеж.

Мало, что его, бедолагу, странника изъела печаль — выяснилось, терпит лишения. Почто выбегал? Что б ни возвернуться назад? Жалко дурачка, фалалея — и, с другой стороны, чувствуется некая злость. Мог бы ожениться, под Тихвином, наделать робят. Как же — по-иному? Вот на: шастает поодаль от родины, в корельской земле, с коробом, да песни поет. Горлом выражати печаль, думается так, не натужно, проще, — потянул бы семью! Вместях, — промелькнуло у Вершина: — и тяжело, и в радость. Вечное, считаем, союзничество... Як на цепи. Нравится все больше и больше, — думалось, как вспомнил жену; больше — лучше. Впрямь-таки: железный союз! Но, а что касасемо пристава, обида пройдет. Свыклись, не первый тычок. В гавани все чаще и чаще пристают корабли, даже иногда в октябре. Кое и когда понаведатися в штат не грешно; да уж; поработал — доход. Шланты!.. Но и было, подчас выгорбишь серебряный, талер. Мелочь, по великому счету... Двойственное; как для кого.

Великая ПРОВИНЦИЯ

Татьяна ТИМОШИНА
СВИДЕТЕЛЬСТВА
БОЕВ КРОВАВЫХ

Константин НАЗАРОВ

Приближается 2012 год, когда Россия будет отмечать 200-летие Отечественной войны 1812 года. В нашей стране есть много мест, которые связаны с событиями тех лет. Но если такие названия как Смоленск и Бородино многим знакомы, то о роли небольшого Малоярославца в этой войне не все могут вспомнить. Тем не менее этот город хранит память о событии, сыгравшем решающую роль в ходе Отечественной войны. По преданию, М. И. Кутузов сказал, что Малоярославец есть «...предел нападения, начало бегства и гибели врагов».

Не секрет, что кампания 1812 года стала большим и тяжким испытанием для нашей страны. В воздухе, наполненном пороховой гарью и предсмертными криками солдат, летал дух подлинной трагедии, бесстрашия и упорства, а перед глазами проносились бои, отступление русской армии, множество лишений и багровое зарево смоленского, а потом и московского пожарищ. И не только большие города оказывались свидетелями кровавых баталий, становясь безмолвными участниками,

Татьяна Михайловна Тимошина — закончила экономический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова. Кандидат экономических наук, доцент, профессор кафедры экономической теории МГИМО (У) МИД России. Более 30-ти лет преподает экономическую теорию и историю экономики. Увлекается краеведением. **Живет в Москве.**

Константин Евгеньевич Назаров — по профессии журналист, окончил Среднерусский университет в Обнинске Калужской области. Работает научным сотрудником в Малоярославском военно-историческом музее 1812 года. Родился и живет в Малоярославце Калужской области.

Памятник на братской могиле. Фото 2009 г.

покрывшись шрамами пепелищ и испещренные следами пуль и ядер. Так, доселе неизвестные названия русских селений и маленьких городков, с их крохотными домиками и церквушками, обретали славу, прогремев на всю страну, став известными всем и каждому.

7(19) октября император Наполеон, узнав о поражении маршала Мюрата в сражении при речке Чернишне, покинул Москву и вместе с армией направился по Старой Калужской дороге. Несмотря на то, что Великая армия Наполеона все еще насчитывала более 100 тыс. человек, у французского императора было много поводов для беспокойства. На предложения о мире русская сторона хранила молчание, а дисциплина у французов крайне ослабла и оставляла желать лучшего. Наполеон хорошо понимал, что с такими силами он, скорей всего, не сможет дать русской армии второе Бородино, и поэтому намеревался осуществить иной план: пройти по Боровской дороге, через нетронутую войной Калужскую губернию, чтобы потом уйти к Смоленску.

Уже 10(22) октября войска итальянского вице-короля Эжена Богарне заняли Боровск, а его передовые части начали двигаться к маленькому уездному городку Малоярославцу, который, как оказалось, стал последним завоеванием Наполеона в России, местом, где он окончательно понял ясно, что крушение его планов неизбежно.

Передвижения неприятеля не стали неожиданностью для русского командования, находящегося в то время в Тарутинском лагере. Партизанский отряд капитана А. Н. Сеславина вовремя заметил движение наполеонов-

ских сил в калужском направлении, о чем было доложено в штаб армии. Сам Сеславин даже лично наблюдал карету французского императора в окружении свиты. На основе разведывательных мероприятий командование русской армии во главе с М. И. Кутузовым приняло решение дать сражение в районе Малоярославца 12(24) октября.

Вечером 11(23) октября к городу подошли батальоны 13-й пехотной дивизии генерала Дельзона, составлявшие авангард IV «итальянского» армейского корпуса Великой армии под командованием Э. Богарне. Они заняли оставленный жителями Малоярославец. Два отряда французов заночевали в городе, а остальные — на левом берегу реки Лужи, обеспечивая связь с основными силами армии. Впрочем, долго отдыхать не пришлось.

Раннее утро 12(24) октября огласили егерские рожки русских войск. В город, с его противоположной стороны, бросились солдаты 33-го егерского полка, ударили в штыки и опрокинули французскую колонну. Так началось кровопролитное 18-часовое сражение при Малоярославце.

По всему городу шли рукопашные бои, а улицы были усеяны горами тел. Как свидетельствовал И. Р. Дрейлинг, находившийся в сражении при генерале П. П. Коновницыне: «Здесь 12 октября произошла кровопролитная битва против итальянского вице-короля. Несколько раз Малоярославец занимали и опять отдавали. Наконец город запылал, но и среди пылающих зданий и дымящихся развалин битва продолжалась до полуночи». Кавалерия и масса пехоты с трудом продвигались по узким улицам. Им приходилось прокладывать себе путь посреди горящих зданий. А тем временем огонь артиллерии с обеих сторон быстро превращал город в руины.

По наиболее распространенной версии, во время боя город переходил из рук в руки восемь раз. «Русские ополченцы, — писал адъютант Наполеона граф Ф.-П. де Сегюр, — озверели как фанатики, наши солдаты рассвирепели; дрались врукопашную, схватив друг друга одной рукой, другой нанося удары; и победитель, и побежденный скатывались на дно оврага или в огонь, не выпуская своей добычи. Здесь раненые и умирали, или задыхнувшись в дыму, или сгорев в головнях. Вскоре их скелеты, почерневшие и скорченные, представляли ужасный вид, в котором глаз едва мог найти остатки человеческой формы».

Наиболее ожесточенным местом сражения стала северо-восточная сторона города, расположенная на высоком берегу Лужи, включающая Николаевский Черноостровский монастырь и его окрестности. С самого начала и до конца сражения монастырь оказался в руках неприятеля и был практически полностью уничтожен. Вот как писал об этом месте В. Глинка: «Ужасно было взглянуть на монастырский ров, заваленный людьми и лошадьми... местами из расщелин выходили слабые стоны и восклицания раненых и умирающих... Несколько из раненых были вытащены и спасены, остальных надо было жечь там же, в пропасти...».

В бою за Малоярославец отличилось множество русских солдат и офицеров, а также один персонаж, которого сложно отнести к числу людей сугубо военных. Полковому священнику 19-го егерского полка Василию Васильковскому, воодушевлявшему идущих в атаку егерей, был пожалован орден Святого Георгия IV степени. Случай доселе небывалый. Командир 6-го корпуса генерал Д. С. Дохтуров доносил М. И. Кутузову, что о. Василий Васильковский, «находясь в сражении при Малоярославце, шел впер-

ди полка с крестным знаменем и примером своего мужества поощрял воинов к быстрому поражению неприятеля, причем он получил рану пулею в голову». Кавалер боевого ордена отец Василий вынес все тяготы кампании 1812 года и вступил вместе со своим полком в пределы Европы во время Зарубежного похода 1813–1914 годов русской армии, и с коим пребывал до самой своей

Святые Голубые ворота монастыря

смерти, скончавшись от полученных ранений поздней осенью 1813 года.

Уже поздним вечером основная фаза сражения закончилась. В тактическом плане французы оказались победителями. Как не без гордости писал автор «Похода Наполеона в Россию» А. де Коленкур: «Бой был решен в нашу пользу итальянцами, которые соперничали в храбрости с французами. Этого благородного соревнования было достаточно, чтобы преодолеть все препятствия. В конце концов, мы овладели городом и позицией». При этом автор явно преувеличивал численность потерь русской армии. Куда менее восторженно отзывался о победе граф де Сегюр, написавший мрачные строки о «злосчастном поле, на котором остановилось завоевание мира, где двадцать лет побед рассыпались в прах, где началось великое крушение нашего счастья».

Всего в бою за город участвовало около 31 тысячи русских и 24 тысяч наполеоновских солдат, поддержанных почти 100 орудий с каждой стороны. Потери у обеих армий были примерно равны — по 7 тысяч человек с каждой стороны, что для городка с населением всего в 1500 жителей было крайне много. «Улицы можно было различить только по многочисленным трупам, которыми они были усеяны, — писал Э. Лабом, — на каждом шагу попадались оторванные руки и ноги, валялись раздавленные проезжавшими орудиями головы. От домов остались лишь только дымящиеся развалины, под горящим пеплом которых виднелись наполовину развалившиеся скелеты».

Но русское командование не считало себя побежденным. Путь на Калугу был перекрыт, а на пути неприятеля, который не извлек никакой пользы из сражения, был создан прочный заслон. В противовес словам о безоговорочной победе французов и итальянцев можно привести одну из записей, найденных в бумагах А. И. Михайловского-Данилевского, бывшего адъютантом М. И. Кутузова, которая сообщает, что «если бы не наступил вечер, то вероятно возгорелось бы новое сражение — обе армии имели еще довольно много свежих войск». А последней точкой в этом вопросе можно считать короткое, но емкое замечание маршала Бессьера, сказанное Наполеону по результатам осмотра русских позиций за городом после сражения: «Их нельзя атаковать».

Ночью, под прикрытием темноты, русские войска оставили город и закрепились на юго-западе от Малоярославца. По итогам боя город так

и остался в руках неприятеля, но в стратегическом отношении сражение при Малоярославце оказалось крайне удачным, став одним из переломных моментов в кампании 1812 года. Это было началом конца завоевательных походов французского императора, безоговорочно утратившего стратегическую инициативу. В ночь на 15(27) октября Великая армия была вынуждена через Боровск и Верею начать отступление к Можайску по разоренной старой Смоленской дороге, что в итоге и привело Наполеона к закономерному поражению.

Единственным свидетелем из числа монастырских построек — очевидцем сражения, дошедших до наших дней, остались так называемые Голубые ворота Черноостровского монастыря, являющиеся сейчас памятником истории и архитектуры федерального значения. Касательно этого строения существует легенда о том, что Нерукотворный образ Христа Спасителя, изображенный на фронте ворот, никак не пострадал во время сражения, в то время как поверхность вокруг него имеет большое количество следов от пуль и картечи. По Высочайшему повелению Императора Николая I «...на память грядущим поколениям запрещено поновлять монастырские ворота и заделывать знаки (язвыны) от выстрелов». Эти отметины можно наблюдать и в наши дни. В 1830-х годах на воротах была установлена памятная доска с надписью: «Язвы в память французской войны». В XX веке доска на воротах была уже с другой надписью: «Язвы 12(24) октября 1812 года». До наших дней памятные доски не сохранились.

Не менее тяжелая судьба постигла другие храмы города: церковь Преображения Иисуса Христа в Спасской слободе полностью сгорела, но сей-

*Церковь Успения
Пресвятой Богородицы. Фото 2007 г.*

час на ее месте можно увидеть деревянную часовню, воздвигнутую уже в XXI столетии. Маленькая церковь Федора Стратилата, находившаяся на старом городском Бессоновском кладбище, не только пережила пламя сражения, но и впоследствии хранила около своих стен одну из трех братских могил с павшими русскими воинами. К сожалению, пожар, произошедший в 1930-х годах, уничтожил храм, и более он не восстанавливался. Главные же церкви города: Соборная церковь во имя Казанской иконы Божьей Матери, храм Успения Пресвятой Богородицы, а также церковь Рождества Иоанна Предтечи, несмотря на сильные

повреждения, выстояли. Священник Петр Филиппов так писал об Ивановском храме: «на церкви большая глава пробита ядром навывлет, на колокольне три колокола разбиты картечами вдребезги..., железные двери прострелены насквозь».

Но город Малоярославец, возрожденный на средства российской казны и выстроенный заново стараниями жителей, восстал из пепла. Поврежденные церкви были отремонтированы. Николаевский Черноостровский монастырь продолжал отстраиваться на протяжении всей первой половины XIX века. С середины того же века в Малоярославце стали устанавливать памятники, посвященные сражению и русским полкам, принимавшим в нем участие. В 1844 году в центре города был воздвигнут монумент Славы¹. К сожалению, этот памятник был разрушен в 1930-е годы. В настоящее время, благодаря усилиям общественности города, в Малоярославце завершается восстановление монумента. Церковь Успения Пресвятой Богородицы, пришедшая в негодность, сменила в 1912 году свой облик на новый храм-памятник, торжественно открывший свои двери накануне празднования столетия сражения при Малоярославце. В том же году в городе были установлены три братские могилы в память о погибших русских воинах.

А память, она жива до сих пор. Она витает среди памятников на братских могилах, храмовых колоколен монастыря и окружающих его холмов, которые еще помнят грохот сотен орудий и топот тысяч солдатских сапог.

¹ Помимо Малоярославца, по указу Императора Николая I монументы были установлены на местах наиболее важных сражений Отечественной войны — в Клястицах, Смоленске, Ковно (Каунасе), Полоцке, селе Красном и на Бородинском поле. Шесть из этих памятников считались монументами 2-го класса и один — на Бородинском поле — главным монументом.

ПОЭЗИЯ

**Наталья
ЛЯСКОВСКАЯ**

«ТВОЕЙ ДУШИ ЧУДЕСНЫЙ СВЕТ...»

Наталья Лясковская — родилась на Украине в 1958 году. Окончила Литературный институт им. А. М. Горького. Автор нескольких поэтических книг для взрослых и детей, а также книги «Матрона Московская» в серии «Жизнь замечательных людей». Постоянный автор журнала «Русский дом», интернет-газеты «Столетие» (статьи о Православии и отечественной истории) и журнала «Наш современник» (стихи). **Живет и работает в Москве.**

ДАЛЕЕ — ВЕЗДЕ!

из цикла «Домой»

Трясаясь в гремучей электричке,
скрипя в железной борозде,
проснешься ночью по привычке
от крика: «Станция Кулички!»
и громом: «Далее — везде!»

Вскричать — куда же делись люди?
Вскочить — а ног не оторвать.
А грудь уж горный воздух студит...
Вот так нам Бог, убогим, судит —
лишь умирая, прозревать.

Иным путем к иному дому
по первозданной борозде
несясь, постигнешь сквозь истому,
кто ж возвестил тебе, простому:
«Ты будешь
 далее —
 везде!»

Я САМА СЕБЕ УКРАИНА

Я сама себе — Украина!
Вы уж там, за таможенным тыном,
без меня разбирайтесь: кто чей?
У меня здесь два сына и Нина,
бабынастина греет ряднина
в знобизне московитских ночей.

Вы открыли католикам брамы?
Здесь мои православные храмы,
их любой предпочту я родне.
Полюбила Россию сердечно:
у меня здесь любимый навечно.
Где мой муж — там и Родина мне.

Час придет — за зеленым оврагом
на Николо-Архангельском лягу
рядом с дочкой, за то и держусь.
Рай земной мне —

 хрущевская двушка.
А что я — не скрывать же! —
 хохлушка —
так я этим безмерно горжусь.

Не ношу вышиванки и плахты,
но, увидев меня, всякий «Ах ты!»

вскрикнет, глазом по торсу скользя:
и изогнуты бедра, как лира,
и за пазухой вложено щиро,
так что не заглядеться нельзя!

Я пою «Цвитэ тэрэн» прекрасно,
юмор уманский (своеобразный)
приправляет тщету здешних щей.

А любить —

так что дым коромыслом!

А работать —

так с толком и смыслом,
чтоб трещали зажимы хрящей!

Разделила граница нас с мамой:
связь по «скайпу»,

звонки, телеграммы
заменяли свиданий живье.

Но уж если домой вырываюсь —
милрой мовой мойей упиваюсь,
аж пьянею от звуков ее...

И в Москве духовитейшим салом
украинским пропахли вокзалы,
рынки, стройки, бордели, ворки.

Только что-то не очень стремятся
на Москве украинцы брататься.
Друг пред другом молчат земляки.

Видно, в каждом — своя Украина...

Мне, конечно же, все не едино:
не хочу, чтоб бугристый урод
(или кто там подходит вдоконы)
сфасовал ее землю в вагоны,
И отправил Америке в рот!

Я молюсь: сохрани ее, Боже,
и меня, ее часточку, тоже.

Хай живэм, Батькивщина та я!

Мир в умы, на столешницы —

хлеба

ниспошли, Милості́вое Небо,
нам в нелегкие дни бытия.

И отсюда, из русской столицы,
Вспоминая любимые лица,
(в сердце — светлая боль,

в горле ком),

припадаю к иконам, как птица:

Да укроет родную землю

Божья Матерь

Цветастым Платком...

САМОЕ ПРОСТОЕ

Раба Божия рябина,
кривобокая, в рябинах,
к церкви приросла,
на ветру промозглом стоя,
просит самое простое —
света и тепла.

Раба Божия Марина
и нарядом из ряднины,
и лицом страшна,

На ветру у церкви стоя,
просит самое простое —
хлеба и вина.

Жизнь проходит у рябины.
Жизнь проходит у Марины.

И судить не нам,
чем они угодны Богу,
что дается им так много:
жить у входа в храм.

БРАТУ

из цикла «Домой»

Я кровной травой умоюсь
И в землю родную войду
По шею, по локти, по пояс...
И скроюсь, как камень в пруду.

И там, средь червей и корней,
Как прах в прародительской мгле,
Я стану — сотленной творенью,
Я стану — родною
Земле.

Как высшее счастье приемлю
и знаю, что больше, брат мой,
родную полюбишь ты землю —

лишь только
Землей став
самой.

КОНЕЦ ВЕЛИКОГО ПОСТА

Икона «Вертоград заключенный» Никиты Павловца

Вдруг — весна. Тепло, туман,
Дождь опарный льет...
Иеромонах Роман
Горестно поет.
С ним и я своим грехам
Строго воздаю,
И рыдаю, как Адам:
«Раю мой, раю!»
Я рисую, чуть дыша,
Чудный детский Лик —
Он с блаженством малыша
К Матери приник,
Золотых деревьев ряд,
Птицы да трава...
Губы сами говорят
Чудные слова:

«Господи, Исусе мой,
Крине чистоты,
Поле снежное зимой,
Алые цветы!
Спасе, Радосте сердец,
Мира Теплота,
Жизни праведной Венец,
Славо пресвята!..»
Рисочки на ризах всех
Тоненько черчу,
Вертоград в простой красе
ЗаклЮчить хочу.
Боже, дерзость мне прости:
Тщусь, забывши страх,
Лик нетленный нанести
На древесный прах!..

РОЖДЕСТВЕНСКОЕ

Колечке

Дитя, ты спишь в своей постели.
Твоей души чудесный свет,
легко пройдя сквозь толстый плед,
чуть освещает
ветку ели...

**Владимир
ИЛ'ЯШЕВИЧ**
**В НОЧЬ НА
ИВАНА КУПАЛА**

Рассказ

Владимир Николаевич Ил'яшевич — родился в 1954 г. в Таллине. Окончил юридический факультет Тартуского государственного университета, Высшие курсы международной журналистики в Москве. В настоящем — директор издательства, главный редактор журнала «Балтика», издатель газеты «Мир Православия», председатель Эстонского отделения СП России, секретарь правления СПР. Возглавляет Общество европейской генеалогии и геральдики в Эстонии, совет международной лит. премии им. Ф. М. Достоевского. Постоянный член Совета Всемирного Русского Народного Собора; действительный член Международного Объединения Кинематографистов славянских и православных народов («Золотой Витязь»). Лауреат ряда лит. премий. **Живет в Таллине, Эстония.**

Художник Лунев закончил картину к вечеру накануне Ивана Купалы. На живописном холсте были изображены один местный богатенький предприниматель и его пассия. Бизнесмен и дама его сердца, как водится среди деловых людей, знающих счет деньгам, были весьма привередливы. Заказчику хотелось, чтобы выглядел он суровым, мужественным и интеллигентным мужчиной, многое повидавшим в жизни и испытывавшим страшные удары судьбы, но, однако же, при том при всем, с честью преодолевшим все испытания лихой фортуны. Мол, сей достойнейший муж сохранил, невзирая на страдания и несправедливости, нежные чувства, надежно упрятанные от посторонних нескромных взоров в глубине его почти бездонной души, уберег благородство натуры, недюжинный интеллект и возвышенную духовность.

Ей, конечно же, по нраву было выглядеть красивой, моложавой, умной, незаурядной и тонко чувствующей женщиной с проникновенными темно-синими глазами, пожертвовавшей своей карьерой и множеством несомненных талантов во имя успеха своего благоверного, так и не понявшего до конца, какой чистой воды бриллиант он обрел в ее лице.

...Лунев месяца три мучался и никак не мог завершить работу над полотном. Всякий раз, выслушивая очередные пожелания пары, его наметанный глаз улавливал в манере держаться признаки надвигающегося разлада и взаимной пресыщенности. Видать, под покровом внешней сдержанности и немногословности дамы и ее кавалера давно тлел огонек какого-то нестроения, кололи колючки капризов и претензий, будто давала знать о себе редкими, едва слышными щелчками щербинка, появившаяся в колесике прежде слаженного

механизма. То главному герою казалось, что в его образ следует добавить скрытой иронии, придающей характеру внутреннюю силу и возвышающую его над окружающим миром и, в особенности, над капризной дамой сердца. То его спутнице виделось, что недостает аристократизма в изображении небрежно наброшенного на голые плечи белоснежного боа из песка. А в другое посещение само боа казалось ей не вполне песцовым и чуть ли не похожим на какого-нибудь «мексиканского тушкана». Или что вообще обожатель глядит на нее без подобающего, по выразительности, восхищения. Впрочем, одно желание, видимо, у них было единым и не вызывающим споров. Сам факт заказа и обретения живописной картины, надо полагать, должен был свидетельствовать о сопричастности ее будущих владельцев ко всякого рода «культур-мульти-тур».

Времени для позирования с натуры у заказчиков, естественно, никогда не доставало. Когда же к очередному смотру произведения, казалось, все пожелания были исполнены, вновь обнаруживалась деталь, никак не устраниваемая одну из сторон двойного портрета в интерьере. Интерьером, собственно, оказался не живописный будуар в особняке бизнесмена, а сама жизнь. Новый день приносил новые настроения: ссору, охлаждение, обострение борьбы за свои права и свободу между двух людей, заключивших добровольный союз, или, наоборот, ренессанс чувственной тяги друг к другу и легкий всплеск взаимного интереса, а порой — тягостное равнодушие друг к другу и тоску по чему-нибудь новому и еще непознанному. Лунев поневоле оказался в роли свидетеля эволюции отношений и своего рода семейного психолога. Правда, без права высказывать мнение или вообще замечать нюансы в душевных движениях героев, в тонкой ткани их противоборства. Он скорее стал полем, местом сретений, обрамлением и поводом для очередного выяснения диспозиции между сторонами, для определения актуальной ситуации на момент времени и до следующего раза. Сам же он в этом смысле, конечно же, их не интересовал. Словом, Лунев извелся в бесконечных переделках, подмазках и в ожидании обещанного гонорара. Эта ходка визитеров, как было обещано, должна стать последней, и автор картины очень надеялся, что сможет, наконец-то, сбросить с плеч груз своего нового творения и вместе с ним тяготину из мыльной оперы чьих-то бесконечных житейских перипетий. Он уже почти ненавидел эту пару с ее бесконечными рефлексиями и, так сказать, мирным сосуществованием, оставившим после очередного визита ощущение внутреннего дискомфорта и желание напиться водки до беспамятства.

Нет, нельзя сказать, что они были глупые или плохие люди. Они были не лучше и не хуже, нежели подавляющее большинство им подобных. Он ведь удачливый предприниматель, по-своему трудяга на торговом поприсе, вполне смысленный для того, чтобы прилично заработать на собственную старость. Без бандитизма и прочего явного преступления закона. Она — симпатичная женщина, стремящаяся соответствовать своим представлениям о высшем свете и где-то по сугубо женскому наитию понимающая, что эти ее представления отнюдь не вполне совпадают с реальным образом истинного аристократизма. Ибо для уяснения этого самого образа одних денег совершенно не достаточно. В общем, любой человек, не испытывающий ненависти к роду людскому, совсем не посчитал бы зазорным знакомство с ними. Не было оно зазорным и для Лунева. Его тяготило другое: он и сам себя

все более начинал ощущать простым исполнителем чьей-то прихоти, своеобразным бизнесменом от живописи, торгующим своим мастерством, так как он мог себе позволить лишь изредка тратить свое время и вдохновение на то, что влекло по-настоящему. И такие случаи приходили все реже и реже. Жизнь вращалась в бешеной круговерти. Все меньше являлось поводов, чтобы утверждать в себе верность главному девизу жизни, вычитанному у француза Жан-Жака Руссо: истинная свобода состоит не в том, что ты делаешь все, что хочешь делать, но в том, что не делаешь того, чего делать не хочешь. Эта парочка, впрочем, не только она, постоянно напоминала о несвободе, навязывающей свои правила и законы. Ощущение неволи все больше подчиняло Лунева и давило тяжким грузом будних обязанностей. Оно словно издевалось над смыслом высокого вдохновения и ежедневно давало понять, что сегодня есть только один выбор — либо вдохновение с малопривлекательной перспективой жизни на помойке, либо торговля тем, что приносит ремесло, терпеливое следование капризам заказчиков и, следовательно, достаточно сносно устроенный быт, минимальные средства на содержание семейства, на образование для малолетнего сына, а также на редкие удовольствия, какие для среднестатистического горожанина прибалтийской столицы предлагает рыночная (будь она неладна!) «индустрия развлечений».

...Жена с сыном куда-то на родительские огороды подалась. По случаю нерабочего дня с близкими пообщаться да сына к гоголевской сказке приобщить на Ивана Купала. Не страхами, а чудесами отмеченной. К тому же, весь народ сыт и незлобиво гуляет по случаю древнего праздника. Но от того, что остался один, не возникало чувства оставленности. Супруга-таки умна, понимает, когда ему одному побыть надо. С самим собой. Не в том смысле, чтобы закончить очередную работу. А просто так — одному. Соприкоснуться со своим сокровенным. Ведь человек только и живет, что рядом с кем-то. Иного не дано. Без другого человека, без напарника певчего — гибнет, однако же, кажущийся парадокс, умирает человек всегда в одиночку. Такова его, человека, природа, чтобы жить вместе с другими, а уходить из этого мира и становиться перед бесконечным — совершенно одному. И только — одному. Лицом к лицу с собой, хочется сказать, да не получается. Скорее, лицом к тому, чего не ведает никто из нас. Но ведь чтобы обрести смелость всматриваться в бесконечность, неизбежно ожидающую всякого сущего, нужно иметь хоть какую-то возможность оставаться наедине с самим собой. Чтобы быть среди людей самим собой. Потому что тут не соврешь, когда сам перед собой стоишь. Чего врать-то самому себе. Хочешь, не хочешь, но из презрения ко лжи начнешь отстаивать для себя право говорить и делать то, что считаешь правильным, верным. Пусть не претендующим на истину, но честным пониманием самого себя. Без лукавой мысли, что когда-нибудь кем-то зачтется, ежели там, на другой, на неведомой никому стороне Вечной реки, есть нечто, чему верится и не верится, есть нечто нашему, человеческому, недоступное. Порой верится, так сказать, на всякий случай. Иные люди и в церковь-то ходят на этот «всякий случай». А вдруг Бог-таки есть...

Жизнь требует средств. А средства, по странному стечению обстоятельств, это — деньги, бумажный шелест. Незавидна судьба художника — хочется правды, но жизнь — удивительно полосатая штука. Она все время

нашептывает Луневу, что без разноцветных банкнот и цветометаллических железяк никак не прожить. Но брось человека на необитаемый остров и пошли ему сундук с банкнотами, и новоявленный Робинзон Крузо вззоет от безысходности. Ну-ка, попробуй-ка сварить из каких-нибудь там долларов суп или кашу. Хоть зеленую похлебку, хоть какую другую. Никакого толку от такого варева не будет. Или сшей-ка себе какую-никакую одежду из листов бумаги с мудреными водяными знаками. И шагу не ступишь, чтобы не утерять кусок из такой «ткани». Стало быть, в одиночку, на том же необитаемом острове, денежка не нужна. Что же тут говорить о бесконечности пространства. Однако же обойдись без них среди людей... Тут важно время — такое сугубо человеческое изобретение. Деньги нужны только тогда, когда есть время, как человеческое измерение. Эдакая вещица, нужная только для человека.

Эх, заела бытовуха! Где там до портрета какого-то безымянного «некто», чтобы и заработать на труде ежедневном, и себе не соврать. Совместить страсти человеческие, сегодняшние, и чтобы потомкам плевать было, собственно, на персонажей, а чтобы отмечали они лишь мастерскую руку художника. Потому что она, рука, и ее письмо как бы вне времени быть должны.

М-да, сверхзадача. Леонардо да Винчи с русскими иконописцами могут примером послужить. На самом деле, больше никто. Да Винчи даже меньше, чем Рублев. Итальянец себя до умопомрачительных тонкостей видит, а Рублев, разглядев свое внутреннее, пять лет обет молчания держал. Мол, с людьми говорить ему не о чем. Тем не менее, сколь светло, радостно они, его творения, звучат в цвете. Вернулся к людям. Не Бог, но художник, совершивший подвиг возвращения из любви к ним, к людям. Богу неведом героизм. Человек это знает. Героизм, на самом деле, жертвенность человеческая. Насколько же нужно быть безответственным ко всему тому, что сопровождает человека при жизни, чтобы совершать героические поступки во имя жизни неизвестных братьев по разуму? Безответственным — значит тут, быть сверхответственным.

Героизм, стало быть, являет собой апофеоз безответственности? По крайней мере, перед близкими своими — да. Но разве земная Мария, отдав Своего Сына на растерзание, не оказалась превыше всех героев земных? Безответственной? И не претворилась Она в Высшее? Есть предвосхищение желания переступить время. Есть энергия созидания. Созидания истинного прощения. Она, Мария, стала вечной. Вне наших измерений. Оттого и Богородицей стала. Тем временем, что от меня, художника, ждут эти люди? Почему эти ожидания так противоречат моей сегодняшней потребности иметь кусок хлеба? Кто посмеет бросить в меня камень из-за моего желания иметь земные отрады и блага... Иной раз мне хочется послать..., ну, очень далеко, всех, кто меня окружает, даже самых близких моих, тем более советчиков, но я знаю, что, будучи здесь, на земле, на почве, я не увижу ничего иного, нежели я увидел до сих пор, и понимаю, что мое все это есть неизбежность. Я — в бытии, а не в представлении о нем. Нужно просто обрести достоинство. В возрастании. Оно, достоинство, есть только мое. Ценность, по рождению в образе Господа, мы имеем все. Приобретаемое качество, исключительно обретаемое, это — достоинство. Как прожил жизнь свою — таково и достоинство твое.

...Итак, владельцы последнего портрета в интерьере остались довольны. Уж в этом Лунев был уверен. Благодаря компромиссам, которые, по таким поводам, обычно исключаются. Порой, в лихорадочных ощущениях своих, он боялся совсем не «потом» возникающих недовольств и придирок. Он страшился того неведомого, что может неожиданно выплеснуть из его сердца горячей волной лютого неприятия всего, что его заставляло жить так, а не иначе. Как иначе? Да без того, чтобы подлаживаться, ложиться, так сказать, под банкнотный «листопад», под то, что представлялось в его воображении непереносимо гадким, под мерзость угодничества перед властью, сейчас, пожалуй, всемерною, то есть без того, чтобы пасовать перед властью чистогана, перед тем, что всегда имело над Луневым всего лишь ничтожную, по сути своей, силу.

На автостоянке, что невдалеке от квартиры и мастерской, как-то давно он цапнулся с владельцем шикарного внедорожника «Лексуса». Тот, молодой еще парень, в недавние годы удачливо притульнулся к жадному до умопомрачения бизнесмену, но извертелся-таки накопить приличный капитал... Обрел ощущение полноты своей жизни и якобы право на презрение ко всему, что не имеет существенной материальной ценности. ...Хамит тот владелец «Лексуса». Ох, хамит. Говорил же ему Лунев, чтоб аккуратнее выставлял свою тачку в положенный квадрат разметки. А он прихватывает еще кусок чужой парковки. По небрежности, ибо — «хозяин жизни». На других людей ему просто плевать. «Ах ты урод, окаянный», — досадливо говорил про себя Лунев, в очередной раз едва втискивая на стоянку свою выдавшую виды «Тойоту».

* * *

Сегодня — день почти счастливый. Господа остались довольны результатом переделок. Пожалуй, у них временно ладилось. Главное — осталось получить свое вознаграждение. Счет они приняли нарочито равнодушно и ушли восвояси, пообещав забрать портрет через пару дней. Видимо, предвосхищали прелести теплого вечера накануне Иванова дня — с кострами, шашлыками и изысканным вином «Алазанская долина» где-нибудь на лужайке перед особнячком и самой возможностью пообщаться с единомышленниками, с благосклонным выслушиванием ловких восхищений в собственный адрес по поводу «столь красивой и удачно сложенной пары».

Лунев ляпнул кистью по палитре с красками. Но нанести на полотно нужный мазок так и не смог. Рука застыла в движении и дальше отказывалась повиноваться. Он внезапно ощутил, что его накрывает волна какой-то страшной, дикой ярости от протеста к тому, что вынужден делать во имя «желудка», чего даже чуток испугался. Вспомнилось, что совсем недавно столь же круто осерчал на какой-то ненужный, глупый телефонный звонок, вспыхнул неистово, совсем не подобающе солидному художнику не мальчишеских лет, рассердился, можно сказать, люто, хоть сама по себе ситуация отнюдь не заслуживала этой вспышки. Такое бывает, когда отрывают от какого-то чрезвычайно важного и неотложного дела, которое надо совершить сиюминутно и никак иначе. Как только он положил телефонную трубку

на рычажок, так и грохнул тренированным кулаком по столу и про себя, шепотом, но с отяжкой, от всего сердца, со смаком матернулся. Душу его на мгновение заполнила только одна суровая гроза, всплеск, силой, как ему представилось, во много раз большей всяких децибелов и прочих механических колебаний. Конечно же, Лунев знал, что такое состояние продлится лишь миг и этого мига не хватит, чтобы исполнить то, что в голове мстительно промелькнуло как в адрес звонившего, так и ко всему вокруг него, что ему, казалось, могло помешать. Хотя, если бы в сию же секунду весь его гнев нашел воплощение, то, наверное, мир с того же мгновения испепелился. Так-то мечтает злобствующий, обездоленный человек, чтоб отомстить конкретному, часто воображаемому врагу через гибель всего человечества. Мол, оно, человечество, пусть гибнет, главное, чтобы вместе с ним и известный недруг сгинул. Мол, тогда — наверняка. В общем, хлопнул по столешнице. Переносной компьютер вдруг замер в экранном мерцании. Экран вспыхнул искусственной яркостью и потух. Намертво. Уж потом, когда Лунев обежал с десятков мастеров-ремонтников, один мастак, из местных армян, объяснил, что материнская плата в компьютере не просто пробита в какой-то точке или пайке, но-таки напрочь сгорела и оплавилась. Почти целиком. Армянин этот оказался необычным знатоком, ибо в электронике был почти гением, хотя и в привычном для армян торговом деле — совершенной бездарностью.

Близком вспомнилось Луневу из рассказанного одним русским интеллектуалом, занятым очередной предвыборной кампаний какой-то партии. Тот парень как-то тоже тихо высказал про себя, мягко говоря, неудовольствие, но выплеснул непотребство от всего сердца, да и компьютер принялся чудить. Машина несла всякую ахинею — перегружай или не перегружай. До тех пор, пока Серж, приятель разгневанного сочинителя, не прервал долгую паузу наблюдения, мол, шел бы ты отсюда подальше к «фене» или по «фене». Интеллектуал метнулся в соседнюю комнату, а невозмутимый Серега все исполнил на экране электронного «соработника» без сучка и задоринки.

Луневу тогда отчетливо представилось, что человек способен физически или механически, самоличной силой энергии, выплеском своей эмоции буквально убивать электронику. Ему даже стало приятно от осознания такой своей магической мощи. Мелькнула шаловливая до абсурдности мыслишка по поводу цирковой карьеры, где, казалось бы, денег много, а работы совсем ничтожно. Ибо от природы и так все дано. Он сказал себе, мол, против природы не попрешь. Как-то один московский знакомец услышал слово «природный» и молвил, мол, позвольте вас поправить, вы — не «природный», а «коренной». Тогда Лунев тоже весь вылился в эмоции. Дескать, вслушайтесь в слово-то — «природный». Оно, по сути, куда шире, чем коренной. Корень-то говорит о происхождении из почвы, из землицы. Природный же — слово планетарное, от Земли исходит.

Словом, электронная плата переносного компьютера была основательно пробита. Пользы от нее, увы, никакой быть уже не могло. Вот, ведь, что вытворяет озлобление. Пусть даже мгновенно преходящее.

И зачем «грохнул» свой компьютер? Ну, стукнул кулаком по столу, не по компьютеру же... Ну, выразился... Но зачем же стулья, то бишь компьютеры, ломать, как сказал бы комиссар Чапаевской дивизии Фурманов в

годы Гражданской войны. Но содеянного вспять не обернешь. Оттого и возникла опаска — как бы чего непотребного с готовым двойным портретом не сотворил. Он завесил полотно тряпичной шторкой и отправился на кухню «гонять чай» с медом. Хлебнув из огромной кружки горячего сладкого напитка, прилег на топчан и внезапно, без дремы, стремительно опустил в глубокий сон.

* * *

Лунев спал все же нервно. С перерывами на полуснах и всякой дремотной чушью, время от времени просыпаясь. Перед тем как вновь на ненадолго забыться, он ворочался с боку на бок, время от времени тумачами подбивая под головой подушку. Не было слышно привычного стука тяжелых металлических дверей подъезда и едва различаемого соседского шума в многоэтажной железобетонной панельной доmine. Обрывками мелькали в воображении черные острокрылые мысли-птицы.

Порой ему представлялось, что весь город собрался на улицах и пустырях, дачах и загородных виллах, барах, кафеюшнях и табачно-дымных пивных подвальчиках в бесконечной говорильне и всеобщем веселии вечера накануне Ивана Купалы. Зеленеющие кроны деревьев к исходу светового дня скептически уставились на курящиеся к небу белесые дымы шашлычных кострищ. Лето не утомилось и ему еще предстояло обременить рябины тяжелыми красными гроздьями лишь через целую половину отведенного природой срока.

Луневу всегда казалось, что люди похожи на деревья и вообще на растения. Но больше всего именно на деревья. Самых разных пород, видов, возрастов и внешнего образа. От изогнутых, крепких и кажущихся чахлыми карельских берез с их нутряной стойкостью, древесной пластикой до травянистых пышных африканских пальм, не способных дать даже самую малость — тепло горения. В гороскопной ерундистике он как-то прочитал, что вся суть его, родившегося в год Лошади и в месяц Водолея, воплощена в разлапистом и могучем вязе. В древе сильном, с толстыми корнями, уходящими глубоко в почву, будь она, земля-то, каменистой и скудной, как в Заонежье или, по-южно-русски, плодородной и благодатной где-нибудь в лермонтовском Пятигорске. Плоть этого дерева для мастеровых рук податлива и вязко-плотная. Пусть не крепок как дуб и не стоек наподобие лиственницы. Те от морения только крепче становятся. Зато вяз могуч в жизни и в небытие уходит безропотно и безвозвратно, насыщая плодородный гумус своим тленом, чтобы ростки новых деревьев питались кровью и плотью его. Словно исполняя евангелический завет Иоаннов: «аще скажу вам, коли зерно, падши в землю, не умрет, одним останется, а коли умрет, много плода принесет». Русское оно, дерево вяз, в необъятном пространстве от Балтики до иных дальних морей и океанов, именуемой Россией. Лист его причудлив и не прост. Будто вологодским или мценским ажуром оторочены ветви. Обожжет листву пожарищем, обломает ураганным ветрищем ветви, малые и гибкие, толстенные и жилистые, и кажется, что конец вязу наступил, да только время, опытный лекарь, выждет и не торопкому на рост древу соки скопить дает, сосредоточиться для жизни положенный срок ему отводит.

...Ах, изматывающая бессонница-полузабытье. Что-то словно толкнуло в бок, сметая прочь тягучую липкую дремоту. Зеленое светящееся табло электронных часов высвечивало «01.55». Так, наверное, просыпался известный наследник австрийского престола от полуснов-миражей, мол, вот уж я — великий и всеми обожаемый правитель империи, а тут тебе многообещающее, неведомое и почему-то устрашающее: «Вставайте, Фердинанд, пора в Сараево ехать!»

Лунев сел на тахте. Тряхнул всклоченной головой. Длинно вздохнул, встал, с неохотой подумав о сигарете. Шаркая шлепанцами, прошел в мастерскую. Шторка на свежей краски картине, ожидавшей своих новых хозяев, вдруг явственно шелохнулась. «Окно, наверное, приоткрыто, сквознячок гуляет», подумалось ему. Художник подошел к мольберту, глядяваясь в шторку, представляя себе укрытые за ней образы, предметы, палитру красок, уже написанные на холсте. Почему-то захотелось рубануть наотмашь острым шпателем по полотну за этой занавеской. Шторка шевельнулась еще явственнее. Он зло отвернулся и медленно прошаркал в темную ванную комнату. Черной невидимой гладью угадывалось широкое зеркало над умывальником. В полном мраке темными прозрачными шарами заплесала вдруг перед глазами круговерть. Беззвучно и мгновенно лопнули шары и рассыпались огненными иголками китайского фейерверка... И выплыл из черного зазеркалья огромный красный глаз, устремляясь из недр к поверхности, вырастая из едва заметной точки в распухшее око с круглым пронзительным зрачком. Вот уж наполнил собой всю плоскость зеркала, колыхаясь багровым отсветом. Огромный зрачок уставился в застывшего от изумления и холодеющего страха художника, вдруг замерцал голубым шаром, обретшим очертания огромной планеты с континентами, океанами, морями и горами. Будто падающий спутник ринулся навстречу планете, с бешеной скоростью увеличивая, укрупняя куски пространств и территорий. Исчезают очертания планеты, малюсенький изрезанный полуостров огромной Евразии быстро надвигается, теряя в свою очередь контуры, Балтийское море уж залило зеркало, но и его берега уплывают куда-то в бок, в неведомое, и проявилась испещренная линиями и пятнами карта города...

Все ближе твердь и вот-вот рухнет низринутый с небес зрачок-«спутник» оземь. Да вдруг остановилось падение и зависло падающее око над знакомым домом и над парковкой с машинами. Ясно различимы шикарный «Лексус» небрежного «хозяина жизни» и стоящая за ним луневская потрепанная «Тойота». И снова око ринулось вниз, влетело в узкое чрево вентиляционной трубы, помчалось дальше, едва касаясь запыленных стенок, и вдруг проплавило сквозь решетку в квартиру Лунева, и шаровой молнией с кулак медленно завитало в мастерской художника, тонким лучиком высвечивая пятна незаконченных картин, фотографии жены и сына, что лежали на письменном столе... Зависло оно перед занавешенной картиной и исчезло, вспыхнув голубым светом... Зеркало мгновенно потухло, как экран компьютера с пробитой платой, и черно застыло в почти непроницаемой тьме ванной комнаты...

Издевательски фривольной музыкой электронно зазвучало радио из часов-будильника, доносясь из недр спальни и снимая с Лунева паралич

оторопи. «Так ведь, не ставил же побудку! — мелькнуло в голове. — Тем более на ночное время. Хрень какая-то...» Лунев резко развернулся, сбросил шлепанцы и бросился в спальную по коридору. ...Будильник наигрывал веселенький мотив, и его зеленое табло, не мигая, встретило бесстрастной цифрой «02.00».

Лунев вновь прикорнул на диване и, как ему чудилось, прободрствовал до самого утра, бесконечно проматывая в мыслях кадры увиденного в ночном зеркале. Пульсирующее сердце не успокаивалось. «А, может, “крыша поехала”?», — надоедливо вертелся в голове Лунева коварный вопрос, но он просто отгонял прочь само предположение о духовном своем нездоровье.

...Июньский балтийский рассвет давным-давно разогнал синие сумерки «белых ночей», когда неожиданно зазвонил телефон. «Кого сподобило в такую рань?», — с раздражением не ко времени разбуженного и усталого человека подумал Лунин и поднял трубку.

— Здесь вахтер с парковки говорит... — прозвучало на том конце провода.

— Ну, что случилось? — буркнул в ответ Лунев.

— Да вы спуститесь к нам, тут ваша «Тойота» с соседским «Лексусом» поцеловалась, кхе-кхе, — прокашлял охранник частных авто.

Лунев натянул под руку попавшиеся штаны и футболку и с накапливающей злостью двинулся из квартиры. «Этот доморощенный “хозяин жизни” наверняка нажрался в Иванову ночь и таки въехал в мою машину, зараза. Ну, да ладно, за его счет отремонтирую поболее того, что навредил...», — думал Лунев.

Меньше всего Лунев ожидал увидеть то, что предстало перед его глазами. Его старенькая «Тойота» врезалась в зад шикарному «Лексусу» с такой силой, что капот загнулся кверху, а внедорожник был приподнят так, что задние колеса висели в воздухе над кусками разбитых вдребезги бамперов. Удар был настолько силен, что продвинул «Лексус» на метр вперед за пределы парковочной разметки. Даже на невооруженный глаз было ясно, что именно «Тойота» протаранила впереди мирно стоявший автомобиль и выбросила с привычного места стоянки.

Оторопевший на мгновение Лунев бросился к своей «старушке» и схватился за ручку дверцы. Она была заперта, как, впрочем, и все остальные замки. Руль машины загогулиной капкана мертво и недвижно блокировала механическая «противоугонка».

— Да не садился я за руль уж дня два! — загорячился Лунев, смутно понимая, что никто другой, даже, к примеру, какой-нибудь угонщик, неудачно покусившийся на его авто, сотворить этого не мог. — Посмотрите хотя бы журнал въезда-выезда.

— Смотрели уже, — покачал головой вахтер. — Верно, нет отметки, что вы брали машину. Так ведь и владелец «Лексуса» вот уж как неделю где-то в Швейцарии на курорте кувыркается...

«Чудеса, да и только, никак, нечистый порезвился, — подумал Лунев, вспомнив о ночном видении в зеркале и силе своих энергетических выплесков в секунды крайнего негодования. — Впрочем, утро вечера мудренее. Однако ж, видать, платить за ремонт машин придется...» и, не прощаясь со сторожем, побрел домой досыпать уходящую и светлеющую ночь на Ивана Купала. Почему-то особого огорчения не испытывал от невесть каким образом

случившейся аварии: возможно, спросонья или от некоего зыбкого чувства, похожего на злорадство, — оттого, что какая-то неведомая сила самым мистическим образом «поддала в зад» высокомерному хозяину жизни.

* * *

...Лунев проснулся к 12.00 дня, когда в мастерскую пришли за картиной предпринимательской пары. Измотанный полубессонной ночью, какими-то смутными видениями, думами о непонятных происшествиях и неизвестно откуда свалившейся бедой с личным и соседским авто, он раздвинул шторы на мольберте и, не глядя на полотно, устало взглянул на кряжистого и мордастого гостя — то ли телохранителя, то ли личного водителя бизнесменской четы, приехавшего по поручению забрать работу и расплатиться с художником окончательно. Лунев с неодумением заметил, что брови «представителя заказчика» поползли наверх, а уголки губ — вниз, когда тот буквально вперился в расшторенную картину, и перевел на нее свой взгляд...

Изумиться было чему: на полотне вместо заказанной пары — делового человека и его дамы в интерьере, было изображено совсем другое, не имевшее ничего общего с тем, что он писал с таким трудом на протяжении трех последних месяцев. На полотне он увидел крупно написанный портретный образ мальчика, в котором угадывался его собственный сын в возрасте пяти-шести лет. Каким образом за минувшую ночь появился этот образ вместо написанного сюжета, Лунев взять в толк никак не мог... Он пусто глядел на свои испачканные масляными красками руки, и ни одной мысли для разгадки таинственного преобразования в голову не приходило. Лишь смутно память двигала перед глазами бесшумно плавающие шары из ночного зазеркалья... Лишь мгновенными сполохами вспыхивали в сознании картинки, будто кадры из какой-то забытой съемки — собственная рука с кистью, быстро и энергично наносящая полосы и мазки на полотно...

Образ мальчика действительно был как бы списан с сына в тот недолгий период его раннего детства, когда в глазах ребенка неожиданно появился пристальный испытующий взгляд с безмолвным вопросом: «Кто я? Откуда я пришел в этот мир? Куда я иду, и что ждет меня? Зачем я здесь, и каково мое предназначение?» Лунев вспомнил этот взгляд сына восьмилетней давности. Тогда еще ему подумалось, что в особенности у мальчиков появляется это выражение глаз на короткое время, может быть, на полгода, не больше... Ему хотелось тогда запечатлеть в красках этот немой вопрос в глазах маленького человека, впервые почувствовавшего неслучайность своего бытия... «Я — есть», — это утверждение, эта способность сказать о себе самом отличает человека от животного, ибо человек есть личность. Тайна рождения человека отнюдь не известна, несмотря на изыскания науки. Тайна смысла его бытия не будет разгадана, пожалуй, никогда. Для того чтобы человек хотя бы задался вопросом об этой тайне, и появился Сын, была Богородица, и есть Небо. Быть может, само то, что задаешься этим вопросом, в том, что душа должна трудиться до самого смертного часа в поиске главного ответа, и состоит эта тайна? Быть может, тайна есть сам поиск недостижимого для человеческого разума Божественного истока, Начала всего и вся? Иуда сбился с пути праведного от непонимания самой невозможности реального уподобления Богу. Он хотел бы уподобиться. Этот любимый

ученик Иисуса Христа был по-своему честен. Он пребывал в своей гордыне: если Иисус — в добре Бог, то я, Иуда, буду во зле Господом, ведь нет разницы в чем ты Бог, ибо по ту сторону нет добра и зла вовсе. Ошибся Иуда, не стал он Богом, понял он это, взял и повесился. Все было скудно и возвышенно потому, что справедливость выше закона, но милосердие выше справедливости... Высшее милосердие есть Великое сретение... Оттого и не боги мы, люди, что не дано человеку, к примеру, простить надсмеающемуся мерзавцу, смеющемуся жертве в лицо, дикое, зверское убийство родного дитяти на глазах у матери. Может ли человек простить нутряно, сокровенно простить злодейство потому, что милосердие выше справедливости? Это может только Господь...

Образ мальчика с портрета, написанного Луневым в лихорадочном беспомыслии за одну короткую июньскую ночь, вопрошал безголосым говорящих глаз: «Отец, скажи, почему так: в начале было Слово?...»

ВЫШЛА КНИГА

Корольков А. А. Паломничество в Апокалипсис. Размышления о наших святынях. — СПб., Диоптра, 2009. — 320 с.

В книге доктора философских наук, профессора, академика Российской академии образования, члена Союза писателей России А. А. Королькова рассказ о паломничествах к святыням наполнен размышлениями о духовном пути России в целом, о путях русской культуры, о путях воцерковления, как отдельного человека, так и чаемого воцерковления всего народа. Написанная ярким, образным языком книга читается с неослабевающим интересом и вызывает читателя на долгие и глубокие раздумья.

«Паломники знают, как светлеет душа, как открывается духовное зрение в святых местах, там соединяются времена, духовность живет в едином времени, в ней нет смерти, ибо духовное бессмертно, только духовное бессмертно».

«...Истинное паломничество — преодоление себя и обстоятельств; чем труднее путь к святыне, тем более наполняется душа духовной встречей».

Петербургский ПИСАТЕЛЬ

Валентина
ЕФИМОВСКАЯ

НА КРАЮ СВЕТА

*Размышления о поэзии
Бориса Орлова*

В рубрике публикуются литературно-критические статьи, эссе, рецензии, посвященные творчеству современных петербургских литераторов. Сегодня петербургская литературная школа является одной из основных в России, однако, по ряду причин, связанных с проблемами русской культуры в целом, не достаточно известна широкому российскому читателю. Оценка творчества петербургских писателей, работающих в исконных традициях русской классической литературы и эти традиции продолжающих и обновляющих, поможет нашим читателям составить представление о целостности и непрерывности современного литературного процесса.

«Ничто в природе не было так неуловимо, ни один свой секрет природа не охраняла так тщательно, как секрет о том, что же представляет свет в действительности», — писал в книге «Физика» Л. Эллиот в середине XX века. Не потому ли и слово древнерусского происхождения «светь» — имеет не одно, конкретное, а несколько глубинных, понятийных значений, — это и вся земля, то есть весь мир человеческий, и вся Вселенная, и излучение солнца, создающего мир природы. В древности первобытный человек интуитивно делил весь мир на две части: там, где есть солнце — там свет, там жизнь; там, где нет солнца, света — там тьма, мрак, мир без жизни; и всегда ориентировался, «шел» на свет. Эта градация приводила к определенному «структурированию пространства» (Г. Ершова, П. Черносвитов), в котором непременно существовала граница — «край света», а за ней простиралось нечто непознаваемое, мир хаоса, мир смерти. За многовековую историю своего развития человечество не пересмотрело такую структуру пространства, которое за это время включило в себя еще и пространство души.

В 1943 году, будучи корреспондентом «Красной звезды», Константин Симонов писал с фронта: «Было отчаянное ощущение загнанности на край света и громадности пройденных немцами расстояний»¹. На «краю земли», на «краю света» — приходилось стоять насмерть русским воинам во все времена русской истории, и проходил этот «край света», бывало, и через Москву, и через Сталинград. Сегодня он проходит через души русские. Эта граница — есть крайняя черта обороны

¹ Симонов К. Собр. соч. Т. 9. М., 1979–1987. С. 138.

жизни на земле, идет на ней бой духовный, и не последнее место в том бою занимают русские современные поэты.

*Голодным — хлеб и русский квас,
Бездомным отворите двери.
В Нагорной проповеди нас
Христос учил любви и вере.
Над Иорданом день погас,
Как над Мологой и Тунгуской.
Христос — рус и голубоглаз,
Он — добр и справедлив.
Он — русский?*

*Восходит русская звезда
На небосклон в преддверии чуда.
Но в кресло слева от Христа
Всегда стремится сесть Иуда.
Наш путь — к духовной чистоте,
С него не уведут химеры...
Мы под крестом и на кресте
Не отрекаемся от веры!*

Кажется, об этой границе, об этом крае говорится в приведенном стихотворении петербургского поэта Бориса Орлова, поэта, который и своим творчеством, и своей личностью никого не оставляет равнодушным, вызывая у одних читателей восхищение, у других — лютую злобу и ненависть, тем доказывая, что он не только поэт, но боевой офицер русского-советского флота, находится в этой борьбе на переднем краю обороны души, света и самой жизни.

Борис Александрович Орлов, капитан 1 ранга, родился 7 марта 1955 года в деревне Живетьево Брейтовского района Ярославской области. В 1977 году окончил Ленинградское высшее военно-морское училище имени Ф. Э. Дзержинского. Служил на Северном флоте на атомной подводной лодке. Был начальником отдела Центрального военно-морского музея. В 1985 году окончил Московский литературный институт им. М. Горького. Автор 15 книг стихов, лауреат литературных премий им. К. Симонова, им. В. Пикуля, «Золотой кортик», Председатель Правления Санкт-Петербургского отделения Союза писателей России, действительный член Петровской академии наук и искусств.

Но никакие звания, должности и награды не могут остепенить неугомонную, ищущую, обладающую обостренным чувством чести и справедливости, страдающую личность поэта, которому все возможно, все по силам, все преодолимо, если требуется защищать Родину. Невозможно лишь одно — прожить «без правды сущей, как бы ни была горька». Знаменитые слова А. Твардовского, сказанные его мудрым Василием Теркиным, можно было бы поставить эпиграфом ко всей поэзии Б. Орлова.

*Жизнь — затяжной аттракцион. Зарплату
дают за риск, за подвиги — звезду.
По совести иду, как по канату,
Над пропастью качаюсь, но иду.*

*Люблю свою судьбу размером в повесть
над свалкою порочных повестей.
Тонка, прочна и своенравна совесть:
шаг в сторону — и не собрать костей.*

Стремление русской души к этой сущей (от слова *Сый*) правде, к жизни по совести — исконная национальная черта русского человека. Творчество Б. Орлова доказывает сколь неискоренимо, непобедимо это качество русского характера, общие черты которого были поэтически сформулированы почти тысячу лет назад митрополитом Илларионом в его знаменитом «Слове о Законе и Благодати». Митрополит одним из первых на крещеной Руси охарактеризовал духовную границу света и тени, говоря, что прежде был дан Закон, а потом Благодать, прежде — тень, а потом — Истина. Сегодня Закон понимается, как неизменные прагматические устремления западного мира, заключающиеся в прославлении рукотворных правовых норм. А Истина — Благодать — Евангелие — есть тот путь ко спасению, который проторил Иисус Христос Своей жертвой и посмертным воскресением.

Ощущение Истины как света присуще и русской философии, и русской литературе, оно придает русскому православному христианству ярко выраженный оптимистический характер. Творчество Б. Орлова в целом тоже оптимистично, ярко, целостно. Эта особенность его поэзии не приобретенная, не заданная, но врожденная, о чем могут свидетельствовать его юношеские стихи.

*Под занавесками в светлицах
Не встревожен детский сон.
Там смотрят сумрачные лица
С непочитаемых икон.*

*Встречая путников случайных,
Скрипят березы, как возы.
И оседают в сердце тайны,
Не попадая на язык.*

Стихотворение написано в 1972-ом советском атеистическом году — когда поэту было всего 17 лет! С пятнадцатилетнего возраста Б. Орлов стал ощущать себя поэтом. Такое звание, данное самому себе молодым человеком, не вызывает сомнения, так как первые стихи Б. Орлова нельзя назвать «пробой пера», это полноценные поэтические произведения писателя со сложившимся мировоззрением, с чувством собственного достоинства, с заметным жизненным опытом, который у 17–20-летнего молодого человека, конечно же, был недостаточен, но благодаря особой поэтической чувствительности и емкости души включал в себя духовное наследство предков, расширялся исторической памятью. Иначе трудно объяснить такие строки, написанные комсомольцем Б. Орловым в 1976 году!

*Еще не опрокинулась зима
Над зыбкой тишиной речных излуцин.*

*И веером плывут из-за холма,
Отяжелев от синей влаги, тучи.*

*Во мне покой, как в роще после гроз,
И веет жизнь свежо и просветленно.
Отчаянно горю в костре берез
Я перед Русью, как перед иконой.*

*Молюсь крестам летящих журавлей —
В неведомые дали и пределы.
И чтоб в метель душа была добрей,
Ищу в Руси святое чувство веры.*

Но известно, не летами мудр человек, если вспомнить рассказ, напечатанный в «Воскресных чтениях» (1938 г. С. 562). Один человек поздно начал посещать церковь, впервые зайдя в храм просто из любопытства, но потом сделался истинным христианином. Два года спустя, когда он заболел, то за помощью обратился к священнику. На вопрос священника — сколько ему лет, человек ответил — «только два года». «Только два года?» — удивился священник. «Да, я считаю жизнь мою только с того времени, как научился знать Господа Иисуса и жить по Его Евангелию; восемнадцать лет прежней моей жизни протекло в смерти».

Родившийся в русской деревне, выросший под божницей, воспитанный матерью, живущей по Божиим законам, крещенный бабушкой — тайной монахиней, пострадавшей за веру в лагерях, Б. Орлов с раннего возраста научился знать Христа и хранить свои духовные сокровища, а значит, рано повзрослел. Вот как поэт ощущает связь с теми временами в стихотворении, посвященном памяти монахини бабушки Елены.

*Уютен скромный уголок
Избы. В окошко солнце светит.
Я не один — со мною Бог,
Нет одиночества на свете...*

*Забыло скрип шагов крыльцо.
Икона. Свет лампадки зыбкий.
И Богородицы лицо
Слегка озарено улыбкой.*

*Молитва. Библия в руке.
Блестает день закатной гранью.
И дремлет в Божьем уголке,
В клубок свернувшись, мирозданье.*

Сам поэт в предисловии к сборнику своих ранних стихов так пытается объяснить истоки своего юношеского профессионализма: «Поэзия — это озарение, прозрение, которые приходят к нам свыше. И далеко не на каждого падает Божий свет. Потому и беречь небесный дар надо особо. Иначе, как говорится: Бог дал — Бог взял. Стихи я начал сочинять еще в

дошкольном возрасте. Интуиция подсказывала, что красота, окружающая меня, может отражаться, как в зеркале, в русской речи. Для меня с детства существовало два мира: один — созданный Богом, второй — построенный людьми. Причем Божий мир был более близок и понятен, чем человеческий. Ибо в нем я не видел лукавства, лжи и фальши».

Но такое видение дается не каждому человеку и даже не каждому поэту. Оно есть результат сложнейшей, но не редкой на Руси метаморфозы, которую словами Б. Орлова можно сформулировать так: «Я простился с собой, чтобы встретить себя...» (1972). Кажется, в этих словах предчувствие самого почтенного во все века в России иноческого служения, заключающегося в отказе от мирского имени и мирских соблазнов во имя преданности воле Божией, во имя жизни по совести. Кажется, в этих строках сокрыт смысл извечной мудрости, что «земля в настоящем ее положении есть место изгнания виновных из рая сладости, а не место блаженства; область странствия к Отчизне небесной, а не пристанище безмятежное; поприще трудов, подвигов, внешней и внутренней брани, а не обитель прохлады» (Душепол. чт. 1995). В 17 лет Б. Орлов, конечно же, не изъяснялся такими словами, но по воле своей христианской души избрал почти иноческий путь служения, дав присягу на верность Родине, надев черную форму морского офицера и спустившись в атомную подводную лодку.

Черная подлодка.

Черная вода.

Черная пилотка.

Красная звезда, —

написал молодой подводник, и эти строки стали народными. Весь Северный флот знал имя автора и как молитву повторял восемь слов, объединяющих в единое целое мир духовный и мир материальный. Извечно это единство неразделимых миров бытия человека скреплялось светом креста.

У Б. Орлова часть его жизненного пути освящена красной звездой, знаком русского страдания. Какое-то время красная звезда являлась для поэта символом служения, необходимой ступенью в постижении высочайшего смысла всесильного, животворящего креста, без которого невозможно воевать «на краю света». Только с православным крестом можно идти в бой, и есть большая вероятность выиграть его с таким-то убеждением:

На Божий мир смотрю не из угла,

И не унижусь я до личной мести.

Я сердце поднимаю против зла,

А «не убий!» — во мне на первом месте.

Многие поэтические строки Б. Орлова свидетельствуют о том, что поэт, может формально не осознавая, осуществляет свое призвание в мире посредством дара творческой работы, совершая творение собственной личности, целью которого является соединение с Творцом. Во многих стихах Б. Орлова есть описание этого процесса на примере собственной жизни в ее духовной, социальной и физической ипостасях, процесса, о котором так подробно пишет прот. Геронимус: «...наиболее фундаментальной работой человека в творении является его аскетический труд по отношению к своей

тварной природе... Творение должно быть способно вместить бесконечную Божественную полноту, и его пространство должно возрастать бесконечно... При этом, однако, нужно принимать во внимание два обстоятельства. Во-первых, понятие мир в богословии — это не столько внешний, сколько внутренний мир человека. Он, по свидетельству православных тайнозрителей, несопоставимо больше — и экстенсивно и интенсивно — внешнего мира. Во-вторых, рост творения, который имеется в виду, может осуществляться только с помощью Божией. Для этого творение во главе с человеком должно быть открыто к Богу»¹.

*Я отделен от улицы стеной.
Но мир — во мне. Мой дом обвит плющом.
В солонке звезды. В миске дождь грибной.
Рассвет со стула свесился плащом.*

Эти строки свидетельствуют о том, что поэт чувствует своей душой единение этих миров. Углубление мира внутреннего для поэта невозможно без обживания и отражения мира внешнего, который у Б. Орлова многолик, многокрыл, многоголосен, необыкновенно красив при всех его катастрофах и трагедиях.

*Апрель. Зеленеют луга.
И небо синее слепяще.
Растут, как сморчки, облака
Сквозь кроны в березовой чаще.*

*И просится сердце в полет
На крыльях счастливых мгновений.
По небу весна уплывет,
Как юность, в букетах сирени.*

Весенний свет наполняет любимую поэтом русскую природу и насыщает душу автора, делая ее сильнее и чувствительней, высветляет все ее темные закоулки. Но, очевидно, что ближе всего этой поэтической душе осеннее состояние природы. У Б. Орлова больше стихов про осень. Наверное, потому, что именно в это сумрачное, тревожное, «боевое» время года происходит воочию битва света с тьмою, битва жизни со смертью, в которой последняя одерживает временную победу. Наблюдая это сражение со стороны, поэт будто учится у природы, приобретая в этом учении и физическую силу, и отвагу, и мудрость смирения, и веру в непременную, хоть и трудную, победу жизни, которая невозможна без жертвы и страдания. Поэта вдохновляет осень, ведь вместе с готовящимся к усению лесом, «в котором скоро ветви примут схиму», легче и самому обнажить душу, обрести самое необходимое и естественное для христианина состояние — покаяния, почувствовать скорость времени.

*На птичьих крыльях ветер теплых стран
Покинул пожелтевшие аллеи.*

¹ Геронимус А., прот. Христианство и наука // Православное богословие и пути фундаментальной науки. М., 2003.

*Красней брусника и синей туман,
Но листья на деревьях тяжелее.*

*Последний раз табун гоню в лесок,
В котором скоро ветви примут схиму.
Шуршит листва осины, как песок
В часах песочных, приближая зиму.*

Даже летние пейзажи у Б. Орлова, светлые, сочные, жизнеутверждающие, подернуты патиной предчувствия грядущей, неизбежной жертвы.

*Сумерки. Поют перепела.
В облаках закатных — п я т н а с в е т а.
Незаметно липа отцвела,
Ящеркой скользит по травам лето.*

*Провожая ласточек в полет,
Насладимся грустью и покоем.
Жизнь от нас меж пальцев ускользнет —
Не поймать неловкою рукою.*

А вот зимний пейзаж Б. Орлова

*В декабрьском небе п я т н а с в е т а,
Снежинки словно мотыльки.
Зима, а на обоях лето:
И лилии, и васильки.*

*Ползет поземка на ступени
Крыльца, под крышу по стене.
Лимон с геранью, как на сцене, —
Играют «рощу» на окне.*

Эти два стихотворения, посвященные разным временам года, кажется, не случайно объединены одним и тем же поэтическим образом: и в летнем, и в зимнем небе поэт отчетливо видит некие пятна света, то есть про-светы. Он, может быть, не подозревает, что этим образом подходит к поэтическому решению одного из сложнейших богословских вопросов — вопроса «бытия, в котором наличествует существование», и который имеет одним из решений — блистательное этимологическое решение, проведенное прот. Кириллом Копейкиным. Как пишет прот. Кирилл Копейкин: «этимологически бытие — это тот “про-свет”, то “про-странство”, в котором наличествует существование... Когда Моисей вопрошает Бога о Его сокровенном Имени, выявляющем Его сущность, Господь отвечает ему: Азъ есмь Сый (Исх. 3,14). Бог не есть нечто, Он есть, Его сущность совпадает с существованием. Собственно, есть, по-истине, по-естине, только Бог, а все остальное причастно бытию в меру своей причастности истинному Бытию, бытию “Есть-ины”: “все совместив в Себе, Он имеет бытие как некоторое море сущности — беспредельное и неограниченное”, — говорит св. Иоанн

Дамаскин. Мир творится Богом “из ничего” (2 Макк. 5, 28) в том смысле, что ничто сотворенное не имеет основы “в самом себе”, но существует лишь в силу своей со-причастности бытию Божию. Вся тварь существует во взаимно-связи со своим Творцом, Который Сам есть Бытие, и лишь наличие этой связи позволяет всему быть...»¹ В поэзии Б. Орлова много этой причастности истинному, то есть Божию бытию.

*Раскаленный закат птичье небо поджег,
И дорога до звезд далека.
Черный вечер трубит в серебристый рожок,
Собирая в стада облака.*

*Мир тревожен и глух. На душе непокой,
Но куда-нибудь нужно идти.
Церковь с белым крестом впереди за рекой,
Отчий дом за ручьем позади.*

*В стороне на болоте шумят камыши.
Поднимается пыль из-под ног.
Я один, словно перст. И вокруг ни души.
Надо мною лишь вечер и Бог.*

Многие стихи поэта, в большинстве которых и вовсе нет упоминания о Боге, утверждают, напоминают, вопиют о невозможности существования без совести, без чести, без любви к Родине и населяющему ее народу, который не всегда, кажется, и заслуживает этой любви. Но лирический герой Б. Орлова этой любовью только и жив. По богословию залогом восхождения во славу Божию есть любовь, которая единственная освобождает Господнее творение — человека — от детерминированности, делает его свободным.

Об этой любви это светлое лирическое стихотворение:

*Уезжаю... В грусти сердце тонет.
Долго будет вспоминаться мне,
Словно Богоматерь на иконе,
Мать моя в распахнутом окне.
Желтый вечер. Рожь росой намокла.
Ароматен Яблоковый Спас.
За спиною золотятся окна
Дома, как резной иконостас.*

И это, жесткое, воинственное стихотворение тоже о любви:

*Нервная дрожь телеграмм.
Пьяный стервятничий пир.
Каждый из нас — Божий храм...
или солдатский сортир.*

¹ Кирилл Копейкин, *прот.* Христианство и наука. Богословский и естественно-научный взгляд на онтологическую природу мироздания. М., 2003.

*Кладбище — взятый редут.
Здесь все с собою в ладу.
Или молиться придут
к нам или справить нужду.*

С такой любовью хирург делает операцию тяжелобольному человеку, с такой любовью родители отчитывают ребенка, свершившего тяжкий проступок, с такой любовью солдат идет на защиту Родины, которая, кажется, готова сдаться на милость победителю. Черными слезами, иносказательно оплакивает поэт современные времена, времена, на его взгляд, нравственно-го поражения и духовного отступления в стихотворении «Черный гонец»:

*Наше войско разбито, а боги не с нами.
Ворон крылья над мертвым вождем распростер.
Я гонец поражения. Черное знамя
Над моей головой, словно черный костер.*

Но поэт, конечно же, знает из давней и недавней русской истории, что народ России редко побеждал врага в одночасье, обычно он мучительно отступал, сдавал города и даже столицы. Но это отступление, наверное, было нужно, оно способствовало максимальному накоплению народной силы = ненависти = любви. В наброске предисловия к роману «Война и мир» Лев Толстой писал: «...мне совестно было писать о нашем торжестве в борьбе с бонапартовской Францией, не описав наших неудач и нашего срама. Кто не испытывал того скрытого, но неприятного чувства застенчивости и недоверия при чтении патриотических сочинений о 12-м годе. Ежели причина нашего торжества была неслучайна, но лежала в сущности характера русского народа и войска, то характер этот должен был выразиться еще ярче в эпоху неудач и поражений»¹.

Именно во времена неудач и поражений может ярче всего раскрыться дарование художника, который не боится видеть беды Родины и не тяготится считать их своими личными. Очевидно, что поэта не пугает позиционная, длительная окопная война за душу русскую, когда он пишет такие строки:

*Не понять потомкам жизни предков:
Наша память, как предсмертный вздох,
Коротка. А шрамы — лишь пометки
К болям и трагедиям эпох.*

*Черный вечер выпит с черным кофе.
В памяти — провал и темнота.
Сквозь туман чернеет на Голгофе
Ночью тень распятого Христа.*

Но все-таки Б. Орлов — поэт атаки, открытого боя.

*Ах, генералы... Рвется, будто нить,
Присяга... И уже не до приказов.*

¹ Толстой Л. Н. О литературе. Статьи. Письма. Дневники. М., 1955, С. 113.

*Не знаю почему — не объяснить! —
Мне мил Краснов и ненавистен Власов.*

*Гражданская война — Господня месть.
Но нет ни белой гвардии, ни Крыма.
Ах, генералы... Выше жизнь и честь.
Отечество и честь неразделимы.*

Однако не всегда поэт воюет успешно, есть в его войне отступления и даже поражения, и связано это, используя терминологию Кирилла Туровского, с ослаблением «смирennemудрия». «Что такое древо жизни», — писал в одном из своих произведений святой русский богослов, — это смирennemудрие, начало которому покаяние». Сам поэт, зная свои слабые стороны, признается:

*Смирен — в молитве, буен — в драке.
За все, чем жил, предъявлен счет.
Мой стих пылает, словно факел:
Услышишь — душу обожжет.*

Да, в его творчестве достаточно таких обжигающих, страстных стихов, с которыми нам, читателям, хочется идти в атаку за своим «полководцем». Но иные стихи и строки вызывают недоумение своей уже не обжигающей, а, скорее, испепеляющей образностью, которая так пылающе-горяча, что ее дым затеняет, разъедает идею стиха.

*Змеиные клубки людских страстей.
Того гляди — и сам дойдешь до точки.
Душонки расфасованы в людей,
как жареные семечки в кулечки.*

*Но что за люди? Слизь и дребедень.
Зачем им души без мечты о храме?
Плюются ими все, кому не лень,
а после топчут грязными ногами.*

В этом стихотворении поэт настолько страстен, так увлечен своим негодованием, что не замечает лексических неточностей, образных неопределенностей, особенно в двух последних строках. Очевидно, что поэт, противопоставляя себя «каким-то» плохим людям, впадает в гордыню. Иногда, кажетя, устав от непрерывной войны, он может впасть в уныние и написать такое стихотворение, как «Офицер в отставке».

*Куда теперь идти? И где искать работу?
Не нужен никому советский офицер.
Я тридцать лет служил Отечеству и флоту
У заполярных скал и у балтийских шхер.*

*Здоровье подорвал — нет денег на лекарства.
Чиновник, словно жлоб, старается хамить.*

*Я тридцать лет служил вождям и государству,
Но пенсия меня не может прокормить...*

Это стихотворение можно определить, как кратковременное поэтическое отчаяние человека, который, конечно же, знает, что уныние и отчаяние — грех, что жизнь «за други своя» не имеет денежного эквивалента.

Мало в поэзии Б. Орлова и покаянных мотивов, чаще всего это отдельные строки и строфы, как, например, такое обобщенное метафорическое откровение: «Я — офицер, нарушивший присягу!», когда поэт берет личную ответственность за беды, постигшие нашу Родину в последние десятилетия XX века. Кажется, он знает свои слабые стороны, коль пишет стихотворение «Молитва», в котором просит у Бога смирения и исцеления в покаянии:

*И свет небес течет к моим рукам,
Когда я в храме преклоню колени.
Дай, Господи, здоровья всем врагам
Моим, а мне — покоя и терпенья.*

*И душу исцели мою и плоть,
И подари мне мудрое смиренье...
И долгою лет моих, Господь,
Тебя прославлю, обретя спасенье.*

Это маленькое емкое стихотворение есть свидетельство того, что автор чувствует и выражает своими словами еще один важный богословский аспект человеческой природы, о котором Максим Исповедник писал так: «...единственное твердое определение тварной природы — течь, а не стоять»¹, то есть пребывать в вечном движении, которое определяется тем, что тварная сущность несамобытна и не имеет цели в себе. В поэзии Б. Орлова отчетливо наблюдается это непрерывное стремление, это движение во времени и в пространстве. Его творчество можно охарактеризовать таким параметром, как авторская поэтическая скорость. Ощущение высокой скорости поэтической мысли Б. Орлова, как мне кажется, есть следствие нескольких причин. Во-первых, она определяется индивидуальным художественным стилем, своеобразным поэтическим языком. Поэт словно изнемогает от напряжения нахлынувших чувств, эмоциональных переживаний, для выражения которых он находит самые точные слова, использует, кажется, только необходимые выразительные средства, его поэтическая речь подобна полноводной, не задерживающейся на порогах и отмелях реке. В большинстве случаев без преувеличений, без экзальтации, его поэтические образы свежи, метафоричны, поставленные в ряд, они, усиливая друг друга, создают поэтическое поле высокого художественного напряжения. Поэзия Б. Орлова кажется волноподобной: лирические, просветленные, наполненные воздухом и пространством темы чередуются со стихотворениями эпического плана, со стихотворениями, запоминающимися своим трагизмом, с произведениями аскетически-лаконичными, в которых поэту удастся очертить несколькими строками достаточно большой отрезок времени или пространства.

¹ Наука и религия. М., С. 220.

*Утес. Блужданье солнечных столбов
меж синих туч. Плеск рыбы возле бакена.
А ландышей — как белых черепов
на траурных картинах Верецагина!*

*День провожаю. Чайкам хлеб крошу.
Не признаю парламентов и ратуши.
Устану — как под простыней лежу
под белой ночью. В изголовье —
ландыши.*

*Не финский ножик — распорол буксир
реку... И комары затишье отняли.
И хрупок человек, и зыбок мир!
И прорастают черепа на отмелях...*

Подобные эмоционально-поэтические сжатия-расширения создают волнообразный процесс, обладающий поэтической скоростью. Эта скорость, это поэтическое движение есть, вероятно, и продукт, и следствие особенности человеческой природы пребывать в вечном движении, о котором говорит Максим Исповедник.

Во-вторых, специфическая скорость поэзии Б. Орлова определяется тем, что поэт очень активно использует понятия пространства и времени. И если категория пространства формулируется им достаточно традиционно, с той лишь особенностью, что необходимое для его существования пространство — это вся Россия-Родина, с ее храмами, с материнским огородом, великими русскими морями и океанами, с сумрачными небесами, через п р о - с в е т ы в которых ниспадают на землю снопы солнечных лучей, то категорию времени поэт, может быть даже не осознавая того, пытается рассматривать в богословской направленности, — ощущая диалогичность времени и движения.

*Век — за горизонтом. Лаком книжности
Паруса покрылись. Зыбь в морях.
Времена не терпят неподвижности,
Их не удержать на якорях.*

Обладающий и филологическим, и техническим образованием, Б. Орлов чувствует время, как категорию физическую и как категорию философскую. Это ощущение настолько закономерно, что, кажется, можно рассматривать измерение художественного процесса его отражения и говорить о существовании «цены деления» на поэтической оси времени. Однако эта «цена деления» непостоянна, ее значение зависит не только от объективных, глобальных законов мироздания, но и от субъективного мироощущения. Вот одна «цена деления», соответствующая позитивному юношескому восприятию мира:

*Слетают с ходиков **минуты**,
Светло и весело в груди.*

*И так легко дышать, как будто
И жизнь, и счастье впереди.*

Более чувственное ощущение жизни требует укрупнения этой величины:

*От фонарей не надо ждать услуг —
Жизнь высвечена чувствами до дна.
Шестью **часами** марта чертит круг
По циферблату сонная весна.*

Духовный опыт требует еще большего увеличения единицы измерения временности человеческого бытия.

*Жизнь идет от порога к порогу,
Находя утешенье в ходьбе.
Мама искренне молится Богу
Пред иконою в русской избе.*

*Палисадник, заросший цветами,
Зелень прутьиков около пней.
Мама меряет жизнь не **годами**,
А моими приездами к ней.*

А с ростом духовных потребностей, с обретением духовной мудрости, в идеале стремящейся к бесконечности, поэт осознает, что в человеческом понимании максимальная «цена деления» координаты времени должна равняться человеческой жизни, то есть тому периоду, который отпущен человеку для возвращения души для жизни вечной:

*И душу исцели мою, и плоть,
И подари мне мудрое смирение.
И долгою лет моих, Господь,
Тебя прославлю, обрета спасенье.*

В религии, действительно, возможно соизмерение времени человеческой жизни и вечности, и осуществляется оно в Литургии, в процессе духовного подвига. Но очевидно, что Б. Орлов, всей своей поэтической душой желающий продвижения по этому пути, находится далеко от его полноты. Многим стихам, написанным на религиозные темы, не достает духовной емкости, хотя искренность поэта не вызывает сомнения.

*Возрождает Господь колокольные звоны,
Оживают и вера, и святость в словах.
Покаянная скорбь. Горько плачут иконы,
Словно старые матери, в русских церквях.
Прозреваем и в белые храмы приходим,
Черный грех из души прогоняем крестом.
Горько плачут иконы о русском народе —
Блудном сыне, пришедшем в родительский дом.*

Но если у Б. Орлова опыт покаяния и смиренномудрия не велик, то достаточен опыт страдания, которое, как известно, есть наиболее проторенный русским человеком путь к Богу.

*Кто-то дышит в затылок, толкает в кювет.
Жизнь — игра в догонялки и в прятки.
Бьют за то, что родился на свет...
Я встаю. Все в порядке!*

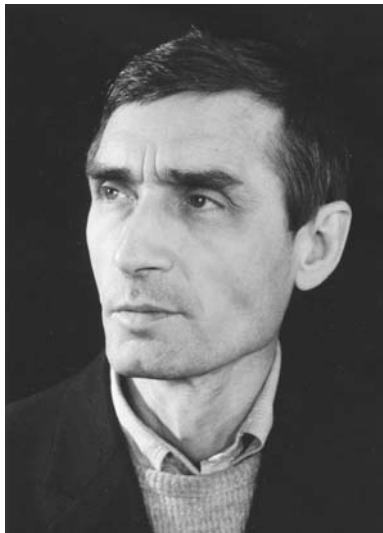
Страданий, действительно, выпало на долю поэта немало — были и физические страдания, которые он преодолел высочайшим духовным порывом, способствовавшим прорыву на более высокий художественный уровень творчества. Но особенно тяжело Б. Орлов переживает нравственные страдания, связанные с чудовищно-несправедливыми обидами, с завистливой ложью, которые на него, человека яркой, открытой судьбы, индивидуальной, нетрусливой жизненной позиции, наваливаются с бесовской жестокостью.

Вся жизнь Б. Орлова — это служение. Не ради материальных благ, а во имя осуществления своего художественного призвания в мире, которое состоит в стремлении к сотворчеству с Богом. Поэт все время совершенствуется в своем искусстве, трудится над гармоничным, целостным поэтическим полотном. Он пишет очень много, находится в расцвете творческих сил, полон замыслов и создает не отдельные стихи, как может показаться неискушенному читателю, а крепкое поэтическое пространство — бастион света. Поэтому, наверное, его оппоненты-недрузи так любят подвергать критике отдельные строфы, фразы, образы и даже слова поэта, тем самым пытаясь расчленить этот целостный поэтический монолит, принимая на вооружение пророчество Гете — «образ дивно расчлененный, исчезает навсегда». Но Б. Орлов истово защищает свое поэтическое пространство, непрерывно расширяя его, отвоеывая у тьмы все новые и новые территории.

*Белая церковка в березняке —
Белая птица на белой руке.
Льется смиренной молитвой согрет
С белого купола ангельский свет.*

*Словно лампаду, Господь, не гаси
Белую жизнь в православной Руси.
В белые теплые майские дни
Белую птицу мою не спугни.*

Поэт находится в постоянном наступлении, живет по чести и по совести, как положено русскому воину, как требуют условия военного времени. «Пока война, — говорит один из героев романа К. Симонова «Живые и мертвые», — историю будем вести от побед!» И в этом смысле творчество Б. Орлова имеет историческое значение, так как оно победоносно, так как за спиной поэта отвоеванная у тьмы территория света.

Александр СКОКОВ

ФОТОПОРТРЕТ. ЭПОХА В ЛИЦАХ

Александр Георгиевич Скоков — родился в г. Тихорецке Краснодарского края в 1944 году. Окончил Московский полиграфический институт, Хабаровскую плавшколу. Жил на Колыме, на Чукотке. Плавал судовым радистом на морских буксирах, рыбо-промысловых сейнерах. Первые рассказы опубликованы в московских и ленинградских изданиях. Член Союза писателей России с 1984 года. Лауреат премии в области литературы и искусства Правительства Санкт-Петербурга. Автор серии из пяти книг о блокаде. Председатель секции прозы Санкт-Петербургского отделения СП России. **Живет в Санкт-Петербурге.**

Самые неожиданные великие научные открытия всего лишь подтверждают существование в мире непреложных законов, не давая ответа на извечные вопросы... И только, может быть, Художник, работая кистью, резцом, словом и ...фотообъективом, способен увидеть сокровенное в человеческой природе, понять смысл его устремлений.

В истории фотографии портрет, фотопортрет во все времена привлекал внимание и любителей, и мастеров. Пройдя за короткое время не просто путь от единичных, экспериментальных снимков до канонических высокохудожественных фотографий, сегодня портрет стал в фотоискусстве самым массовым жанром. Благодаря цифровой технике эпоха в лицах наполняется стремительно миллионами новых персонажей и в жизни фотографа В. Б. Оникула. Став в 1975 году штатным фотографом Ленинградского музея театрального и музыкального искусства, Оникул за десятилетия работы создал огромное количество снимков для экспозиций, каталогов выставок, различных альбомов, сборников. В последние годы как фотохудожник он участвовал в издании Фундаментальных фотоальбомов о знаменитых дворцах, парках «серебряного кольца» Петербурга. И все же любимым делом в фотоискусстве и в годы молодости и в зрелом возрасте Окинул считал фотопортрет.

О «корнях» петербургской-ленинградской школы фотопортрета написано немало. Свой взгляд на особенности жанра, пути его развития высказывают сверстники В. Б. Оникула, его товарищи по фотоцеху Р. Е. Кириллов, Р. Х. Кудашев и представитель «новой волны» И. А. Никитин.

Художник карандашом, кистью, фотограф объективом передают, прежде всего, не внешнее сходство, а нечто большее, приближающее нас

к постижению человеческой природы. Как это удастся, и если удастся, почему?

Р. Кудашов: Рука мастера, его художественное совершенство крепнут, набирают силу не только с ростом технического мастерства. Духовный мир художника не должен скудеть. Только подпитываясь токами жизни, понимая ее глубинные течения — можно увидеть главное в человеке. При этом каждый фотохудожник привносит свое мироощущение, сочетая новации и традиции. Возьмем известные «величины»: С. Левицкий, К. Булла, М. Напельбаум или наши современники — Б. Сметлов, З. Голубовский, В. Плотников...

За каждым просматривается целое направление в отечественной фотопортретистике. Оникул продолжил, как мне кажется, линию мягкого, пластичного подхода к созданию портрета, где не последнее место отводится объему, фактуре, свету. Технические приемы во многом содействуют достижению главной цели.

Р. Кириллов: Главная цель для фотохудожника — выразить хотя бы частично суть человека, его характер, определяющие черты. И показать это через одно мгновение ускользающей жизни. К снимкам этого ряда, я думаю, можно отнести портреты известных артистов Леонида Мозгового, Льва Елисеева, поэта Константина Кузьминского, театрального художника Марка Китаева, сотрудницы музея театрального и музыкального искусства Т. В. Власовой.

Но углубленная познаваемость предмета или явления невозможна без знания истории, понимания того, что мы называем традицией.

И. Никитин: Пройдя сравнительно быстро путь от начального овладения техническими навыками, российская фотопортретистика к середине

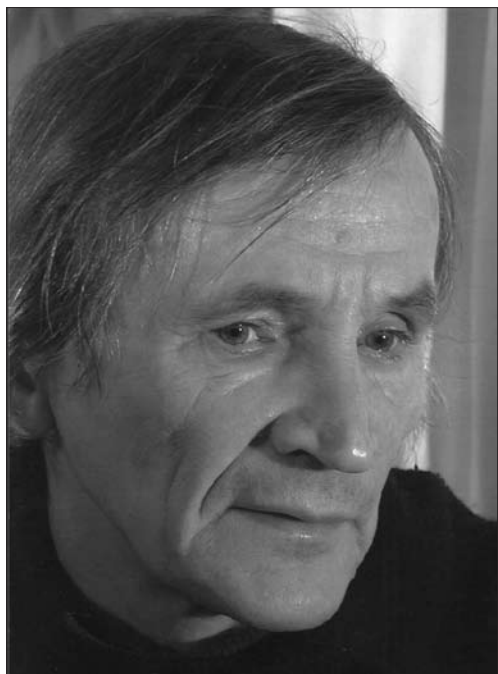
В. Б. Оникул

Артист Леонид Мозговой

*Т. В. Власова,
сотрудница Музея театрального
и музыкального искусства*

Поэт Константин Кузьминский

XIX века уже имела немалый багаж. Вспомним хотя бы С. Л. Левицкого с его знаменитой фотогалереей писателей круга журнала «Современник». Фотопортрет заявляет о себе как реальный конкурент классическому портрету живописцев. О значимости фотографического искусства говорит тот факт, что некоторые известные художники на профессиональном уровне владели фотоделом, как, скажем, И. Е. Репин. Особенностью российской школы фотоискусства конца XIX — начала XX века стал пикторализм, повернувший фотопортрет от документальной схожести в сторону художественности, своего рода фотоживописи. Заметной фигурой этого направления стал фотограф из Вятки С. А. Лобовиков. Искусство российских фотомастеров, их самобытность, профессионализм привлекли, как говорили тогда, широкое внимание публики на Всемирной выставке в Париже.

В 20–30-е годы, в пору становления конструктивизма, когда обычно упоминают такого новатора, как А. М. Родченко, большая заслуга в развитии новых подходов к фотопортрету принадлежит фотографу, кинооператору А. Н. Москвину, впоследствии много работавшему с С. М. Эйзенштейном. Романтические мотивы, «озвученные» в фотоискусстве, он в значительной степени перенес в кино. Поиск новых форм видения «объекта», успешное решение технических задач и для конструктивистов были средством постижения духовного мира человека.

Р. Кириллов: В 60–80-е годы XX века фотопортрет тяготеет к нарочитой постановочной «красивости», своеобразному натюрморту. Мода на такой «идеальный» портрет заняла довольно большой

отрезок времени. Работы, выполненные В. Оникулом, выпадают из ряда этой «красивой» фотоживописи. Заметно сторонясь ее, и в то же время не впадая в сухость репортажности, Оникул сумел по-своему запечатлеть частицу безбрежного, многоликого мира. Он не любил снимать «инкогнито», со стороны, ему требовалось войти во внутренний мир человека, почувствовать его доверие. Взаимная доверительность была непреложным законом его работы — шла ли речь об отдельных снимках или о создании, скажем, фотогалереи артистов Ленконцерта.

Леонид Мозговой, готовясь к съемкам фильма (в роли А. П. Чехова), попросил сотрудников Ялтинского дома-музея разрешить ему провести ночь в одиночестве в кабинете писателя. Требовалась внутренняя уверенность в правдивости, достоверности предстоящего.

Артист Лев Елисеев

Р. Кудашов: В. Оникул был из тех фотографов, кто относился к созданию каждого фотопортрета, как к значительному событию своей профессиональной деятельности. Готовился, обдумывая, рассматривая варианты. Интеллигентный, ненавязчивый, он обладал даром целеустремленности, твердости в решении поставленной задали.

Постановочный, «красивый» фотопортрет 60–80-х годов стал эпизодом в летописи фотоискусства. Уходит со сцены и поколение фотопортретистов, к которому принадлежал В. Оникул.

В каком направлении развивается жанр сегодня?

И. Никитин: Фотохудожник живет в своем времени, и в меру своего таланта стремится запечатлеть его основные черты. Все больший вес приобретает не только сам «объект», но и его окружение. Как считает мой однофамилец, известный знаток истории фотографии, заведующий кафедрой факультета журналистики Санкт-Петербургского государственного университета В. А. Никитин, современный фотопортрет все больше растворяется в атмосфере социума. Во многом это связано, конечно, с появлением цифровой фотографии, когда каждый любитель может без особых усилий занять место профессионального фотографа. И все же при невиданном прорыве в области фототехники главной составляющей остается талант мастера, доброе сердце, стремление помочь человеку понять себя, других, окружающий нас мир.

Учредители:
Андрей РЕБРОВ
Валентина ЕФИМОВСКАЯ

Контактные телефоны редакции:
+7 (812) 677-03-52 (референт редакции)
+7 (911) 836-00-06
+7 (921) 311-31-87 (В. В. Ефимовская)

Московское представительство:
119146, Москва, Комсомольский пр., 13.
Тел./Факс: +7 (499) 246-58-44

Почтовый адрес редакции (для рукописей и писем):
196244 п/я № 8. В. В. Ефимовской

Электронный адрес редакции:
e-mail: tradicia-mag@mail.ru
<http://www.rodnaya-ladoga.ru>

Юридический адрес (не для писем и рукописей):
196158, Санкт-Петербург, ул. Ленсовета, д. 81, кв. 70.

Рукописи не возвращаются и не рецензируются.
Позиция редакции не всегда совпадает с позицией авторов материалов.
При перепечатке материалов ссылка на журнал обязательна.

*Журнал безгонорарный, издается на основе безвозмездных отношений.
Редакция допускает авторскую орфографию материалов.*

Цена свободная

Корректоры Г. А. Ильина, Н. П. Першакова
Дизайн обложки Г. Ю. Алкаева
Компьютерная верстка Т. Б. Макаровой

Подписано в печать 25.06.2011 г. Формат 70×100 1/16.
Печать офсетная. Бумага офсетная. Усл. печ.л. 27,0.
Тираж 1000 экз. Заказ 1106192.
Отпечатано в типографии ООО «Лесник-Принт»
Санкт-Петербург, Сабировская ул., д. 37.